ДБ
370
Д28

"Декабристы".
Тайные
общества.

М., 1907.

Экз. полный
11.5.85
Егорова

DБ
370
D28

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ПРОЦЕССЫ
НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ.

5288-II

ДЕКАБРИСТЫ.

262 км

ТАЙНЫЯ ОБЩЕСТВА.

ПРОЦЕССЫ
КОЛЕСНИКОВА,
БР. КРИТСКИХЪ
И РАЕВСКИХЪ.

Инв. № 44091
ПОГАШЕНО
786 у 1р. + 30к = 1р 30к.

Изданіе В. М. Саблина.
Москва.—1907.

2 экз

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
48791
БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ С.С.С.Р.
70185
ПОДАРЕНО

Типографія В. М. Саблина.
Москва, Петровка, домъ Обидиной. Телеф. 131-34.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Введеніе 1

II. Оффиціальныя публикаціи о дѣлѣ декабристовъ и польскихъ тайныхъ Обществъ 31

Первое извѣщеніе о бунтѣ 33

Манифестъ 22 декабря 1825 г. 36

Подробное описаніе событій 14 декабря 38

Прибавленіе къ подробному описанію 43

О возмущеніи Черниговскаго полка 44

О результатахъ разслѣдованій Слѣдственной Коммиссіи 49

Манифестъ 18 мая 1826 г. 53

Манифестъ 4 іюня 54

Указъ о Верховномъ уголовномъ Судѣ 56

Донесеніе Слѣдственной Коммиссіи 56

Манифестъ 15 іюля 117

Рескриптъ Дибичу 120

О дѣятельности Верховнаго уголовнаго Суда 121

Указъ Верховному Суду 142

Выписка изъ протокола Верховнаго Суда 145

Объ исключеніи изъ списковъ приговоренныхъ 146

Приговоръ по дѣлу о бунтѣ Черниговскаго полка 148

Приказъ россійскимъ войскамъ 154

Приказъ о наказаніяхъ менѣе прикосновенныхъ къ заговору лицъ 155

Конфирмація по дѣлу Усовскаго 157

Конфирмація по дѣлу Игельстрома, Вегелика и друг. 157

Донесеніе Слѣдственнаго Комитета о польскихъ тайныхъ Обществахъ 158

Сентенціи военнаго суда по дѣламъ Старкова, Таптыкова и Раевскаго 202

Указъ 24 іюля 1832 г. 203

О смягченіи участи нѣкоторымъ декабристамъ 203

Помилованіе декабристовъ (изъ манифеста 1850 г.) 204

III. Неопубликованныя высочайшія конфирмаціи по военнымъ дѣламъ о декабристахъ 207
М. Ѳ. Орловѣ 209
Лачиновѣ 209
Пацѣ-Помарнацкомъ 209
Кучевскомъ 210
Раевскомъ 210
Таптыковѣ 211

IV. Записки В. П. о заключеніи въ Петропавловской крѣпости 215

V. Процессы Колесникова, Критскихъ и Раевскихъ 245
Колесниковъ и его товарищи въ Оренбургѣ 247
Бр. Критскіе и ихъ товарищи въ Москвѣ 251
Бр. Раевскіе 257
Тайное общество бр. Критскихъ 261

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Русское освободительное движеніе имѣетъ свой обширный мартирологъ. Не восходя къ „доисторическимъ“ временамъ „верховниковъ,“ Волынскихъ, Паниныхъ, Фонвизиныхъ и Десницкихъ съ ихъ аристократическими проектами ограниченія самодержавія, за которые они поплатились въ большей или меньшей степени, его слѣдуетъ начинать съ Радищева и Новикова, Пнина и Мещевскаго, В. Ф. Раевскаго и декабристовъ въ особенности. Отмѣчая въ своей знаменитой книгѣ всѣ потрясающіе ужасы „чудища обла, озорна, стозѣвна и лаяй“ тогдашней русской жизни, отвратительныя картины произвола, безправія и насилія, Радищевъ не выдвигалъ никакой опредѣленной политической программы; онъ беретъ общіе результаты современнаго ему государственнаго и общественнаго уклада, только въ рѣдкихъ случаяхъ восходя къ его основнымъ причинамъ. Ожесточенная ненависть къ рабству во всѣхъ его проявленіяхъ переходитъ по наслѣдству отъ Радищева къ кружку интеллигентной молодежи, въ которомъ главную роль играли одинъ изъ его сыновей и Пнинъ. Судя по „Опыту о просвѣщеніи“ Пнина, идеалы этой молодежи уже начали получать все большую и большую политическую окраску. Мещевскій, эта таинственная фигура, о которой мы еще до сихъ поръ почти ничего не знаемъ, въ судьбѣ которой заключается какъ бы прообразъ послѣдующей исторіи декабристовъ, своего рода „Мельхиседекъ“ декабрьскаго движенія, и Раевскій, котораго біографъ, г. Щеголевъ, назвалъ „первымъ декабристомъ,“ задолго до 14-го декабря 1825 года жестоко поплатились за свои свободолюбивыя увлеченія. Новиковъ и его друзья стремились измѣнить русскую жизнь, поднявъ просвѣщеніе народа, и въ личномъ самоусовершенствованіи видѣли главный и даже единственный залогъ общественнаго прогресса. Но просвѣтительныя стремленія ихъ были парализованы тупою реакціонною дѣятельностью правительства, а совершенствовать себя приходилось въ „прямой вѣкъ покорности и страха,“ въ мірѣ Шешковскихъ и Никитъ Рылѣевыхъ. Пропаганда аболиціонистскихъ идей Радищева и широкая просвѣтительная и филантропическая дѣятельность Новикова приводятъ только къ Сибири и Шлиссельбургу. Декабристы въ ряду этихъ „начальниковъ нашей славы,“ первомучениковъ

нашего освобожденія занимаютъ особое мѣсто. Они выступаютъ уже съ вполнѣ опредѣленными политическими программами; передъ нами не попытки отдѣльныхъ лицъ и исключительные случаи, а широкое и глубокое общественное движеніе, судьбы котораго наложили яркую печать на всю нашу послѣдующую исторію. Отъ него можно повести прямую нить и къ современной борьбѣ за политическое освобожденіе русскаго народа.

Отголосками движенія декабристовъ полна вся Николаевская эпоха.

Для Николая I декабристы все время были предметомъ ужаса и ненависти. Исключеніе представляетъ одна только фраза, вырвавшаяся будто бы у него въ разгаръ вскрывшихся безобразій крымской войны: „Пестель и Бестужевъ со мною такъ бы не поступили!“ Втеченіе всего своего царствованія, въ каждомъ намекѣ на независимую мысль и свободное слово онъ видѣлъ зловѣщее вліяніе людей, которыхъ до послѣднихъ почти дней своей жизни онъ съ жесткой ироніей называлъ „mes amis de quatorze“ и которымъ прежде всего не могъ простить своей растерянности на Сенатской площади 14 декабря 1825 года. По словамъ слишкомъ оптимистически настроеннаго Пушкина, онъ „втайнѣ благотворилъ“ врагамъ, которыхъ „каралъ явно.“ На самомъ дѣлѣ незначительныя облегченія судьбы декабристовъ были уступкой не столько общественному мнѣнію, сколько давленію придворныхъ круговъ, среди которыхъ у сосланныхъ было много близкихъ родственниковъ; „тайныя благотворенія“ дѣлались настолько явно, что о нихъ всѣ знали и говорили; „явная кара“ осложнялась тайнымъ мучительствомъ, тупымъ и жестокимъ, о которомъ русское общество узнало слишкомъ поздно изъ записокъ самихъ декабристовъ. Воспоминанія о „бунтѣ“ декабристовъ окрыляли реакцію, которая сдѣлалась лозунгомъ цѣлаго царствованія и мрачною тучею нависла надъ всею русскою землей. Цѣлое поколѣніе широко образованной и талантливой молодежи было вырвано съ корнемъ. На смѣну блестящему гвардейцу, воспитанному захватывающими впечатлѣніями Отечественной войны и заграничныхъ походовъ 1814—15 г.г., вводившему въ войска ланкастерское обученіе и ратовавшему за отмѣну тѣлесныхъ наказаній, съ его кружками самообразованія и тайными обществами, приходятъ „хрипуны и удавленники“ Скалозубы съ ихъ „фельдфебеля въ Вольтеры дамъ“ и „девять забей—десятаго выправь.“

Для общества начались долгіе годы удушливаго нравственнаго растлѣнія, среди котораго изнемогали и гибли болѣе впечатлительныя и слабыя натуры. Въ общемъ для памяти о декабристахъ, для культа ихъ идей было слишкомъ мало мѣста въ тогдашней жизни и еще меньше въ тогдашней литературѣ. Но на многострадальной жизненной стезѣ русскаго народа ихъ слѣдъ не затерялся.

Всю жизнь Пушкинъ помнилъ о своихъ дорогихъ „каторжни-

кахъ.“ Онъ посылаетъ имъ свое „Богъ помочь!“ въ „мрачныя пропасти земли“ и пробуетъ нравственно ихъ поддержать:

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье:
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.

Несчастью вѣрная сестра,
Надежда въ мрачномъ подземельѣ
Пробудитъ бодрость и веселье,
Придетъ желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Дойдутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ ваши каторжныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ;

Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ—и свобода
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ...

Трагическая судьба декабристовъ находила живой и горячій откликъ у ихъ младшихъ современниковъ, какъ показываютъ это дѣла Критскихъ, Колесникова, Леопольдова и др. Въ концѣ 20-хъ годовъ среди учащейся молодежи ходитъ отрывокъ изъ „Андре Шенье“ Пушкина съ произвольной надписью „На 14-е декабря 1825 г.“ Какъ извѣстно, это привело къ большимъ непріятностямъ для великаго поэта и вызвало гибель Леопольдова. Со стороны Николаевскаго правительства потребовались крутыя и рѣшительныя мѣры, чтобы заглушить эти и безъ того уже замиравшіе въ общемъ потокѣ жизни отголоски декабрьскаго мятежа.

Съ каждымъ годомъ новыя условія жизни все болѣе и болѣе давали себя знать, и все слабѣе были замиравшіе всплески волны, поднятой декабрьскою бурей.

Къ половинѣ 30-хъ годовъ „жестокій вѣкъ“ въ значительной степени парализовалъ „вольнолюбивыя мечты“ Пушкина, и онъ долженъ былъ признаваться съ грустью: „и самъ, покорный общему закону, перемѣнился я.“ Тяжелымъ опытомъ онъ приходитъ къ безотрадному выводу: „На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.“ Ради нихъ, ради свободы одиночества, онъ готовъ даже поступиться „народными правами,“ „отъ коихъ не одна кружится голова...“

Запуганное репрессіями и раздавленное реакціей общество шло еще дальше, и его настроеніе давало прочный базисъ для всѣхъ безсмысленныхъ и безцѣльныхъ ужасовъ Николаевскаго режима.

По словамъ Герцена, поколѣніе, непосредственно предшествовавшее его сверстникамъ, молодежь конца 20-хъ годовъ, ,,встрѣтили тѣ десять лѣтъ, которыя оканчиваются мрачнымъ письмомъ Чаадаева. Разумѣется, въ десять лѣтъ оно не могло состарѣться, но оно сломилось, затхнулось, окруженное обществомъ безъ живыхъ интересовъ, жалкимъ, струсившимъ, подобострастнымъ. И это было десять первыхъ лѣтъ юности! Поневолѣ приходилось, какъ Онѣгину, завидовать параличу тульскаго засѣдателя, уѣхать въ Персію, какъ Печоринъ Лермонтова, идти въ католики, какъ настоящій Печоринъ, или броситься въ отчаянное православіе, въ неистовый славянизмъ, если нѣтъ желанія пить запоемъ, сѣчь мужиковъ или играть въ карты.“ ,,Нравственный уровень общества палъ, развитіе было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто изъ жизни. Остальные—испуганные, слабые, потерянные—были мелки, пусты; дрянь Александровскаго поколѣнія заняла первое мѣсто; они мало-по-малу превратились въ подобострастныхъ дѣльцовъ, утратили дикую поэзію кутежей и барства и всякую тѣнь самобытнаго достоинства; они упорно служили, они выслуживались, но не становились сановитыми. Время ихъ прошло. Подъ этимъ большимъ с в ѣ т о м ъ безучастно молчалъ большой м і р ъ народа; для него ничего не перемѣнилось,—ему было скверно, но не сквернѣе прежняго, новые удары сыпались не на его избитую спину. Его время н е п р и ш л о. Между этой крышей и этой основой, дѣти первыя приподняли голову. Можетъ, оттого, что они не подозрѣвали, какъ это опасно; но какъ бы то ни было, этими дѣтьми ошеломленная Россія начала приходить въ себя.“

Какъ это ни страшно сказать, Герцена и его товарищей отъ общаго опошленія и приниженія спасли тюрьма и ссылка.

Въ исторіи охватившихъ ихъ идеалистическихъ увлеченій видную роль сыграли декабристы: 14 декабря было для нихъ первымъ толчкомъ къ сознательной жизни. Въ ,,Быломъ и Думахъ“ Герценъ вспоминаетъ: ,,Разсказы о возмущеніи, о судѣ, ужасъ въ Москвѣ сильно поразили меня; мнѣ открывался новый міръ, который становился больше и больше средоточіемъ всего нравственнаго существованія моего; не знаю, какъ это сдѣлалось, но, мало понимая, или очень смутно, въ чемъ дѣло, я чувствовалъ, что я не съ той стороны, съ которой картечь и побѣды. Казнь Пестеля и его товарищей окончательно разбудила сонъ моей души.“ ,,Мы мечтали о томъ, какъ начать въ Россіи новый союзъ по образцу декабристовъ и самую науку считали средствомъ.“ ,,14 декабря застало насъ дѣтьми... Мы были теоретическихъ мечтаній, мы были Гракхи и Ріензи въ дѣтской... Выходя изъ университетскихъ воротъ, насъ встрѣтили ворота тюрьмы. Тюрьма и ссылка въ молодыхъ лѣтахъ, во времена душнаго и сѣраго гоненія чрезвычайно благотворны; это закалъ,—однѣ слабыя организаціи смиряются тюрьмою, тѣ, у которыхъ борьба была мимолетнымъ юношескимъ порывомъ, а не талантомъ, не внутренней необходимостью.“

„Душное и сѣрое гоненіе“ закаляло однихъ тюрьмою и ссылкою и нравственно губило другихъ „утомительными часами равномѣрнаго, обезсиливающаго отчаянія людей, потерянныхъ на волѣ въ пошлой и тяжелой средѣ.“

Свободная умственная жизнь, надежды на лучшее будущее еле теплились среди общей „пошлости и прозы“ въ дружескихъ кружкахъ идеалистовъ 30-хъ и 40-хъ годовъ. Широкое общественное движеніе вошло въ узкое русло кружковщины или растекалось мелкими индивидуальными струйками. Но повторявшіеся отъ времени до времени неимовѣрные по своей жестокости случаи правительственнаго разгрома этихъ маленькихъ и скромныхъ культурныхъ оазисовъ не могли все-таки окончательно задавить идеи политическаго освобожденія Россіи и благодарной памяти молодежи о „mes amis de quatorze.“ Они были не только у Герцена съ его друзьями, но и у Петрашевцевъ, къ которымъ отчасти примыкалъ сынъ декабриста Фонвизина. Когда въ 1856 году пережившіе каторгу и солдатчину декабристы вернулись въ Россію, имъ протянуло руки новое поколѣніе—дѣятелей 50-хъ и 60-хъ годовъ. Въ этомъ отношеніи, напр., характерно участіе П. Л. Лаврова въ манифестаціи во время похоронъ декабриста барона Штейнгеля.

На обложкѣ своего перваго свободнаго изданія за рубежомъ Герценъ помѣстилъ портреты пятерыхъ казненныхъ декабристовъ. Благодаря ему появляется за границей много цѣнныхъ матеріаловъ о самомъ движеніи. Медленно и трудно завоевываютъ себѣ литература и наука право свободно говорить о немъ. По устойчивой традиціи Николаевскихъ временъ Александръ II продолжаетъ бояться возвращенныхъ изъ ссылки декабристовъ, хотя это были измученные жизнью, одряхлѣвшіе старики. Большинству изъ нихъ былъ воспрещенъ въѣздъ въ столицы, почти никому изъ нихъ не были возвращены прежнія званія и чины, цензура тщательно вымарывала почти всѣ упоминанія о нихъ въ печати. Только въ самое послѣднее время, могли быть напечатаны записки Волконскаго и его жены, Якушкина, Лорера, Фонвизина, Штейнгеля, и то съ пропусками. До сихъ поръ еще русскимъ ученымъ нѣтъ свободнаго доступа къ дѣлу о декабристахъ, хранящемуся въ государственномъ архивѣ.

„Скорбный трудъ“ и „думъ высокое стремленье“ декабристовъ не пропали даромъ. При всѣхъ усиліяхъ память о нихъ не могла истребить даже реакція Николаевской эпохи; съ особенною силою она ожила теперь—на зарѣ русскаго освобожденія...

II.

Генезисъ движенія декабристовъ теперь достаточно выяснился. По отношенію къ отдѣльнымъ изъ нихъ мы, несомнѣнно, должны считаться съ филіаціей идей и поколѣній: почва для нихъ была въ нѣкоторой степени подготовлена предшествующими піонерами борьбы за осво-

божденіе Россіи, судьбы и идеи которыхъ находили себѣ живой откликъ у подраставшихъ молодыхъ поколѣній конца XVIII и начала XIX вѣка. Въ развитіи нѣкоторыхъ декабристовъ, по ихъ собственнымъ признаніямъ, значительную роль сыграло „Путешествіе“ Радищева; нѣкоторые изъ нихъ съ большимъ уваженіемъ вспоминали о дѣятельности Новикова; отецъ декабристовъ Бестужевъ былъ ближайшимъ другомъ и единомышленникомъ Пнина; М. А. Фонвизинъ познакомилъ своихъ сочленовъ съ конституціоннымъ проектомъ Панина и Д. И. Фонвизина, который легъ въ основу конституціи Муравьева. Проникавшее Д. И. Фонвизина оппозиціонное настроеніе по отношенію къ современному политическому строю Россіи сильно повліяло на политическое воспитаніе его племянника декабриста. „Разсужденіе“ родоначальника нашей общественной комедіи прямо и рѣзко ставило вопросъ объ опасности самодержавія и необходимости установленія „непремѣнныхъ государственныхъ законовъ,“ безъ которыхъ „не прочно ни состояніе государства, ни состояніе государя.“ „Кто поручится,“ писалъ Д. И. Фонвизинъ, „чтобъ преемнику не угодно было въ одинъ часъ уничтожить все то, что во всѣ прежнія царствованія установлено было? Кто поручится, чтобъ самъ законодатель, окруженный неотступно людьми, затмевающими предъ нимъ истину, не разорилъ того сегодня, что созидалъ вчера? Гдѣ произволъ одного есть законъ верховный, тамъ прочная общая связь и существовать не можетъ; тамъ есть государство, но нѣтъ отечества, есть подданные, но нѣтъ гражданъ, нѣтъ того политическаго тѣла, котораго члены соединялись бы угломъ взаимныхъ правъ и должностей; одно пристрастіе бываетъ подвигомъ всякаго узаконенія, ибо не нравъ государя приноравливаться къ законамъ, но законы къ его нраву. Какая же довѣренность, какое почтеніе можетъ быть къ законамъ, не имѣющимъ своего естественнаго свойства, т.-е. соображенія съ общею пользою?.. Тутъ подданные порабощены государю, а государь обыкновенно своему недостойному л ю б и м ц у... Не тотъ государь самовластнѣйшій, который на недостаткахъ государственныхъ законовъ чаетъ утвердить свое самовластіе. Порабощенный одному или нѣсколькимъ рабамъ своимъ, почему онъ самодержецъ?.. Тщетно пишетъ онъ новые законы, возвѣщаетъ благоденствіе народа, прославляетъ премудрость своего правленія... Таковое положеніе долго и устоять не можетъ... Вдругъ всѣ устремляются расторгнуть узы нестерпимаго порабощенія, и тогда что есть государство? Колоссъ, державшійся цѣпями; цѣпи разрываются, колоссъ упадаетъ и самъ собою разрушается. Деспотичество, раждающееся обыкновенно отъ анархіи, весьма рѣдко опять въ нее не возвращается.“

Подданные имѣютъ право низвергнуть власть, если она дурно исполняетъ свое назначеніе.

„Всякая власть, не ознаменованная божественными качествами правоты и кротости, но производящая обиды, насильства, тиранства, есть власть не отъ Бога, но отъ людей, коихъ несчастія временъ по-

пустили, уступая силѣ, унизить человѣческое свое достоинство. Въ такомъ гибельномъ положеніи нація, буде находитъ средства разорвать свои оковы, тѣмъ же правомъ, какимъ на нее наложены, весьма умно дѣлаетъ, если разрываетъ. Тутъ дѣло ясное: или она теперь въ правѣ возвратить свою свободу, или никто не былъ въ правѣ отнимать у ней свободы... Обязательства между государемъ и подданными суть равнымъ образомъ добровольныя, ибо не было еще въ свѣтѣ націи, которая насильно принудила бы кого насильно статься ея государемъ; и если она безъ государя существовать можетъ, а государь безъ нея не можетъ, то очевидно, что первобытная власть была въ ея рукахъ, и что при установленіи государя не о томъ дѣло было, чѣмъ онъ націю пожалуетъ, а какою властью она его облекаетъ. Возможно ли же, чтобъ нація добровольно постановила сама законъ, разрѣшающій государю дѣлать неправосудіе безотчетно?.. Право деспота есть право сильнаго, но и разбойникъ то же право себѣ присвояетъ."

Государственная форма Россіи кажется ему полнымъ абсурдомъ: это—„государство, гдѣ люди составляютъ собственность людей, гдѣ человѣкъ одного состоянія имѣетъ право быть вмѣстѣ истцомъ и судьею надъ человѣкомъ другого состоянія, гдѣ каждый, слѣдственно, можетъ быть завсегда или тиранъ или жертва;" „государство не деспотическое, ибо нація никогда не отдавала себя государю въ самовольное его управленіе, и всегда имѣла трибуналы гражданскіе и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступленіе; не монархическое, ибо нѣтъ въ немъ фундаментальныхъ законовъ; не аристократія, ибо верховное въ немъ правленіе есть бездушная машина, движимая произволомъ государя; на демократію же и походить не можетъ земля, гдѣ народъ, пресмыкаяся во мракѣ глубочайшаго невѣжества, носитъ безгласно бремя жестокаго рабства." Россію могутъ спасти только „законы непреложные," но ее нужно еще подготовить къ принятію конституціи.

Всѣ эти отдѣльныя вліянія далеко еще не опредѣляютъ, конечно, движенія декабристовъ, которое главнымъ образомъ создавалось событіями и впечатлѣніями первой четверти XIX вѣка: они только забросили первыя сѣмена политическаго свободомыслія, развернувшагося потомъ въ цѣльную политическую программу.

Одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ декабристовъ, баронъ Штейнгель во время допроса въ 1826 году и въ особомъ письмѣ къ новому императору объяснялъ ростъ либеральныхъ и республиканскихъ идей въ Россіи характеромъ преподаванія въ университетахъ, частныхъ пансіонахъ и лицеѣ, содержаніемъ переводныхъ и оригинальныхъ книгъ начала царствованія Александра I, вліяніемъ событій на западѣ въ 1820 году, въ особенности же дарованіемъ конституціи Польшѣ и Финляндіи и впечатлѣніями заграничныхъ походовъ 1814—15 годовъ, которыя рѣзко сталкивались съ отвратительными условіями русской дѣйствительности. „Истинный корень республи-

канскихъ порывовъ сокрывается въ самомъ воспитаніи и образованіи, которыя въ теченіе 24-хъ лѣтъ само правительство давало юношеству. Оно само питало ихъ, какъ млекомъ, либеральными идеями; между тѣмъ, какъ, вступая на дѣятельное поприще жизни, они на каждомъ шагу встрѣчали поводъ къ достиженію той цѣли, къ которой ведетъ подобное образованіе. Преслѣдовать теперь за свободомысліе не то ли же будетъ значить, что бить слѣпого, у котораго трудною операціею сняты катаракты, и которому показанъ свѣтъ, за то, что различаетъ предметы?“

„Великія событія Отечественной войны, оставивъ въ душѣ глубокія впечатлѣнія,“ производили во всѣхъ „какое то безпокойное желаніе дѣятельности.“ Продолжительное пребываніе нашей военной молодежи за границей и сопоставленіе свободныхъ условій западной жизни съ рабствомъ и невѣжествомъ Россіи открывали новые политическіе горизонты, „о которыхъ прежде не слыхивали.“

„Въ походахъ по Германіи и Франціи наши молодые люди ознакомились съ европейскою цивилизаціею, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все видѣнное ими за границей съ тѣмъ, что имъ на всякомъ шагу представлялось на родинѣ,—рабство огромнаго (безправнаго) большинства русскихъ, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ,—все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство. Многіе изъ нихъ познакомились въ походѣ съ германскими офицерами, членами прусскаго тайнаго союза (Tugendbund), который такъ благотворно приготовилъ возстаніе Пруссіи и содѣйствовалъ ея освобожденію, и съ французскими либералами.

„Въ открытыхъ бесѣдахъ съ ними наши молодые люди нечувствительно усвоили ихъ свободный образъ мыслей и стремленіе къ конституціоннымъ учрежденіямъ, стыдясь за Россію, такъ глубоко униженную самовластіемъ. Возвратясь въ Петербургъ, могли ли наши либералы удовлетвориться пошлою полковою жизнію и скучными мелочными занятіями и подробностями строевой службы, которыя отъ нихъ требовали строго начальники, угождая тѣмъ врожденной склонности Александра и братьевъ къ фрунтоманіи, солдатской вытяжкѣ, одиночному ученію и пр., несмотря на то, что опыты двухлѣтней жестокой войны съ непріятелемъ самымъ искуснымъ могли бы, кажется, убѣдить Александра, что не отъ этихъ мелочей зависитъ побѣда? Притомъ русскихъ оскорбляло явное предпочтеніе, оказываемое императоромъ всѣмъ вообще иностранцамъ передъ его подданными, къ которымъ онъ и не скрывалъ своего уваженія: присоединенной Польшѣ онъ даровалъ конституціонныя установленія, которыхъ Россію почиталъ недостойною.“

„Поумнѣвшій“ герой отрывка изъ романа въ письмахъ Пушкина такъ характеризуетъ настроеніе русской молодежи 1818 года: „въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ.

Мы являлись на балы, не снимая шпагъ: намъ неприлично было танцовать, и нѣкогда заниматься дамами.“

Въ своихъ замѣчательныхъ ,,Запискахъ“ Якушкинъ справедливо выдвигаетъ роль 1812 года въ исторіи политическаго воспитанія Россіи.

,,Война 1812 года пробудила народъ русскій къ жизни и составляетъ важный періодъ въ его политическомъ существованіи. Всѣ распоряженія и усилія правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся въ Россію галловъ и съ ними двунадесять языцы, еслибы народъ по-прежнему остался въ оцѣпенѣніи. Не по распоряженію начальства жители при приближеніи французовъ удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе. Не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы... Въ рядахъ между двумя солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ.“

Заграничные походы докончили начавшееся пробужденіе. ,,Пребываніе цѣлый годъ въ Германіи и потомъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижѣ не могло не измѣнить воззрѣнія хоть сколуко-нибудь мыслящей русской молодежи; при такой огромной обстановкѣ каждый изъ насъ сколько-нибудь выросъ.“ Послѣ возвращенія изъ-за границы ,,существованіе молодежи въ Петербургѣ было томительно. Въ продолженіе двухъ лѣтъ мы имѣли передъ глазами великія событія, рѣшившія судьбы народовъ, и нѣкоторымъ образомъ участвовали въ нихъ; теперь было невыносимо смотрѣть на пустую петербургскую жизнь и слушать болтовню стариковъ, выхваляющихъ все старое и порицающихъ всякое движеніе впередъ. Мы ушли отъ нихъ на сто лѣтъ впередъ.“

По словамъ Волконскаго, ,,кампаніи 12 года и послѣдующихъ 13-го и 14 г.г. подняли нашъ народный духъ, сблизили насъ съ Европой, съ установленіями ея, порядкомъ управленія и народными гарантіями; противоположность нашего государственнаго быта, ничтожество нашихъ народныхъ правъ, скажу, гнетъ нашего государственнаго управленія—рѣзко выказались уму и сердцу многихъ.“

Все это создало богатую почву для броженія мысли, которое обострялось все больше и больше вслѣдствіе разочарованія въ личности Александра, искренности его желанія дать Россіи конституцію.

Увлеченіе идеей тайнаго общества получаетъ прямо эпидемическій характеръ. Немногіе собираются идти объ руку съ правительствомъ; большинство хочетъ идти помимо него и даже противъ него, до времени не раскрывая еще своихъ картъ. У насъ появляются отголоски не только невиннаго нѣмецкаго Tugendund'а, но и союза карбонаріевъ и гетэріи, тайныхъ союзовъ уже вполнѣ политическаго характера. Офицерскія артели и ,,вольныя общества“ мало-по-малу обращаются въ кружки политическаго самообразованія, и правительство сочло себя вынужденнымъ принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры.

Политическая струя сказывается даже въ возродившихся масонскихъ ложахъ. М. Ф. Орловъ пробуетъ, хотя и безуспѣшно, придать политическій характеръ „Арзамасу.“ Онъ присущъ былъ безусловно обществу „Зеленой лампы.“ Въ концѣ 1816 года образуется „Союзъ Спасенія“ или „истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества,“ который впослѣдствіи переродился въ „Союзъ Благоденствія.“ Въ идеяхъ его былъ первоначально несомнѣнный карбонарскій отпечатокъ, на которомъ особенно настаивалъ Пестель, примкнувшій къ нему въ 1817 г.

„Союзъ Спасенія“ имѣлъ въ виду опредѣленныя политическія цѣли, но онѣ извѣстны были только вожакамъ. Для менѣе посвященныхъ выдвигались—„подвизаніе на пользу общую всѣми силами,“ поддержка своимъ одобреніемъ полезныхъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ и частными людьми, содѣйствіе имъ, препятствія всякому злу, разглашеніе злоупотребленій чиновниковъ и всякихъ безчестныхъ поступковъ частныхъ лицъ и т. д.

Тайныя цѣли „Союза Спасенія“ испугали нѣкоторыхъ, болѣе умѣренныхъ членовъ, и М. Н. Муравьевъ рѣшилъ преобразовать его въ духѣ Tugenbund'a. Такъ получился „Союзъ Благоденствія.“ Кромѣ того, учреждено было временное тайное общество, такъ называемое „Военное,“ куда, по словамъ Якушкина, вошли „всѣ порядочные люди изъ молодежи, бывшей тогда въ Москвѣ.“ Около этого времени Н. И. Тургеневъ и М. Ф. Орловымъ задумали учредить особое политическое тайное общество съ приданіемъ ему масонскихъ формъ—„Общество Русскихъ Рыцарей.“ Одновременно возникаетъ рядъ тайныхъ обществъ въ Польшѣ.

То же, по словамъ Фонвизина, дѣлалось и по всей Европѣ. „Правительства не только не спѣшили исполнить свои обѣщанія, но стали вмѣнять въ преступленіе справедливое требованіе конституціонныхъ учрежденій, всячески стараясь вездѣ подавлять духъ свободы. Александръ сталъ во главѣ монархическихъ реакціонеровъ... Народы, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ правительствами, прибѣгали противъ ихъ явныхъ угнетеній къ средствамъ сокровеннымъ. По всей Европѣ учредились тайные политическіе союзы съ цѣлію исторгнуть у правительствъ конституціонныя постановленія. Въ Италіи, подъ ненавистнымъ ей австрійскимъ владычествомъ, учредились тайные союзы (венты) карбонаріевъ; въ германскихъ университетахъ образовался студенческій союзъ (Burschenschaft), раскинувшій вѣтви свои по всей нѣмецкой землѣ. Во Франціи тайныя политическія общества подъ разными названіями. Цѣль у всѣхъ этихъ сокровенныхъ союзовъ была одна: противодѣйствовать монархической реакціи правительствъ и освободить народы отъ ихъ самовластія.“

Она была у нѣкоторыхъ вождей „Союза Благоденствія,“ но имъ приходилось считаться съ умѣреннымъ настроеніемъ большинства и скрывать ее отъ менѣе посвященныхъ. „Союзъ“ слишкомъ расширился, вобралъ въ себя слишкомъ различные элементы, что и привело въ концѣ концовъ къ его распаденію.

Новый уставъ („Зеленая Книга," по которой называлось иногда и самое общество) былъ утвержденъ въ 1818 году. „Союзъ Благоденствія" собирался, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, дѣйствовать на русское общество нравственными и просвѣтительными средствами, искоренять невѣжество и злоупотребленія убѣжденіемъ и примѣрами, благотворно вліять на воспитаніе подрастающихъ поколѣній, содѣйствовать уничтоженію крѣпостного права и полезнымъ мѣрамъ правительства. Одни изъ его членовъ не скрывали своихъ конституціонныхъ стремленій, другіе сочувствовали республиканской свободѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, считая возможнымъ осуществленіе ея и для Россіи.

Оболенскій такъ характеризуетъ общее настроеніе союза: „трудно было устоять противъ обаянія союза, котораго цѣль была нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ, обоюдная помощь для достиженія цѣли, умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго пониманія всего, что являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ, направленіе современнаго общества посредствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругу, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ и личнымъ своимъ образованіемъ, и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосягаемой, виднѣлась окончательная цѣль — политическое преобразованіе отечества, когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ, и образованіе общее сдѣлается доступнымъ для массы народа."

Благодаря своему характеру и складу своего міровоззрѣнія Оболенскій выдвигаетъ въ этой характеристикѣ этико-культурный элементъ въ ущербъ политическому. Болѣе освѣдомленный и политически развитой А. Муравьевъ въ такомъ порядкѣ перечисляетъ ближайшія цѣли „Союза," которыя должны были въ концѣ концовъ привести и къ „политическому преобразованію отечества:" уничтоженіе крѣпостного права, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, публичность государственныхъ дѣлъ, гласность судопроизводства, уничтоженіе винной монополіи, уничтоженіе военныхъ поселеній, улучшеніе судьбы защитниковъ отечества, сокращеніе срока военной службы, улучшеніе положенія духовенства, сокращеніе цифры арміи для мирнаго времени.

Судьба разбросала членовъ „Союза" почти по всей Россіи. По случайности въ Петербургѣ и въ Москвѣ остались болѣе умѣренные элементы; южный центръ (Тульчинъ и Васильковъ) отличался болѣе радикальнымъ характеромъ, въ особенности благодаря вліянію Пестеля и С. Муравьева. Сѣверная Дума дѣлала очень мало, южная вела энергичную пропаганду и вообще отличалась большею активностью. Неразборчивый пріемъ членовъ заставилъ нѣкоторыхъ изъ главарей Сѣверной Думы рѣшиться на фиктивное закрытіе „Союза," чтобы оста-

вить въ немъ болѣе надежные элементы. Южная Дума не согласилась на это закрытіе и образовала особое Южное Общество, которое вступило потомъ въ сношенія съ случайно открытымъ обществомъ Соединенныхъ Славянъ и польскими тайными обществами. Оно вело усиленную пропаганду въ войскахъ посредствомъ ланкастерскихъ школъ. Изъ недавно опубликованныхъ профес. Иконниковымъ данныхъ оказывается, что оно вызвало своими идеями и дѣйствіями большое броженіе среди крестьянъ на югѣ. Въ немъ преобладали республиканскія идеи.

Образовавшееся въ Петербургѣ, къ которому примкнула и Москва, Сѣверное общество отличалось въ общемъ умѣреннымъ, конституціоннымъ характеромъ. Съ конца 1822 года, когда окончательно совершилось это распаденіе, Сѣверное общество почти бездѣйствовало и было захвачено врасплохъ смертью Александра и междуцарствіемъ. Члены его понимали, что передъ ними рѣдкій случай, которымъ нельзя было не воспользоваться, и все же не сумѣли его использовать. Волна стихійнаго движенія вынесла наверхъ Рылѣева, поэта, не отличавшагося ни организаторскими, ни вообще практическими способностями, романтика Каховскаго, „обреченнаго“ фанатика „подвига цареубійства,“ наконецъ, такую жалкую посредственность, какъ „диктаторъ“ Трубецкой. Дѣло было сразу проиграно, да и шли на него безъ всякой надежды на успѣхъ. Въ этомъ случаѣ можно повѣрить уничтожающей критикѣ Завалишина, хотя вообще онъ мало заслуживаетъ довѣрія: вожаки упустили рядъ благопріятныхъ моментовъ и вообще оказались не на высотѣ положенія.

На югѣ дѣло шло иначе. Не будь арестованы В. Ф. Раевскій (въ 1822 г.) и Пестель, оно, несомнѣнно, приняло бы очень грозныя для новаго правительства формы. И безъ нихъ оставшіеся члены Южнаго Общества обнаружили больше единодушія и организаторскаго таланта. С. Муравьевъ сумѣлъ увлечь за собою цѣлый полкъ.

Но силы были разрознены, и правительство безъ особаго труда раздавило одну вспышку мятежа за другой. Началась жестокая расправа. Сенатская площадь 14 декабря была залита кровью, въ томъ числѣ многихъ неприкосновенныхъ къ возстанію; подъ Бѣлою Церковью артиллерійскій огонь, которымъ руководили и члены общества, перешедшіе на сторону Николая, скосилъ цѣлые ряды возставшаго полка. Послѣ подавленія возстанія въ проруби Невы валили сотни, если не тысячи убитыхъ и даже раненыхъ. Новый императоръ быстро вошелъ въ роль слѣдователя, который для раскрытія всѣхъ нитей заговора не останавливался ни передъ какими средствами.

По словамъ Штейнгеля, „первое проявленіе либерализма старались истреблять всѣми четырьмя стихіями: огнемъ, водою, воздухомъ и землею.“

Обвиняемыхъ приводили къ Николаю съ руками связанными назадъ веревками—по словамъ Фонвизина, „какъ въ полицейскую управу, а не въ царскіе чертоги.“ „Государь Россіи, забывая свое до-

стоинство, позволялъ себѣ ругаться надъ людьми беззащитными, которые были въ полной его власти, и угрожалъ имъ жестокими наказаніями. Тайная слѣдственная комиссія, составленная изъ угодливыхъ царедворцевъ, дѣйствовала въ томъ же инквизиціонномъ духѣ. Обвиняемые содержались въ самомъ строгомъ заточеніи, въ крѣпостныхъ казематахъ и безпрестанномъ ожиданіи и страхѣ быть подвергнутыми пыткѣ, если будутъ упорствовать въ запирательствѣ. Многіе изъ нихъ слышали изъ устъ самихъ членовъ слѣдственной комиссіи такія угрозы. Противъ узниковъ употребляли средства, которыя поражали ихъ воображеніе и тревожили духъ, раздражая его то страхомъ мученій, то обманчивыми надеждами, чтобы только исторгнуть ихъ признанія. Ночью внезапно отпиралась дверь каземата; на голову заключеннаго накидывали покрывало, вели его по корридорамъ и по крѣпостнымъ переходамъ въ ярко освѣщенную залу присутствія.

Тутъ, по снятіи съ него покрывала, члены комиссіи дѣлали ему вопросы на жизнь и смерть и, не давая времени образумиться, съ грубостью требовали отвѣтовъ мгновенныхъ и положительныхъ; царскимъ именемъ обѣщали подсудимому помилованіе за чистосердечное признаніе, не принимали никакихъ оправданій, выдумывали небывалыя показанія, будто бы сдѣланныя товарищами, и часто отказывали (даже) въ очныхъ ставкахъ. Кто не давалъ желаемыхъ ими отвѣтовъ, по невѣдѣнію ли происшествій, о которыхъ его спрашивали, или изъ опасенія необдуманнымъ словомъ погубить безвинныхъ, того переводили въ темный и сырой казематъ, давали ѣсть одинъ хлѣбъ съ водою и обременяли тяжкими ручными и ножными оковами. Медику крѣпостному поручено было наблюдать, въ состояніи ли узникъ вынести еще сильнѣйшія тѣлесныя страданія.“ Ожидая допроса, Штейнгель увидѣлъ черезъ дырочку въ ширмахъ одного изъ „товарищей страданія“ „съ завязанными назадъ руками и съ наножнымъ желѣзнымъ прутомъ, такъ что онъ могъ едва двигаться.“ По ночамъ спящихъ нѣсколько разъ будили умышленно стукомъ.

Въ результатѣ всѣхъ этихъ безсмысленныхъ жестокостей нѣсколько человѣкъ сошло съ ума, Булатовъ убилъ себя, разбивши голову объ стѣну; былъ и еще рядъ случаевъ покушеній на самоубійство.

Характерную роль новаго императора во время допроса прекрасно освѣтилъ г. Щеголевъ („Былое,“ 1906, кн. II).

„Первые дни, первые мѣсяцы своего царствованія императоръ всероссійскій Николай I всю энергію, всѣ способности своего духа употребилъ на розыски по дѣлу декабристовъ. Всю жизнь въ немъ крѣпко и прочно сидѣлъ—сыщикъ и слѣдователь, вѣчно подозрительный и выслѣживающій, вѣчно ищущій, кого бы предать суду и наказанію. Но въ первые мѣсяцы царствованія эта основная сущность его души раскрылась съ необычайной полнотой и зловѣщей яркостью. Въ это время въ Россіи не было царя-правителя: былъ лишь царь-сыщикъ, слѣдователь и тюремщикъ. Вырвать признанія, вывернуть душу, вызвать на оговоры и извѣты—вотъ священная задача слѣдователя; и

эту задачу въ концѣ 1825 и въ 1826 годахъ исполнялъ русскій императоръ съ необыкновеннымъ рвеніемъ и искусствомъ. Ни одинъ изъ выбранныхъ имъ слѣдователей не могъ и сравниться съ нимъ. Дѣйствительно, Николай Павловичъ могъ гордиться тѣмъ, что матеріалъ, который легъ въ основу слѣдствія, былъ добытъ имъ и только имъ на первыхъ же допросахъ. Безъ отдыха, безъ сна онъ допрашивалъ въ кабинетѣ своего дворца арестованныхъ, вынуждалъ признанія, по горячимъ слѣдамъ давалъ приказы о новыхъ арестахъ, отправлялъ съ собственноручными записками допрошенныхъ въ крѣпость, и въ этихъ запискахъ тщательно намѣчалъ тотъ способъ заключенія, который примѣнительно къ данному лицу могъ привести къ обнаруженіямъ, полезнымъ для слѣдственной комиссіи. За ничтожнѣйшими исключеніями, всѣ декабристы перебывали въ кабинетѣ дворца, передъ ясными очами своего царя и слѣдователя. Первыя сообщенія по дѣлу каждый дѣлалъ ему или генералу, сидѣвшему передъ кабинетомъ, снимавшему допросы и тотчасъ же докладывавшему ихъ государю. Иногда государь слушалъ эти допросы, стоя за портьерами своего кабинета... Одного за другимъ свозили въ Петербургъ со всѣхъ концовъ Россіи замѣшанныхъ въ дѣлѣ и доставляли въ Зимній дворецъ. Напряженно волнуясь, ждалъ ихъ въ своемъ кабинетѣ царь и подбиралъ маски, каждый разъ новыя для новаго лица. Для однихъ онъ былъ грознымъ монархомъ, котораго оскорбилъ его же вѣрноподданный, для другихъ—такимъ же гражданиномъ отечества, какъ и арестованный, стоявшій передъ нимъ; для третьихъ—старымъ солдатомъ, страдавшимъ за честь мундира; для четвертыхъ—монархомъ, готовымъ произнести конституціонные завѣты; для пятыхъ—русскимъ, плачущимъ надъ бѣдствіями отчизны и страшно жаждущимъ исправленія всѣхъ золъ. А онъ на самомъ дѣлѣ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ: онъ просто боялся за свое существованіе и неутомимо искалъ всѣхъ нитей заговора съ тѣмъ, чтобы всѣ эти нити съ корнемъ вырвать и успокоиться.“

Тотъ, кто вѣрилъ маскѣ гражданина и русскаго, спѣшилъ, ожидая даже казни, подѣлиться съ новымъ царемъ своими печальными наблюденіями надъ русскою жизнью и подсказать ему программу широкихъ реформъ. Только жалкіе отголоски этихъ совѣтовъ и указаній (изъ нихъ однако Николай приказалъ составить особый сводъ) можно усмотрѣть въ послѣдующей дѣятельности русскаго правительства.

Штейнгель, напр., въ письмахъ къ Николаю далъ такую уничтожающую характеристику царствованія его предшественника: „правительство считало все прежнее худымъ; многое начинало вновь, отмѣняло и вообще ничего не докончило, все разстроивъ. Правительство отдѣляло себя отъ государства и, казалось, вѣрило, что оно можетъ быть богато и сильно, хотя всѣ сословія государственныя и особенно народъ въ изнеможеніи. Правительство имѣло, кажется, правиломъ, что развратнымъ и бѣднымъ народомъ легче и надежнѣе упра-

влять, нежели имѣющимъ гражданскія добродѣтели и въ довольствѣ живущимъ, а потому не прислушивалось къ народному мнѣнію, не входило въ его нужду: повелѣвало и требовало безусловнаго повиновенія, хотя бы отъ того все разорилось. Въ семъ отношеніи правительство дозволяло себѣ даже спекуляціи... Должно ли послѣ сего удивляться, что правительство потеряло народную довѣренность и сердечное уваженіе и возбудило единодушное, общее желаніе перемѣны въ порядкѣ вещей?“ „Государь! Вамъ оставлено государство въ изнеможеніи, съ развращенными нравами, съ внутреннимъ разстройствомъ, съ истощающимися доходами, съ преувеличенными расходами, внѣшними долгами—и при всемъ томъ ни единаго мужа у кормила государственнаго, который бы, съ извѣстнымъ глубокимъ умомъ, съ характеромъ твердымъ соединяя полное и безошибочное свѣдѣніе о своемъ отечествѣ, питалъ къ нему любовь, себялюбіе превозмогающую, словомъ—ни одного мужа, на которомъ бы могла возлечь высочайшая ваша довѣренность въ великомъ дѣлѣ государственнаго управленія.“ Къ министрамъ „ни просвѣщенная публика, ни народъ не имѣютъ ни внутренняго уваженія, ни довѣрія.“ Николаю онъ предлагаетъ такой планъ реформъ: „даровать духовенству нравственное образованіе; подкрѣпить упавшее... дворянство; воскресить коммерцію и промышленность незыблемыми уставами; водворить правосудіе учрежденіемъ лучшаго судопроизводства; преобразовать города введеніемъ гражданскихъ правъ, подобныхъ другимъ просвѣщеннымъ государствамъ; дать другое постепенное для всѣхъ состояній просвѣщеніе юношеству; улучшить состояніе земледѣльцевъ; уничтожить уничижительную для націи продажу людей“ и пр.

Всѣ подобныя предложенія были въ глазахъ Николая только признакомъ опаснаго свободомыслія, которое нужно было уничтожить скорѣе всѣми возможными средствами.

Игра дала результаты, всѣ главныя нити заговора были въ рукахъ, и наступалъ часъ кровавой расплаты...

Въ своемъ приговорѣ верховный судъ, ограничившій свою роль формальной повѣркой подлинности письменныхъ показаній и подведеніемъ „преступленій“ подъ гибкія статьи законовъ, такъ и сыпалъ четвертованіями и многолѣтней каторгой. Николаю оставалось только „всемилостивѣйше смягчить“ приговоръ, замѣнивъ четвертованіе повѣшеніемъ для пятерыхъ главныхъ „зачинщиковъ“ и уменьшивъ сроки каторжныхъ работъ другимъ...

Пестель, Рылѣевъ, Каховскій, Муравьевъ и Бестужевъ были повѣшены. Какъ извѣстно, трое изъ нихъ при этомъ оборвались и упали на помостъ, при чемъ Муравьевъ жестоко разбился, переломилъ себѣ ногу и могъ только выговорить: „бѣдная Россія! и повѣсить-то порядочно у насъ не умѣютъ!“ Они были повѣшены вторично. Кавалергарды въ тотъ же вечеръ устроили блестящій праздникъ въ честь императрицы.

Раболѣпствовавшій синодъ поспѣшилъ издать брошюру „подъ на-

званіемъ сщевымъ," по выраженію Штейнгеля: ,,Послѣдованіе благодарственнаго молебнаго пѣнія ко Господу Богу, даровавшему свою помощь благочестивѣйшему государю нашему императору Николаю Павловичу, на испроверженіе крамолы, угрожавшія междоусобіемъ и бѣдствіями государству Всероссійскому."

Для ,,помилованныхъ" декабристовъ начались долгіе годы каторги и солдатчины. Большинство изъ нихъ не пало духомъ и сохранило во всей свѣжести до самой смерти убѣжденія и увлеченія своей молодости. По воспоминаніямъ Бѣлоголоваго и документальнымъ даннымъ, собраннымъ г. Дмитріевымъ-Мамоновымъ, они вносили свѣтъ культуры всюду, куда ни забрасывала ихъ судьба: лѣчили, просвѣщали, воспитывали своимъ примѣромъ.

Іезуитское ,,Донесеніе слѣдственной комиссіи," широко распубликованное, при всѣхъ усиліяхъ не могло помрачить ихъ нравственной репутаціи. Составлено оно было ловко и подло—и все же не достигло своихъ результатовъ. Составители ,,Донесенія" стремились не освѣтить дѣло, а представить его въ возможно болѣе отталкивающемъ видѣ. Они составили своеобразную амальгаму изъ отдѣльныхъ выхваченныхъ фразъ, намековъ, оговорокъ, преувеличенныхъ извѣтовъ доносчиковъ, умышленныхъ извращеній подсудимыхъ, пытавшихся оправдаться обвиненіями другихъ,—всплывшихъ во время допросовъ словъ, случайно вырвавшихся во время интимныхъ разговоровъ и т. д. Предположенія обращались въ факты. По словамъ ,,Разбора донесенія тайной слѣдственной комиссіи," который приписывался Н. Муравьеву или Лунину, но на самомъ дѣлѣ принадлежалъ, повидимому, Фонвизину, потому, что текстуально совпадаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ подлинными произведеніями послѣдняго, политическія соображенія понудили комиссію ,,исключить или измѣнить нѣкоторыя обстоятельства и обратиться къ страстямъ толпы, чтобы поколебать въ общемъ мнѣніи людей, коихъ вліяніе и за тюремными затворами казалось опаснымъ." Подъ руками у комиссіи было мало точныхъ письменныхъ свидѣтельствъ, но она и ими очень мало воспользовалась. О ,,Русской Правдѣ" Пестеля, напримѣръ, въ ,,Донесеніи" почти ничего не говорится. Есть основанія думать, что Николай не нашелъ возможнымъ познакомить съ трудомъ Пестеля даже и членовъ комиссіи. Зато умышленно въ дѣятельности тайныхъ обществъ было замолчано все то, что относилось къ освобожденію крестьянъ, улучшенію судопроизводства, уничтоженію военныхъ поселеній, оказанію помощи Греціи, и т. д. Взамѣнъ этого выдвинуты на первый планъ, по словамъ ,,Разбора," ,,личныя ощущенія членовъ, взаимныя ихъ сношенія, ихъ мечтанія, путешествія и разныя обстоятельства частной жизни... даже шутки и суетныя остроты."

Суда исторіи и потомства не удалось подкупить всѣми этими махинаціями: они вынесли другой приговоръ и палачамъ, и жертвамъ...

И декабристы, сознавая все свое значеніе, имѣли полное право ожидать этого приговора. Штейнгель писалъ: ,,обреченные на жерт

ПОГАШЕНО

ву, по крайней мѣрѣ, какъ умѣли, старались погибнуть съ пользою для отечества. Отстрадая, они перемрутъ въ утѣшительной надеждѣ, что потомство отдастъ имъ хотя эту справедливость." И самое дѣло ихъ жизни не могло остаться для Россіи безрезультатнымъ. Въ письмѣ къ Николаю Штейнгель говоритъ: „сколько бы ни оказалось членовъ тайнаго общества или вѣдавшихъ про оное, сколько бы многихъ посему преслѣдованію ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ тѣ же идеи и чувствованія." Фонвизинъ съ особеннымъ сочувствіемъ цитируетъ чьи-то слова: „Сколько ни старались обезобразить и исказить событія, но самый ясный и простѣйшій смыслъ его и значеніе то, что и въ Россіи нашлись патріоты, которые съ полнымъ самоотверженіемъ, безъ всякихъ видовъ личной корысти и выгодъ касты или собственнаго положенія въ обществѣ, пожертвовали собою, чтобы своему отечеству, цѣлой странѣ пріобрѣсти институціи, обезпечивающія свободу, благоденствіе и достоинство всѣмъ и каждому. Память такой благодушной жертвы не погибнетъ даже и тогда, когда время изгладитъ несчастіе и скорби столькихъ семействъ. Исторія же начертаетъ на своихъ скрижаляхъ имена пострадавшихъ патріотовъ, а также жестокости и неправосудіе русскаго правительства, принесшаго ихъ въ жертву своему деспотизму за то, что они стремились обуздать его."

Въ своемъ „Взглядѣ на тайное общество въ Россіи" Лунинъ говоритъ: „тайное общество принадлежитъ исторіи... Оно образуетъ лучезарную точку въ русскихъ лѣтописяхъ... Отъ людей можно отдѣлаться, но отъ идей нельзя. Сердца молодого поколѣнія обращаются къ сибирскимъ пустынямъ, гдѣ великіе ссыльные блистаютъ посреди мрака, въ которомъ хотятъ ихъ скрыть. Жизнь въ изгнаніи есть непрерывное свидѣтельство истины ихъ началъ. Сила ихъ рѣчи заставляетъ и теперь не дозволять ея проявленія даже въ родственной перепискѣ. У нихъ все отнято: общественное положеніе, имущество, здоровье, отечество, свобода... но никто не могъ отнять народнаго къ нимъ сочувствія. Оно обнаруживается въ общемъ и глубокомъ уваженіи, которое окружаетъ ихъ скорбныя семейства; въ религіозной почтительности къ женамъ, раздѣляющимъ ссылку съ мужьями; въ заботливости, съ какою собирается все, что писано ссыльными въ духѣ общественнаго возраженія. Можно на время вовлечь въ заблужденіе русскій умъ, но русскаго народнаго чувства никто не обманетъ."

И „русское народное чувство" дѣйствительно не было обмануто...

III.

✓ В. Ф. Раевскій стоитъ особнякомъ отъ остальныхъ декабристовъ. Онъ принадлежалъ къ Южному обществу и былъ арестованъ раньше всѣхъ другихъ сочленовъ въ 1822 году. Правительство обратило вниманіе на распространеніе оппозиціонныхъ идей въ южныхъ войскахъ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА 487931

и сильное броженіе среди малорусскаго крестьянства. Пропаганда среди общества шла объ руку съ попытками проложить путь новымъ идеямъ въ среду солдатъ. Въ дивизіи Орлова фактически отмѣняются тѣлесныя наказанія солдатъ; начинаютъ заботиться также и объ ихъ духовной личности. Отношенія къ подчиненнымъ становятся болѣе простыми, близкими и искренними; въ нихъ стараются поднять чувство человѣческаго достоинства и, вмѣсто слѣпого подчиненія, сознательную дѣятельность. Съ 1821 года при южной арміи учреждается секретная полиція, которая констатировала сильное броженіе въ войскахъ. Главныя обвиненія выдвигались противъ ланкастерскихъ школъ. Особенное вниманіе возбуждалъ Раевскій, уже ранѣе извѣстный своимъ „вольнодумствомъ, совершенно необузданнымъ.“ Въ надеждѣ на покровительство Орлова, онъ дѣйствовалъ слишкомъ рѣшительно, былъ арестованъ 6 февраля 1822 года и попалъ подъ судъ. Въ качествѣ главнаго обвиненія была выдвинута пропаганда среди солдатъ въ ланкастерской школѣ. Въ заключеніи въ крѣпостяхъ онъ пробылъ около шести лѣтъ. Его судили четыре различныхъ комиссіи по четыремъ военно-суднымъ дѣламъ. Правительство привлекало Раевскаго ко всѣмъ вновь возникавшимъ политическимъ дѣламъ. Во время суда надъ нимъ въ первой инстанціи неожиданной отвѣтственности подвергся его братъ. Семья В. Ф. ничего не знала объ его судьбѣ. Его семнадцатилѣтній братъ Григорій хотѣлъ во что бы то ни стало пробраться къ нему и отправился въ Одессу съ подскобленной подорожной. Онъ имѣлъ неосторожность проговориться, на него донесли, онъ былъ арестованъ и привлеченъ къ дѣлу старшаго брата. Въ Шлиссельбургской крѣпости онъ сошелъ съ ума. В. Ф. былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе въ 1827 году. Въ 1856 году ему разрѣшили вернуться, но онъ поѣхалъ въ Россію ненадолго, вернулся въ Сибирь и остался тамъ до смерти (1872 г.) [1]).

IV.

Слова Штейнгеля Николаю, что послѣ всѣхъ казней и ссылокъ все-таки въ Россіи „останется гораздо множайшее число людей, раздѣляющихъ идеи и чувствованія“ членовъ тайныхъ обществъ, оказались пророческими. При всѣхъ усиліяхъ и неразборчивости въ средствахъ правительству все же не удалось исторгнуть всѣ нити и корни „мятежа.“ Процессы Колесникова, Таптыкова, Критскихъ и другихъ ясно доказываютъ, что идеи и трагическая судьба декабристовъ находили себѣ живой откликъ въ умахъ и сердцахъ впечатлительной молодежи.

Что „ядъ“ политическаго свободомыслія продолжалъ проникать даже и въ высшіе слои общества, можно видѣть изъ любопытнаго дѣла Михаила Кологривова, которое, къ сожалѣнію, извѣстно пока въ

[1]) См. Щеголевъ, Первый декабристъ В. Ѳ. Раевскій, С.-Пб., 1906 г.

очень незначительныхъ извлеченіяхъ (см. статью г. Р-скаго въ „Русской Мысли“ 1901 г., книга XI).

Кологривова воспитывалъ гувернеръ Грибоѣдова Іонъ. Они отправились въ 1830 году за границу. Въ Парижѣ Кологривовъ принималъ дѣятельное участіе въ революціонномъ движеніи, затѣмъ твердо рѣшилъ навсегда покончить съ прошлымъ и не возвращаться въ Россію. Онъ намѣревался вступить „поручикомъ въ состоящее подъ начальствомъ Минье войско для возвращенія испанцамъ свободы силой оружія.“ Матери онъ писалъ: „Я врагъ самовластія и насилія и готовъ жертвовать жизнью и пролить послѣднюю каплю крови за свободу. Послѣдняя революція еще болѣе утвердила меня въ моихъ мнѣніяхъ, въ моей ненависти къ тиранамъ. Бывъ дѣятельнымъ участникомъ въ послѣдней французской революціи, сражавшись противъ роялистовъ или, лучше сказать, противъ рабовъ, подвергая многократно жизнь свою опасности, я почувствовалъ болѣе, нежели когда-либо, всю цѣну свободы, и мнѣ уже было невозможно исполнить повелѣніе государя и возвратиться въ Россію.“ Въ 1831 году по докладу Бенкендорфа Николай воспретилъ Кологривову возвращеніе въ Россію и „повелѣть соизволилъ представить эту записку въ комитетъ гг. министровъ, съ тѣмъ, чтобы опредѣлено было, какое сдѣлать распоряженіе къ обнародованію законнымъ образомъ поступка Кологривова и къ исключенію его изъ отечества, не нарушая коренныхъ государственныхъ постановленій.“ Приказано было прекратить ему высылку денегъ. Второй департаментъ петербургскаго надворнаго суда, разсмотрѣвъ дѣло, рѣшилъ: „за совершенное Кологривовымъ преступленіе слѣдовало бы его повѣсить; но какъ тѣлесное наказаніе и смертная казнь до дворянина не касаются, то выставить имя и фамилію его на доскахъ въ обѣихъ столицахъ съ помѣщеніемъ гнуснаго его поступка, а письма его сжечь; когда же онъ, Михаилъ Кологривовъ, осмѣлится явиться на границы Россіи, то, лиша его дворянскаго достоинства, сослать его въ каторжную работу, слѣдующее на его часть движимое и недвижимое имѣніе отдать нынѣ же законнымъ наслѣдникамъ.“ Съ этимъ приговоромъ согласились петербургская палата уголовнаго суда и петербургскій губернаторъ. Дѣло затѣмъ пошло въ сенатъ, въ которомъ мнѣнія раздѣлились. Одни полагали, „лишивъ его дворянства, отдать въ военную службу, впредь до оказанія такихъ заслугъ и отличій на полѣ брани, коими бы онъ удостоился по всей справедливости и милосердію монарха наименованія русскаго дворянина, имѣніе же, на часть его слѣдующее, поручить распоряженію опеки;“ другіе тоже говорили о лишеніи дворянства, отобраніи имущества подъ опеку и отдачѣ въ солдаты съ выслугою, при чемъ прибавляли: „какъ сего послѣдняго нынѣ исполнить невозможно, за объявленнымъ чрезъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа высочайшимъ повелѣніемъ о воспрещеніи Кологривову возврата въ Россію, то поступки и присужденное ему наказаніе обнародовать въ примѣръ ему подобныхъ.“ Дѣло должно было идти въ го-

сударственный совѣтъ, но оно окончилось совершенно неожиданно: Кологривовъ изъ Берлина прислалъ прошеніе на высочайшее имя „о дарованіи ему всемилостивѣйшаго прощенія и о позволеніи возвратиться въ отечество," и „Его Императорскому Величеству благоугодно было изъявить высочайшее соизволеніе на возвращеніе Кологривова въ Россію, съ тѣмъ однако же, чтобы онъ немедленно по прибытіи сюда вступилъ въ военную службу простымъ рядовымъ, съ сохраненіемъ дворянскаго достоинства, и ревностнымъ исполненіемъ обязанности вѣрноподданнаго старался загладить вину свою."

Дальнѣйшая судьба Кологривова намъ неизвѣстна.

V.

Въ движеніи декабристовъ принимали главное участіе высшее дворянство и гвардія. Судя по мелкимъ политическимъ процессамъ конца 20-хъ и 30-хъ г.г., оппозиціонныя идеи стали все болѣе и болѣе демократизироваться, и освободительное движеніе начало проникать въ глубь общества, захватывать его средніе и даже низшіе слои. Уже Штейнгель въ своемъ письмѣ къ Николаю 1826 года имѣлъ основанія писать: „Россія такъ уже просвѣщена, что лавочные сидѣльцы читаютъ уже газеты; а въ газетахъ пишутъ, что говорятъ въ палатѣ депутатовъ въ Парижѣ. Не первая ли мысль, почему мы не можемъ разсуждать о нашихъ правахъ и собственности, родится въ головѣ каждаго? Большая часть профессоровъ, литераторовъ, журналистовъ должны душевно принадлежать къ желателямъ конституціоннаго правленія, ибо свобода тисненія сопряжена съ личною ихъ выгодою. Книгопродавцы тоже, купцы тоже. Наконецъ, всѣ тѣ, кои бывали въ иностранныхъ государствахъ, а иные образовались тамъ; всѣ тѣ, кои служили въ гвардіи и теперь служатъ, не того ли же образа мыслей?.. Можетъ быть, въ числѣ тѣхъ, кои имѣютъ счастіе окружать особу вашу, есть таковые... Чтобы истребить корень свободомыслія, нѣтъ другого средства, какъ истребить цѣлое поколѣніе людей, кои родились и образовались въ послѣднее царствованіе. Но если сіе невозможно, то останется—препобѣдить сердца милосердіемъ и увлечь умы рѣшительными и явными пріемами къ будущему благоденствію государства."

Но вмѣсто милосердія послѣдовали жестокія репрессіи, а заботы о благоденствіи свелись на озвѣрѣлую реакціонную политику. Движеніе пошло вширь и вглубь, но выражалось больше отдѣльными вспышками, не находя себѣ общаго русла въ условіяхъ жизни,—больше „въ заговорѣ идей," чѣмъ въ опредѣленныхъ дѣйствіяхъ. Мы пока мало знаемъ о мелкихъ политическихъ процессахъ Николаевской эпохи, потому что правительство тогда предпочитало расправляться со своими врагами втихомолку и въ рѣдкихъ только случаяхъ опубликовывало свои приговоры въ газетахъ. Современемъ наши архивы дадутъ еще много интересныхъ фактовъ, которые запол-

нятъ пробѣлы между движеніями декабристовъ и петрашевцевъ и возстановятъ непрерывную нить развитія.

Въ своемъ дневникѣ баронъ Корфъ отмѣтилъ наиболѣе рѣзкую черту, отдѣлявшую петрашевцевъ отъ декабристовъ: тамъ были люди извѣстнѣйшихъ фамилій и виднаго общественнаго положенія, здѣсь учителя, чиновники, неслужащіе представители средняго дворянства, разночинцы—„ни одного значащаго имени, ни одного лица съ извѣстностью въ какомъ-нибудь родѣ.“ (Корфъ дѣлаетъ оговорку только относительно Достоевскаго), „молодые люди большею частью маловѣдомыхъ фамилій.“ Если принять во вниманіе дѣла Колесникова, Критскихъ, Соколовскаго, Салтыкова, Герцена, Огарева, Олейничука (см. о немъ интересную статью г. Щеголева въ апрѣльской книжкѣ „Былого“ за 1906 г.), то эту черту придется обобщить.

Демократизмъ нашего общественнаго движенія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ идетъ объ руку съ неопредѣленностью политическихъ программъ и вообще большою разноголосицей въ основныхъ точкахъ зрѣнія. Несомнѣнно, сказывался недостатокъ политическаго воспитанія, и самыя условія жизни мало способствовали проясненію политическаго сознанія. Передъ нами не тайныя общества, а дружескіе кружки, не заговоръ съ опредѣленной программой и тактикой, а мечты и теоретическіе споры, которые не стремились перейти въ дѣйствія или парализовались при первыхъ попыткахъ практическаго осуществленія. Движеніе опускалось ниже и глубже, не выигрывая пока отъ этого въ своей опредѣленности.

Бывшій членъ Южнаго общества Липранди, сдѣлавшійся потомъ ярымъ сыщикомъ и доносчикомъ, желая отличиться и заставить забыть о своихъ некрасивыхъ продѣлкахъ со скопщами, старался придать дѣлу петрашевцевъ характеръ заговора и тайнаго общества, охватившаго своими сѣтями всю Россію. Это ему не удалось, слѣдственная комиссія и генералъ-аудиторіатъ должны были признаться, что это „заговоръ идей,“ которыя „не осуществились еще никакимъ проявленіемъ, никакимъ переходомъ въ дѣйствіе.“ Закулисныя интриги Липранди и соперничество министерства внутреннихъ дѣлъ съ третьимъ отдѣленіемъ сдѣлали все, чтобы раздуть этотъ процессъ, но даже баронъ Корфъ, вѣрный отголосокъ мнѣній высшихъ слоевъ тогдашней бюрократіи, долженъ былъ признаться, что „дѣло отнюдь не имѣло ни такой важности, ни такого развитія,“ какія были приданы ему первоначально. Это не помѣшало властямъ наложить на петрашевцевъ тяжелыя кары, отъ которыхъ содрогнулось все русское общество, и которыя, по словамъ Д. Д. Ахшарумова, заставили плакать даже конвойнаго офицера. Правительство было испугано этимъ дѣломъ, какъ симптомомъ общественнаго настроенія, и рѣшило расправиться съ нимъ энергично.

Большинство петрашевцевъ, „апрѣлистовъ“ или, какъ они сами себя называли, „соціалистовъ 1849 года“ было объединено только крайнимъ увлеченіемъ идеями теоретическаго, утопическаго соціализ-

ма и коммунизма. Мечты о переустройствѣ міра на новыхъ началахъ, о замѣнѣ „неволи душныхъ городовъ“ фаланстерами носили ультра-идеалистическій характеръ. Въ общемъ онѣ были настолько невинны, что нѣкоторые изъ петрашевцевъ собирались даже убѣдить Николаевское правительство дать средства на учрежденіе первой фаланстерэ. Большинство не шло далѣе изученія книгъ Фурье, Кабэ, Фейербаха, Консидерана, Прудона, теоретическаго отрицанія собственности, современныхъ формъ семьи и религіи. Мечтая объ осуществленіи теоріи Фурье въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ, большинство петрашевцевъ, впрочемъ, обращаясь къ русской дѣйствительности, выставляло и нѣсколько болѣе близкихъ къ жизни требованій: они говорили объ уничтоженіи крѣпостного права, введеніи гласнаго судопроизводства и дарованіи свободы слова. У Петрашевскаго мелькаютъ неясныя республиканскія симпатіи, другіе мечтаютъ о конституціи или колеблются между ею и республикой. Наиболѣе радикальнымъ былъ, повидимому, Спѣшневъ: только у него одного можно подмѣтить вполнѣ серьезное стремленіе основать тайное политическое общество. Переустройства жизни они думаютъ добиться послѣдовательной пропагандой въ разныхъ, въ особенности среднихъ и низшихъ слояхъ населенія. Лучшимъ средствомъ для нея считалось занятіе единомышленниками учительскихъ мѣстъ.

Высокій подъемъ идеалистическихъ настроеній въ этихъ кружкахъ особенно сказался на обѣдѣ въ честь Фурье. Двѣ изъ произнесенныхъ тогда рѣчей приведены ниже въ нашемъ изданіи. Любопытно, что среди отголосковъ фурьеристскихъ взгляловъ у Ханыкова проскальзываютъ и слѣды опредѣленнаго политическаго міровоззрѣнія: „отечество мое въ цѣпяхъ, отечество мое въ рабствѣ, религія, невѣжество, спутники деспотизма, затемнили, заглушили твои натуральныя влеченія; отечество мое... гдѣ твое общинное устройство, гдѣ ты, народная вольница, великій государь—Новгородъ?“

Участники оставили намъ нѣсколько живыхъ описаній журфиксовъ у Петрашевскаго, Кашкина, Дурова и Момбелли. Они устраивались настолько откровенно, что, напримѣръ, о пятницахъ Петрашевскаго зналъ почти весь Петербургъ, и проникнуть на нихъ было вообще очень легко.

Въ своемъ „Дневникѣ писателя“ Достоевскій такъ характеризуетъ настроеніе свое и своихъ единомышленниковъ: „зараждавшійся соціализмъ сравнивался тогда, даже нѣкоторыми изъ коноводовъ его, съ христіанствомъ и принимался лишь за поправку и улучшеніе послѣдняго, сообразно вѣку и цивилизаціи. Всѣ эти тогдашнія новыя идеи намъ въ Петербургѣ ужасно нравились, казались въ высшей степени святыми и нравственными и, главное, общечеловѣческими, будущимъ закономъ всего безъ исключенія человѣчества. Мы еще задолго до парижской революціи 48-го года были охвачены обаятельнымъ вліяніемъ этихъ идей. Я уже въ 46-мъ году былъ посвященъ во всю п р а в д у этого грядущаго „обновленнаго міра“ и во всю

святость будущаго коммунистическаго общества еще Бѣлинскимъ. Всѣ эти убѣжденія о безнравственности самыхъ основаній (христіанскихъ) современнаго общества, о безнравственности религіи, семейства, о безнравственности права собственности; всѣ эти идеи объ уничтоженіи національностей во имя всеобщаго братства людей, о презрѣніи къ отечеству, какъ къ тормазу во всеобщемъ развитіи и пр. и пр.—все это были такія вліянія, которыхъ мы преодолѣть не могли, и которыя захватывали, напротивъ, наши сердца и умы во имя какого-то великодушія. Во всякомъ случаѣ тема казалась величавою и стоявшею далеко выше уровня тогдашнихъ господствовавшихъ понятій—а это-то и соблазняло."

П. А. Кузьминъ посѣщалъ вечера Петрашевскаго съ весны 48-го года и даетъ такое ихъ описаніе: „по совѣсти можно было сказать, что бесѣды на этихъ вечерахъ были небезынтересны для каждаго изъ присутствовавшихъ. Да и могло ли быть иначе, когда тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе, въ какой бы формѣ стремленіе это ни высказывалось.

„Цензура, убившая въ то время всякую здравую мысль, не только не допускала гласнаго обсужденія печатно предметовъ общаго интереса, но воспрещала даже малѣйшій намекъ на то, что могло бы быть лучше, еслибы было иначе; а въ это именно время самоуправство всѣхъ и каждаго изъ второстепенныхъ агентовъ дошло до высшей степени: злоупотребленія, лихоимство не имѣли границъ, то нѣтъ ничего естественнѣе, что вездѣ, гдѣ бывали люди разбора выше опредѣленнаго, они прямо высказывали свои убѣжденія, совершенно противоположныя грустному положенію дѣлъ; когда же собиралось ихъ по нѣскольку человѣкъ, напримѣръ, по пятницамъ у Петрашевскаго, то они, какъ люди одинаковаго направленія, свободно размѣнивались идеями, новостями, доходившими до каждаго въ литературѣ, политикѣ, происшествіяхъ столичныхъ и провинціальныхъ; съ какимъ интересомъ слѣдили за происшествіями на Западѣ! Припомнимъ, что пятое десятилѣтіе нашего вѣка отличалось направленіемъ къ соціальнымъ реформамъ; такое повсемѣстное направленіе высказалось, наконецъ, въ февральской революціи, объявшей всю западную Европу. Съ такою любознательностью выслушивались на вечерахъ у Петрашевскаго изложенія сочиненій новѣйшихъ реформаторовъ; но какъ всѣ эти трогательныя описанія блаженствующихъ фаланстеровъ и иныхъ ассоціацій были только увлекательныя, но непримѣнимыя къ осуществленію теоріи, намъ же, живущимъ въ средѣ міра дѣйствительнаго, необходимо было знакомиться ближе съ тѣмъ, что существуетъ на нашей матушкѣ Руси,—то съ общаго согласія принято было предложеніе раздѣлить вечера наши такимъ образомъ, что дюжина одинъ изъ присутствующихъ будетъ излагать какой-либо об-

щественный вопросъ, въ какомъ видѣ осуществляется онъ нынѣ въ Россіи, удобства или неудобства, осязаемыя отъ такого, а не иного положенія дѣла, и, наконецъ, изысканія и, если возможно, то указанія средствъ къ замѣненію неудобныхъ порядковъ удобнѣйшими; а послѣ ужина могло бы продолжаться изложеніе соціальныхъ теорій, которое тогда дѣлалось Н. Я. Данилевскимъ. При окончаніи каждаго вечера объявлялось, о какомъ предметѣ, касающемся Россіи, будетъ говорено въ слѣдующую пятницу и кѣмъ именно; кромѣ того, всегда находилось время побесѣдовать о текущихъ событіяхъ какъ въ Россіи, такъ и за границей."

По словамъ Д. Д. Ахшарумова, „то, что въ 49 году вмѣнялось намъ въ вину и за что, послѣ восьмимѣсячнаго одиночнаго заключенія, полевымъ уголовнымъ судомъ мы были приговорены къ смертной казни разстрѣляніемъ,—въ настоящее время показалось бы маловажнымъ и не заслуживающимъ никакого преслѣдованія: у насъ не было никакого организованнаго общества, никакихъ общихъ плановъ дѣйствія, но разъ въ недѣлю у Петрашевскаго бывали собранія, на которыхъ вовсе не бывали постоянно все одни и тѣ же люди; иные бывали часто на этихъ вечерахъ, другіе приходили рѣдко, и всегда можно было видѣть новыхъ людей. Это былъ интересный калейдоскопъ разнообразнѣйшихъ мнѣній о современныхъ событіяхъ, распоряженіяхъ правительства, о произведеніяхъ новѣйшей литературы по различнымъ отраслямъ знанія [1]); приносились городскія новости, говорилось громко обо всемъ, безъ всякаго стѣсненія. Иногда кѣмъ-либо изъ спеціалистовъ дѣлалось сообщеніе въ родѣ лекціи: Ястржембскій читалъ о политической экономіи, Данилевскій—о системѣ Fourier. Въ одномъ изъ собраній читалось Достоевскимъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, по случаю выхода его „Писемъ къ друзьямъ." Бѣлинскаго избавила только болѣзнь и преждевременная смерть отъ общей съ нами участи. Для порядка и предупрежденія шума отъ одновременныхъ разговоровъ и споровъ многихъ лицъ Петрашевскій поручалъ кому-либо изъ гостей наблюдать за порядкомъ въ качествѣ предсѣдателя. На собраніяхъ этихъ не вырабатывались никогда никакіе опредѣленные проекты или заговоры, но были высказываемы осужденія существующаго порядка, насмѣшки, сожалѣнія о настоящемъ печемъ положеніи. Что было бы впослѣдствіи — конечно, неизвѣстно. Если и предположить, что по истеченіи многихъ годовъ могло бы образоваться общество, имѣющее цѣлью ниспроверженіе существующаго государственнаго строя, къ которому примкнули бы, можетъ быть, весьма многіе, то, во всякомъ случаѣ, можно почти навѣрно сказать, что по новости и совершенной неопытности веденія такого дѣла, дѣйствія его были бы въ раннемъ періодѣ обнаружены, и даль-

---

[1]) Интересно, что петрашевцы внимательно изучали книгу Гакстгаузена о русской общинѣ. Въ общинѣ они несомнѣнно видѣли зародышъ своеобразнаго коммунизма.

нѣйшее его развитіе остановлено правительствомъ. Нашъ кружокъ, выражавшій собою современныя общечеловѣческія стремленія, былъ однимъ изъ естественныхъ передовыхъ явленій въ жизни народа и несомнѣнно оставилъ по себѣ нѣкоторые слѣды. Число арестованныхъ, явно прикосновенныхъ къ этому дѣлу, и казалось незначительнымъ—оно доходило до 100, можетъ быть, и превышало это число—но мы не были какими-либо выродками, происшедшими самопроизвольно и внезапно, мы были произведеніе образованнаго класса земли русской—эндотическія растенія страны, въ которой мы рождены, а потому и оставшихся на свободѣ людей одинаковаго съ нами образа мыслей, намъ сочувствовавшихъ, безъ сомнѣнія, надо было считать не сотнями, а тысячами. Нашъ маленькій кружокъ, сосредоточившійся вокругъ Петрашевскаго въ концѣ 40-хъ г.г., носилъ въ себѣ зерно всѣхъ реформъ 60-хъ г.г.“

Не считая своихъ взглядовъ и дѣятельности зловредными [1]), петрашевцы всего менѣе могли ожидать ареста и суда. На нихъ обратили главнымъ образомъ вниманіе вслѣдствіе литографированной записки, которую Петрашевскій свободно раздавалъ съ собственною подписью,—широкаго распространенія запрещенныхъ цензурою книгъ и вслѣдствіе ходившихъ среди общества слуховъ о слишкомъ свободныхъ разговорахъ на вечерахъ у Петрашевскаго. Липранди и его шпіонъ Антонелли начали уже опутывать своими сѣтями всѣхъ заподозрѣнныхъ, но петрашевцы ничего не чувствовали. Всплыла, наконецъ, исторія съ ,,Карманнымъ словаремъ иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка,“ изданнымъ въ 1846 г. петрашевцами подъ псевдонимомъ ,,Н. Кириловъ“ и посвященнымъ не безъ остроумія великому князю Михаилу Павловичу. Власти проглядѣли его совершенно соціалистическій характеръ и спохватились только тогда, когда началось уже слѣдствіе. Этотъ словарь и былъ собственно единственнымъ практическимъ ,,оказательствомъ“ столь напугавшаго правительство ,,заговора идей.“

Какъ извѣстно, петрашевцамъ былъ вынесенъ драконовскій приговоръ. Николай ,,смягчилъ“ его—и все же рѣшилъ продѣлать выдающуюся по своему звѣрству и непристойности комедію казни. Безъ чувства внутренняго содроганія нельзя читать потрясающихъ ея описаній у Д. Д. Ахшарумова и Достоевскаго. По словамъ перваго изъ нихъ, ,,Мы были взяты 22 апрѣля въ весеннихъ платьяхъ и такъ изъ нихъ и вывезены 22 декабря на Семеновскую площадь (въ извозчичьихъ каретахъ). Направившись впередъ по снѣгу, я увидѣлъ налѣво отъ себя, среди площади воздвигнутую постройку—подмостки, помнится, квадратной формы, величиною въ 3—4 сажени, со входною лѣстницею, и все обтянуто было чернымъ трауромъ — нашъ эшафотъ. Тутъ же увидѣлъ я кучку товарищей, столпившихся вмѣстѣ и протя-

[1]) Филипповъ, напримѣръ, рѣшительно настаивалъ на совершенно откровенномъ выраженіи мнѣній „всегда и вездѣ“.

гивающихъ другъ другу руки и привѣтствующихъ одинъ другого. Когда я взглянулъ на лица ихъ, то былъ пораженъ страшною перемѣной; тамъ стояли: Петрашевскій, Львовъ, Филипповъ, Спѣшневъ и нѣкоторые другіе. Лица ихъ были худыя, замученныя, блѣдныя, вытянутыя, у нѣкоторыхъ обросшія бородой и волосами. Особенно поразило меня лицо Спѣшнева: онъ отличался отъ всѣхъ замѣчательною красотою, силою и цвѣтущимъ здоровьемъ. Исчезли красота и цвѣтущій видъ: лицо его изъ округленнаго сдѣлалось продолговатымъ; оно было болѣзненно, желто-блѣдно, щеки похудалыя, глаза какъ бы ввалились—и подъ ними большая синева; длинные волосы и выросшая большая борода окружали лицо.

„Петрашевскій, тоже сильно измѣнившійся, стоялъ нахмурившись,—онъ былъ обросшій большой шевелюрою и густою, слившеюся съ бакенбардами, бородою: „должно быть, всѣмъ было одинаково хорошо," думалъ я. Кареты все еще подъѣзжали, и оттуда одинъ за другимъ выходили заключенные въ крѣпости. Вотъ Плещеевъ, Ханыковъ, Кашкинъ, Европеусъ... всѣ исхудалые, замученные, а вотъ и милый мой Ипполитъ Дебу,—увидѣвъ меня, бросился ко мнѣ въ объятія: „Ахшарумовъ! и ты здѣсь." — Мы же всегда вмѣстѣ!—отвѣтилъ я. Мы обнялись съ особеннымъ чувствомъ кратковременнаго свиданія передъ неизвѣстной разлукой. Вдругъ всѣ наши привѣтствія и разговоры прерваны были громкимъ голосомъ подъѣхавшаго къ намъ на лошади генерала, какъ видно, распоряжавшагося всѣмъ, увѣковѣчившаго себя въ памяти всѣхъ насъ... слѣдующими словами:

„Теперь нечего прощаться! Становите ихъ," — закричалъ онъ. — Вслѣдъ за его громкимъ крикомъ явился передъ нами какой-то чиновникъ—со спискомъ въ рукахъ и, читая, сталъ вызывать насъ, каждаго по фамиліи.

„Первымъ поставленъ былъ Петрашевскій, за нимъ Спѣшневъ, потомъ Момбелли и затѣмъ шли всѣ остальные—всѣхъ насъ было 23 человѣка (я поставленъ былъ по ряду восьмымъ). Послѣ того подошелъ священникъ съ крестомъ въ рукѣ и, ставъ передъ нами, сказалъ: „Сегодня вы услышите справедливое рѣшеніе вашего дѣла,—послѣдуйте за мною!" Насъ повели на эшафотъ, но не прямо на него, а обходомъ вдоль рядовъ войскъ, сомкнутыхъ въ каре. Такой обходъ, какъ я узналъ послѣ, назначенъ былъ для назиданія войска, и именно Московскаго полка, такъ какъ между нами были офицеры, служившіе въ этомъ полку: Момбелли и Львовъ. Священникъ, съ крестомъ въ рукѣ, выступалъ впереди, за нимъ мы всѣ шли одинъ за другимъ по глубокому снѣгу. Въ каре стояли, казалось мнѣ, нѣсколько полковъ, потому обходъ нашъ по всѣмъ 4 рядамъ его былъ довольно продолжительный. Передо мною шагалъ высокій ростомъ Павелъ Николаевичъ Филипповъ, впослѣдствіи умершій отъ раны, полученной имъ при штурмѣ Карса въ 1854 году; сзади меня шелъ Константинъ Дебу. Послѣдними въ этой процессіи были: Кашкинъ, Европеусъ и Пальмъ... Вскорѣ вниманіе наше обратилось на сѣрые

столбы, врытые съ одной стороны эшафота; ихъ было, сколько мнѣ помнится, много. Мы шли, переговариваясь: „Что съ нами будутъ дѣлать?—Для чего ведутъ насъ по снѣгу?—Для чего столбы у эшафота?—Привязывать будутъ,—военный судъ,—казнь разстрѣляніемъ. Не извѣстно, что будетъ,—вѣроятно, всѣхъ въ каторгу...“

„Такого рода мнѣнія высказывались громко то спереди, то сзади отъ меня, и мы медленно пробирались по снѣжному пути и подошли къ эшафоту. Войдя на него, мы столпились всѣ вмѣстѣ и опять обмѣнялись нѣсколькими словами. Съ нами вмѣстѣ взошли и насъ сопровождавшіе солдаты и размѣстились за нами. Затѣмъ распоряжались офицеръ и чиновникъ со спискомъ въ рукахъ. Начались вновь выкликиваніе и разстановка, при чемъ порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ. Насъ поставили двумя рядами перпендикулярно къ городскому валу. Одинъ рядъ меньшій, начинавшійся Петрашевскимъ, былъ поставленъ съ лѣваго фаса эшафота, тамъ были: Петрашевскій, Спѣшневъ, Момбелли, Львовъ, Дуровъ, Григорьевъ, Толль, Ястржембскій, Достоевскій.

„Другой рядъ начинался кѣмъ не помню, но вторымъ стоялъ Филипповъ, потомъ я, подлѣ меня Дебу старшій, за нимъ его братъ Ипполитъ, затѣмъ Плещеевъ, Тимковскій, Ханыковъ, Головинскій, Кашкинъ, Европеусъ и Пальмъ. Всѣхъ насъ было 23 человѣка, но я не могу вспомнить остальныхъ. Когда мы были уже разставлены въ означенномъ порядкѣ, войскамъ скомандовано было „на кара—улъ,“ и этотъ ружейный пріемъ, исполненный одновременно нѣсколькими полками, раздался по всей площади свойственнымъ ему ударнымъ звукомъ. Затѣмъ скомандовано было намъ: „шапки долой!“ — но мы къ этому не были подготовлены и почти никто не исполнилъ команды, тогда повторено было нѣсколько разъ: „снять шапки, будутъ конфирмацію читать,“ и съ запоздавшихъ приказано было стащить шапку сзади стоявшему солдату. Намъ всѣмъ было холодно и шапки на насъ были хотя и весеннія, но все же закрывали голову. Послѣ того чиновникъ въ мундирѣ сталъ читать изложеніе вины каждаго въ отдѣльности, становясь противъ каждаго изъ насъ. Всего невозможно было уловить, что читалось,—читалось скоро и невнятно, да и притомъ же мы всѣ содрагались отъ холода. Когда дошла очередь до меня, то слова, произнесенныя мною въ память Фурье „о разрушеніи всѣхъ столицъ и городовъ,“ занимали видное мѣсто въ винѣ моей.

Чтеніе это продолжалось добрыхъ полчаса, мы всѣ страшно зябли. Я надѣлъ шапку и завертывался въ холодную шинель, но вскорѣ это было замѣчено, и шапка съ меня была сдернута рукою стоявшаго за мною солдата. По изложеніи вины каждаго конфирмація оканчивалась словами: полевой уголовный судъ приговорилъ всѣхъ къ смертной казни—разстрѣляніемъ и 19-го сего декабря государь императоръ собственноручно написалъ: — „Быть по сему.“

„Мы всѣ стояли въ изумленіи; чиновникъ сошелъ съ эшафота. Затѣмъ намъ поданы были бѣлые балахоны и колпаки—саваны, и

солдаты, стоявшіе сзади насъ, одѣвали насъ въ предсмертное одѣяніе...

„Взошелъ на эшафотъ священникъ,—тотъ же самый, который насъ велъ,—съ евангеліемъ и крестомъ и за нимъ принесенъ и поставленъ былъ аналой. Помѣстившись между нами на противоположномъ входу концѣ, онъ обратился къ намъ съ слѣдующими словами: „Братья! Передъ смертью надо покаяться... Кающемуся Спаситель прощаетъ грѣхи... Я призываю Васъ къ исповѣди...“

„Никто изъ насъ не отозвался на призывъ священника,—мы стояли молча, священникъ смотрѣлъ на всѣхъ насъ и повторно призывалъ насъ къ исповѣди. Тогда одинъ изъ насъ—Тимковскій—подошелъ къ нему и, пошептавшись съ нимъ, поцѣловалъ Евангеліе и возвратился на свое мѣсто. Священникъ, посмотрѣвъ еще на насъ и видя, что болѣе никто не обнаруживаетъ желанія исповѣдаться, подошелъ къ Петрашевскому съ крестомъ и обратился къ нему съ увѣщаніемъ, на что Петрашевскій отвѣтилъ ему нѣсколькими словами. Священникъ ничего не отвѣтилъ, но поднесъ къ устамъ его крестъ, и Петрашевскій поцѣловалъ его. Послѣ того онъ, молча, обошелъ съ крестомъ всѣхъ насъ, и всѣ приложились къ нему. Затѣмъ священникъ, окончивъ дѣло это, стоялъ среди насъ какъ бы въ раздумьи. Тогда раздался голосъ генерала, сидѣвшаго на конѣ возлѣ эшафота: „Батюшка! Вы исполнили все, вамъ больше здѣсь нечего дѣлать!..“

„Священникъ ушелъ и сейчасъ же взошли нѣсколько человѣкъ солдатъ къ Петрашевскому, Спѣшневу и Момбелли, взяли ихъ за руки и свели съ эшафота; они подвели ихъ къ сѣрымъ столбамъ и стали привязывать каждаго къ отдѣльному столбу веревками. Разговоровъ при этомъ не было слышно. Осужденные не оказывали сопротивленія. Имъ затянули руки позади столбовъ и затѣмъ обвязали веревки поясомъ. Потомъ отдано было приказаніе: „колпаки надвинуть на глаза,“ послѣ чего колпаки опущены были на лица привязанныхъ товарищей нашихъ. Раздалась команда: „клацъ,“ и вслѣдъ затѣмъ группа солдатъ—ихъ было человѣкъ 16, стоявшихъ у самого эшафота, по командѣ направила ружья къ прицѣлу на Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли.—Моментъ этотъ былъ по истинѣ ужасенъ. Видѣть приготовленіе къ разстрѣлянію, и при томъ людей близкихъ по товарищескимъ отношеніямъ, видѣть уже наставленные на нихъ, почти въ упоръ, ружейные стволы и ожидать—вотъ прольется кровь, и они упадутъ мертвые, было ужасно, отвратительно, страшно. Сердце замерло въ ожиданіи, и страшный моментъ этотъ продолжался съ полминуты. При этомъ не было мысли о томъ, что и мнѣ предстоитъ то же самое, но все вниманіе было поглощено наступающею кровавою картиною. Возмущенное состояніе мое возросло еще болѣе, когда я услышалъ барабанный бой, значеніе котораго я тогда еще, какъ неслужившій въ военной службѣ, не понималъ. „Вотъ конецъ всему!..“ Но вслѣдъ затѣмъ увидѣлъ я, что ружья, прицѣленныя, вдругъ всѣ были подняты стволами вверхъ. Отъ сердца отлегло сразу, какъ бы

свалился тѣсно сдавившій его камень! Затѣмъ стали отвязывать привязанныхъ—Петрашевскаго, Спѣшнева и Момбелли и привели снова на прежнія мѣста ихъ на эшафотѣ. Пріѣхалъ какой-то экипажъ, оттуда вышелъ офицеръ—флигель-адъютантъ—и принесъ какую-то бумагу, поданную немедленно къ прочтенію. Въ ней возвѣщалось намъ дарованіе государемъ императоромъ жизни и взамѣнъ смертной казни, каждому, по виновности, особое наказаніе...

„По окончаніи чтенія этой бумаги съ насъ сняли саваны и колпаки. Затѣмъ взошли на эшафотъ какіе-то люди, вродѣ палачей, одѣтые въ старые цвѣтные кафтаны,—ихъ было двое,—и, ставъ позади ряда, начинавшагося Петрашевскимъ, ломали шпаги надъ головами поставленныхъ на колѣни ссылаемыхъ въ Сибирь, каковое дѣйствіе, совершенно безразличное для всѣхъ, только продержало насъ, и такъ уже продрогшихъ, лишніе ¼ часа на морозѣ. Послѣ этого намъ дали каждому арестантскую шапку, овчинные, грязной шерсти, тулупы и такіе же сапоги. Тулупы, каковы бы они ни были, нами были поспѣшно надѣты, какъ спасеніе отъ холода, а сапоги велѣно было самимъ держать въ рукахъ.

„Послѣ всего этого на середину эшафота принесли кандалы и, бросивъ эту тяжелую массу желѣза на досчатый полъ эшафота, взяли Петрашевскаго и, выведя его на середину, двое, повидимому кузнецы, надѣли на ноги его желѣзныя кольца и стали молоткомъ заклепывать гвозди. Петрашевскій сначала стоялъ спокойно, а потомъ выхватилъ тяжелый молотокъ у одного изъ нихъ и, сѣвъ на полъ, сталъ заколачивать самъ на себѣ кандалы. Что побудило его накладывать самому на себя руки, что хотѣлъ онъ выразить тѣмъ—трудно сказать, но мы были всѣ въ болѣзненномъ настроеніи или экзальтаціи.

„Между тѣмъ подъѣхала къ эшафоту кибитка, запряженная курьерской тройкой, съ фельдъегеремъ и жандармомъ , и Петрашевскому было предложено сѣсть въ нее, но онъ, посмотрѣвъ на поданный экипажъ, сказалъ: „я еще не окончилъ всѣ дѣла!..“

„Петрашевскій въ первый разъ ступилъ въ кандалахъ; съ непривычки ноги его едва передвигались. Онъ подошелъ къ Спѣшневу, сказалъ ему нѣсколько словъ и обнялъ его, потомъ подошелъ къ Момбелли и также простился съ нимъ, поцѣловавъ и сказавъ что-то. Онъ подходилъ по порядку, какъ мы стояли, къ каждому изъ насъ и каждаго поцѣловалъ молча, или сказавъ что-нибудь на прощанье. Подойдя ко мнѣ, онъ, обнимая меня, сказалъ: „прощайте, Ахшарумовъ, болѣе уже мы не увидимся!“ На что я отвѣтилъ ему со слезами: „а можетъ быть и увидимся еще!“

„Простившись со всѣми, онъ поклонился еще разъ всѣмъ намъ и, сойдя съ эшафота, съ трудомъ передвигая непривычныя еще къ кандаламъ ноги, съ помощью жандарма и солдата, сошелъ съ лѣстницы и сѣлъ въ кибитку; съ нимъ рядомъ помѣстился фельдъегерь и вмѣстѣ съ ямщикомъ жандармъ съ саблею и пистолетомъ у пояса; трой-

ка сильныхъ лошадей повернула шагомъ и затѣмъ, выбравшись медленно изъ кружка столпившихся людей и за ними стоявшихъ экипажей и повернувъ на московскую дорогу, исчезла изъ нашихъ глазъ.

„Слова его сбылись,—мы не увидѣлись болѣе...

„Впечатлѣніе, произведенное на насъ всѣмъ пережитымъ нами въ эти часы совершенія обряда смертной казни, и затѣмъ объявленія замѣняющихъ ее различныхъ ссылокъ, было столь же разнообразно, какъ и характеры наши. Старшій Дебу стоялъ въ глубокомъ унынiи и ни съ кѣмъ не говорилъ; Ипполитъ Дебу, когда я подошелъ къ нему, сказалъ: „лучше бы уже разстрѣляли!..“

„Стали подъѣзжать кареты и мы, ошеломленные всѣмъ происшедшимъ, не прощаясь одинъ съ другимъ, садились и уѣзжали по одному.“

Достоевскій говоритъ въ „Дневникѣ писателя,“ что почти всѣ приговоренные были увѣрены, что приговоръ „будетъ исполненъ, и вынесли, по крайней мѣрѣ, десять ужасныхъ, безмѣрно страшныхъ минутъ ожиданія смерти.“

„Мы, петрашевцы, стояли на эшафотѣ и выслушивали нашъ приговоръ безъ малѣйшаго раскаянія... Большинство изъ насъ почло бы за безчестіе отречься отъ своихъ убѣжденій.“ Почти всѣ подтвердили это своею послѣдующею жизнью.

Петрашевскій ведетъ себя смѣло и рѣзко во время допроса и суда. Въ одномъ изъ его писемъ вырвалась горделивая и знаменательная фраза: „Знайте,—развѣется ли прахъ мой на четыре конца свѣта, вылетитъ ли изъ груди моей слабый вздохъ среди тишины подземнаго заточенія, его услышитъ тотъ, кому услышать слѣдуетъ: упадетъ капля крови моей на землю—вырастетъ зорюшка.... мальчикъ сдѣлаетъ дудочку... дудочка заиграетъ, придетъ дѣвушка, и повторится та же исторія, только въ другомъ видѣ. Законъ судьбы или необходимости вѣченъ; но тогда, вѣроятно, ни васъ, ни меня не будетъ.“ Пророчество это сбылось въ 60-хъ и 70-хъ годахъ...

Даже ссылка его не сломила, и въ Сибири онъ остается такимъ же „безпокойнымъ,“ „неуимчивымъ,“ не умѣющимъ приспособиться къ условіямъ русской жизни. Это особенно можно видѣть изъ помѣщеннаго ниже его прошенія министру внутреннихъ дѣлъ.

„Воспоминанія былого лежатъ у меня на сердцѣ.“ Такъ началъ и кончилъ Д. Д. Ахшарумовъ предисловіе къ разсказу о своемъ участіи въ дѣлѣ петрашевцевъ. Подобныя воспоминанія должны лежать и на сердцѣ у всего русскаго общества. Изъ грязныхъ сумерекъ Николаевской эпохи должны ярко выступить фигуры борцовъ-страдальцевъ, своею кровью залившихъ русскую землю. Тихіе звуки ихъ призывной магической дудочки разрослись теперь въ могучую пѣсню освобожденія...

II.

Оффиціальныя публикаціи о дѣлѣ декабристовъ и польскихъ тайныхъ обществъ.

1825 годъ.

Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости.

(Декабря 19-го дня. № 300).

Санктпетербургъ, 15 декабря.

Вчерашній день будетъ, безъ сомнѣнія, эпохою въ исторіи Россіи. Въ оный жители столицы узнали съ чувствомъ радости и надежды, что Государь Императоръ Николай Павловичъ воспринимаетъ вѣнецъ Своихъ Предковъ, принадлежащій Ему, и вслѣдствіе торжественнаго, совершенно произвольнаго отреченія Государя Цесаревича Константина Павловича, и по назначенію въ Бозѣ почивающаго Императора Александра, и въ силу коренныхъ законовъ Имперіи о наслѣдіи Престола. Но Провидѣнію было угодно сей столь вожделѣнный день ознаменовать для насъ и печальнымъ происшествіемъ, которое внезапно, но лишь на нѣсколько часовъ, возмутило спокойствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ города. Вскорѣ послѣ изданія Высочайшаго манифеста о вступленіи Его Императорскаго Величества на Престолъ, Государственный Совѣтъ, Правительствующій Сенатъ и Святѣйшій Синодъ присягали въ вѣрности Монарху; въ теченіе утра должны были дать присягу всѣ полки Лейбъ-Гвардіи. Въ половинѣ двѣнадцатаго часа командующій Гвардейскимъ Корпусомъ и начальникъ Гвардейскаго Штаба донесли Его Величеству, что присяга учинена полками Конно-Гвардейскимъ, Кавалергардскимъ, Преображенскимъ, Семеновскимъ, Павловскимъ, Гренадерскимъ, Гвардейскимъ, Егерскимъ, Финляндскимъ, и Саперпымъ баталіономъ. О прочихъ полкахъ не было еще извѣстія; посему причиною полагали отдаленность ихъ казармъ отъ дворца. Въ двѣнадцать часовъ узнали, что четыре офицера Гвардейской Конной Артиллеріи, оказавшіе сопротивленіе, взяты подъ стражу, но что прочіе, какъ офицеры, такъ и нижніе чины Гвардейскаго Артиллерійскаго Корпуса присягали съ отмѣннымъ и единодушнымъ усердіемъ. Уже въ исходѣ перваго часа дошло до свѣдѣнія Его Величества, что часть Московскаго полка (какъ сказывали, отъ 3 до 4-хъ сотъ человѣкъ), выступивъ изъ своихъ казармъ съ распущенными знаменами и провозглашая Императоромъ Великаго Князя

Константина Павловича, идетъ на Сенатскую площадь. Толпы народа сбѣгались къ сей площади и передъ дворцомъ. Государь Императоръ вышелъ изъ дворца безъ свиты, явился одинъ народу и былъ встрѣченъ изъявленіями благоговѣнія и любви: отовсюду раздавались усердныя восклицанія. Между тѣмъ, двѣ возмутившіяся роты Московскаго полка не смирялись. Онѣ построились въ баталіонъ-карре передъ Сенатомъ; ими начальствовали семь или восемь оберъ-офицеровъ, къ нимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ гнуснаго вида во фракахъ. Небольшія толпы черни окружали ихъ и кричали: ура! Необходимость противопоставить имъ достаточное число вѣрныхъ войскъ была очевидна. Государь Императоръ далъ повелѣніе вывести одинъ баталіонъ Преображенскаго полка и, предводительствуя онымъ, приблизился къ мѣсту, гдѣ были собраны бунтующіе, но съ твердымъ намѣреніемъ не употреблять силы, пока будетъ хотя малѣйшая вѣроятность кротостью и увѣщаніемъ образумить ослѣпленныхъ мятежниковъ. Къ нимъ подъѣхалъ санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, въ надеждѣ, что его слова возвратятъ ихъ къ чувству обязанности; но въ ту самую минуту стоявшій возлѣ него человѣкъ во фракѣ выстрѣлилъ по немъ изъ пистолета и смертельно ранилъ сего вѣрнаго и столь отличнаго военачальника. Онъ умеръ нынѣшнюю ночь.

Сіе злодѣяніе ни въ чемъ не измѣнило намѣреній Его Императорскаго Величества. Твердость и милость равномѣрно оказывались въ сдѣланныхъ нѣсколько разъ по его повелѣнію увѣщаніяхъ возмутившихся. Государь призывалъ ихъ къ долгу и смиренію, но не внимая никакимъ условіямъ, не скрывая отъ нихъ, что и за самою скорою покорностію, долженствуетъ необходимо и во всякомъ случаѣ послѣдовать примѣрное наказаніе зачинщиковъ мятежа.

Между тѣмъ, Его Величество далъ приказаніе бывшій въ караулѣ у дворца полкъ Финляндскій Егерскій усилить Сапернымъ баталіономъ, а полкамъ Кавалергардскому, Конно-Гвардейскому, Павловскому, Гренадерскому, и Лейбъ-Гвардіи Артиллерійской первой бригадѣ явиться къ Нему. Всѣ сіи войска ревностно просили дозволенія однимъ ударомъ уничтожить бунтъ и мятежниковъ. Къ симъ послѣднимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ изъ Лейбъ-Гренадерскаго полка и Гвардейскаго Морского Экипажа; но, съ другой стороны, Великій Князь Михаилъ Павловичъ, который въ ту лишь минуту возвратился въ С.-Петербургъ, узнавъ, что часть принадлежащаго къ его дивизіи Московскаго полка обезславила себя возстаніемъ на законную Власть, немедля отправился къ казармамъ и тамъ, даже не употребляя никакихъ строгихъ мѣръ, привелъ къ присягѣ шесть ротъ сего полка, кои при началѣ возмущенія хотя отказывались присягать, однако же не хотѣли и слѣдовать примѣру вышедшихъ на Сенатскую площадь. Его Высочество, обязавъ сіи роты клятвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности къ Государю Императору Николаю Павловичу, привелъ ихъ къ Августѣйшему Брату Своему; онѣ пыла-

ли равнымъ съ другими войсками нетерпѣніемъ положить конецъ мятежу.

Но Государь Императоръ еще щадилъ безумцевъ, и лишь при наступленіи ночи, когда уже были вотще истощены всѣ средства убѣжденія, и само воззваніе Преосвященнаго Митрополита Серафима пренебрежено мятежниками, Его Величество, наконецъ, рѣшился вопреки желанію сердца Своего, употребить силу. Вывезены пушки, и немногіе выстрѣлы въ нѣсколько минутъ очистили площадь. Конница ударила на слабые остатки бунтовавшихъ, преслѣдуя и хватая ихъ. Потомъ разосланы по всѣмъ улицамъ сильные дозоры, и въ шесть часовъ вечера изъ всей толпы возмутившихся не было уже и двухъ человѣкъ вмѣстѣ; они бросали оружіе, или сдавались въ плѣнъ. Въ десять часовъ взято было дозорами болѣе пяти сотъ, кои скитались разсѣянные; виновнѣйшіе изъ офицеровъ пойманы и отведены въ крѣпость. Въ шесть часовъ вечера Государь возвратился во Дворецъ, и молебствіе по случаю восшествія Его Императорскаго Величества на престолъ совершено въ присутствіи Ихъ Величествъ, всего Двора и при великомъ стеченіи знатныхъ особъ. Въ городѣ уже было возстановлено повсемѣстное спокойствіе.

Таковы были происшествія вчерашняго дня; будучи очевидцами оныхъ, мы описали всѣ обстоятельства съ величайшею подробностію. Они безъ сомнѣнія горестны для всѣхъ русскихъ и должны были оставить скорбное чувство въ душѣ Государя Императора. Но всякъ, кто былъ свидѣтелемъ поступковъ нашего Монарха въ сей памятный день, Его великодушнаго мужества, разительнаго, ничѣмъ неизмѣняемаго хладнокровія, коему съ восторгомъ дивятся всѣ войска и опытнѣйшіе вожди ихъ; всякъ, кто видѣлъ, съ какою блистательною отважностію и успѣхомъ дѣйствовалъ Августѣйшій Братъ Его, Великій Князь Михаилъ Павловичъ; наконецъ, всякъ, кто размыслитъ, что мятежники, пробывъ четыре часа на площади, въ большую часть сего времени со всѣхъ сторонъ открытой, не нашли себѣ другихъ пособниковъ, кромѣ немногихъ пьяныхъ солдатъ и немногихъ же людей изъ черни, также пьяныхъ, и что изъ всѣхъ Гвардейскихъ полковъ ни одинъ въ цѣломъ составѣ, а лишь нѣсколько ротъ двухъ полковъ и Морского Экипажа могли быть обольщены или увлечены пагубнымъ примѣромъ буйства, тотъ, конечно, съ благодарностію къ Промыслу признаетъ, что въ семъ случаѣ много и утѣшительнаго, что оный есть не иное что, какъ минутное испытаніе, которое будетъ служить лишь къ ознаменованію истиннаго характера націи, непоколебимой вѣрности величайшей безъ всякаго сравненія части войскъ и общей преданности русскихъ Августѣйшему ихъ законному Монарху. Признаніе уже допрошенныхъ важнѣйшихъ преступниковъ и добровольная явка главнѣйшихъ зачинщиковъ, скорость, съ коею бунтующіе разсѣялись при самыхъ первыхъ выстрѣлахъ, изъявленія искренняго раскаянія солдатъ, кои сами возвращаются въ казармы оплакивать свое минутное заблужденіе, все доказываетъ, что они

были слѣпымъ орудіемъ, что провозглашеніе имени Цесаревича Константина Павловича и мнимая вѣрность присягѣ, отъ коей Его Императорское Высочество самъ произвольнымъ и непремѣннымъ отреченіемъ Своимъ разрѣшилъ всѣхъ, служили только покровомъ настоящему явному намѣренію замыслившихъ сей бунтъ навлечь на Россію всѣ бѣдствія безначалія.

Праведный судъ вскорѣ совершится надъ преступными участниками бывшихъ безпорядковъ. Помошію Неба, твердостію правительства они прекращены совершенно: ничто не нарушаетъ спокойствія столицы, и войска, кои изъ предосторожности провели минувшую ночь на бивуакахъ близъ дворца, возвратились въ казармы.

Нынѣ поутру Государь Императоръ объѣзжалъ всѣ находившіеся при Немъ полки и, узнавъ, что рядовые Гвардейскаго Экипажа изъявляютъ живѣйшее раскаяніе, утверждаютъ, что они были вовлечены въ мятежъ обманомъ, и уже въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича дали присягу въ вѣрности, дозволилъ сему баталіону предстать предъ Него, даровалъ имъ великодушное прощеніе и возвратилъ знамя, коего по волѣ Его Императорскаго Величества они были лишены вчера. Они со слезами славятъ милосердіе Монарха.

Русскій Инвалидъ.

(22 декабря. № 302).

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Печальное происшествіе, омрачившее 14-й день сего мѣсяца, день обнародованія Манифеста о восшествіи Нашемъ на Престолъ, извѣстно уже въ его подробностяхъ, изъ перваго публичнаго о немъ объявленія.

Тогда какъ всѣ Государственныя сословія, всѣ чины военные и гражданскіе, народъ и войска единодушно приносили Намъ присягу вѣрности и въ храмахъ Божіихъ призывали на Царствованіе Наше благословеніе небесное, горсть непокорныхъ дерзнула противостать общей присягѣ, закону власти, военному порядку и убѣжденіямъ. Надлежало употребить силу, чтобъ разсѣять и образумить сіе скопище. Въ семъ кратко состоитъ все происшествіе, маловажное въ самомъ себѣ, но весьма важное по его началу и послѣдствіямъ.

Сколь ни прискорбны сіи послѣдствія, но Провидѣніе показало въ нихъ новый опытъ тѣхъ сокровенныхъ путей, коими, карая зло, изъ самаго сего зла оно производитъ добро.

По первому обозрѣнію обстоятельствъ, слѣдствіемъ уже обнаруженныхъ, два рода людей составляли это скопище: одни—по заблужденію, умыслу непричастные; другіе—злоумышленные ихъ руководители.

Чего желали заблудшіе?—Быть вѣрными данной ими присягѣ.—Всѣми средствами обольщенія они были увѣрены, что защищаютъ престолъ, и въ семъ увѣреніи не могли они внимать никакимъ другимъ убѣжденіямъ. Чего желали злоумышленники?—Священныя имена преданности, присяги, законности, самое имя Цесаревича и Великаго Князя Константина Павловича были токмо предлогомъ ихъ вѣроломства; они желали и искали, пользуясь мгновеніемъ, исполнить злобные замыслы, давно уже составленные, давно уже обдуманные, давно во мракѣ тайны между ними тлѣвшіеся и отчасти токмо извѣстные правительству: испровергнуть Престолъ и отечественные законы, превратить порядокъ государственный, ввести безначаліе.

Какія средства?—Убійство. Первою жертвою злоумышленниковъ былъ военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ; тотъ, кого судьба войны на бранномъ полѣ въ пятидесяти сраженіяхъ пощадила, палъ отъ руки гнуснаго убійцы. Другія жертвы принесены были въ то же время: убитъ командиръ Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка Стюрлеръ; тяжко ранены генералъ-маіоръ Шеншинъ, генералъ-маіоръ Фридрихсъ и другіе, кровію своею запечатлѣвшіе честь и вѣрность своему долгу.

Ни дѣломъ, ни намѣреніемъ не участвовали въ сихъ злодѣяніяхъ заблудшіяся роты нижнихъ чиновъ, невольно въ сію пропасть завлеченныя.

Удостовѣрясь въ семъ самымъ строгимъ взысканіемъ, Я считаю первымъ дѣйствіемъ Правосудія и первымъ себѣ утѣшеніемъ объявить ихъ невинными.

Но то же самое правосудіе запрещаетъ щадить преступниковъ. Они, бывъ обличены слѣдствіемъ и судомъ, воспріимутъ по дѣламъ своимъ заслуженное наказаніе.

Сей судъ и сіе наказаніе, по принятымъ мѣрамъ, обнимая зло, давно уже гнѣздившееся, во всемъ его пространствѣ, во всѣхъ его видахъ, истребитъ, какъ Я уповаю, самый его корень, очиститъ Русь Святую отъ сей заразы, извнѣ къ Намъ нанесенной, смоетъ постыдное и для душъ благородныхъ несносное смѣшеніе подозрѣній и истины, проведетъ навсегда рѣзкую и неизгладимую черту раздѣленія между любовію къ Отечеству и страстію къ безначалію, между желаніями лучшаго и бѣшенствомъ превращеній, покажетъ, наконецъ, всему свѣту, что россійскій народъ, всегда вѣрный своему Государю и законамъ, въ коренномъ его составѣ также неприступенъ тайному злу безначалія, какъ недосягаемъ усиліямъ враговъ явныхъ, покажетъ и дастъ примѣръ, какъ истреблять сіе зло, и доказательство, что оно не вездѣ неизцѣльно.

Всѣхъ сихъ благотворныхъ послѣдствій Мы имѣемъ право ожидать и надѣяться отъ единодушной приверженности къ Намъ и Пре-

столу Нашему всѣхъ состояній.—Въ семъ самомъ горестномъ происшествіи Мы съ удовольствіемъ и признательностію зрѣли отъ обывателей столицы любовь и усердіе, отъ войскъ готовность и стремленіе по первому знаку Государя своего карать непокорныхъ, отъ начальниковъ ихъ преданность непоколебимую, на высокомъ чувствѣ чести и любви къ Намъ утвержденную.

Посреди ихъ отличался Графъ Милорадовичъ. Храбрый воинъ, прозорливый полководецъ, любимый начальникъ, страшный въ войнѣ, кроткій въ мирѣ, градоправитель правдивый, ревностный исполнитель Царскія воли, вѣрный сынъ Церкви и Отечества, онъ палъ отъ руки недостойной, не на полѣ брани, но палъ жертвою того же пламеннаго усердія, коимъ всегда горѣлъ; палъ, исполняя свой долгъ, и память его въ лѣтописяхъ Отечества пребудетъ всегда незабвенна.

Данъ въ Санктпетербургѣ въ 19-й день декабря мѣсяца, въ 1825-е лѣто отъ Рождества Христова. Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Русскій Инвалидъ.

(29 декабря. № 305).

Подробное описаніе происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14 декабря 1825 года.

Декабря 14 поутру Государь Императоръ извѣщенъ былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса, что нѣсколько ротъ лейбъ-гвардіи отказались отъ должной Его Императорскому Величеству присяги и, завлеченные буйствомъ своихъ капитановъ, овладѣли знаменами, принесенными къ полку для присяги, и изранили своего бригаднаго командира генералъ-маіора Шеншина и полкового командира генералъ-маіора Фридрихса; что толпа сія въ величайшемъ неистовствѣ взяла направленіе къ Исаакіевской площади, увлекая много встрѣчающихся ей офицеровъ, но что другая часть полка осталась покорною и въ порядкѣ.

Государь Императоръ, давъ повелѣніе генералъ-маіору Нейдгарту велѣть лейбъ-гвардіи Семеновскому полку немедленно унять бунтующихъ, а конной гвардіи быть готовой по востребованію, самъ изволилъ сойти на дворцовую главную гауптвахту, гдѣ караулъ былъ отъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, и приказалъ зарядить ружья и занять главныя дворцовыя ворота. Между тѣмъ доходили до Государя Императора свѣдѣнія, что бунтовавшія роты Московскаго полка были 5-я и 6-я, что онѣ уже вышли на площадь противъ сената и что

при нихъ находится толпа разныхъ людей въ самомъ буйственномъ видѣ. Государь Императоръ изволилъ приказать тогда же первому баталіону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка немедленно придти къ Его Величеству на дворцовую площадь, что имъ и исполнено въ неимовѣрной скорости. Въ то же время прибылъ къ Государю Императору военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ съ извѣстіемъ, что толпа произноситъ крикъ и восклицанія: „ура, Константинъ!“ и что онъ полагаетъ, что сіе есть только предлогъ къ самымъ пагубнымъ намѣреніямъ, для которыхъ нужно безотлагательно взять строжайшія мѣры. Тогда было послано отъ Его Величества повелѣніе прибыть тремъ ротамъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, свободнымъ отъ караула, и лейбъ-гвардіи Саперному баталіону, которому занять Зимній дворецъ, а 3-му баталіону лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и Кавалергардскому полку прибыть немедленно къ Его Величеству; между тѣмъ, самъ Государь Императоръ съ первымъ баталіономъ Преображенскаго полка пошелъ навстрѣчу бунтующимъ, дабы предупредить всякое покушеніе на дворецъ, въ коемъ изволили находиться Ихъ Императорскія Величества Государыни Императрицы и прочіе члены Императорской Фамиліи.

Прибывъ на площадь противъ дома княгини Лобановой, Государь Императоръ услышалъ выстрѣлы, и тогда же донесено Его Императорскому Величеству, что военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ смертельно раненъ бунтующими; въ то же время прибылъ къ Государю Императору лейбъ-гвардіи Конный полкъ, а вслѣдъ за нимъ три роты лейбъ-гвардіи Павловскаго полка; вскорѣ потомъ Его Императорское Высочество Михаилъ Павловичъ привелъ баталіонъ лейбъ-гвардіи Московскаго полка. Сей баталіонъ съ большимъ усердіемъ просилъ позволенія смыть кровью бунтующихъ срамъ и безчестіе, мундиру своему нанесенное; но Государь Императоръ, не желая проливать крови, предпочелъ мѣры кротости и увѣщанія. Но когда ни увѣщанія Его Величества, ни присутствіе митрополита, ни угрозы не могли склонить мятежниковъ къ добровольной сдачѣ, когда, напротивъ того, буйство ихъ примѣтно возрастало, къ шайкѣ прибыли разныя толпы лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка солдатъ съ тремя офицерами и знаменами онаго, и тогда же началась стрѣльба изъ среды шайки, то Его Величество изволилъ рѣшиться прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости тѣмъ необходимѣйшимъ, что чернь, подкупаемая деньгами и подносимымъ виномъ, начинала болѣе и болѣе приставать къ бунтующимъ.

Вслѣдствіе сего приняты были Государемъ Императоромъ слѣдующія мѣры: приказавъ лейбъ-гвардіи Преображенскому полку занять площадь спиною къ Адмиралтейству, лейбъ-гвардіи Семеновскому—улицу, ведущую къ манежу Конно-гвардейскаго полка и переулокъ отъ Галерной къ провіантскимъ магазинамъ, лейбъ-гвардіи же Измайловскому и Егерскому полкамъ стать въ резервъ, а Финляндскому одному батальону занять Исаакіевскій мостъ, Его Величество

изволилъ повелѣть артиллеріи 1-й Артиллерійской бригады быть готовой къ дѣйствію; Павловскаго же полка три роты заняли Галерную улицу. Прежде, однако жъ, не было приступлено къ послѣднимъ мѣрамъ строгости, Государь Императоръ изволилъ повелѣть лейбъ-гвардіи Конному и Кавалергардскому полкамъ сдѣлать покушеніе устрашить бунтовщиковъ атакою, весьма трудною, впрочемъ, по тѣсному мѣсту и выгодному расположенію мятежной шайки, усиленной уже большею частью баталіона Гвардейскаго Экипажа; но и сія мѣра не имѣла желаннаго успѣха. Мятежники стояли твердо и, пользуясь выгодою своего мѣста, продолжали неистовство. За симъ Его Величество съ душевнымъ прискорбіемъ приказалъ вывесть противъ мятежной толпы 4 орудія и зарядить оныя картечью, послалъ въ послѣдній разъ объявить имъ, чтобы они предались милосердію Государя Императора, но, получивъ рѣшительный отказъ, повелѣлъ начать стрѣльбу изъ орудій; по второму выстрѣлу вся шайка разсыпалась и была преслѣдована лейбъ-гвардіи Кавалергардскимъ и Коннымъ полками на Васильевскій Островъ вдоль по Англійской набережной и Галерной улицѣ, дабы отрѣзать бѣгущихъ; тогда же захвачено до 500 человѣкъ, а прочіе разсыпались въ разныя стороны по домамъ и по Невѣ.

Когда же совершенно смерклось, то, дабы отнять всякій способъ злонамѣреннымъ возобновить свои покушенія во время ночи, Его Величество изволилъ повелѣть оставить войска на ночь подъ ружьемъ. Вслѣдствіе сего Дворцовая площадь занята была лейбъ-гвардіи Преображенскимъ полкомъ, лейбъ-гвардіи Сапернымъ баталіономъ, двумя ротами 1-го баталіона лейбъ-гвардіи Егерскаго полка при 10-ти орудіяхъ при 1-й и 2-й батарейныхъ ротахъ и тремя эскадронами Кавалергардскаго полка; въ Большой Милліонной, у моста на Мойкѣ, поставлена была рота лейбъ-гвардіи Егерскаго полка при двухъ орудіяхъ, а другая при 4-хъ орудіяхъ у моста Эрмитажнаго театра; лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка 1-й баталіонъ и эскадронъ кавалергардовъ съ 4-мя орудіями поставлены на углу Зимняго дворца по набережной и противъ Адмиралтейства; 2-й баталіонъ лейбъ-гвардіи занималъ Адмиралтейскую площадь; на Исаакіевской площади подъ командою генералъ-адъютанта Васильчикова оставленъ баталіонъ Семеновскій, Московскій, 2-й баталіонъ Измайловскаго, 4 конныхъ орудія и 4 эскадрона лейбъ-гвардіи Коннаго полка; на Васильевскомъ Островѣ подъ командою генералъ-адъютанта Бенкендорфа 2 эскадрона лейбъ-гвардіи Коннаго полка, конно-піонерный дивизіонъ, баталіонъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и 4 орудія конной артиллеріи. Лейбъ-гвардіи Казачій полкъ наряженъ былъ для разъѣзда по прочимъ улицамъ города; сими мѣрами установлена совершенная тишина и забрано въ продолженіе ночи до 150 человѣкъ; многіе изъ зачинщиковъ частью взяты, частью же сами явились добровольно. Еще въ продолженіе вечера большая часть гвардейскаго морского экипажа воротилась добровольно въ свои казармы, гдѣ съ

искреннимъ раскаяніемъ и въ страхѣ отъ пагубнаго своего изступленія просила пощады и помилованія. Его Императорское Высочество великій князь Михаилъ Павловичъ личными убѣжденіями своими довершилъ то, къ чему собственное ихъ раскаяніе уже приготовило; всѣ единогласно предались милосердію Государя, съ покорностью ожидая своей участи; сему же послѣдовала и большая часть людей лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка. Къ чести мундира послѣ сихъ постыдныхъ происшествій произошли и примѣры отличнаго исполненія своихъ обязанностей: караулъ лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, стоявшій въ Сенатѣ подъ командою подпоручика Насакина 1-го, во все время стоялъ подъ ружьемъ и, несмотря ни на угрозы, ни на просьбы мятежниковъ, остался твердъ въ своей обязанности; то же самое исполнилъ и унтеръ-офицерскій караулъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, стоявшій въ Московскихъ казармахъ.

На другой день поутру порядокъ былъ совершенно возстановленъ. Государь Императоръ, лично объѣхавъ всѣ войска и поблагодаривъ ихъ за усердіе, вѣрность и отличный порядокъ въ столь горестномъ и неожиданномъ случаѣ, повелѣлъ ихъ распустить. Войска, за городомъ расположенныя, коимъ приказано было подойти къ столицѣ, возвращены на свои квартиры, кромѣ полковъ лейбъ-гвардіи Драгунскаго, приведеннаго въ городъ для разъѣздовъ, и по два эскадрона отъ полковъ лейбъ-гвардіи Гусарскаго и Уланскаго, оставленныхъ близъ города для перехваченія бѣглыхъ мятежниковъ. Его Императорское Величество, слѣдуя внушенію сердца своего и по совершенномъ удостовѣреніи въ истинномъ раскаяніи Гвардейскаго Экипажа, дозволилъ оному предстать предъ Его Величество и, удостовѣрясь лично, что однимъ обманомъ могъ онъ завлеченъ быть въ подобное неистовство, удостоилъ ихъ всемилостивѣйшаго прощенія и, возвративъ имъ дарованное блаженной памяти Государемъ Императоромъ знамя, велѣлъ оное вновь освятить, и баталіону учинить присягу, что исполнено въ раскаяніи, съ восторгомъ и видимымъ усердіемъ. Лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка двѣ роты съ отличною исправностью содержали караулъ 14 декабря въ Петропавловской крѣпости, сего же полка рота Его Величества, съ капитаномъ своимъ не хотѣвшая согласиться на буйство прочихъ, приведена была симъ капитаномъ къ Его Императорскому Величеству, и потому въ знакъ милости дозволено оной пристроиться къ занимающему Зимній дворецъ лейбъ-гвардіи Саперному баталіону; 15-го же числа по утру донесено Его Величеству Его Императорскимъ Высочествомъ Михаиломъ Павловичемъ, что и остальная большая часть нижнихъ чиновъ сего полка, обманомъ увлеченная, также въ истинномъ раскаяніи проситъ помилованія. Его Императорское Величество, желая и здѣсь оказать милосердіе искренно кающимся, возвратилъ и сему полку знамена, у нихъ взятыя, приказавъ освятить оныя вновь, и полкъ привелъ къ присягѣ. Все сіе исполнено съ отличнымъ усердіемъ. Лейбъ-гвардіи Московскій полкъ, равномѣрно лишившійся знаменъ, но заслужившій

помилованіе по вѣрности и усердію большей его части, равномѣрно всемилостивѣйше прощенъ, и знамена его вновь также освящены.

По продолжающимся подробнымъ достовѣрнымъ допросамъ явно изобличены зачинщики сего неслыханнаго предпріятія: въ чинѣ подпоручика Кондратій Рылѣевъ; дворянинъ Орестъ Сомовъ; бывшій вице-губернаторъ статскій совѣтникъ Іосифъ Горскій; отставной поручикъ Каховскій; лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитаны: князь Щепинъ-Ростовскій и Бестужевъ; адъютантъ Его Королевскаго Высочества герцога Александра Виртембергскаго Бестужевъ; лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ Сутговъ и поручикъ Пановъ; адъютантъ командующаго гвардейскою пѣхотою генералъ-лейтенанта Бистрома, поручикъ князь Оболенскій; дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса полковникъ князь Трубецкой; гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Корниловичъ; флота капит.-лейтенантъ Бестужевъ; адъютантъ адмирала Моллера Бестужевъ же; лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ князь Одоевскій; колежскіе ассесоры: Пущинъ (и) Вильгельмъ Кюхельбекеръ; лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ; всѣ они уже взяты и содержатся подъ арестомъ, кромѣ Кюхельбекера, который, вѣроятно, погибъ во время дѣла. Кромѣ сихъ главныхъ зачинщиковъ, арестованы состоящіе подъ сильнымъ сомнѣніемъ: Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Якубовичъ; добровольно явившійся 12-го Егерскаго полка полковникъ Булатовъ, гвардейскаго экипажа лейтенанты: Арбузовъ, Вишневскій, Кюхельбекеръ, Миллеръ и Бодиско; лейбъ-гвардіи Конно-Піонерскаго эскадрона капитанъ Пущинъ; лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручики: Малютинъ, Фокъ, Кожевниковъ и князь Вадбольскій.

Подлинное подписалъ: Генералъ-адъютантъ *Потаповъ*.

21 декабря 1825 г. С.-Петербургъ.

1826 годъ.

Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости.

(7-го января. № 5).

Прибавленіе къ подробному описанію происшествія, случившагося въ Санктпетербургѣ 14-го декабря 1825 года.

Происшествія 14-го декабря обнаружили ужасный заговоръ. Люди, недостойные имени россіянъ, составили его во мракѣ. Они умышляли умерщвленіе Императорской Фамиліи, безначаліе, разграбленіе имуществъ, убіеніе всѣхъ мирныхъ гражданъ. Такія безумныя предпріятія никогда не могли совершиться во всей своей обширности; но самое покушеніе привесть ихъ въ дѣйствіе уже имѣло бы слѣдствіемъ величайшія несчастія. Никогда строгость не могла быть необходимѣе, никогда общественная польза не требовала мѣръ столь рѣшительныхъ и быстрыхъ, какъ въ сихъ важныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ. Для сего Государь Императоръ еще въ первые дни учредилъ слѣдственную комиссію, въ которую соизволилъ назначить членами: Его Высочество Государя Великаго Князя Михаила Павловича, Министра Военныхъ Дѣлъ А. И. Татищева (Президентъ), Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Князя А. Н. Голицына, Генералъ-Адъютантовъ: П. В. Голенищева-Кутузова (Санктпетербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора), Бенкендорфа, Левашева и Потапова (Дежурнаго Генерала Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества). Сія комиссія неутомимо занимается симъ государственнымъ дѣломъ. Между тѣмъ правительство съ величайшею дѣятельностью исполняло долгъ свой во всемъ своемъ пространствѣ. Показанія заговорщиковъ, явно обличенныхъ, и открытіе общества, которое нѣсколько лѣтъ уже приготовляло переворотный взрывъ, поставили оное въ горестную необходимость прибѣгнуть къ многочисленнымъ арестованіямъ. Въ такихъ обстоятельствахъ государственное благо не дозволяетъ медлить: надлежало усугубить разысканія и открыть самый корень заговора, дабы схватить всѣ его нити. Правительство имѣетъ теперь утѣшительную надежду поставить конецъ мѣрамъ, кои должно было принять по сему случаю, ему извѣстны теперь всѣ тайны ненавистной и гнусной шайки, всѣ злодѣйскіе умыслы заговорщиковъ; оно обнародуетъ ихъ, какъ скоро слѣдствіе будетъ окончено.

Въ числѣ допрошенныхъ, благодаря Бога, нашлось нѣсколько невинныхъ, которые ту же минуту освобождены; другіе, по молодости и дѣтской неопытности, дозволили уловить себя въ сіи коварныя сѣти.

не зная ни цѣли, ни гибельныхъ послѣдствій своей неосторожности. Теперь съ мучительнѣйшими угрызеніями совѣсти видятъ они бездну, на край которой завлечены были. Нашлись и такіе, которые хотя не принадлежали къ сей злодѣйской шайкѣ, но знали, не открыли ихъ преступныхъ умысловъ, и тѣмъ сдѣлались сами причастны ихъ преступленію. Касательно главныхъ зачинщиковъ и заговорщиковъ примѣрная казнь будетъ имъ справедливымъ возмездіемъ за нарушеніе общественнаго спокойствія.

Русскій Инвалидъ.

(8 января. № 6).

Въ № 5 „Русскаго Инвалида," на страницѣ 20-й, въ строкахъ 19-й, 20 и 21 надобно читать: примѣрное наказаніе, коего требуютъ справедливость, польза Государства и общее мнѣніе людей благомыслящихъ.

Русскій Инвалидъ.

(10-го января. № 8).

Начальникъ Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Въ Санктпетербургѣ, января 8 дня 1826 года. № 2.

Черниговскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, по сдѣланнымъ открытіямъ и по показаніямъ соучастниковъ, оказался однимъ изъ главныхъ злоумышленниковъ, стремящихся къ общему безпокойствію и разрушенію благосостоянія Государства, имѣющихъ уже прежде за нѣсколько лѣтъ самыя злодѣйскія намѣренія противъ правительства и самой жизни блаженной памяти покойнаго Государя Императора Александра Павловича. Въ то самое время, какъ по открытіи сего преступленія приступлено было къ арестованію подполковника Муравьева-Апостола, онъ нанесъ нѣсколько ранъ полковому своему командиру подполковнику Гебелю, и успѣлъ возмутить часть Черниговскаго полка, ной присягѣ Его Императорскому Высочеству Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу. Онъ арестовалъ посланныхъ за нимъ фельдъегеря и жандармовъ, ограбилъ полковую казну, освободилъ закованныхъ каторжныхъ колодниковъ, содержавшихся въ Васильковской тюрьмѣ, и предалъ городъ неистовству нижнихъ чиновъ. Три роты подъ командою маіора Трухина остались вѣрными законному своему Государю и ушли отъ мятежниковъ; а полковой адъютантъ поручикъ Павловъ спасъ полковую печать и бумаги.—Главнокоман-

дующій 1-ю арміею предписалъ ближайшему корпусному командиру, генералу отъ инфантеріи князю Щербатову, отправиться самому съ нужнымъ числомъ войскъ для уничтоженія сей шайки злоумышленниковъ и для возстановленія прежняго порядка въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку, употребляя къ тому мѣры должной строгости и не щадя бунтовщиковъ. Хотя можно было надѣяться, что сими мѣрами совершенно прекратятся послѣдствія сего преступленія, но для избѣжанія и малѣйшаго опасенія, еслибы сверхъ ожиданія преступники могли скрыться отъ преслѣдованія генерала князя Щербатова,—Его Императорское Величество препоручилъ Его Высочеству Цесаревичу принять на сіе время подъ начальство свое войско 3-го пѣхотнаго корпуса, для скорѣйшаго и вѣрнѣйшаго наказанія мятежниковъ.

Государь Императоръ, принявъ за правило дѣйствовать со всею откровенностью предъ войсками, коихъ вѣрность и непоколебимость къ законной власти испыталъ при самомъ вступленіи Своемъ на Престолъ, Высочайше повелѣть мнѣ соизволилъ объявить имъ о всемъ выше изъясненномъ, дабы, предавъ ихъ презрѣнію имя преступника Муравьева-Апостола, сдѣлать извѣстнымъ имена подполковника Гебеля, маіора Трухина и поручика Павлова, заслуживающихъ непоколебимымъ усердіемъ своимъ уваженіе храбрыхъ и вѣрныхъ россійскихъ войскъ...

При самомъ утвержденіи сего приказа получено донесеніе отъ главнокомандующаго 1-ю арміею, съ рапортомъ отъ командира 3-го пѣхотнаго корпуса генерала-лейтенанта Рота, къ генералу-адъютанту Князю Щербатову, въ копіи при семъ приложенной, что возмущеніе Черниговскаго полка совершенно прекращено.

Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба *Баронъ Дибичъ.*

Копія съ рапорта, полученнаго 5-го сего Генваря по-полудни въ 8 часовъ Командиромъ 4-го пѣхотнаго Корпуса, Генералъ-Адъютантомъ Княземъ Щербатовымъ отъ Командира 3-го пѣхотнаго Корпуса Генералъ-Лейтенанта Рота отъ 3-го Генваря изъ мѣстечка Фастова, за № 13.

Узнавъ по прибытіи моемъ вчерась на ночь въ деревню Мохначку, что подполковникъ Муравьевъ съ мятежниками, по полученнымъ извѣстіямъ о моемъ движеніи, оставилъ намѣреніе идти чрезъ Фастовъ въ Брусиловъ, перемѣнивъ свое направленіе, шелъ къ Бѣлой Церкви, въ надеждѣ успѣть овладѣть у Графини Бряницкой значительной суммой, я сего числа въ 3 часа по-полуночи выступилъ съ кавалеріею и конною артиллеріею, давъ направленіе генералъ-маіору Гейсмару съ двумя орудіями и 3-мя эскадронами къ деревнѣ Устимовкѣ;—я же съ 5-ю эскадронами и 6-ю орудіями шелъ черезъ Фастовъ, дабы Муравьеву препятствовать всякое отступленіе, направилъ равномѣрно по-полуночи 12 ротъ пѣхоты съ 4-мя пѣ-

шими орудіями съ Большого Половецкаго на м. Бѣлую Церковь. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ онъ былъ окруженъ, и по приближеніи въ часъ по-полудни генералъ-маіора Гейсмара къ деревнѣ Устимовкѣ, гдѣ мятежники защищались, но, по нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ орудій, положили оружіе. Подполковникъ Муравьевъ раненъ, братъ его застрѣлился, одинъ офицеръ убитъ, кромѣ другихъ раненыхъ и убитыхъ. О чемъ Вашему Сіятельству имѣю честь сдѣлать первое мое донесеніе.

Русскій Инвалидъ.

(12-го января. № 9).

Санктпетербургъ 10-го января.

Въ одномъ изъ предшедшихъ номеровъ сихъ „Вѣдомостей“ мы помѣстили извѣстіе о мѣрахъ осторожности, кои по особенному Высочайшему повелѣнію Его Императорскаго Величества приняты по всѣмъ частямъ управленія, какъ скоро, вслѣдствіе происшествій 14 минувшаго декабря, открылись ковы злодѣевъ, умышлявшихъ на безопасность отечества и Августѣйшаго, по счастію Россіи, Царствующаго въ ней Дома.

Новое мятежническое покушеніе, столь-же преступное и безумное, столь-же легко и скоро остановленное дѣйствіемъ законной власти, какъ и то, коего мы были свидѣтелями, служитъ доказательствомъ несомнительнымъ и необходимости предписанныхъ Его Величествомъ сильныхъ мѣръ, и настоящаго намѣренія заговорщиковъ, наконецъ, и всего болѣе той утѣшительной для здравомыслящаго наблюдателя неоспоримой истины, что среди великодушнаго народа русскаго, среди славныхъ—вѣрностію—русскихъ войскъ, сіи пагубные замыслы не могутъ никогда имѣть даже и малѣйшаго успѣха.

Всякій удостовѣрится въ томъ, прочитавъ, въ ниже помѣщаемомъ Приказѣ Начальника Главнаго Штаба, описаніе бывшаго въ 3-е сего января уже совершенно прекращеннаго возмущенія части Черниговскаго полка.

Приказъ Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Въ Санктпетербургѣ. Января 9 дня, 1826 г., № 3.

Въ дополненіе приказа моего, отданнаго вчерашній день о возникшемъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку и уже прекращенномъ возмущеніи—объявляю симъ для свѣдѣнія войскъ вновь полученный Главнокомандующимъ 1-ю Арміею, въ копіи у сего прилагаемый, рапортъ Генералъ-Лейтенанта Рота, заключающій подробное донесеніе о преслѣдованіи и совершенномъ покореніи мятежниковъ.

Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба *Баронъ Дибичъ.*

Копія съ рапорта, полученнаго 6-го Января 1826 года въ 10 часовъ утра Главнокомандующимъ 1-ю Арміею Генераломъ отъ Инфантеріи Графомъ Сакеномъ, отъ командира 3-го пѣхотнаго Корпуса Генералъ-Лейтенанта Рота отъ 3-го того же Января изъ С. Трилесы за № 16-мъ.

„Спѣшу донести Вашему Сіятельству чрезъ нарочнаго, что послѣ выступленія моего изъ мѣстечка Поволоча по двухдневномъ преслѣдованіи возмутителя подполковника Муравьева-Апостола, имѣвшаго при себѣ шесть ротъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, я успѣлъ окружить его съ трехъ сторонъ.—Средній отрядъ настигъ мятежниковъ на Устиновской Высотѣ близъ деревни Полосовъ (Васильковскаго уѣзда), гдѣ Муравьевъ-Апостолъ, увидя приближеніе нашихъ войскъ, построилъ мятежниковъ своихъ въ каре, и, взявъ на руку, пошелъ прямо на орудія. Каре сей, бывъ принятъ картечнымъ огнемъ, разстроился.—Тогда кавалерія сдѣлала атаку, всѣ мятежники бросили оружіе, и до семи сотъ человѣкъ нижнихъ чиновъ сдались, равно какъ и самъ подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ, который весьма тяжело раненъ картечью и сабельнымъ ударомъ въ голову, штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ, поручикъ Быстрицкій, Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ и братъ Муравьева-Апостола, отставной подполковникъ; убиты же поручики: Кузьминъ, Щипила и свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части прапорщикъ Муравьевъ-Апостолъ (также братъ подполковника); кромѣ сего, ранено и убито нѣсколько нижнихъ чиновъ.—Со стороны нашей нѣтъ ни раненыхъ, ни убитыхъ. Донося о семъ Вашему Сіятельству, имѣю честь испрашивать разрѣшенія, какъ поступать со взятыми и обезоруженными мятежниками, которые завтрашняго числа по приказанію моему будутъ отправлены за конвоемъ въ дивизіонную квартиру 9-й пѣхотной дивизіи, мѣстечко Бѣлую Церковь, гдѣ они будутъ приведены къ присягѣ на вѣрное подданство Его Величеству Государю Императору Николаю Павловичу, и сдержаны подъ присмотромъ. Дѣлая Вашему Сіятельству мое донесеніе, что мятежъ совершенно прекращенъ, считаю долгомъ присовокупить, что войска, употребленныя для усмиренія онаго, оказали величайшее усердіе и похвальнѣйшій духъ. Нижніе чины, бывшіе съ Муравьевымъ-Апостоломъ, вообще не защищались, и видно, что они только обманомъ были завлечены къ буйству. 1-я же Гренадерская рота Черниговскаго пѣхотнаго полка не только не послѣдовала ихъ примѣру, но еще отстранилась отъ нихъ и примкнула ко мнѣ, что я отношу отличной твердости и достоинствамъ капитана оной Козлова. О семъ происшествіи донесено мною всеподданнѣйше Его Императорскому Величеству сего числа за № 17-мъ.“

Произведенное Муравьевымъ-Апостоломъ возмущеніе

показало въ другой части государства, что намѣренія заговорщиковъ повсюду одинаковы, что вездѣ ихъ средствомъ—убійства, цѣлію — безначаліе, грабежи и кровопролитія; оно показало также, что повсюду за исключеніемъ весьма немногихъ, ослѣпленныхъ или обманутыхъ, наши войска единодушны въ преданности къ власти законной, въ пламенномъ усердіи къ Государю, что военачальники и всѣ высшіе и нижніе чины исполняютъ долгъ свой, долгъ вѣрности, охраненія общественной безопасности, съ одинаковымъ рвеніемъ и неустрашимостью.

Взирая на сіе, кто изъ русскихъ не повторитъ, съ чувствомъ безпредѣльной довѣренности къ Небу, тѣхъ достопамятныхъ словъ Высочайшаго манифеста, въ коихъ Государь Императоръ, указуя на происшествія, мгновенно омрачившія день Его торжественнаго воцаренія, именуетъ оныя откровеніемъ тайныхъ путей Провидѣнія, Творящаго добро изъ самаго зла, Имъ караемаго.

Высочайше учрежденный тайный комитетъ, по волѣ Его Императорскаго Величества, объявляетъ, что дворянинъ Сомовъ, взятый по подозрѣнію въ участіи съ злоумышленниками, изъ коихъ со многими онъ былъ въ короткой связи, по изысканіямъ комитета оказался не только совершенно непричастнымъ къ заговору, имѣвшему цѣлію разрушить настоящій образъ государственнаго правленія въ Россіи, но и на Петровской площади во время возмущенія 14-го декабря совсѣмъ не былъ.

Русскій Инвалидъ.

(27-го января. № 22).

Приказъ Начальника Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества. Въ Санктпетербургѣ. Января 20-го дня 1826 года, № 7.

Черниговскаго пѣхотнаго полка первая Гренадерская рота, подъ начальствомъ капитана, что нынѣ маіоръ, Козлова, при возникшемъ въ семъ полку мятежѣ, сохранила непоколебимую вѣрность къ Престолу, и, удаляясь отъ злоумышленниковъ, явилась къ настоящему начальству, гдѣ съ ревностію способствовала въ покореніи мятежниковъ. Государь Императоръ, во вниманіе къ таковой вѣрности и отличному усердію, Высочайше повелѣть соизволилъ всѣхъ чиновъ оной роты перевесть въ полки Лейбъ-Гвардіи.

О сей Монаршей волѣ объявляю по всей арміи.

Подписалъ: Начальникъ Главнаго Штаба *Баронъ Дибичъ*.

Русскій Инвалидъ.

(29 января. № 24).

Слѣдственная комиссія, учрежденная по особому повелѣнію Его Императорскаго Величества вскорѣ послѣ происшествій 14-го минувшаго декабря, продолжаетъ дѣйствовать въ кругу, съ величайшею точностію ей предначертанномъ, и уже успѣла собрать многія достовѣрныя свѣдѣнія, объясняющія начало, ходъ и образованіе разныхъ тайныхъ обществъ, коихъ руководители въ замыслахъ своихъ, по счастію, невозможныхъ въ исполненіи, готовились изумить Россію злодѣйствами и ввергнуть въ бездну мятежей и бѣдствія. Представляемъ здѣсь въ краткомъ извлеченіи и лишь предварительно сіи свѣдѣнія, почерпнутыя изъ допросовъ и признаній самихъ виновныхъ.

Таковы были преступныя намѣренія управлявшихъ сими сообществами, что число людей, способныхъ принять въ оныхъ участіе, долженствовало быть весьма невелико, и сіе, къ чести имени русскаго, къ утѣшенію всѣхъ добрыхъ гражданъ, совершенно доказано производящимся слѣдствіемъ. Обстоятельства, о коихъ мы упомянемъ ниже, доказываютъ также, что въ семъ случаѣ безумство едва-ли равнялось гнусности умысла и что было бы легко заранѣе предсказать неуспѣхъ онаго, узнавъ, до какой степени простиралось разномысліе между заговорщиками, какъ ихъ предположенія противорѣчили одно другому, какъ, безпрестанно измѣняя ихъ, они часто въ неудомѣніе, казалось, сами ужасались своихъ желаній и останавливали всякое дѣйствіе, и, наконецъ, что всего замѣчательнѣе и важнѣе, какъ тщетны были ихъ усилія, чтобы собрать значительнѣйшее число сообщниковъ или распространить вредныя правила свои въ народѣ.

Первая мысль о составленіи сего заговора родилась въ распаленномъ воображеніи нѣсколькихъ молодыхъ людей, обольщенныхъ пагубнымъ примѣромъ мятежниковъ, кои посреди революцій, въ послѣднія тридцать лѣтъ потрясавшихъ Европу, въ стремленіи своемъ къ перемѣнамъ и разрушенію, уклоняясь отъ пути, указуемаго намъ преданіями добродѣтельныхъ предковъ, истинныхъ сыновъ Россіи, забывая данныя ими клятвы и самыя выгоды своего положенія въ обществѣ, слѣпо предались мечтательной надеждѣ быть преобразователями Россіи и предприняли готовить къ сему средства.

Изъ показаній ихъ явствуетъ:

1-е) что для сего въ концѣ 1815-го года они предположили, а въ началѣ 1816-го уже начали заводить тайное общество, которое составлялось изъ многихъ отдѣленій и коего цѣль была двоякая. Одна, всѣмъ объявляемая: благотвореніе, другая настоящая, но извѣстная лишь небольшому числу членовъ: измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи;

2-е) что члены, знавшіе истинную цѣль сообщества, еще въ 1817-мъ году, въ то самое время, когда въ Бозѣ почивающій Импе-

раторъ Александръ съ Августѣйшимъ Семействомъ Своимъ посѣтилъ Москву, Имъ освобожденную и Его щедротами подъятую изъ пепла, разсуждали о средствахъ умертвить Государя. Жизнь сего обожаемаго подданными Монарха они считали непреоборимымъ препятствіемъ въ исполненіи своихъ намѣреній, и одинъ изъ нихъ, не дожидая жребья, долженствовавшаго назначить убійцу, самъ вызвался на злодѣйство. Но, устрашенные ли въ сію минуту воплемъ совѣсти, еще не совсѣмъ въ нихъ умолкшей, или думая, что имъ должно прежде изготовить способы ко всеобщему испроверженію, они вдругъ рѣшились отложить замышляемое ужасное убійство до другого времени;

3-е) что въ 1818-мъ году, находя, что ихъ сообщество не довольно быстро распространяется, они собрались опять въ Москвѣ и дали оному новое образованіе, съ именемъ Союза благоденствія или Зеленой книжки. Цѣль попрежнему была двоякая: всѣ чины, сверхъ дѣлъ благотворительности, обязывались способствовать успѣхамъ просвѣщенія и улучшенію нравовъ; намѣреніе испровергнуть государственныя постановленія въ Россіи оставалось тайною начальниковъ; они старались приготовлять къ тому умы, умножая число своихъ сообщниковъ и мало-по-малу открывая имъ свои мнѣнія и виды;

4-е) что въ 1821-мъ году, на третьемъ общемъ собраніи депутатовъ всѣхъ отдѣленій въ Москвѣ, они принуждены были признать худой успѣхъ своего предпріятія, вовсе несоотвѣтствовавшій ихъ ожиданіямъ; отъ того произошли разномыслія, пренія, и, наконецъ, начальники, удостовѣрясь, что большая часть членовъ не одобряетъ ихъ политическихъ замысловъ, чтобы удалить сихъ членовъ, сдѣлали предложеніе, на которое согласились всѣ, одни искренно, другіе притворно, уничтожить союзъ. Съ тѣхъ поръ, многіе навсегда отказались отъ всякихъ сношеній съ остатками бывшаго общества;

5-е) но что изъ сихъ остатковъ злоумышленники составили новыя сообщества, въ коихъ вступающіе были избираемы съ чрезвычайными предосторожностями; взаимныя сношенія оныхъ были покрыты глубочайшею тайною;

6-е) что около того времени учредились два общества, почитаемыя главными, Сѣверное и Южное. Они имѣли свои Директоріи или Думы, первое въ Петербургѣ, другое въ Тульчинѣ; отъ нихъ зависѣло нѣсколько отдѣленій подъ названіемъ Управъ или Округовъ, вскорѣ потомъ возникло третье общество: Соединенныхъ Славянъ; съ нимъ были въ тѣсной связи два члена Южнаго;

7-е) что вслѣдъ затѣмъ начальниками всѣхъ сихъ обществъ составленъ планъ для испроверженія существующаго порядка посредствомъ вооруженной силы; для того они старались присоединить къ себѣ военнослужащихъ, и въ особенности ротныхъ и полковыхъ командировъ;

8-е) что во всѣхъ вышеозначенныхъ обществахъ первенствовав-

шіе члены, и каждый лишь по видамъ своего личнаго честолюбія. дѣлали разныя предположенія для будущаго образованія государства: одни предлагали вручить верховную власть Совѣту, составленному изъ трехъ правителей, надѣясь быть въ числѣ оныхъ; другіе хотѣли раздробить Россію на нѣсколько независимыхъ, но соединенныхъ общимъ союзомъ частей, подъ названіемъ Держава, чтобы быть главами въ сихъ отдѣленныхъ правленіяхъ; наконецъ, иные думали отторгнуть отъ имперіи цѣлыя области и объявить ихъ совершенно независимыми или уступить сосѣдственнымъ государствамъ;

9-е) что посреди сихъ противныхъ мнѣній, внушаемыхъ однимъ слѣпымъ и престушнымъ желаніемъ власти, нѣкоторые изъ предложенныхъ плановъ не утверждены общимъ согласіемъ; но что нѣсколько человѣкъ изъ главныхъ заговорщиковъ снова обратились къ прежнему гнусному умыслу на жизнь покойнаго Императора Александра;

10-е) что въ 1823 году два члена, рѣшась совершить злодѣйскій ударъ, отправились въ Бобруйскъ ожидать проѣзда Государя, и не исполнили ужаснаго намѣренія только за неявкою приглашенныхъ ими на помощь сообщниковъ;

11-е) что въ 1825-мъ году мятежники опять думали приступить къ исполненію онаго, что между ними одинъ, осыпанный благодѣяніями Императора, предложилъ себя въ Его убійцы и долго, съ злобнымъ упорствомъ, противился мнѣнію другихъ не столь нетерпѣливыхъ злоумышленниковъ; тогда въ ихъ скопищѣ было сначала опредѣлено послать въ Таганрогъ изверговъ, принадлежащихъ къ обществу Соединенныхъ Славянъ, но потомъ однако же сдѣланъ новый планъ еще отложить сіе злодѣйство до прибытія Его Императорскаго Величества въ Бѣлую Церковь на смотръ въ маѣ 1826-го года;

12-е) что другой кровожадный мятежникъ нарочно пріѣхалъ изъ отдаленнаго края въ Санктпетербургъ, въ исходѣ 1825-го года, и присоединился къ Сѣверному Обществу, чтобы участвовать въ убіеніи Императора Александра;

13-е) что, когда по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, смерть естественная, послѣ тяжкой, хотя недолговременной болѣзни, лишила насъ въ Александрѣ Отца и Государя, то злоумышленники рѣшились истребленіемъ всей Императорской Фамиліи подать знакъ къ мятежу, и думали произвести въ одно время возмущеніе въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й арміи.

Но сіи люди, недостойные имени русскихъ, обманывали себя и на счетъ собственныхъ силъ своихъ, кои всегда были ничтожны, и на счетъ возможности замышленныхъ ими бунтовъ. Послѣдствія обоихъ покушеній, какъ членовъ Сѣвернаго Общества въ Петербургѣ 14-го декабря, такъ и Муравьева-Апостола въ Васильковѣ и окрестностяхъ, доказали, что ни въ какомъ сословіи мятежники не могли найти себѣ пособниковъ; ибо тѣ немногіе рядовые воины, кои сначала послѣдовали имъ, и даже нѣкоторые изъ офицеровъ, были не обольщены, а обмануты, вѣря, что ихъ ведутъ исполнять долгъ,

налагаемый присягою: сіи происшествія доказали, что ковы сего рода (еслибъ даже оные были и не столь безразсудно составлены) не могутъ имѣть успѣха въ Россіи.

Правительство, какъ мы уже сказали выше, съ радостію удостовѣрилось, что число заговорщиковъ и особенно тѣхъ, кои очернили себя злодѣйствомъ на дѣлѣ или въ намѣреніи, весьма невелико. Ему теперь извѣстны всѣ заведенныя ими тайныя общества, всѣ безумные и преступные ихъ умыслы, всѣ средства, которыя они хотѣли употребить для проведенія ихъ въ дѣйствіе. Исполнивъ первый долгъ свой охраненія безопасности государства, оно вскорѣ приступитъ къ исполненію другой, не менѣе священной обязанности: правосудія, требуемаго и самымъ человѣколюбіемъ.

Правительство отличитъ съ надлежащею точностію, какъ о томъ было объявлено, разныя степени преступленія допрашиваемыхъ слѣдственною Комиссіею. Первые, виновнѣйшіе были основателями или начальниками сихъ тайныхъ обществъ. За ними слѣдуютъ тѣ, кои, зная всѣ, отъ прочихъ сокрываемые, ужасные замыслы, участвовали въ сихъ злодѣйственныхъ намѣреніяхъ; другіе долженствовали только служить орудіемъ для исполненія плана, имъ непзвѣстнаго, а нѣкоторые, слѣпо-легковѣрные, такъ же, какъ бывшіе съ ними обманутые рядовые, даже не подозрѣвали, что ихъ вооружаютъ противъ законной власти и порядка.

Разсмотрѣніе извѣтовъ и соображеніе обстоятельствъ, разсказываемыхъ людьми столь несходными между собою, долго затрудняло и замедляло ходъ порученнаго Комиссіи изслѣдованія; но оно близко къ окончанію. Главные преступники, изверги, покушавшіеся на цареубійство, возбудители мятежей или обнажавшіе мечъ на Государя и установленныя Имъ начальства, уже уличены; но доселѣ не преданы суду и достойному наказанію, потому что могутъ еще быть нужны для очныхъ ставокъ съ сообщниками, для того, чтобы, допрашивая многихъ, тѣмъ вѣрнѣе въ опредѣленіи мѣры вины каждаго избѣжать увеличить важность преступленія, однимъ словомъ, чтобы, допрашивая всякой ошибки, особливо такой, которая могла бы въ глазахъ судіи увеличить важность преступленія, однимъ словомъ, чтобы справедливость окончательнаго приговора не была подвержена ни малѣйшему сомнѣнію. Между тѣмъ, слѣдственная комиссія ревностно исполняетъ повелѣніе Государя, донося Его Величеству безъ потери времени о всѣхъ, кои оказываются взятыми подъ стражу по неосновательнымъ подозрѣніямъ, происшедшимъ отъ нечаяннаго стеченія обстоятельствъ, и Его Императорское Величество немедленно возвращаетъ имъ свободу.

Русскій Инвалидъ.

(18-го мая. № 116).

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею Милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ всенародно.

По донесеніямъ начальниковъ губерній дошло до Нашего свѣдѣнія, что въ нѣкоторыхъ селеніяхъ казенные и помѣщичьи крестьяне, обманутые ложными слухами и злонамѣренными разглашеніями, отступаютъ отъ должнаго порядка, полагая: первые, то-есть казенные крестьяне, что будутъ освобождены отъ платежа податей, а послѣдніе, то-есть помѣщичьи, отъ повиновенія ихъ господамъ.

Сожалѣя о заблужденіи сихъ поселянъ и желая обратить ихъ на путь истинный мѣрами кротости, свойственными Отеческому милосердію Нашему, повелѣваемъ объявить повсемѣстно:

1) что всякіе толки о свободѣ казенныхъ поселянъ отъ платежа податей, а послѣднихъ, то-есть помѣщичьихъ крестьянъ и дворовыхъ людей—отъ повиновенія ихъ господамъ, есть слухи ложные, выдуманные и разглашаемые злонамѣренными людьми изъ одного корыстолюбія, съ тѣмъ, чтобъ посредствомъ сихъ слуховъ обогатиться за счетъ крестьянъ, по ихъ простодушію.

2) Всѣ состоянія въ государствѣ, въ томъ числѣ и поселяне, какъ казенные, такъ и помѣщичьи крестьяне и дворовые люди, по всей точности должны исполнять всѣ обязанности, законами предписанныя, и безпрекословно повиноваться установленнымъ надъ ними властямъ.

3) Если и за симъ Нашимъ повелѣніемъ откроется какой-либо безпорядокъ между казенными поселянами, или помѣщичьими крестьянами и дворовыми людьми, по ложнымъ слухамъ о свободѣ отъ платежа податей или отъ законной власти помѣщиковъ, то виновные навлекутъ на себя справедливый Нашъ гнѣвъ, и немедленно будутъ наказаны по всей строгости законовъ.

4) Подтверждается начальникамъ губерній имѣть неослабное наблюденіе, дабы разглашатели подобныхъ слуховъ или толковъ были безъ промедленія предаваемы суду, для поступленія съ ними также по всей строгости законовъ.

5) А какъ и до Насъ уже прямо доходятъ недѣльныя просьбы поселянъ, писанныя на основаніи вышесказанныхъ слуховъ или толковъ, то, для прекращенія сего зла и сохраненія тишины и порядка, Мы повелѣваемъ сочинителей или писателей такихъ просьбъ, яко возмутителей общаго спокойствія, предавать суду и наказанію по всей строгости законовъ.

Правительствующій Сенатъ немедленно учинитъ надлежащее распоряженіе къ опубликованію сего Нашего повелѣнія во всенародное извѣстіе, предписавъ притомъ, чтобъ чтеніе онаго въ воскресные и праздничные дни по церквамъ, на торгахъ и ярмаркахъ продолжаемо было въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня полученія сего повелѣнія въ губерніяхъ, съ строгимъ сверхъ того подтвержденіемъ начальникамъ оныхъ, дабы за исполненіемъ изложенныхъ въ семъ Нашемъ повелѣніи мѣръ имѣли они неослабное наблюденіе, что и возлагаемъ на непосредственную ихъ отвѣтственность въ предупрежденіе всякаго неустройства.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Въ Царскомъ Селѣ. 12-го Маія 1826.

Русскій Инвалидъ.

(4 іюня. № 131)

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею Милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Изъ манифеста Нашего 19 декабря минувшаго года и изъ послѣдовавшихъ всенародныхъ объявленій извѣстно уже всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ существованіе злыхъ умысловъ на испроверженіе Престола, на превращеніе государственнаго порядка, отечественныхъ законовъ, всего Россіи священнаго.

Слѣдственной комиссіи, для изысканія ихъ учрежденной, поставили Мы въ обязанность объять дѣло сіе во всемъ его составѣ, дойти до самыхъ сокровенныхъ его корней, обнаружить его начало и расширеніе, всѣ его связи и постепенности, и обнаружить не признаками вѣроятностей или подозрѣній, но доказательствами достовѣрными, очевидными, неопровергаемыми.

Столь точное и столь обширное изысканіе было необходимо. Когда въ самые первые дни царствованія Нашего неисповѣдимымъ судьбамъ Вышняго благоугодно было развернть предъ нами ужасную тайну, за десять лѣтъ прежде составленную и столько времени во мракѣ сокровенную: то былъ перстъ Божій, указующій Намъ путь и средства и обязанность Нашу, обязанность тѣмъ болѣе для Насъ священную, что не во дни державы Нашей возникло и не намъ лично, но всему отечеству совокупно грозило сіе бѣдствіе.

Таковы были мысли Наши при учрежденіи слѣдственной комиссіи; таковы были и правила, данныя ей въ руководство. Въ теченіе слиш-

комъ пяти мѣсяцевъ ежедневно занимаясь ввѣреннымъ ей дѣломъ, трудами по-истинѣ неусыпными, сличая и повѣряя каждое обстоятельство, каждое показаніе, каждое происшествіе, устраняя вѣроятности, отвергая мнимыя подозрѣнія, утверждаясь на единой очевидности, на собственномъ признаніи обвиняемыхъ или на уликахъ, ничѣмъ неопровергаемыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляя имъ всевозможные способы къ оправданію, — комиссія, наконецъ, достигла цѣли, ей предназначенной, и въ окончательномъ донесеніи представила Намъ всю совокупность ея изысканій, съ приложеніемъ въ подлинномъ всѣхъ доказательствъ, на коихъ они утверждаются.

При разсмотрѣніи сего донесенія и приложеній къ оному представляются въ нихъ два рода обвиненій, очевидно различныхъ: обвиненія тяжкія въ преступленіяхъ государственныхъ, въ замыслахъ долголѣтнихъ, обдуманныхъ и упорныхъ, постоянно и непреклонно къ одной пагубной ихъ цѣли устремленныхъ; и обвиненія въ поступкахъ, коихъ начало состояло въ малодушіи, въ слѣпомъ довѣріи къ другимъ, въ неумѣніи проникнуть въ ихъ тайны или въ кратковременномъ порывѣ страстей, раскаяніемъ сопровождаемомъ, и вообще въ намѣреніяхъ колеблемыхъ, безъ цѣли постоянно, опредѣленной, а паче всего безъ участія въ какомъ-либо дѣйствіи. Сіи послѣднія обвиненія сами по себѣ подлежатъ дѣйствію мѣръ исправительныхъ; первыя же, хотя въ разныхъ степеняхъ, но всѣ относясь болѣе или менѣе къ самому существу и средоточію злоумышленій, всѣ ровно подлежатъ одному и тому же суду.

Сей судъ положили Мы составить изъ трехъ государственныхъ сословій: Государственнаго Совѣта, Правительствующаго Сената и Святѣйшаго Синода, присоединивъ къ онымъ нѣсколько особъ изъ высшихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ. Предсѣдатель и члены слѣдственной комиссіи не будутъ въ немъ присутствовать.

Таковымъ устройствомъ сего Суда Мы желали не токмо сохранить законную силу прежнихъ примѣровъ, но еще болѣе желали означить, что Мы всегда признавали дѣло сіе дѣломъ всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества, дѣломъ всей Россіи.

Ввѣря сему верховному уголовному суду участь обвиняемыхъ, Мы единаго отъ него ожидаемъ и требуемъ: с п р а в е д л и в о с т и, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ не колеблемой, на законѣ и силѣ доказательствъ утверждаемой.

По совершеніи суда и по поднесеніи Намъ доклада, приговоръ онаго со всѣми обстоятельствами будетъ преданъ во всеобщее извѣстіе. Данъ въ Санктпетербургѣ іюня 1-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1826-е, царствованія же Нашего первое.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

УКАЗЪ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМУ СЕНАТУ.

Вслѣдствіе манифеста Нашего, въ сей день состоявшагося, повелѣваемъ:

1) Предсѣдателемъ въ верховномъ уголовномъ судѣ быть дѣйствительному тайному совѣтнику 1-го класса князю Лопухину, а въ случаѣ болѣзни его дѣйствительному тайному совѣтнику князю Куракину.

2) Министру юстиціи исполнять въ семъ судѣ обязанности по званію генералъ-прокурора.

3) Сверхъ членовъ трехъ государственныхъ сословій присутствовать въ верховномъ уголовномъ судѣ нижеслѣдующимъ чинамъ: дѣйствительному тайному совѣтнику графу Головкину, генералу графу Ланжерону, дѣйствительному тайному совѣтнику барону Строганову, генералъ-адъютанту Воинову, инженеръ-генералу Опперману, генералъ-адъютантамъ: графу де Ламберту, Сенявину, Боровдину, Паскевичу, генералъ-адъютанту Эманюелю, генералъ-адъютантамъ: графу Комаровскому, Башуцкому, Закревскому и Бистрому и сенатору Московскихъ департаментовъ тайному совѣтнику Кушникову.

На подлинномъ написано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Въ С.-Петербургѣ, іюня 1 дня 1826 года.

Приложеніе къ Русскому Инвалиду.

(12 іюня. № 138).

(Печатано въ военной типографіи Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества по Высочайшему повелѣнію).

ДОНЕСЕНІЕ СЛѢДСТВЕННОЙ КОМИССІИ.

Его Императорскому Величеству Высочайше учрежденной Комиссіи для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ всеподданнѣйшій докладъ.

Комиссія, учрежденная указомъ Вашего Императорскаго Величества отъ 17-го декабря минувшаго года, привела къ окончанію порученное ей изслѣдованіе, и представляетъ на высочайшее усмотрѣніе Ваше, вмѣстѣ съ подробнымъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ, всѣ собранныя ею свѣдѣнія объ открытыхъ въ Россіи тайныхъ обществахъ приличенныхъ въ злоумышленіи, о началѣ оныхъ, ходѣ, измѣнствахъ привлеченныхъ въ злоумышленіи, о началѣ оныхъ, ходѣ, измѣненіяхъ, планахъ, мало-по-малу распространявшихся, равно и о сте-

пени участія въ сихъ планахъ и предпріятіяхъ, и вообще о поступкахъ и дознанныхъ намѣреніяхъ каждаго изъ членовъ.

Вашему Величеству, при самомъ назначеніи комиссіи и почти въ минуту усмиренія бывшаго мятежа, угодно было напомнить, что, слѣдуя побужденіямъ собственнаго сердца и примѣру славныхъ предковъ своихъ, Вы лучше хотите простить десять виновныхъ, нежели одного невиннаго подвергнуть наказанію. Симъ правиломъ мудраго великодушія комиссія постоянно руководствовалась въ продолженіе слѣдствія; но, съ другой стороны, не теряла изъ вида возложенной на нее обязанности стараться, посредствомъ точныхъ изысканій, очистить государство отъ зловредныхъ началъ, обезпечить тишину и порядокъ, успокоить совершенно гражданъ мирныхъ, преданныхъ престолу и закону.

Устремляясь къ сей цѣли, комиссія вникла тщательно, но безъ предубѣжденій, во всѣ обстоятельства, кои могли служить къ обнаруженію какой-либо отрасли кова мятежниковъ; при разсмотрѣніи оныхъ и во всякомъ случаѣ, по возможности, отличала минутное ослѣпленіе и слабость отъ упорнаго зломыслія, и основаніемъ своихъ заключеній почти всегда полагала признаніе самихъ подозрѣваемыхъ, или бумаги, ими писанныя; извѣты же сообщниковъ и показанія другихъ свидѣтелей были, по большей части, только пособіями для улики, или для распространенія слѣдствія и соображеній при вопросахъ.

Какъ Вашему Величеству извѣстно, одно изъ таковыхъ показаній, долженствовавшее возбудить особенное вниманіе правительства, получено въ Бозѣ почивающимъ Императоромъ Александромъ въ іюнѣ минувшаго года отъ Шервуда, унтеръ-офицера 3-го Бугскаго уланскаго полка. Онъ доносилъ, что въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й арміи есть люди, замышляющіе испроверженіе порядка въ государствѣ, и что они принадлежатъ къ тайному обществу, которое постепенно умножаетъ число своихъ членовъ. Именуя одного изъ нихъ (Вадковскаго Федора), Шервудъ просилъ позволенія ѣхать въ Курскъ, для свиданія съ нимъ и другими, коихъ онъ считалъ его сообщниками, надѣясь имѣть чрезъ то вѣрнѣйшія и обстоятельнѣйшія свѣдѣнія. Оныя въ самомъ дѣлѣ доставлены имъ правительству въ сентябрѣ мѣсяцѣ, а вскорѣ затѣмъ согласныя и еще подробнѣйшія извѣстія привезены въ Таганрогъ генералъ-лейтенантомъ графомъ Виттомъ, который зналъ о существованіи и цѣли тайнаго злоумышленнаго общества, чрезъ агента своего, притворно къ оному присоединившагося. Большая часть сихъ показаній подтверждена полученнымъ 1-го декабря на имя въ Бозѣ почивающаго Императора письмомъ Майбороды, капитана Вятскаго полка, который самъ былъ членомъ Тайнаго общества. Вслѣдствіе сего извѣта, начальствомъ 2-й арміи и присланнымъ изъ Таганрога генералъ-адъютантомъ Вашего Величества приняты мѣры осторожности; по указаніямъ Майбороды, взяты подъ стражу многіе изъ подозрѣваемыхъ въ злоумышленіи, отысканы, захвачены нѣкоторыя ихъ бумаги и сдѣланы предварительные допро-

сы. Но между тѣмъ сообщники ихъ въ С.-Петербургѣ, зная ли, что правительству уже извѣстны ихъ намѣренія, или только нетерпѣливо желая приступить къ исполненію оныхъ, предприняли обмануть часть гвардейскихъ полковъ на счетъ присяги Вашему Величеству, чтобы произвести движеніе, коего жители столицы были свидѣтелями 14-го декабря. Въ тотъ же вечеръ они почти всѣ были во власти правительства, и показанія ихъ дополнили, объяснили прежнія извѣстія о существованіи заговора.

Съ сего времени начались дѣйствія комиссіи. Получаемыя съ каждымъ днемъ новыя свѣдѣнія доказывали необходимость распространенія слѣдствія; комиссія, соображаясь въ точности съ правилами, Вашимъ Величествомъ предначертанными, не иначе употребляла данную ей власть и приступала къ разысканіямъ, какъ въ случаяхъ явной надобности. По требованіямъ оной, взяты подъ стражу или призваны къ допросу лишь тѣ, даже изъ членовъ тайныхъ обществъ, о коихъ по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ должно было заключить, что они или участвовали въ самыхъ преступныхъ умыслахъ и могутъ еще быть опасны, или что показанія ихъ нужны для обличенія главныхъ мятежниковъ и обнаруженія всѣхъ плановъ ихъ. О многихъ, коихъ имена означены въ особомъ, у сего подносимомъ спискѣ, какъ несовершенно знавшихъ цѣль тайнаго общества, къ коему они принадлежали, или удалившихся отъ онаго по чувству вины своей Комиссія положила только довести до высочайшаго Вашего свѣдѣнія, предавая судьбу ихъ правосудію и милосердію Вашего Императорскаго Величества. Но всѣ, по вышеизложеннымъ причинамъ, долженствовавшіе обратить на себя вниманіе комиссіи, допрошены съ надлежащимъ тщаніемъ и точностію [1]); отвѣты ихъ объяснены сличеніемъ, подтверждены очными ставками, и почти во всѣхъ, по крайней мѣрѣ во всѣхъ главныхъ обстоятельствахъ, относящихся къ цѣли заговора, составу Тайнаго общества и дѣйствіямъ руководителей онаго, показанія ихъ совершенно согласны [2]).

Изъ оныхъ открывается, что въ 1816 году нѣсколько молодыхъ людей, возвратясь изъ-за границы послѣ кампаніи 1813, 1814 и 1815 года и знавъ о бывшихъ тогда въ Германіи тайныхъ обществахъ съ политическою цѣлію, вздумали завести въ Россіи нѣчто подобное. Первые, сообщившіе другъ другу мысль сію, были Александръ Муравьевъ, нынѣ отставной полковникъ [3]), который сначала полагалъ сіе тайное общество вмѣстить въ составъ какой-нибудь масонской ложи, Никита Муравьевъ (капитанъ), и полковникъ князь

---

[1]) Не допрошенъ Николай Тургеневъ, который былъ требованъ, но не явился изъ-за границы для отвѣта.

[2]) Тѣмъ изъ допрошенныхъ, кои оказались или непринадлежавшими къ злоумышленнымъ тайнымъ обществамъ, или совершенно отставшими отъ оныхъ, немедленно возвращена свобода.

[3]) Съ именами всѣхъ, въ семъ донесеніи упоминаемыхъ, означаются ихъ нынѣшніе чины.

Трубецкой. Побужденіемъ ихъ, какъ говоритъ Александръ Муравьевъ въ своемъ письменномъ отвѣтѣ на допросъ, была ложно понимаемая любовь къ отечеству, служившая для нихъ самихъ покровомъ безпокойнаго честолюбія; они не чувствовали, какъ нынѣ признаютъ единогласно во всѣхъ показаніяхъ своихъ, что чрезъ предполагаемыя ими средства никакая истинно-полезная цѣль не могла быть достигнута [1]); что существованіе такого сообщества было беззаконно и противно нравственности [2]); что слѣдствіемъ онаго рано или поздно, и, можетъ быть, даже безъ участія многихъ членовъ, долженствовали быть преступленія, ихъ собственная гибель и вредъ для государства [3]).

На сихъ первыхъ совѣщаніяхъ о заведеніи общества, были, сверхъ поименованныхъ, офицеры прежняго Семеновскаго полка: Якушкинъ, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы. Они тогда не приступали къ исполненію плановъ своихъ, и только въ февралѣ слѣдующаго (1817) года, когда капитанъ Никита Муравьевъ, познакомясь съ полковникомъ Пестелемъ, сблизилъ его (какъ онъ говоритъ) съ Александромъ Муравьевымъ, уже имѣвшимъ тѣсную связь съ княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ, учредилось ихъ первое тайное общество, подъ названіемъ Союза спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества. Уставъ онаго былъ сочиненъ Пестелемъ. Общество раздѣлялось на три степени: братій, мужей и бояръ [4]). Изъ сей третьей высшей степени избирались ежемѣсячно старѣйшины: предсѣдатель, блюститель и секретарь; для принятія назначались торжественные обряды; желающій вступить въ общество давалъ клятву сохранять въ тайнѣ все, что ему откроютъ, если оно будетъ и несогласно съ его мнѣніемъ; по вступленіи давалъ онъ другую; сверхъ того каждая степень и даже старѣйшины имѣли свою особенную присягу. Обѣщались стремиться къ цѣли общества и покоряться рѣшенію верховнаго собора бояръ, хотя сіе наименованіе боярина, какъ показываетъ одинъ князь Трубецкой, долженствовало быть тайною для членовъ нижнихъ степеней. Боярами называли членовъ коренныхъ, то-есть основателей общества, но возводили или принимали прямо въ сіе званіе и нѣкоторыхъ новыхъ. Въ то время составляли общество: вышеименованные Александръ, Никита, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы, Павелъ Пестель,

---

1) Слова Александра Муравьева.
2) Слова Никиты Муравьева.
3) Слова князя Сергѣя Трубецкаго.
4) По нѣкоторымъ показаніямъ, былъ еще четвертый родъ членовъ въ семъ обществѣ, непринятыхъ въ оное, даже иногда и незнавшихъ его существованія, но считаемыхъ почему-либо въ единомысліи съ прочими; ихъ называли друзьями.

князь Сергѣй Трубецкой, князь Федоръ Шаховской, Федоръ Глинка, Новиковъ (бывшій правителемъ канцеляріи Малороссійскаго генералъ-губернатора и потомъ умершій въ отставкѣ), Михайло Лунинъ, и еще три члена, кои потомъ въ разныя времена удалились отъ общества, прекратили всякія сношенія съ упорнѣйшими изъ бывшихъ товарищей своихъ и тѣмъ заслужили, при милостивомъ прощеніи Вашего Императорскаго Величества, совершенное забвеніе кратковременнаго заблужденія, извиняемаго и отмѣнною ихъ молодостію [1]). Цѣлію составленія ихъ общества было, съ самаго начала, измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи: такъ показываютъ Александръ, Сергѣй, Матвѣй, Никита Муравьевы и Пестель [2]); но по чувству слабости своей и дерзости предпріятія, они, какъ утверждаетъ князь Трубецкой, больше говорили объ обязанности подвизаться для пользы отечества, способствовать всему полезному, если не содѣйствіемъ, то хотя изъявленіемъ одобренія, стараться пресѣкать злоупотребленія, оглашая предосудительные поступки недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, особенно же стараться усиливать общество пріобрѣтеніемъ новыхъ надежныхъ членовъ, развѣдавъ прежде о ихъ способностяхъ и нравственныхъ свойствахъ, или даже подвергнувъ ихъ нѣкоторому испытанію. Они тогда же предложили присоединиться къ нимъ Якушкину, незадолго предъ тѣмъ уѣхавшему изъ Петербурга, и генералъ-маіору Михаилу Орлову, который въ сіе время думалъ съ графомъ Мамоновымъ и дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Николаемъ Тургеневымъ завести другое общество подъ названіемъ Русскихъ Рыцарей. На совѣщаніяхъ между имъ и Александромъ Муравьевымъ они взаимно приглашали другъ друга въ свое общество, и не могли согласиться въ правилахъ для соединенія. Генералъ-маіоръ Орловъ сначала, какъ онъ самъ объявляетъ, хотѣлъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управленія, и полагалъ испросить на то высочайшаго одобренія; потомъ, вѣря дошедшимъ до него слухамъ, будто покойный Императоръ намѣренъ возстановить Польшу въ прежнемъ видѣ и приписывая сіе вліянію польскихъ тайныхъ обществъ, имѣлъ мысль, посредствомъ своего сообщества, противодѣйствовать онымъ. Планъ его не исполнился, и общество, имъ предполагаемое, не составилось.

Но и то, которое уже было установлено, не могло хвалиться успѣхами. Нѣкоторые члены (въ томъ числѣ Пестель) уѣхали изъ Петербурга; иные находили неопредѣлительность въ цѣли, неудобства въ исполненіи предписаній устава; другіе, особенно изъ тѣхъ, коимъ было только предложено вступить въ союзъ, между прочими Михайло

---

[1]) (Вѣроятно: В. А. Перовскій и Илья Гавриловичъ Бибиковъ).

[2]) Александръ Муравьевъ говорилъ, что къ свѣдѣнію о сей сокровенной цѣли общества приготовляли нововступающихъ понемногу, объявляя оную только членамъ послѣдней высшей степени.

Муравьевъ (братъ Александра), Бурцовъ, Петръ Колошинъ, Якушкинъ, Фонвизинъ, не иначе соглашались какъ съ тѣмъ, чтобы общество ограничилось медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія; чтобы уставъ онаго (по словамъ Никиты Муравьева), основанный на клятвахъ, правилѣ слѣпого повиновенія и проповѣдовавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ кинжала, яда[1]), былъ отмѣненъ и вмѣсто онаго принятъ другой, коего главныя положенія заимствованы изъ напечатаннаго въ журналѣ „Freywillige Blätter“ устава, коимъ будто-бы управлялся Tugend-Bund. Коренные члены союза, бывшіе тогда въ Москвѣ съ отрядомъ гвардіи, долго не уступали сему желанію, и замѣчательно, что во время сихъ преній на одномъ собраніи, гдѣ находились Александръ, Никита, Сергѣй, Матвѣй Муравьевы, Якушкинъ, Фонвизинъ, Лунинъ и князь Федоръ Шаховской, родилась, или, по крайней мѣрѣ, объявлена въ первый разъ ужасная мысль о цареубійствѣ [2]). Одного члена, Александра Муравьева, князь Трубецкой увѣдомлялъ изъ Петербурга, „что Государь намѣренъ возвратить Польшѣ всѣ завоеванныя нами области и, будто предвидя неудовольствіе, даже сопротивленіе русскихъ, онъ думаетъ удалиться въ Варшаву со всѣмъ Дворомъ и передать отечество въ жертву неустройствъ и смятеній.“ Сіе извѣстіе, столь нелѣпое, какъ потомъ признали сами члены тогдашнаго тайнаго общества, произвело на нихъ дѣйствіе едва вѣроятное. Они вскричали, что покушеніе на жизнь Императора есть необходимость; одинъ (князь Федоръ Шаховской), какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, полагалъ только дождаться дня, когда будетъ въ караулѣ полкъ, въ коемъ онъ служилъ [3]); хотѣли бросить жребій, и, наконецъ, Якушкинъ, который въ мученіяхъ несчастной любви давно ненавидѣлъ жизнь, распаленный въ сію минуту волненіемъ и словами товарищей, предложилъ себя въ убійцы. Онъ, въ изступленіи страстей, какъ кажется, чувствовалъ, на что рѣшался. Рокъ избралъ меня въ жертвы, говорилъ онъ; сдѣлавшись злодѣемъ, я не долженъ, не

---

1) «Это было мною написано въ подраженіе уставамъ нѣкоторыхъ масонскихъ ложъ», говоритъ Пестель.

2) Пестель утверждаетъ, что еще прежде, въ томъ же 1817 году, Лунинъ говорилъ, что если „при началѣ открытыхъ дѣйствій общества“ рѣшатся убить Императора, то можно будетъ для сего выслать на Царско-Сельскую дорогу нѣсколько человѣкъ въ маскахъ. Лунинъ признается, что онъ, между прочимъ, говорилъ это. Пестель, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, хотѣлъ набрать изъ молодыхъ отчаянныхъ людей, такъ называемую cohorte perdue (обреченный на гибель отрядъ) и поручить начальство онаго Лунину, чтобъ всѣхъ изгубить, pour faire main basse sur tout. Пестель въ этомъ не сознается.

3) Князь Ѳедоръ Шаховской, по словамъ того же Матвѣя Муравьева, изъявлялъ въ сіе время готовность на ужаснѣйшія преступленія, и другой Муравьевъ, Сергѣй, не иначе называлъ его, какъ le tigre; впослѣдствіи онъ отсталъ отъ общества и жилъ въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ. Предъ комиссіею князь Шаховской признался только въ томъ, что онъ былъ членомъ тайнаго общества.

могу жить: совершу ударъ и застрѣлюсь. Всѣ прочіе, хотя и поздно, устрашились или образумились и остановили его; генералъ-маіоръ Фонвизинъ доказывалъ, что извѣстіе, ихъ смутившее, есть безъ сомнѣнія неосновательное, съ чѣмъ послѣ и самъ князь Трубецкой, призванный ими въ Москву для объясненій, принужденъ былъ согласиться. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, сверхъ того въ письменномъ мнѣніи, которое прислалъ Обществу въ слѣдующій день, представлялъ, что предположенное злодѣйство будетъ безплодно; ибо тайное общество ихъ не имѣетъ еще средствъ онымъ воспользоваться. Якушкинъ повиновался; но, обвиняя сочленовъ своихъ въ томъ, что они его побудили къ преступному, ими самими осуждаемому, намѣренію, онъ на время разорвалъ связь съ ними и обществомъ, которое вскорѣ измѣнило свое образованіе, принявъ новое имя Союза Благоденствія и предложенный новый уставъ, сочиненный Александромъ, Михаиломъ Муравьевыми, княземъ Трубецкимъ и Петромъ Колошинымъ [1]).

Первая часть сего устава отыскана комиссіею и при семъ подносится на высочайшее усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества. Главныя черты сего законоположенія Союза благоденствія, раздѣленіе, замѣчательнѣйшія мысли и самый слогъ ясно показываетъ, что оно есть подражаніе и даже, большею частію, переводъ съ нѣмецкаго. Сочинители, именемъ основателей сообщества, объявляютъ, что одно благо отечества есть цѣль ихъ, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства; что правительство, несмотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей; что учреждаемое ими общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ и, не скрывая своихъ намѣреній отъ гражданъ благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться втайнѣ. Они дѣлили членовъ на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно отъ занятій по другимъ. Въ первой предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, то-есть успѣхи частной и общей благотворительности: она имѣла надзоръ надъ всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія или усовершенствованія. Во второй—умственное и нравственное образованіе, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ,

---

[1]) Незадолго предъ тѣмъ составилось, подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, служившее для испытанія, общество военныхъ людей; существованіе онаго было весьма кратковременно. Александръ Муравьевъ утверждаетъ, что онъ совсѣмъ не помнитъ сего общества. Въ оное былъ принятъ полковникъ Артамонъ Муравьевъ, онъ около сего времени предлагалъ Александру и Никитѣ Муравьевымъ убить покойнаго Государя. Сіе предложеніе отвергнуто первымъ (Александромъ Муравьевымъ).

особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и чрезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ симъ и съ цѣлію общества сообразныя. Членамъ сей второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію. Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствіе судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностію, сверхъ того, наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ.

Членамъ не воспрещалось самимъ обращать вниманіе мѣстныхъ начальствъ на замѣчаемыя злоупотребленія, хотя вообще до свѣдѣнія правительства оныя долженствовали доходить чрезъ правленіе Союза. Вѣроятно, что для сего въ особенности нѣкоторые (въ томъ числѣ Михайло Муравьевъ) предлагали испросить согласія покойнаго Императора на учрежденіе ихъ общества; но сіе предложеніе не принято прочими членами. Образованіе онаго было слѣдующее. Старѣйшіе члены, основатели общества или первоначально вступившіе въ оное, составляли такъ называемый Коренной Союзъ; изъ него избирался Совѣтъ Коренного Союза, то-есть Блюститель и пять Засѣдателей, изъ коихъ одинъ, прочими, подъ руководствомъ Блюстителя, былъ назначаемъ въ Предсѣдатели, и тогда именовался Главою Союза. Каждые четыре мѣсяца выходили изъ Совѣта два Засѣдателя, и на мѣста ихъ поступали другіе. Блюститель смѣнялся въ концѣ года. Когда прочіе члены Коренного Союза присоединялись къ Совѣту, то изъ сего образовалась Коренная Управа. Коренной Совѣтъ имѣлъ исполнительную власть въ Союзѣ, Коренная Управа законодательную; она же, какъ выше означено, избирала чиновниковъ и была верховнымъ судилищемъ въ Союзѣ. Совѣтъ могъ признать членами и сдѣлать своими уполномоченными, въ ихъ мѣстѣ пребыванія, людей, пользовавшихся довѣренностію Коренного Союза, Управа назначала Временную Законодательную Палату для разсмотрѣнія, поясненія и дополненія законовъ Союза, но не измѣняя цѣли онаго. Сіи Палатою сочиненные законы должны были, съ одобренія Упра-

вы, имѣть временную силу до окончательнаго утвержденія оныхъ Верховнымъ Правленіемъ Союза, которое тогда только могло быть установлено, когда бы Союзъ совершенно составился.

Изъ всего означеннаго очевидно, что всѣ распоряженія въ семъ тайномъ обществѣ, особенно же направленіе онаго къ какой-либо цѣли, оставались въ рукахъ основателей или коренныхъ членовъ. Они же были обязаны набирать новыхъ или заводить управы, каждый одну. Управы были Дѣловыя, Побочныя и Главныя. Управа называлась Дѣловою и получала списокъ первой части устава, когда въ ней было не менѣе 10 человѣкъ членовъ; до тѣхъ поръ она считалась недѣйствительною. Однако же Коренной Союзъ имѣлъ право дѣлать исключенія изъ сего правила для скорѣйшаго распространенія общества; всякая могла завести другую, Побочную, которая имѣла сношенія только съ нею. Но если сею Побочною Управою была также заведена управа, и въ ней находились не менѣе 10 членовъ, то она становилась независимою отъ основавшей оную. Въ главныя поступала та, которая завела три Побочныя или три Вольныя Общества (такъ назывались тѣ, кои, не входя въ составъ Союза Благоденствія, могли своею особенною дѣятельностію, по литературѣ, художествамъ и такъ далѣе, способствовать достиженію цѣли онаго). Такая управа получала списокъ второй части устава. Въ каждой управѣ, для начальствованія, надзора за порядкомъ и раздѣленія работъ, назначался, посредствомъ избранія, Совѣтъ изъ Блюстителя и одного или двухъ Старѣйшинъ, смотря по тому, изъ 10 или 20 членовъ была составлена управа. Всѣ дѣла въ управахъ и коренномъ союзѣ были рѣшаемы большинствомъ голосовъ; также были произносимы и приговоры. Имена членовъ, заслужившихъ одобреніе Союза, вписывались въ почетную книгу, а изгоняемыхъ изъ общества—въ постыдную. Члены имѣли право выходить изъ Союза, но обѣщая хранить въ тайнѣ все имъ извѣстное. Къ сему же храненію тайны обязывались тѣ, коимъ дѣлалось предложеніе вступить въ Союзъ, и повторяли свое обѣщаніе, послѣ прочтенія первой части. Обрядовъ для принятія не было; вступающій давалъ расписку, которая потомъ безъ вѣдома его сожигалась. Всякій долженъ былъ вносить въ кассу общества 25-ю долю своего годового дохода [1]) и повиноваться законнымъ предписаніямъ Союза.

Таковы были объявленныя въ 1-й части устава цѣль и правила Союза Благоденствія. Вторая часть не была сочинена или,

[1]) Сему правилу, какъ всѣ согласно показываютъ, слѣдовали немногіе. Въ Петербургѣ до 1825 года собрано не болѣе пяти тысячъ рублей, которые отданы князю Трубецкому, а имъ издержаны не на дѣла тайнаго общества.

по крайней мѣрѣ, не была одобрена Коренным Союзомъ; ибо написанный княземъ Трубецкимъ проектъ оставленъ безъ вниманія, и Александръ Муравьевъ бросилъ его въ огонь съ другими бумагами въ 1822 году. Но объ оной упоминали и, быть можетъ, сверхъ приманки для любопытства, видѣли въ ней средство когда-нибудь открыть новымъ членамъ настоящія намѣренія основателей общества [1]). Они не строго и даже очень мало сообразовались и съ правилами, въ первой части означенными. При заведеніи управъ рѣдко былъ наблюдаемъ предположенный порядокъ; оныхъ было двѣ въ Москвѣ: 1-я подъ предсѣдательствомъ Александра Муравьева, который послѣ отставки своей жилъ тамъ нѣсколько времени; 2-я подъ предсѣдательствомъ князя Федора Шаховского; обѣ существовали не долго [2]). Въ Петербургѣ также двѣ: у лейбъ-гвардіи егерскаго офицера Семенова и у полковника Бурцова [3]).

Члены оныхъ [4]) хотя дѣлились на управы, но собирались, гдѣ хотѣли, не соблюдая никакого порядка. Въ Петербургѣ были заведены и Вольныя Общества, почти независимыя отъ Союза Благоденствія. Два также въ Измайловскомъ полку: 1-е учреждено княземъ Евгеніемъ Оболенскимъ и коллежскимъ ассесоромъ Токаревымъ (впослѣдствіи умершимъ); 2-е егерскимъ офицеромъ Семеновымъ; то и другое существовали не долѣе трехъ мѣсяцевъ. Третіе отдѣльное общество основано полковникомъ Глинкою, какъ показываетъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывшій въ прежде-означенныхъ обществахъ и управахъ [5]). Новиковъ завелъ, или по крайней мѣрѣ заводилъ, Малороссійское Общество, при масонской ложѣ, которую называлъ мѣстомъ приготовленія; но, какъ показываетъ бывшій тогда въ Полтавѣ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, онъ только искалъ средствъ добывать деньги, и ни общество, ни ложа его не распространились [6]). О Пестелѣ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ не признавалъ новаго Союза и дѣйствовалъ отдѣльно по другимъ прави-

---

[1]) Сіи намѣренія не долго хранились въ тайнѣ. „Сначала“, говоритъ титулярный совѣтникъ Семеновъ, бывшій секретаремъ тайнаго общества, „знали только главные, а впослѣдствіи проникнули и другіе члены, что цѣлію союза было измѣненіе государственныхъ установленій: для оной и для той, которая была объявлена въ уставѣ, признавали равно нужнымъ усиливать общество, распространять политическія знанія и стараться овладѣть мнѣніемъ публики“.

[2]) Показаніе Семенова.

[3]) Показанія Семенова и Никиты Муравьева.

[4]) Означенные поименно въ одномъ изъ прилагаемыхъ у сего списковъ.

[5]) Полковникъ Глинка не подтвердилъ сего показанія своимъ признаніемъ.

[6]) Предъ коммисіею было показываемо, что впослѣдствіи одинъ изъ принятыхъ имъ, Переяславскій маршалъ Лукашевичъ завелъ новое общество Малороссійское, и что будто бы оно имѣло цѣлію отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе онаго къ независимому королевству Польскому. Но сіи показанія Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, основанныя на догадкахъ, найдены несправедливыми.

ламъ, прежде въ Митавѣ, потомъ въ Тульчинѣ; но онъ въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что имъ, какъ и другими, былъ принятъ уставъ Союза Благоденствія, названный, по цвѣту переплета, Зеленою Книгою. Впрочемъ дѣятельность сего тайнаго общества, какъ по всему видно, была сосредоточена въ такъ называемомъ Коренномъ Союзѣ, и сія дѣятельность всего болѣе обращалась на умноженіе членовъ, особенно въ Петербургѣ, гдѣ была большая часть Коренной Управы [1]). Однако же, если вѣрить показаніямъ одного посторонняго свидѣтеля, не подтвержденнымъ извѣтами допрошенныхъ, составлявшіе сію управу располагались тогда дѣйствовать на общее мнѣніе изданіемъ особеннаго дешеваго журнала, пѣсенъ, каррикатуръ, и хотѣли для того имѣть литографію за границей и тайную типографію въ отдаленной отъ столицъ деревнѣ [2]).

По крайней мѣрѣ достовѣрно, что между ними были разговоры и пренія, которыя инымъ могли казаться правильными совѣщаніями, о разныхъ образахъ правленія. По словамъ полковника Пестеля и другихъ, какъ выше было означено, съ самаго учрежденія перваго общества (Сыновъ Отечества или Союза Спасенія), обнаруживались въ основателяхъ мысли конституціонныя, но весьма неопредѣлительныя и болѣе склонныя къ монархическимъ установленіямъ. Первую о правленіи республиканскомъ подалъ Новиковъ своимъ проектомъ конституціи; а въ началѣ 1820 года было, какъ показываетъ полковникъ Пестель, въ Санктпетербургѣ собраніе Коренной Думы (или Управы), которая по уставу имѣла въ Союзѣ власть законодательную. Въ семъ собраніи Пестель, по вызову члена, исправляющаго должность Блюстителя [3]), исчислялъ выгоды и невыгоды правленій монархическаго и республиканскаго, и послѣ многихъ разсужденій собирали голоса; всѣ, утверждаетъ Пестель, объявили, что предпочитаютъ республиканское правленіе, между прочими Николай Турге-

---

[1]) Списокъ членовъ оной также приложенъ къ сему донесенію. Генералъ-маіоръ Михайло Орловъ и Николай Тургеневъ, не успѣвъ въ намѣреніи завести свое общество, вступили въ Союзъ Благоденствія; первый, какъ утверждаетъ онъ въ запискѣ, поданной имъ въ коммисію, не прежде іюля 1820 года; ибо ему тогда сказали другіе члены, что противно великодушію знать ихъ тайны, имена многихъ, и не раздѣлять съ ними опасностей.

[2]) Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго Императора, бывшій, какъ видно, членомъ Союза Благоденствія. Изданіе журнала предпринималъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Тургеневъ; есть нѣсколько возмутительныхъ пѣсенъ, которыя тогда были сочинены и, можетъ быть, распускаемы, но точно ли по предписаніямъ тайнаго общества, того нельзя сказать утвердительно.

[3]) Одного изъ трехъ выше показанныхъ, впослѣдствіи раскаявшихся и оставившихъ общество.

невъ, слѣдующими словами: président sans phrases [1]), кромѣ одного полковника Глинки, который говорилъ въ пользу монархическаго и предлагалъ вручить скипетръ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Сіе заключеніе Коренной Управы, по увѣренію Пестеля, опредѣлено было сообщить всѣмъ другимъ, и онъ сообщилъ его тульчинской; съ тѣхъ поръ, прибавляетъ онъ, республиканскія мысли стали брать верхъ надъ монархическими, хотя члены говорили, что если Императоръ Александръ самъ даруетъ Россіи хорошіе, по ихъ мнѣнію, законы, то они будутъ его вѣрными приверженниками и оберегателями. Но сіи показанія полковника Пестеля не всѣ подтверждены другими допрошенными: одинъ (Глинка) говоритъ, что все разсказываемое происходило не на правильномъ совѣщаніи, а въ обыкновенномъ разговорѣ о разныхъ политическихъ предметахъ, фонъ-деръ-Бригенъ утверждаетъ, что большая часть присутствовавшихъ тутъ членовъ была не готова къ разсужденіямъ сего рода и къ объявленію какого-либо рѣшительнаго мнѣнія; что, между прочими, онъ и Глинка отреклись дать свое; что Тургеневъ, вмѣсто приписываемыхъ ему словъ, сказалъ просто: „Республиканское правленіе съ президентомъ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представленіи.“ Титулярный совѣтникъ Семеновъ прибавляетъ, что не было сдѣлано никакого опредѣленія, и совѣщаніе кончилось споромъ, въ коемъ полковникъ Глинка доказывалъ, что въ Россіи не можетъ существовать никакое правленіе, кромѣ монархическаго. Наконецъ, ни одинъ не упоминаетъ о предложеніи касательно Императрицы Елисаветы.

Впрочемъ, все, происходившее на семъ совѣщаніи, какъ показываетъ Никита Муравьевъ, не имѣло никакого вліянія на образъ мыслей и дѣйствія членовъ вообще; не сдѣлано вслѣдствіе того никакихъ предписаній подвѣдомственнымъ управамъ, кромѣ тульчинской [2]); на многихъ, бывшихъ послѣ, собраніяхъ не говорено о республиканскомъ правленіи, а разсуждали о перемѣнѣ образованія и ходѣ Союза Благоденствія, и самъ Пестель свидѣтельствуетъ, что отъ начала до разрушенія сего Союза ни одно правило не было постоянно признаваемо, и часто все единогласно отмѣняли. Должно, однако же, замѣтить, что, вскорѣ послѣ вышеописаннаго совѣщанія или разговора, нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ ономъ членовъ опять собирались, но случайно, какъ сказываетъ Пестель, и, продолжая прежнія разсужденія, одинъ [3]) подалъ мысль о

[1]) Объявляю безъ фразъ, что хочу президента. Тѣ, которые предпочитали монархическій образъ правленія, должны были сказать, что хотятъ монарха.

[2]) Онъ и нѣкоторые другіе, фонъ-деръ Бригенъ, Колошинъ, Семеновъ подтвердили сіе на очныхъ съ Пестелемъ ставкахъ.

[3]) Пестель и Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ говорятъ, что Никита Муравьевъ; а Никита Муравьевъ показываетъ, что Пестель.

покушеніи на жизнь Императора Александра. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что, кромѣ его и Пестеля, всѣ бывшіе съ ними члены ствергли предложеніе, какъ преступное: доказывали, что неминуемымъ послѣдствіемъ такого злодѣйства были бы всѣ бѣдствія, всѣ ужасы безначалія. Пестель отвѣчалъ, что оные могутъ быть отвращены учрежденіемъ Временнаго Правленія изъ принадлежащихъ къ ихъ тайному обществу; на него возставали единодушно, съ жаромъ. Но ужасное предположеніе, если вѣрить показанію одного Сергѣя Муравьева-Апостола, было снова сдѣлано на другомъ собраніи и принято большинствомъ голосовъ. Изъ бывшихъ на семъ послѣднемъ онъ помнитъ только себя, Никиту Муравьева и Пестеля.

Между тѣмъ присоединеніе новыхъ членовъ къ Союзу Благоденствія продолжалось: многіе могли быть прельщены разсѣянными въ уставѣ, впрочемъ, весьма обыкновенными филантропическими и патріотическими мыслями; другихъ завлекали побужденія дружбы, довѣренность къ нѣкоторымъ людямъ или вліяніе моды (ибо есть мода и на мнѣнія), а симъ пользовались дѣятельнѣйшіе въ обществѣ, возбуждая въ слабыхъ боязнь сдѣлаться смѣшными, или суетное любопытство; а иныхъ, буде вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ, даже виды личной корысти. Но также многіе начинали чувствовать свое заблужденіе, и одинъ изъ первыхъ, полковникъ Александръ Муравьевъ. „Лучъ горней благодати, говоритъ онъ, коснулся моей души омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которою стоялъ съ несчастными сообщниками и долго, въ слезахъ раскаянія молилъ Небо простить мнѣ ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника; Онъ въ теченіе шести лѣтъ испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имущества, наконецъ, и праведнымъ гнѣвомъ Государя и карою закона.“ Нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда и только уклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ; но въ 1819 году превозмогъ себя, письменно объявилъ Коренному Союзу о своемъ мнѣніи, прося, заклиная всѣхъ послѣдовать его примѣру—отказаться отъ всякихъ противозаконныхъ предпріятій и мыслей. Ему отвѣчали увѣреніями (ложными), что они съ нимъ согласны и уничтожаютъ общество [1]). Вскорѣ послѣ того, оно и въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, стало приходить въ упадокъ: нѣкоторые члены, не имѣвъ рѣшительности явно отказаться, удалялись отъ онаго, въ томъ числѣ и означенные выше три члена перваго тайнаго общества, раскаяніемъ своимъ заслужившіе совершенное, отеческое прощеніе Вашего Величества: двое около 1821 года, одинъ же, хотя позднѣе,

---

[1]) Показаніе титулярнаго совѣтника Семенова.

но до того разорвалъ тяготившія совѣсть его связи, что, наконецъ, даже избѣгалъ встрѣчи съ прежними товарищами [1]).

Но на югѣ, полковникъ Павелъ Пестель, будучи тогда адъютантомъ графа Витгенштейна и живучи въ Тульчинѣ, главной квартирѣ 2-й арміи, старался всѣми средствами распространять свои мнѣнія. Онъ внушалъ молодымъ сослуживцамъ своимъ, что воля самого Монарха (въ Бозѣ почивающаго Императора Александра), до времени только сокрываемая, есть питать идеи сего рода въ юношествѣ и войскахъ; что, стремяся къ измѣненію настоящаго порядка, они будутъ содѣйствовать ему, что въ Петербургѣ всѣ умы въ движеніи, что уже составилось многочисленное и почтенное по достоинствамъ своихъ членовъ сообщество, которое все готовитъ къ великой перемѣнѣ [2]). Онъ принялъ многихъ въ Союзъ Благоденствія, показывая нововступающимъ первую часть устава, но самъ часто уклонялся отъ опредѣленныхъ въ ономъ правилъ. Вліяніе его, какъ видно по единогласнымъ свидѣтельствамъ, бывало рѣдко оспариваемо близкими къ нему сообщниками; однако же въ исходѣ 1820 года, и между бывшими въ семъ краѣ начали оказываться холодность, несогласія въ мнѣніяхъ, и возникали жаркіе споры на собраніяхъ, кои бывали у Пестеля и Юшневскаго (генералъ-интенданта 2-й арміи), имъ принятаго и до конца остававшагося въ тѣсной съ нимъ связи. Пестель предложилъ, для прекращенія разномыслія, учредить временное диктаторство. Сіе предложеніе, равно и другое, чтобы замѣнить диктатора тріумвиратомъ, отвергнуты, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ Союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго. Пестелю нельзя было ѣхать въ Москву; полномочными отъ его управы назначены полковникъ Бурцовъ и подполковникъ Комаровъ, который, замѣтивъ въ обществѣ явную наклонность къ революціоннымъ правиламъ и даже къ предпріятіямъ противозаконнымъ, думалъ уже тогда воспользоваться долженствовавшимъ быть на семъ съѣздѣ разногласіемъ, чтобы склонить членовъ къ уничтоженію Союза. Генералъ-маіоръ Фонвизинъ пріѣзжалъ изъ Тульчина въ Петербургъ [3]), для приглашенія депутатовъ, а въ Москву отправились Николай Тургеневъ и Глинка. Кромѣ нихъ и вышепоименованныхъ были на съѣздѣ: два брата Фонвизины, генералъ-маіоръ Орловъ, полковникъ Граббе, Якушкинъ (вступившій въ Союзъ Благоденствія въ 1819-мъ году), Михайло Муравьевъ, Охотниковъ. Симъ членамъ, на многихъ предварительныхъ собраніяхъ, генералъ Фонвизинъ предлагалъ раздѣлить Общество на три разряда: 1-й, высшій, главноуправляющій и законодательствующій, Не-

[1]) Никита Муравьевъ говоритъ, что когда какой-либо членъ начиналъ оказывать холодность къ обществу, то старались его увѣрить, что онъ не одинъ, а и всѣ прочіе перемѣнили образъ мыслей, что общество распадается на части и почти уже не существуетъ.

[2]) Показаніе подполковника Комарова.

[3]) Показаніе подполковника Комарова.

знаемыхъ; 2-й, Исполнителей; изъ онаго хотѣли отряжать членовъ для наблюденій, разъѣздовъ, словесныхъ сообщеній, прекративъ всѣ письменныя; наконецъ, 3-й, Нововводимыхъ. Тутъ опять начались несогласія и споры: предложеніе Фонвизина отвергали Николай Тургеневъ (избранный предсѣдателемъ на время съѣзда и, по словамъ Комарова, показывавшій себя весьма умѣреннымъ), генералъ-маіоръ Орловъ, Бурцовъ, Колошинъ и Комаровъ. Послѣднему Якушкинъ сказалъ однажды: — Я на лицѣ твоемъ вижу, что ты измѣняешь обществу!..—Да! отвѣчалъ Комаровъ, если оно не войдетъ опять въ предѣлы извѣстнаго мнѣ устава. — Это невозможно. Вскорѣ затѣмъ, генералъ Орловъ письменно объявилъ, что онъ уже не хочетъ принадлежать къ обществу, и остался твердъ, несмотря на убѣжденія и просьбы товарищей; а въ концѣ февраля (1821 года), на общемъ засѣданіи, положено уничтожить Союзъ. Тургеневъ, какъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въ ономъ разномыслію, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Уставъ Союза Благоденствія и прочія бумаги сожжены, и многіе члены, въ томъ числѣ Бурцовъ и Комаровъ, искренно вѣрили и радовались уничтоженію онаго.

Но истинныя причины, побудившія сдѣлать сіе объявленіе, какъ показываютъ Якушкинъ, Фонвизинъ и Никита Муравьевъ, было чувство, что уставъ не ясно опредѣлялъ цѣль общества, отчего дѣятельность онаго уменьшалась, и желаніе удалить членовъ, кои уже хладѣли въ усердіи къ сей цѣли или не знали оной и, по характеру своему и образу мыслей, казались неспособными содѣйствовать Коренной Управѣ. Бывшіе въ Москвѣ руководители оной тогда же рѣшились (сіе объявляютъ генералъ Фонвизинъ и Якушкинъ) со временемъ составить новое общество и раздѣлить его на двѣ степени, съ тѣмъ, чтобы только принадлежащимъ къ первой была извѣстна настоящая цѣль онаго: готовить Россію къ измѣненію государственныхъ установленій. Въ сію первую степень принимать не иначе, какъ по согласію Главнаго Правленія въ Петербургѣ; для принятія во вторую нужно было единодушное утвержденіе членовъ двухъ отдѣленій; оныхъ полагалось четыре: въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Смоленской губерніи и Тульчинѣ. Якушкинъ утверждаетъ, что сіе тайное общество, съ названіемъ, коего онъ не помнитъ, и новымъ уставомъ, тогда же и составилось; генералъ-маіоръ Фонвизинъ, напротивъ, что все окончилось одними предположеніями и признаніемъ, нѣсколько разъ повтореннымъ, что никакая цѣль не оправдываетъ средствъ. Первый прибавляетъ, что назначенныя въ Москвѣ и Смоленскѣ отдѣленія не были учреждены.

Полковникъ Бурцовъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Комаровымъ, привезъ Тульчинской Управѣ извѣстіе о разрушеніи Союза Бла-

годенствія и долженъ былъ представить ей письменное сообщеніе отъ предсѣдателя Московскаго съѣзда. Но уже знавъ все по слухамъ, Пестель и Юшневскій на предварительномъ совѣщаніи условились: во 1-хъ, не признавать общества разрушеннымъ; во 2-хъ, воспользоваться симъ случаемъ, чтобы удалить всѣхъ слабосердыхъ, представя имъ опасности и трудности предпріятія.

Вслѣдствіе сего, когда, по собраніи Думы Тульчинской, Бурцовъ, исполнивъ данное ему въ Москвѣ порученіе, вышелъ, а за нимъ и Комаровъ, то Юшневскій говорилъ приготовленную имъ рѣчь, но симъ не удалилъ никого; напротивъ, подстрекнулъ самолюбіе присутствовавшихъ членовъ. Полковникъ Аврамовъ (послѣ, какъ онъ увѣряетъ, раскаявшійся) объявилъ, что если и всѣ оставятъ Союзъ, то онъ не перестанетъ полагать оный существующимъ въ немъ одномъ; другіе также провозгласили, что депутаты ихъ въ Москвѣ вышли изъ предѣловъ данной имъ власти, что общество не разрушено и будетъ продолжать дѣйствовать, перемѣнивъ нѣкоторыя изъ прежнихъ правилъ. Какъ бывшіе на семъ собраніи, такъ и приставшіе вскорѣ потомъ къ ихъ мнѣнію, Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Вольфъ, Ивашевъ, два Крюковыхъ, князь Барятинскій, Басаргинъ, князь Сергѣй Волконскій, Василій Давыдовъ (вѣроятно, соображаясь съ положеніями сочиненнаго Пестелемъ устава перваго тайнаго общества), приняли названіе Бояръ Союза [1]). Они выбрали предсѣдателями или директорами Пестеля, Юшневскаго и сначала третьимъ Никиту Муравьева; ибо думали, что и онъ, не бывъ въ Москвѣ, также несогласенъ на уничтоженіе общества. Но въ Петербургѣ, какъ утверждаетъ послѣдній (Никита Муравьевъ), „оно было по крайней мѣрѣ совершенно разстроено: большая часть членовъ изъ него вышла; оставшіяся управы, не имѣя между собою связи, не имѣя никакого устава и общаго управленія, не знали, чего хотѣли или не могли дать себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ“ [2]).

---

[1]) Пестель показываетъ, что съ сего времени, члены Южнаго общества или, какъ онъ его называетъ, округа, раздѣлялись на Братій, Мужей и Бояръ. Братья не имѣли права принимать другихъ; мужи, пользуясь симъ правомъ, должны были отъ принятыхъ ими скрывать имена прочихъ членовъ. Бояре присоединялись къ директоріи для рѣшеній въ важныхъ случаяхъ. Принимая новаго члена, довольствовались его честнымъ словомъ.

[2]) Титулярный совѣтникъ Семеновъ показываетъ, что Николай Тургеневъ, возвратясь изъ Москвы въ 1821 году, начиналъ изъ нѣкоторыхъ членовъ уничтоженнаго союза составлять новое тайное общество; въ оное приглашалъ прежнихъ, князя Оболенскаго, полковника Нарышкина и его, Семенова, да принялъ полковника Митькова, Якова Толстого и Миклашевскаго. Вскорѣ потомъ гвардія выступила въ походъ, и дѣйствія общества прекратились; Семеновъ не знаетъ, имѣло ли оно уставъ; онъ прибавляетъ, что ни Тургеневъ, ни другіе члены сего общества не обнаруживали при немъ (Семеновѣ) злодѣйственныхъ намѣреній противъ Императорской Фамиліи.

Только въ исходѣ 1822 года сіе Петербургское или Сѣверное Общество снова образовалось. Его раздѣлили на Убѣжденныхъ и Соединенныхъ или Согласныхъ [1]). Союзъ Убѣжденныхъ или Верхній Кругъ, составлялся изъ основателей [2]); принимали въ оный и другихъ изъ Союза Соединенныхъ, но не иначе какъ по согласію всѣхъ находящихся въ Петербургѣ Убѣжденныхъ. Сіе согласіе было нужно и для принятія какой-либо рѣшительной мѣры. Сверхъ того, Верхній Кругъ имѣлъ слѣдующія права: онъ избиралъ членовъ Думы или Совѣта, управляющаго обществомъ, дозволялъ принятіе нововступающихъ, требовалъ отчетовъ отъ Думы. Ненаходящійся въ ономъ членъ могъ принять не болѣе двухъ, и согласія на это испрашивалъ чрезъ члена, коимъ былъ самъ принятъ; сей послѣдній также, если не былъ въ числѣ Убѣжденныхъ; сіе согласіе чрезъ такую же цѣпь доходило отъ Думы до принимающаго новыхъ членовъ. Сихъ сначала испытывали, готовили, потомъ открывали мало-по-малу цѣль тайнаго общества, но о средствахъ для достиженія оной и о времени начатія дѣйствій долженъ былъ имѣть свѣдѣніе одинъ Верхній Кругъ. Многимъ, коихъ назначали слѣпыми орудіями, говорили только, что ихъ дѣло рубиться; нововступившіе и вообще всѣ непричисленные къ Убѣжденнымъ знали одного принявшаго ихъ члена. Но сіе правило и всѣ прочіх весьма нестрого соблюдались [3]).

Возобновивъ тайное общество, начальникомъ онаго нѣсколько времени признавали одного Никиту Муравьева; потомъ, въ концѣ 1823 года, рѣшась для лучшаго успѣха имѣть трехъ предсѣдателей, присоединили къ нему князя Сергѣя Трубецкого, лишь возвратившагося изъ-за границы, и князя Евгенія Оболенскаго [4]). Чрезъ годъ послѣ того первый отправился въ Кіевъ, и съ надеждою, что, будучи въ штабѣ 4-го корпуса, онъ можетъ имѣть сообразное съ планами злоумышленниковъ вліяніе на войска онаго, чтобы наблюдать за Пестелемъ, коему главные дѣйствователи Сѣвернаго Общества не довѣряли: ибо, по словамъ Рылѣева, видѣли въ немъ хитраго властолюбца, не Вашингтона, а Бонапарте. На мѣсто князя Трубецкого сдѣланъ членомъ Директоріи или Думы Рылѣевъ, который настоялъ, чтобы впредь сіи Директо-

---

[1]) Показаніе князя Евгенія Оболенскаго.

[2]) Главными изъ сихъ основателей или возобновителей общества, по словамъ Никиты Муравьева, были: онъ самъ, князь Оболенской и Николай Тургеневъ, который однако же не участвовалъ въ принятіи новыхъ членовъ. Въ обоихъ отдѣленіяхъ Сѣвернаго Общества, Соединенныхъ и Убѣжденныхъ, равно какъ и въ Южномъ, членовъ принимали безъ всякихъ обрядовъ.

[3]) Показаніе Александра Бестужева.

[4]) Мѣсто правителя предлагали Николаю Тургеневу; онъ отказался за нездоровьемъ, множествомъ иныхъ занятій и худымъ успѣхомъ его предсѣдательства въ Москвѣ.

ры или Правители были не безсмѣнны, а избирались только на одинъ годъ.

Сношенія новаго Петербургскаго или Сѣвернаго Союза съ Южнымъ, какъ показываютъ многіе допрошенные, были довольно рѣдки и почти всегда на словахъ: Думы боялись ввѣрять письма даже сочленамъ своимъ, ибо оныя могли по нечаянному случаю попасть въ руки постороннихъ. Сіи два общества не соглашались во многомъ, особенно же касательно своего внутренняго устройства; но имѣли одну цѣль: ниспроверженіе существующаго порядка, и въ обоихъ уже занимались сочиненіемъ законовъ для преобразованія Россіи. Комиссія представляетъ на высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества отысканные ею списки сихъ проектовъ, вмѣстѣ съ краткими изъ оныхъ извлеченіями [1]). Для достиженія цѣли своей также въ обоихъ думали употребить одни средства: силу, дѣйствіе войскъ, ко-

---

[1]) Одинъ проектъ Конституціи написанъ Никитою Муравьевымъ. Онъ предлагалъ монархію, но оставляя Императору власть весьма ограниченную, подобную той, которая дана президенту Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, и дѣлилъ Россію на независимыя, соединенныя общимъ союзомъ, области. Сей проектъ, по увѣренію Пестеля, служилъ только для новопринимаемыхъ членовъ, коихъ боялись устрашить предложеніемъ учредить республику. Никита Муравьевъ утверждаетъ, что онъ говорилъ сіе, обманывая Пестеля, чтобъ не разсердить его, и чтобъ Южное Общество не отдѣлилось совершенно отъ Сѣвернаго. Другая Конституція, съ именемъ Русской Правды и совершенно въ духѣ республиканскомъ, есть сочиненія Пестеля. Обѣ имѣютъ основаніемъ безразсудное предположеніе, что всякое государство можетъ принимать всѣ виды, по волѣ образователей. Обѣ, даже по мнѣнію нѣкоторыхъ умнѣйшихъ членовъ Союза, равно доказываютъ совершенное незнаніе отечественнаго края, свойствъ онаго, выгодъ и потребностей; а въ такъ названной Русской Правдѣ, сверхъ того, часто обнаруживается едва вѣроятное и смѣшное невѣжество. Редакторъ, раздѣляя Имперію на большія области и отторгая отъ оной почти всѣ присоединенныя отъ Польши, именуетъ Лифляндію, Эстляндію, Курляндію и губерніи Новгородскую и Тверскую Холмогорскою областью, а губерніи Архангельскую, Ярославскую, Вологодскую, Костромскую и Пермскую, областью Сѣверскою или Сѣверанскою. По его плану, Временное Правленіе долженствовало служить переходомъ отъ самодержавія къ республикѣ, и первою мѣрою сего Правленія было бы запрещеніе тайныхъ обществъ и заведеніе искуснаго, дѣятельнаго шпіонства; съ тѣмъ, чтобы шпіонами были люди умные и самой чистой нравственности. Временное Правленіе долженствовало также основать Іудейское Царство изъ находящихся въ Польшѣ и Россіи жидовъ. „Ихъ будетъ два милліона“, говоритъ Пестель (въ томъ числѣ женщины, старики, дѣти); они даже и безъ вспомогательнаго войска могутъ легко пройти сквозь всю Европейскую Турцію и, выбравъ мѣсто на берегахъ Малой Азіи, завести свое независимое государство“. Юшневскій поправлялъ только слогъ сего Пестелева сочиненія. Кромѣ сихъ, найдены еще два проекта Конституціи: одинъ неполный, въ бумагахъ князя Трубецкого; онъ ни что иное, какъ списокъ Конституціи Муравьева, съ весьма неважными перемѣнами; другой, Государственный Завѣтъ, у Сергѣя Муравьева-Апостола; сей послѣдній есть сокращеніе Пестелева проекта.

торыя надѣялись склонить къ возмущенію [1]). Приготовленіемъ сихъ средствъ особенно занимались на югѣ, въ нѣкоторыхъ полкахъ 1-й и 2-й арміи. Тамъ, какъ показываетъ капитанъ Майборода, полковникъ Пестель то ласкалъ рядовыхъ, то вдругъ, когда ожидали покойнаго Императора въ армію, подвергалъ ихъ жестокимъ и, вѣроятно, незаслуженнымъ наказаніямъ: „Пусть думаютъ," говорилъ, „что не мы, а высшее начальство и самъ Государь причиною излишней строгости." Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ также всячески, и въ Черниговскомъ и въ другихъ полкахъ 9-й дивизіи, старался привязывать къ себѣ солдатъ, въ томъ числѣ вышисанныхъ изъ прежняго Семеновскаго полка; внушалъ имъ мысли о возможности и близости всеобщей перемѣны, требуя обѣщанія за нимъ во всякомъ случаѣ слѣдовать.

Дѣйствія сего тайнаго общества (Южнаго) уже не ограничивались умноженіемъ членовъ: оныя съ каждымъ днемъ болѣе принимали характеръ рѣшительнаго заговора противъ власти законной, и скоро на совѣщаніяхъ стали обнаруживаться, въ часто повторяемыхъ предложеніяхъ, злодѣйскіе, страшные умыслы. Въ Тульчинской Думѣ первенствовалъ, какъ и прежде, полковникъ Пестель; его сочленомъ въ оной, и всегда согласнымъ, хотя по наружности недѣятельнымъ, былъ Юшневскій. Отъ нихъ зависѣли всѣ составлявшіе Южное общество, одни непосредственно, другіе чрезъ подвѣдомственныя Думѣ двѣ управы: Каменскую или Правую, гдѣ засѣдали Давыдовъ и князь Сергѣй Волконскій, и Васильковскую или Лѣвую, въ коей начальствовали Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ: первый, Муравьевъ, послѣ сдѣланъ и третьимъ членомъ Думы [2]). Въ январѣ 1823 года были въ Кіевѣ собраны начальства всѣхъ управъ: Пестель, Юшневскій, Василій Давыдовъ, князь Сергѣй Волконскій, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ. Они читали отрывки Пестелевой Русской Правды, и сдѣланъ вопросъ: при введеніи нашихъ новыхъ законовъ какъ быть съ Императорскою Фамиліею? Истребить ее, сказалъ Пестель; съ нимъ согласились Юшневскій, Давыдовъ, Волконскій; но

---

[1]) По всему видно, что сія мысль родилась въ нихъ не прежде 1821 года и, вѣроятно, вслѣдствіе бывшихъ незадолго предъ тѣмъ революцій въ Испаніи, Неаполѣ и Піемонтѣ. Иные, говоритъ Пестель, полагали, что возмущеніе должно быть въ Петербургѣ; другіе, что надобно начать въ арміи, идти на Москву и тамъ принудить Сенатъ провозгласить перемѣну, установить новый образъ правленія.

[2]) Впослѣдствіи они отдѣлили тульчинскую управу отъ думы и директоріи, сдѣлавъ въ оной начальникомъ князя Барятинскаго. Сіи управы иногда, по крайней мѣрѣ на французскомъ, назывались вентами или вендитами, въ подражаніе итальянскимъ карбонарамъ. Управа каменская, буде вѣритъ показанію Давыдова, основана лишь въ 1824 году; но начальники оной, князь Волконскій и Давыдовъ, были уже и прежде въ числѣ главныхъ членовъ Южнаго Общества.

Бестужевъ-Рюминъ думалъ удовольствоваться смертію одного Императора (прочихъ членовъ царственнаго дома предполагали, какъ показываетъ Пестель, вывезти за границу, употребивъ къ тому Кронштадтскій флотъ). Сергѣй Муравьевъ на сей разъ противился вообще ихъ мнѣнію: онъ не хотѣлъ цареубійства. Кончили тѣмъ, что хотя большинство голосовъ на сторонѣ Пестеля, но нельзя дозволить, чтобы шесть человѣкъ рѣшили вопросъ столь важный. Бестужевъ-Рюминъ послѣ прислалъ къ Юшневскому рѣчь, въ коей осуждалъ намѣреніе сообщниковъ своихъ, доказывая, что члены Императорской Фамиліи по совершеніи революціи не будутъ опасны: „Чего," говорилъ онъ, „могутъ еще пожелать русскіе, когда мы устроимъ для нихъ хорошее правленіе, когда мы дадимъ имъ мудрые законы?" [1]). Но, несмотря на изъявленное въ семъ случаѣ искреннее или притворное несогласіе, Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, въ томъ же 1823 году, при свиданіи съ начальниками другихъ управъ, Пестелемъ, княземъ Сергѣемъ Волконскимъ, Давыдовымъ, въ деревнѣ Каменкѣ одобрили ихъ предложеніе истребить весь Императорскій Домъ. Князь Сергѣй Волконскій утверждаетъ, что оно даже и возобновлено Муравьевымъ; а въ 1824 г. Бестужевъ писалъ въ Варшаву (сіе письмо не доставлено княземъ Волконскимъ), требуя смерти Государя Цесаревича Константина Павловича отъ членовъ Тайнаго Польскаго Общества, съ коимъ онъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ вступилъ въ сношенія и связи.

Открытіе сего Польскаго Тайнаго Общества и переговоры съ нимъ принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ дѣйствіямъ Южной Директоріи. Бестужевъ-Рюминъ извѣстилъ ее о существованіи онаго; ему же дано порученіе сдѣлать условія съ повѣренными сего общества, коего цѣлію было отдѣленіе отъ Россіи, независимость Польши въ ея прежнемъ видѣ. Условія вскорѣ сдѣланы Бестужевымъ-Рюминымъ съ одной стороны, а съ другой—Крыжановскимъ. Южное Общество обѣщало признать независимость Польши, возвратить ей завоеванныя области, еще не совсѣмъ слившіяся съ Россіею (qui ne pas russifiées), между прочими область Бѣлостокскую, губернію Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской, съ наблюденіемъ однако же нужныхъ для обороны выгодъ при постановленіи новыхъ границъ; обѣщало покровительствовать въ Россіи полякамъ и стараться искоренять взаимную нелюбовь обѣихъ націй; а Общество Польское обязывалось употребить средства дѣйствительнѣйшія, *какого бъ они были они рода*, чтобы препятствовать Государю Цесаревичу пріѣхать въ Россію, когда начнется революція, и, съ своей стороны, приступить въ то же время къ возмущенію, идти на Литовскій корпусъ, если онъ не пристанетъ къ нимъ, обезоружить его и учредить въ Польшѣ республиканскій образъ правленія. Сверхъ того, хотѣли взаимно сообщать одно другому нужныя и вообще важ-

[1]) Сей отрывокъ Бестужева на французскомъ въ его отвѣтахъ.

ныя свѣдѣнія, но съ тѣмъ, чтобы сношенія происходили не между простыми членами, а чрезъ особыхъ коммиссаровъ. Сими коммиссарами назначены Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, Гродецкій и Чарносскій. Впослѣдствіи Пестель самъ и князь Сергѣй Волконскій входили въ новые переговоры съ депутатами Польскаго Общества, Яблоновскимъ и Гродецкимъ [1]). Пестель признается, что обѣщалъ независимость Польшѣ, но утверждаетъ, что не сказалъ ничего положительнаго о возвращеніи завоеванныхъ областей, хотя и видно по картѣ Россіи, имъ сочиненной и приложенной къ проекту Конституціи (Русской Правдѣ), что онъ въ своихъ планахъ отъ состава Имперіи отдѣлялъ всѣ означенныя Бестужевымъ части прежней Польши, и хотя на совѣщаніяхъ съ нѣкоторыми петербургскими членами (такъ показываетъ Никита Муравьевъ), на упрекъ за сіе намѣреніе ему и Давыдову, они оба отвѣчали: „Какъ быть! слово уже дано, и на то была воля Южнаго Общества“ Сіи сношенія съ Обществомъ Польскимъ, кажется, не имѣли дальнѣйшихъ послѣдствій. Повѣренные онаго требовали отъ Пестеля, чтобы онъ далъ имъ узнать важныхъ людей въ государствѣ, участвующихъ въ заговорѣ противъ настоящаго порядка, обѣщая со своей стороны наименовать и сблизить съ ними такихъ же. Пестель былъ принужденъ отвѣчать не ясно, ибо не могъ назвать никого. Поляки охолодѣли, но связи ихъ съ Южнымъ Обществомъ не совершенно прекратились; ибо опредѣлено было обоюднымъ уполномоченнымъ съѣхаться опять въ Кіевѣ, въ январѣ 1826 года. Впрочемъ, все сіе долженствуетъ быть точнѣе объяснено производящимся въ Варшавѣ слѣдствіемъ.

Незадолго до сихъ странныхъ сношеній, въ коихъ частные люди своевольно располагали достояніемъ отечества и судьбою правительствъ народовъ, управа Васильковская, то-есть Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, замышляли начать мятежническія дѣйствія въ 9-й дивизіи, которая тогда была собрана въ лагерѣ при Бобруйскѣ, ожидая прибытія покойнаго Государя и Вашего Императорскаго Величества. Они хотѣли (оба въ томъ согласно признаются), въ положенный день или ночь, съ помощію нѣсколькихъ сообщниковъ, одѣтыхъ въ мундиры солдатъ полка, коимъ начальствовалъ единомышленникъ ихъ полковникъ Швейковскій, овладѣть Государемъ и Вашимъ Величествомъ; также взять подъ стражу генералъ-адъютанта барона Дибича, произвести бунтъ въ лагерѣ и, оставя гарнизонъ въ крѣпости (которая, говорятъ они, могла въ неудачѣ служить для нихъ убѣжищемъ), идти на Москву, возмущая на пути и присоединяя къ себѣ другія войска. Но, какъ извѣстно уже Вашему Величеству и

---

[1]) Гродецкій, по желанію полномоченыхъ Южнаго Общества, взялся предложить Варшавской директоріи, чтобы съ Его Высочествомъ Цесаревичемъ было поступлено точно такъ въ Польшѣ, какъ съ прочими членами Императорской Фамиліи поступятъ въ Россіи; онъ надѣялся, что директорія согласится. (Показаніе Бестужева-Рюмина).

комиссіею неоднократно было замѣчено, всѣ покушенія и планы злоумышленниковъ равно очевидно ознаменованы и нетерпѣливостью страстей, и ничтожностію средствъ: обманывая на сей счетъ другъ друга, по всегдашнему обыкновенію въ заговорахъ, они часто были сами ослѣплены своими вымыслами, и лишь въ минуты, назначенныя для совершенія предпріятія, узнавали свою слабость. Такъ было и въ семъ случаѣ. Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ, думавъ возмутить цѣлый корпусъ войскъ, скоро увѣрились, что въ ономъ могли имѣть только двухъ пособниковъ: полковника Швейковскаго и капитана Норова. Вслѣдствіе того положили: 1) Бестужеву ѣхать въ Москву узнать, что тамъ дѣлаютъ настоящіе или бывшіе члены тайнаго общества, пригласить ихъ, именно Михаила Муравьева и Михаила Фонвизина къ участвованію въ новыхъ планахъ, и для исполненія оныхъ привезти нѣсколькихъ молодыхъ людей въ Бобруйскъ; 2) требовать мнѣнія и помощи Пестеля чрезъ Василія Давыдова, котораго затѣмъ звали къ себѣ въ лагерь. Давыдовъ не пріѣхалъ и не отвѣчалъ. Бестужевъ нашелъ въ Москвѣ только Ивана Фонвизина и Якушкина, которые отказались отъ всякаго содѣйствія, и начальники Васильковской управы остались при одномъ злодѣйственномъ умыслѣ. Пестель утверждаетъ, что онъ удержалъ ихъ; но сему нельзя вѣрить, ибо изъ показаній Бестужева-Рюмина [1]) видно, что въ апрѣлѣ слѣдующаго 1824 года составленъ планъ другого и еще болѣе преступнаго покушенія имъ, Пестелемъ, Бестужевымъ-Рюминымъ, Сергѣемъ Муравьевымъ, двумя Поджіо, Давыдовымъ и Швейковскимъ. Полагали ошибочно, что покойный Государь Императоръ будетъ въ семъ году осматривать войска 3-го корпуса при мѣстечкѣ Бѣлая Церковь, и заговорщики рѣшили, что въ первую ночь послѣ пріѣзда Его Величества въ павиліонъ парка Александріи, при смѣнѣ караула, нѣсколько одѣтыхъ въ солдатскіе мундиры офицеровъ (въ томъ числѣ разжалованныхъ), коихъ они считали готовыми на злодѣйство, ворвутся въ комнаты Государя и умертвятъ его [2]). Тогда же Муравьевъ-Апостолъ, Швейковскій и Тизенгаузенъ должны были произвести возмущеніе въ лагерѣ, идти на Кіевъ и на Москву. Муравьевъ думалъ изъ Кіева отправиться въ Петербургъ, дѣйствовать на Сѣверное Общество и съ нимъ; Бестужевъ опредѣлялъ себя въ начальники Черниговскаго полка. Но смотра не было; потому даже не сдѣлано предложенія назначаемымъ въ убійцы [3]) и, можетъ быть, не рожденнымъ для злодѣйства офицерамъ и рядовымъ; по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Жуковъ, выписанный изъ гвардіи, говорилъ послѣ (такъ свидѣтельствуетъ Бестужевъ-Рюминъ): „Знаю, что для успѣха

---

[1]) Также Поджіо, В. Давыдова и Сергѣя Муравьева.

[2]) Швейковскій утверждаетъ, что по его мнѣнію должно было только арестовать Государя.

[3]) Сихъ только они между собою называли заговорщиками, другихъ же соумышленниковъ революціонерами.

намъ нужна смерть Государя; однакожъ, если жребій велитъ мнѣ быть исполнителемъ ужаснаго приговора, то я самъ себя лишу жизни."

Но исполненіе сихъ преступныхъ намѣреній только что отлагалось; оно, какъ явствуетъ изъ множества показаній, было постоянною мыслію руководителей Южнаго Тайнаго Общества. Уже и въ 1821 году, по свидѣтельству ротмистра Ивашева, вскорѣ послѣ возобновленія союза на югѣ, въ одномъ собраніи, гдѣ находились Пестель, Юшневскій, Аврамовъ, Ивашевъ, князь Барятинскій, Вольфъ, Крюковы 1-й и 2-й и Басаргинъ, члены провозгласили торжественно, что цѣль ихъ есть измѣненіе существующаго въ государствѣ порядка, во что бы ни стало, предполагая не только упраздненіе престола, но истребленіе всѣхъ лицъ, кои могли бы тому препятствовать; средства къ сему предоставляли избрать директорамъ, Пестелю и Юшневскому, и для того вручали имъ власть неограниченную [1]). Въ другомъ засѣданіи, при Юшневскомъ, Аврамовѣ, Ивашевѣ, двухъ Крюковыхъ, князѣ Барятинскомъ и штабъ-лекарѣ Вольфѣ (который показываетъ сіе), Пестель требовалъ рѣшительнаго утвержденія плана его ввести въ Россіи республиканскій образъ правленія посредствомъ вооруженной силы, и упразднить Царствующій Домъ. Члены изъявили согласіе. Въ 1822 году, князь Барятинскій, принимая въ общество полковника Фалленберга, взялъ съ него клятву жертвовать всѣмъ и даже покуситься на жизнь Императора [2]). Въ 1823 году младшій изъ братьевъ Поджіо [3]), вступивъ въ Союзъ, нашелъ, что всѣми (южными) управами положено было цѣлію установленіе республики, но изъ осторожности не вдругъ открывать сіе нововводимымъ. Въ семъ же году Поджіо видѣлъ въ Петербургѣ князя Барятинскаго и письмо, которое онъ привозилъ отъ Пестеля къ Никитѣ Муравьеву. Пестель спрашивалъ о числѣ членовъ, силѣ, успѣхахъ Сѣвернаго Общества; готовы ли въ Петербургѣ къ возмущенію? и прибавлялъ: „Les demi-mesures ne valent rien; ici nous voulons avoir maison nette (слабыя мѣры ни къ чему не годятся: мы, здѣшніе, думаемъ все до чиста искоренить). „Какъ вскричалъ Никита Муравьевъ, они тамъ Богъ вѣсть, что затѣяли: хотятъ всѣхъ." Князь Барятинскій требовалъ рѣшительнаго отвѣта, Никита Муравьевъ объявлялъ, что ихъ намѣреніе начать съ обращенія умовъ (commencer par la

---

[1]) На очныхъ ставкахъ, подтвердивъ показаніе Ивашева, нѣкоторые (Юшневскій, Басаргинъ, князь Барятинскій и Крюковъ 2-й) прибавили, что сіе происходило въ томъ самомъ засѣданіи, въ коемъ положено было не признавать общества разрушеннымъ.

[2]) Показаніе Фалленберга; и князь Барятинскій сознался въ этомъ на очной съ нимъ ставкѣ.

[3]) Показаніе самого Поджіо.

propagande); но имъ (Никитою Муравьевымъ), какъ утверждаетъ въ своихъ показаніяхъ Поджіо, иные въ Петербургѣ тогда были недовольны, хуля его медлительность, бездѣйствіе, холодность. Въ числѣ тѣхъ, кои желали скорыхъ мѣръ, не ужасаясь злодѣйства, Поджіо именуетъ Митькова, который на свиданіи у Оболенскаго сказалъ ему: „Я съ вашимъ мнѣніемъ (о погубленіи всей Императорской Фамиліи) согласенъ совершенно, до корня [1]); князя Валеріана Голицына, повторившаго слова Митькова [2]); Рылѣева, исполненнаго отваги, какъ говоритъ показатель, но хотѣвшаго дѣйствовать и на умы, сочиненіемъ возмутительныхъ пѣсенъ и Катехизиса свободнаго человѣка [3]), наконецъ, и Матвѣя Муравьева-Апостола [4]). Поджіо представляетъ его однимъ изъ жаркихъ приверженниковъ Пестеля и республиканскаго правленія, готовымъ произнести смертный приговоръ Царствующему Дому, только съ тѣмъ (сію мысль, по другимъ показаніямъ, имѣли и братъ его Сергѣй, и Бестужевъ-Рюминъ, и Пестель), чтобы злодѣйство, ими внушенное, казалось дѣломъ другихъ, послѣдствіемъ заговора, составленнаго внѣ ихъ тайнаго общества, и чтобы они могли избѣгнуть отъ кары праведнаго всеобщаго омерзѣнія [5]). Но сіи мнѣнія Матвѣя Муравьева значительно измѣнились въ теченіе слѣдующаго года; ибо въ найденномъ между бумагами брата его Сергѣя письмѣ (отъ 3-го ноября 1824) онъ, напротивъ, изъявляетъ благоразуміе, старается удержать брата отъ всякихъ покушеній, доказываетъ ему если небезнаказанность, то по крайней мѣрѣ безразсудность предпріятія и невозможность успѣха. „Духъ въ гвардіи," пишетъ онъ, „и вообще въ войскахъ и народѣ совсѣмъ не тотъ, какой мы пред-

---

[1]) Митьковъ сознавался въ томъ на очной ставкѣ съ Поджіо; послѣ онъ опять началъ запираться.

[2]) Онъ, однако жъ, въ этомъ не признается.

[3]) Рылѣевъ только думалъ кончить сей Катехизисъ свободнаго человѣка, начатый Никитою Муравьевымъ, но не успѣлъ. Въ сочиненіи возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ онъ признался.

[4]) Самъ Сергѣй Муравьевъ, въ одномъ изъ послѣднихъ отвѣтовъ своихъ, утверждаетъ, что сверхъ названныхъ подполковникомъ Поджіо сіе мнѣніе объ истребленіи Императорской Фамиліи раздѣляли въ Петербургѣ еще многіе изъ членовъ, и въ томъ числѣ главныхъ, Сѣвернаго Общества. Нѣкоторые признали справедливость сего показанія, какъ сіе подробно означено въ особыхъ о каждомъ запискахъ; о другихъ онъ самъ объявилъ послѣ, что не говорилъ съ ними о томъ; противились же сему мнѣнію, какъ показываетъ онъ, князь Трубецкой и Никита Муравьевъ. Онъ приводитъ слова послѣдняго: «je vais dire à ces messieurs, que la Famille Impériale est sacrée (я объявляю этимъ господамъ, что Императорская Фамилія должна быть священна).

[5]) Пестель, если вѣрить словамъ Никиты Муравьева, думалъ даже сихъ заговорщиковъ-убійцъ, имъ возбужденныхъ, немедленно казнить смертью, и такимъ образомъ будто бы отомщая за Императорскую Фамилію, отклонить отъ своего общества всякое подозрѣніе въ участіи. На очной ставкѣ съ Никитою Муравьевымъ Пестель не признался въ семъ послѣднемъ намѣреніи.

полагали. Государь и Великіе Князья любимы; они съ властію имѣютъ и способы привязывать къ себѣ милостями; а мы что можемъ обѣщать, вмѣсто чиновъ, денегъ и спокойства? Метафизическія разсужденія о политикѣ и двадцатилѣтнихъ прапорщиковъ въ правители государства! Изъ петербургскихъ умнѣйшіе начинаютъ видѣть, что мы обманываемъ другъ друга, твердя о нашихъ силахъ. Въ Москвѣ я нашелъ только двухъ членовъ, которые сказали мнѣ: здѣсь ничего не дѣлаютъ, да и дѣлать нечего“ [1]).

По всему видно, что и дѣятельнѣйшіе въ тайномъ обществѣ, точно не стыдясь, обманывали другъ друга. Такъ, генералъ-маіоръ князь Сергѣй Волконскій сообщалъ Пестелю, что онъ подговорилъ многихъ офицеровъ изъ всѣхъ полковъ 19-й дивизіи, за исключеніемъ лишь полка его личнаго пріятеля Бурцова; называлъ нѣкоторыхъ, будто бы принятыхъ имъ или приготовленныхъ, и послѣ долженъ былъ признаться, что все было имъ вымышлено, изъ тщеславія, для доказательства его преступнаго усердія. Такъ, они говорили въ Южномъ Обществѣ, что ихъ главныя силы на Сѣверѣ, и тамъ должно начаться дѣйствіямъ; а въ Петербургѣ, что все готово на югѣ; утверждали иногда, что Москва рѣшитъ дѣло, а въ Москвѣ не было уже и управы и очень мало членовъ, большею частію, отставшихъ отъ Союза; говорили также, и также ложно, что есть тайныя общества на Кавказѣ и въ Харьковѣ (послѣднее будто бы подъ начальствомъ графа Якова Булгари). Но то же самое чувство тщеславія не допускало ихъ ни сердиться за обманъ, ни признаваться въ перемѣнѣ образа мыслей. Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, послѣ означеннаго выше письма къ брату, въ коемъ онъ сверхъ того изъявилъ весьма невыгодное мнѣніе о Пестелѣ, послѣ разговора въ томъ же духѣ съ пріѣзжавшимъ къ нему въ деревню маіоромъ Лореромъ вдругъ снова началъ увѣрять Пестеля въ привязанности

---

[1]) Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ показываетъ въ своихъ послѣдихъ отвѣтахъ, что онъ былъ въ необыкновенномъ расположеніи души, когда видѣлся съ Поджіо въ Петербургѣ: долго не получая извѣстій о братѣ своемъ Сергѣѣ, онъ вообразилъ, что заговоръ открытъ, и братъ его подъ стражею. „Терзаемый горестію, страхомъ“, говоритъ онъ, „я въ безуміи хотѣлъ мести, хотѣлъ самъ покуситься на жизнь Государя, и объявлялъ о своемъ намѣреніи кавалергардскимъ офицерамъ, Вадковскому, Свистунову, Артамону Муравьеву“. Первый думалъ для сего употребить бывшее у него духовое ружье; послѣдній назначалъ день, когда его эскадронъ будетъ въ караулѣ. Но Матвѣй Муравьевъ, узнавъ, что братъ его свободенъ, успокоился и оставилъ мысль о злодѣйственномъ покушеніи. Вскорѣ послѣ того, одинъ изъ вышеупомянутыхъ офицеровъ (Ѳедоръ Вадковскій) предполагалъ, между прочими способами для исполненія повелѣній ихъ общества, убить покойнаго Императора и всѣхъ членовъ его августѣйшей фамиліи на какомъ-нибудь большомъ придворномъ балѣ, и тутъ же провозгласить установленіе республики. Подпоручикъ Кривцовъ и корнетъ Александръ Муравьевъ говорятъ, что, находя сіе предположеніе нелѣпымъ, сочли за шутку.

къ нему, въ рвеніи къ успѣху его плановъ [1]). Сей послѣдній (Пестель), какъ свидѣтельствуютъ Никита Муравьевъ, другіе допрошенные и самый ходъ происшествій, былъ въ Южномъ Обществѣ не только директоромъ, но полнымъ властелиномъ; большая часть членовъ слѣпо ему вѣрила; иные, въ томъ числѣ начальникъ одной изъ управъ, князь Сергѣй Волконскій, не знавъ его проекта конституціи, хотѣли всѣмъ жертвовать для введенія предположеннаго въ ней образа правленія [2]). Впрочемъ, по нѣкоторымъ показаніямъ, онъ часто дѣйствовалъ такъ, чтобы его мысли и намѣренія были предложены не имъ и даже казались не его внушеніемъ. Подполковникъ Поджіо встрѣтился съ нимъ въ первый разъ осенью 1824 года. Пестель зналъ, что онъ членъ ихъ общества, зналъ, что онъ изъ такихъ, коихъ, по словамъ его, не было нужды пришпоривать, но сперва говорилъ очень осторожно, только искалъ плѣнить его умомъ, велерѣчіемъ, лестью, много разсуждалъ о различныхъ формахъ правленія, начавъ отъ Нимврода, и особенно охуждалъ наслѣдственный въ монархіяхъ порядокъ. Но когда Поджіо, въ восторгѣ, который въ другомъ случаѣ можно назвать дѣтскимъ, вскричалъ: „Должно признаться, что всѣ жившіе до насъ ничего не разумѣли въ государственной наукѣ, они были ученики, и наука въ младенчествѣ:“ то онъ сталъ мало-по-малу намекать о томъ, что для торжества ихъ идей нужны усилія, жертвы. Отвѣтъ уже воспламененнаго до бѣшенства и нынѣ горько раскаявшагося Поджіо былъ готовъ: принесемъ на жертву всѣхъ. Тогда Пестель, сжавъ руку, сказалъ: Давай считать ихъ по пальцамъ; для удара я готовлю двѣнадцать удальцовъ. Барятинскій уже набралъ нѣкоторые. Дошедши до царственныхъ особъ женскаго пола, онъ на минуту остановился: „знаешь ли Поджіо, что это ужасно!“ и однакожъ заключилъ свой страшный счетъ числомъ 13-ть, прибавя: Если убивать и въ чужихъ краяхъ, то конца не будетъ; у всѣхъ великихъ княгинь есть дѣти. Довольно объявить ихъ лишенными правъ на царство; и кто захочетъ престола, облитаго кровью? „Но Пестель самъ, какъ показываетъ его сообщникъ-обвинитель, хотѣлъ для себя по крайней мѣрѣ власти царской. „Кто же,“ спрашивалъ онъ у Поджіо, „будетъ главою Временнаго Правительства?“ — „Кому быть кромѣ того, кто начинаетъ и безъ сомнѣнія совершитъ великое дѣло революціи, кромѣ васъ?“ — „Неловко мнѣ, нося имя нерусское.“ —

---

[1]) Уступая просьбамъ брата, какъ онъ утверждаетъ; даже письма его къ Пестелю сочинены не имъ, а братомъ его Сергѣемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ.

[2]) Князь Сергѣй Волконскій говоритъ самъ, что онъ видѣлъ только небольшіе отрывки Пестелевой Русской Правды, и что главнѣйшія основанія оной были ему вовсе неизвѣстны.

„Что нужды! Вы уймете самое злорѣчіе, удалясь, какъ Вашингтонъ, въ среду простыхъ гражданъ; вѣдь Временное Правительство недолго будетъ дѣйствовать, годъ, много два.“ — „О, нѣтъ!“ возразилъ Пестель, „не менѣе десяти лѣтъ; оно необходимо для однихъ предварительныхъ мѣръ; между тѣмъ, чтобы не роптали, можно занять умы внѣшнею войною, возстановленіемъ древнихъ республикъ въ Греціи. А окончивъ великій подвигъ, я заключусь въ Кіевской Лаврѣ, буду схимникомъ, и т о г д а примусь за вѣру“ [1]).

Ослѣпляя такимъ образомъ людей незрѣлаго ума въ своемъ непосредственномъ кругу, зараждая или, по крайней мѣрѣ, укореняя въ ихъ сердцахъ беззаконныя и безчеловѣчныя намѣренія, директоръ Южнаго Тайнаго Общества продолжалъ стараться и о томъ, чтобы распространить свое вліяніе на Сѣверную Думу [2]). Князь Сергѣй Волконскій, Давыдовъ, Швейковскій пріѣзжали въ Петербургъ (первый два раза), съ предложеніемъ соединить оба общества, дѣйствовать вмѣстѣ, стремиться къ одной, опредѣленной южными членами цѣли. Въ 1825 году былъ и самъ Пестель. Онъ, возвратясь на югъ, увѣрялъ, что привелъ все въ желанный имъ порядокъ; что общества Южное и Сѣверное соединились; что сначала ему противились во многомъ, и однажды онъ въ нетерпѣніи, ударивъ по столу, сказалъ: Т а к ъ б у д е т ъ ж е р е с п у б л и к а;—что, наконецъ, всѣ согласились съ его мнѣніемъ и видами. Но члены Петербургскаго Общества показываютъ другое. Рылѣевъ утверждаетъ, что они думали соединиться съ Южнымъ для того единственно, чтобы надзирать за

---

[1]) Пестель, также по свидѣтельству Поджіо, говорилъ и о людяхъ, коихъ намѣренъ былъ употребить, щедро обѣщая своимъ соумышленикамъ министерства и всѣ важныя мѣста въ Государствѣ. О предателяхъ сказалъ, что имена ихъ записаны въ черную книгу и обречены мщенію, кинжаламъ, aqua tophana и проч. и проч. Послѣ, когда Василій Давыдовъ спросилъ у него при Поджіо: Знаешь его и мое мнѣніе? в с ѣ х ъ! то онъ отвѣчалъ, усмѣхаясь: Да! П о д ж і о ужасный человѣкъ. На очной ставкѣ Пестель признался, что имѣлъ съ нимъ означенный выше разговоръ, но прибавя:—б е з ъ т е а т р а л ь н ы х ъ д в и ж е н і й, и м н ѣ н и к а к о й н у ж д ы н е б ы л о в о с п л а м е н я т ь П о д ж і о, я н а ш е л ъ е г о г о т о в ы м ъ н а в с е.

[2]) Тѣми же средствами—ласкательствомъ. Однажды въ разговорѣ съ Рылѣевымъ, какъ сей показываетъ, Пестель, чтобы привязать къ себѣ сего, тогда новаго члена, и узнать его образъ мыслей, изъявлялъ попеременно разныя политическія мнѣнія: о н ъ б ы л ъ, говоритъ Рылѣевъ, и г р а ж д а н и н о м ъ с ѣ в е р о - а м е р и к а н с к и м ъ, т о з а щ и т н и к о м ъ г о с у д а р с т в е н н а г о у с т а в а А н г л і и, т о к о н с т и т у ц і и и с п а н с к о й, и т е р р о р и с т о м ъ, н а п о л е о н и с т о м ъ. Между прочимъ сказавъ, что и богатствомъ, и силой, и славой, Англія обязана своимъ законамъ, чрезъ минуту согласился съ Рылѣевымъ, что сіи законы устарѣли, не годятся для нашего вѣка, наполнены недостатками и могутъ п л ѣ н я т ь т о л ь к о с л ѣ п у ю ч е р н ь, к у п ц о в ъ, л о р д о в ъ и б л и з о р у к и х ъ а н г л о м а н о в ъ. Хваля Бонапарте, на слова Рылѣева, что даже честолюбцу должно, для собственной выгоды, подражать скорѣе Вашингтону, Пестель отвѣчалъ: правда; но если бы и вышелъ Наполеонъ, то все же мы не будемъ въ проигрышѣ.

Пестелемъ и противодѣйствовать ему; что сего, къ сожалѣнію, не могли сдѣлать, а, по словамъ Никиты Муравьева, Пестель послѣ пріѣзда въ Петербургъ, на собраніи, при князѣ Трубецкомъ, Оболенскомъ, Николаѣ Тургеневѣ, Рылѣевѣ, Матвѣѣ Муравьевѣ-Апостолѣ, жаловался на дѣятельность Сѣвернаго Общества, на недостатокъ единства, точныхъ правилъ, на различіе устройствъ на сѣверѣ и югѣ. Въ Южномъ Обществѣ были Бояре, въ Сѣверномъ ихъ не было. Онъ предлагалъ слить оба общества въ одно, назвать Боярами главныхъ петербургскихъ членовъ, имѣть однихъ начальниковъ, всѣ дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ Бояръ, обязать ихъ и прочихъ членовъ повиноваться слѣпо симъ рѣшеніямъ. Предложеніе было принято, какъ сказалъ князь Трубецкой Никитѣ Муравьеву, который не былъ на семъ собраніи. „Мнѣ это весьма не понравилось," говоритъ Муравьевъ, „и когда вскорѣ затѣмъ Пестель пришелъ ко мнѣ, то у насъ началось преніе. Пестель говорилъ, что надобно прежде всего истребить всѣхъ членовъ Императорской Фамиліи, заставить Синодъ и Сенатъ объявить наше тайное общество Временнымъ Правительствомъ съ неограниченною властію; что сіе Временное Правительство, принявъ присягу всей Россіи, раздавъ министерства, арміи, корпуса и прочія мѣста членамъ общества, мало-по-малу, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, будетъ вводить новый порядокъ. Я нашелъ сей планъ равно и варварскимъ и несбыточнымъ" [1]). Вслѣдствіе сего разговора, Никита Муравьевъ на другомъ собраніи общества доказывалъ, что совершенное соединеніе ихъ съ Южнымъ невозможно, по дальности разстоянія и по несходству въ мнѣніяхъ; что въ Сѣверномъ всякій слѣдовалъ своему, а въ Южномъ, какъ онъ слышалъ, никто не противорѣчилъ Пестелю, и такъ большинство голосовъ было бы выраженіемъ одной его воли. Онъ же не сказывалъ, сколько у него Бояръ, и предоставлялъ себѣ право, вмѣстѣ съ своимъ Боярами, принимать новыхъ. Муравьевъ прибавилъ, что никогда не будетъ слѣпымъ орудіемъ рѣшеній большинства, которыя могутъ быть противны его совѣсти, и хочетъ имѣть свободу выйти изъ общества. Его слова подѣйствовали; Пестель долженъ былъ согласиться оставить все въ прежнемъ видѣ до 1826 года, а тогда собрать уполномоченныхъ для постановленія правилъ и для избранія однихъ правителей въ оба

---

[1]) Планъ самого Муравьева, какъ онъ показываетъ, былъ слѣдующій:

1) Окончивъ свой проектъ Конституціи, раздать множество экземпляровъ онаго людямъ всѣхъ состояній.

2) Произвести возмущеніе въ войскѣ и тогда напечатать сей проектъ.

3) По мѣрѣ успѣховъ возмущенія, во всѣхъ занятыхъ мѣстахъ учреждать предложенныя имъ новыя начальства и другія присутственныя мѣста.

и 4) Если бы Императорская Фамилія не согласилась принять его Конституцію, то изгнать ее и предложить установленіе республиканскаго правленія, но только въ сей крайности; ибо онъ въ концѣ 1822 года, какъ увѣряетъ, отчасти перемѣнилъ свой образъ мыслей и призналъ превосходство монархическихъ формъ надъ республиканскими.

общества. Съ тѣхъ поръ онъ [1]) видимо охладѣлъ къ главнымъ членамъ петербургскимъ, не показывалъ имъ довѣренности, и хотя обѣщалъ прислать свой проектъ Конституціи, однако же не прислалъ и не входилъ ни въ какія объясненія объ устройствѣ и состояніи Южнаго Общества. О князѣ Сергѣѣ Волконскомъ Никита Муравьевъ говоритъ, что онъ былъ въ Петербургѣ послѣ Пестеля (вѣроятно, во второй разъ) и не имѣлъ никакихъ порученій, а только хвалилъ единодушіе Обществъ Сѣвернаго и Южнаго.

Въ семъ послѣднемъ безпрестанно оказывалось нетерпѣніе приступить къ дѣйствію, мятежамъ, и было останавливаемо только чувствомъ безсилія. Сіи порывы особенно волновали такъ называемую Васильковскую Управу, которая часто, какъ увѣряетъ Пестель, составляла планы, рѣшалась на предпріятія, даже и по его мнѣнію несбыточныя, безъ согласія Тульчинской Директоріи, но увѣдомляла ее обо всемъ. Сія управа приняла многихъ новыхъ членовъ; она, какъ означено выше, вступила первая въ сношенія съ Польскимъ Обществомъ, и ею же въ 1825 году открыто другое тайное общество, Соединенныхъ Славянъ, которое было и не весьма многочисленно и незначительно, ни по званію, ни по свойствамъ членовъ своихъ, и коего существованіе продолжалось не болѣе двухъ лѣтъ. Основать оное вздумалъ, въ 1823 году, подпоручикъ артиллеріи Борисовъ 2-й, пригласивъ къ тому своего брата и одного волынскаго шляхтича Люблинскаго. Онъ сочинилъ, а Люблинскій перевелъ на польскій языкъ формулу клятвеннаго обѣщанія для вступающихъ и краткій Катехизисъ Славянина. Въ немъ, между многими ученическими апоффегмами о природѣ, о просвѣщеніи и предразсудкахъ, о простотѣ выраженій великодушія и надутомъ слогѣ рабства, сказано: „Не надѣйся ни на кого, кромѣ друзей и своего (оружія). Друзья тебѣ помогутъ, а оружіе тебя защититъ; и ты, если славянинъ, и на землѣ твоей, при берегахъ морей, ее окружающихъ, построишь четыре порта, Черный, Бѣлый, Далматскій, Ледовитый, воздвигнешь городъ и въ немъ своимъ могуществомъ посадишь на тронѣ богиню просвѣщенія, и проч. и проч. Желаешь сего, жертвуй 10-ю частію своихъ доходовъ, и будешь обитать въ сердцѣ друзей.“ Къ клятвѣ, обѣщаясь хранить тайну, дѣйствовать для блага славянскихъ племенъ, они прибавляли: „Если измѣню, то да буду наказанъ и угрызеніемъ совѣсти, и симъ оружіемъ, надъ коимъ произношу присягу. Да внидетъ оно остріемъ въ сердце мое, да

[2]) Слова Никиты Муравьева.

истребитъ всѣхъ мнѣ любезныхъ, и жизнь моя съ сей минуты да будетъ сцѣпленіемъ неслыханныхъ бѣдъ.“ Цѣлію общества они полагали соединить общимъ союзомъ и единообразнымъ республиканскимъ правленіемъ, но безъ нарушенія независимости каждаго, восемь славянскихъ колѣнъ, означенныхъ на осьмиугольной печати ихъ: Россію, Польшу, Богемію, Моравію, Далмацію, Кроацію, Венгрію съ Трансильваніей, Сербію съ Молдавіей и Валахіей. Средствъ для сего предпріятія они, какъ говорятъ единогласно въ показаніяхъ, не имѣли никакихъ до самаго конца. Заводя сіе Общество, Борисовъ старался только умножать число членовъ, и чтобы придать ему важности, увѣрялъ принимаемыхъ, что оно сильно, что средоточіе онаго въ Петербургѣ, отрасли во всѣхъ земляхъ, населенныхъ славянами, и что основатель общества есть извѣстный молдавскій князь, который теперь не въ Россіи. Въ лживости сего и въ причинахъ, побудившихъ его вымыслить разсказываемую имъ басню, онъ впослѣдствіи признавался Бестужеву-Рюмину, и тоже подтвердилъ на допросахъ предъ Комиссіею. Когда онъ и другіе члены сего Тайнаго Общества познакомились съ Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ, ихъ было 36 человѣкъ [1]), большею частію молодыхъ офицеровъ артиллеріи и нѣкоторыхъ пѣхотныхъ полковъ 3-го корпуса. Сей корпусъ стоялъ тогда лагеремъ у мѣстечка Лещина. Многіе изъ товарищей Муравьева и Бестужева-Рюмина по Южному Обществу видались съ ними ежедневно, полковники: Швейковскій, Тизенгаузенъ, Артамонъ Муравьевъ, Вроницкій, маіоръ Спиридовъ; положено, чтобы Бестужевъ обратилъ Соединенныхъ Славянъ къ своей цѣли. Ему было не трудно доказать невозможность когда-либо исполнить ихъ собственный планъ; онъ прибавилъ къ сему, что обязанность русскаго думать о преобразованіи Россіи, прежде иныхъ соплеменныхъ намъ народовъ, и потомъ, говоря именемъ своего многочисленнаго могущественнаго Общества, распространившаго отрасли свои по всей Имперіи, именемъ Верховнаго Правленія, сокровеннаго даже и для большей части членовъ въ непроницаемой тайнѣ, пригласилъ ихъ содѣйствовать и повиноваться ему безпрекословно. Всѣ тутъ бывшіе согласились [2]). Общество Славянъ присоединилось къ Южному, то-есть къ Васильковской Управѣ; они обязались клятвою, цѣлуя образъ, который Бестужевъ снялъ съ шеи; а онъ, объявивъ, что должно стремиться къ испроверженію настоя-

---

[1]) Кои означены въ одномъ изъ приложенныхъ списковъ.

[2]) Борисовъ 2, Горбачевскій, Пестовъ, Тютчевъ, Бечасновъ, Громницкій, Андреевичъ 2, Веденяпинъ 1, Мозгалевскій, Щипилла, Шимковъ, Кирѣевъ и Мозганъ. Сверхъ того, присоединились къ Южному Обществу, но не присягали, Ивановъ и Лисовскій.

щаго порядка посредствомъ военной силы, раздѣлилъ ихъ на округи. Начальники сихъ округовъ, для артиллерійскихъ Горбачевскій, для пѣхотныхъ Спиридовъ, назывались Посредниками; ибо чрезъ нихъ Соединенные Славяне сносились съ Бестужевымъ и Южнымъ Обществомъ. Потомъ онъ показывалъ имъ проектъ новыхъ республиканскихъ законовъ [1]) и увѣрялъ, что князь Трубецкой возилъ его на разсмотрѣніе лучшихъ иностранныхъ публицистовъ, кои всѣ одобрили сіе законоположеніе [2]). Наконецъ, требовалъ, чтобы они подговаривали солдатъ и готовились, по его предписанію, начать возмущеніе не позднѣе августа 1826 года, при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви, а, можетъ быть, и прежде. Затѣмъ, на собраніяхъ у него и Муравьева, гдѣ бывали и вышепоименованные члены Южнаго Общества и нѣкоторые изъ Соединенныхъ Славянъ [3]), они оба твердили имъ безпрестанно о близости, о пользѣ революціи, воспламеняли ихъ воображеніе и страсти, сначала намекали, потомъ говорили ясно и рѣшительно о необходимости посягнуть на жизнь Императора Александра, истребить всю династію. Одинъ изъ Общества Соединенныхъ Славянъ (Горбачевскій) сказалъ: „Но это противно Богу и религіи.“ — „Неправда,“ возразилъ Сергѣй Муравьевъ, и сталъ имъ читать свои выписки изъ Библіи, коими, ложно толкуя ихъ, хотѣлъ доказать, что монархическое правленіе не угодно Небу. „Надобно,“ повторялъ Бестужевъ, „самый прахъ ихъ (членовъ Императорской Фамиліи) развѣять по землѣ. Послѣдствій такихъ, какъ во Франціи, бояться не должно: тамъ началъ революцію народъ, а не войско; у нихъ не было хорошей конституціи, одна смѣняла другую, всѣ были наполнены недостатками, и между верховными правителями ихъ, консулами, былъ человѣкъ отважный, съ обширнымъ геніемъ. У насъ противъ всего подобнаго взяты мѣры [4]).“

Во время сихъ свиданій и переговоровъ, члены Васильковскаго Округа едва не рѣшились, не медля, поднять знамя бунта. Получено извѣстіе, что у одного изъ нихъ (Швейковскаго) отнятъ полкъ. Онъ былъ въ отчаяніи; сообщники его также, и по участію въ немъ, и потому, что съ нимъ лишались надежды привлечь къ содѣйствію полкъ, коимъ онъ начальствовалъ. Въ первыя минуты раздраженія, они [5]) опредѣлили возмутить 3-й корпусъ (дивизіи 8-ю и 9-ю пѣ-

---

[1]) Государственный Завѣтъ, сокращеніе Русской Правды Пестеля.

[2]) Они въ самомъ дѣлѣ думали послать свой проектъ Конституціи для исправленія нѣкоторымъ французскимъ и англійскимъ литераторамъ, коихъ образъ мыслей считали близкимъ къ своему; сіе объявляетъ Бестужевъ-Рюминъ.

[3]) Тютчевъ, Борисовъ 2-й, Горбачевскій, Пестовъ, Бечасновъ, Громницкій, Андреевичъ 2-й, Берстель, Мозгалевскій.

[4]) Показаніе Бечаснаго.

[5]) То-есть: Сергѣй, Артамонъ Муравьевы и Бестужевъ-Рюминъ. Вроницкій не былъ на ихъ первыхъ совѣщаніяхъ; Швейковскій въ горести тогда все молчалъ; Тизенгаузенъ также говорилъ очень мало.

хотныя, 3-ю гусарскую и артиллерію сихъ дивизій) и идти на Кіевъ, потребовавъ совѣта и помощи у Пестеля; хотѣли также послать убійцъ въ Таганрогъ, и полковникъ Артамонъ Муравьевъ предложилъ себя. „Ты намъ нуженъ здѣсь для своего полка," отвѣчали ему. Бестужевъ, для совершенія злодѣянія, взялся найти человѣкъ до 15 [1]) изъ Соединенныхъ Славянъ и другихъ, не принадлежавшихъ ни къ какому тайному обществу, но извѣстныхъ ему и надежныхъ по ихъ образу мыслей и характеру. Онъ составилъ имъ списокъ; но не всѣ, коихъ имена были въ ономъ, изъявили согласіе [2]). Нѣкоторымъ онъ и не открывалъ своихъ намѣреній, какъ видно, полагаясь на общую данную ими присягу въ слѣпомъ повиновеніи. Но не долго они занимались своими преступными мечтами; опомнясь, самъ Швейковскій убѣдительно, со слезами, просилъ товарищей не жертвовать собою за него, отложить всякое дѣйствіе. Чувствуя всю невѣроятность удачи, они согласились и однако же дали другъ другу слово начать непремѣнно въ 1826 году. И тогда они думали убіеніемъ Императора Александра подать знакъ къ повсемѣстнымъ смятеніямъ, принудить Сенатъ провозгласить избранную ими конституцію и составить три лагеря: первый у Кіева, подъ командою Пестеля, второй у Москвы, подъ командою Бестужева-Рюмина, третій близъ Петербурга, гдѣ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ долженъ былъ явиться, чтобъ принять начальство надъ гвардіею. Такъ имъ все казалось легко! Но одинъ (полковникъ Тизенгаузенъ), иногда казавшійся ревностнымъ, даже предлагавшій составить кассу для предпріятій Общества и продать для сего послѣднее платье жены своей, говорилъ: „Начинать черезъ годъ! Развѣ черезъ десять лѣтъ!" [2]). Артамонъ Муравьевъ еще нѣсколько времени упорствовалъ въ желаніи не откладывать и ѣхать для убійства въ Таганрогъ; Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ и Бестужевъ утверждаютъ, что ему не вѣрили, считая его самохваломъ, яростнымъ болѣе на словахъ, нежели въ самомъ дѣлѣ; онъ самъ признался предъ Комиссіею въ истинѣ приписываемыхъ ему словъ и умысла.

По снятіи Лещинскаго лагеря, они разстались, твердя о планѣ на 1826-й годъ между собою и Соединеннымъ Славянамъ чрезъ Бестужева. Онъ имъ повторялъ, что при смотрѣ войскъ у Бѣлой Церкви будетъ удобный случай произвести мятежъ и всѣ замышленныя ими перемѣны, увѣрялъ снова въ силѣ своего тайнаго

---

[1]) Такъ показываютъ штабсъ-капитанъ Корниловъ и самъ Бестужевъ.

[2]) Признались въ томъ Спиридовъ, Горбачевскій, Борисовъ 2-й, Бечасновъ, Пестовъ: они въ семъ случаѣ обязались новой клятвой, также цѣлуя образъ.

[3]) Тизенгаузенъ утверждаетъ, что онъ былъ только увлеченъ дружбой къ Сергѣю Муравьеву; хотя ужасался его намѣреній, даже хотѣлъ донести обо всемъ начальству, но былъ удержанъ отъ того болѣзнію.

общества, уже неимѣющаго нужды въ новыхъ членахъ и, требуя отъ нихъ крови священной, утверждалъ, что не будетъ кровопролитія; наконецъ, совѣтовалъ, предписывалъ приглашать къ сообщничеству фейерверкеровъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Сіе порученіе было исполняемо, хотя не всѣми и не всегда съ успѣхомъ; ибо нѣкоторымъ солдаты, на ихъ лукавыя обѣщанія и слова, что пора избавиться отъ несправедливости начальниковъ, по большей части нѣмцевъ, отвѣчали: Не вѣримъ, это все пустое, или: Хорошо, мы съ вами, если только въ этомъ не будетъ бунта, или какого иного худа. Иные даже спрашивали: да полно, батюшка, не противно ли это присягѣ и знаетъ ли про то Государь? И, ругаясь надъ ихъ простодушнымъ легковѣріемъ, имъ говорили, что все согласно съ присягою и будетъ извѣстно Государю.

Директоры Южнаго Общества были, какъ сіе означено выше, увѣдомляемы о дѣлахъ и предположеніяхъ Васильковской Управы. Сергѣй Муравьевъ тогда уже самъ былъ однимъ изъ директоровъ. Пестель въ отвѣтахъ своихъ утверждаетъ, что онъ не одобрялъ ихъ плановъ, зналъ невозможность исполненія, предвидѣлъ, что и въ 1826 году нельзя будетъ ни на что рѣшиться; но по другимъ показаніямъ [1]), онъ нѣсколько разъ говорилъ: „Муравьевъ нетерпѣливъ и скоръ; однако жъ, если онъ начнетъ удачно, то я не отстану отъ него.“ Онъ повторялъ сіи слова и послѣ кончины Государя Императора Александра, ибо непритворная, всеобщая горесть отечества не перемѣнила ни расположенія заговорщиковъ, ни главныхъ намѣреній ихъ. Одинъ изъ членовъ и бояръ (Федоръ Вадковскій) писалъ въ то время изъ Курска къ Пестелю (это письмо достойно замѣчанія): „Вотъ случай, коимъ Общество могло бы воспользоваться, еслибы оно было готово, но онъ пропущенъ. Будемъ ждать, что сдѣлаетъ новое правительство. Если оно будетъ дѣйствовать дурно, то сіе, умноживъ число недовольныхъ, увеличитъ наши силы; въ противномъ же случаѣ, при общемъ благоденствіи, имѣя и болѣе свободы, удвоимъ старанія, чтобы скорѣе испровергнуть его.“ Многіе изъ допрошенныхъ [2]) свидѣтельствуютъ, что уже послѣ сего, Пестелемъ и его главными соумышленниками, было положено 1-го января нынѣшняго года по вступленіи Вятскаго полка, коимъ Пестель командовалъ, въ караулъ въ Тульчинѣ, арестовать главнокомандующаго 2-й арміи и начальника штаба, и тѣмъ подать знакъ возмущенію, какъ донесеніе капитана Майбороды, удостовѣривъ въ существованіи тайнаго общества, открыло всѣ планы онаго, и Пестель взятъ подъ стражу.

Между тѣмъ и въ Обществѣ Петербургскомъ явилась большая

---

[1]) Капитана Майбороды и Давыдова.
[2]) Давыдовъ, князь Сергѣй Волконскій, капитанъ Майборода.

противъ прежняго и безпокойная дѣятельность, особливо со времени вступленія Рылѣева въ Думу, на мѣсто князя Сергѣя Трубецкого. Онъ и принятый имъ въ апрѣлѣ 1825 года, причисленный къ Верхнему Кругу, Александръ Бестужевъ, тѣсно съ нимъ связанный пріязнію, единомыслiемъ, сходствомъ вкусовъ и занятій, ревностнѣе всѣхъ старались распространять свои правила и умножать число сообщниковъ, хотя Бестужевъ и утверждаетъ, что, съ перваго засѣданія его въ Кругѣ Убѣжденныхъ, онъ увѣрился въ ничтожности силъ ихъ общества; что съ тѣхъ поръ до 27-го ноября онъ видѣлъ въ немъ одну игрушку, даже искалъ средствъ удалиться, только не нарушая даннаго обѣщанія и не ссорясь съ товарищами; что для сего думалъ нынѣшнею зимою жениться въ Москвѣ и ѣхать на нѣсколько лѣтъ за границу. Имъ и Рылѣевымъ, прямо и чрезъ другихъ, приняты многіе новые члены [1]); въ томъ числѣ вступили въ Общество, въ разныя времена, нѣкоторые изъ преступныхъ участниковъ въ безпорядкахъ 14-го минувшаго декабря: Николай, Михайла, Петръ Бестужевы, Сутгофъ, Пановъ, князь Одоевскій, князь Щепинъ-Ростовскій, Вильгельмъ Кюхельбекеръ, Торсонъ и Арбузовъ, служившій въ гвардейскомъ морскомъ экипажѣ. Чрезъ него [2]) Рылѣевъ дѣйствовалъ на кругъ молодыхъ офицеровъ сего экипажа, кои не были членами ни Сѣвернаго, ни Южнаго Тайнаго Общества, и не составляли особеннаго, а только любили собираться, чтобы въ нескромныхъ разговорахъ охуждать правительство, хвалить конституцію Американскихъ Штатовъ, мечтать о введеніи новаго, республиканскаго порядка въ Россіи. На сихъ, впрочемъ, весьма малочисленныхъ собраніяхъ, вмѣстѣ съ Арбузовымъ, первенствовалъ Завалишинъ, также молодой флотскій офицеръ, недавно возвратившійся изъ отдаленнаго морского путешествія. Онъ увѣрялъ товарищей, что принадлежитъ къ таинственному Вселенскому ордену Возстановленія, который, будто бы имѣя членами важнѣйшихъ людей въ разныхъ государствахъ, стремится къ преобразованію всѣхъ правительствъ въ Европѣ и Америкѣ; прибавлялъ, что статуты сего ордена (писанные, по словамъ читавшаго ихъ Рылѣева, двусмысленно, въ духѣ, который можно назвать и монархическимъ и республиканскимъ), онъ доводилъ до свѣдѣнія покойнаго Императора Александра, прося его согласія на подобное установленіе въ Россіи; несмотря на то, онъ находилъ (такъ показываетъ мичманъ Бѣляевъ 1-й), что Государь и Августѣйшій Домъ его будутъ всегда препятствіемъ въ успѣхѣ замышляемыхъ имъ перемѣнъ и сначала полагалъ вывезти ихъ за границу; потомъ онъ и особливо Арбузовъ стали говорить, что

---

[1]) Рылѣевъ имѣлъ намѣреніе, одобренное Сѣверною Думою, принимать и купцовъ; онъ о томъ совѣтовался съ барономъ Штейнгелемъ, который сказалъ, что это невозможно, что наши купцы невѣжды (показаніе Рылѣева и самого Штейнгеля).

[2]) А на него самого, прежде принятія въ общество, чрезъ Николая Бестужева.

лучше всѣхъ истребить. Слыша о сихъ предложеніяхъ, другіе сперва ужасались, но послѣ, мало-по-малу привыкая, становились равнодушнѣе. Такимъ образомъ, ихъ готовили въ орудія тайнаго общества, почти имъ неизвѣстнаго, ибо Арбузовъ по крайней мѣрѣ неясно объ оном разсказывалъ [1]).

Около сего времени, то-есть въ теченіе 1825 года, члены Сѣверной Думы познакомились съ пріѣхавшимъ изъ Грузіи капитаномъ Якубовичемъ. Александръ Бестужевъ открылъ ему о существованіи Тайнаго Общества и предложилъ вступить въ оное, на что онъ не совсѣмъ согласился, говоря: „Не хочу принадлежать ни къ какому Обществу, чтобы не плясать по чужой дудкѣ; с д ѣ л а ю с в о е; вы пользуйтесь этимъ, какъ хотите; я же или постараюсь увлечь за собою войска, или, при неудачѣ, застрѣлюсь: мнѣ жизнь наскучила.“ Подъ словами: с д ѣ л а ю с в о е, Якубовичъ разумѣлъ намѣреніе убить Императора Александра, увѣряя, что онъ на сіе давно рѣшился изъ личной, восемь лѣтъ питаемой имъ, мести. Причиною столь неимовѣрной злобы было то, что Якубовичъ въ 1817 году, за

---

[1]) Одинъ (Дивовъ) даже старался превзойти Арбузова и Завалишина въ изъявленіяхъ кровожадности: онъ самъ признается в ъ с е м ъ б е з у м і и. Завалишинъ утверждаетъ, что большая часть его поступковъ и словъ были, по крайней мѣрѣ вначалѣ, не что иное, какъ благономѣренная хитрость; что онъ еще въ малолѣтствѣ, читая священное Писаніе, имѣлъ таинственныя откровенія, назначавшія его для возстановленія истины, и что онъ тогда же вздумалъ учредить Орденъ Возстановленія. „Сперва“, говоритъ онъ, „я полагалъ цѣлію одно торжество истинъ вѣры; послѣ, бывъ въ Англіи и Калифорніи, присоединилъ къ сему и виды политическіе: хотѣлъ произвести въ Испаніи контръ-революцію безъ войны; хотѣлъ также, будто бы для основанія республиканскихъ правительствъ внѣ Европы, стараться вывести изъ сей части свѣта тѣхъ людей безпокойнаго ума, которые желаютъ перемѣнъ и смятеній. Написанные мною статуты Ордена, на подобіе Мальтійскихъ, я представлялъ Императору Александру, онъ похвалилъ мое усердіе, но не принялъ плана, что крайне меня огорчило. Вскорѣ затѣмъ, имѣвъ несчастіе войти въ связи с ъ с и м ъ к о в а р н ы м ъ з л о д ѣ е м ъ Р ы л ѣ е в ы м ъ, я узналъ, что есть тайное общество, враждебное правительству, и рѣшился было донести о томъ; но Государь былъ въ Варшавѣ, а я, по глупой гордости, хотѣлъ все открыть ему безъ посредниковъ. Между тѣмъ старался извѣдать болѣе о тайномъ обществѣ чрезъ другихъ, и для сего дозволялъ себѣ несогласныя съ моими чувствами и видами слова, обратившіяся нынѣ къ моей гибели. Я говорилъ, что Орденъ Возстановленія существуетъ, показывалъ статуты, не тѣ, которые представлялъ покойному Государю, а другіе и въ другомъ духѣ, мною же нарочно для того сочиненные. Но обманывая другихъ, самъ сдѣлался жертвою обмана: мой собственный образъ мыслей начиналъ измѣняться; сердце тускнѣло, а я не замѣчалъ въ немъ пятенъ; наконецъ, сталъ увѣрять себя и повѣрилъ, что намѣренія Рылѣева могли быть чистыя, что во всякомъ случаѣ позорно быть доносителемъ“. На него, уже послѣ сего объясненія, показали Арбузовъ, Бѣляевъ 1-й и Дивовъ, что онъ имъ читалъ съ жаромъ и восторгомъ стихи, будто бы имъ писанные и наполненные гнуснѣйшими клеветами на покойнаго Императора Александра. Завалишинъ признался, что читалъ имъ сіи стихи, утверждая однакоже, что не онъ авторъ и не знаетъ, кѣмъ они сочинены; онъ прибавляетъ, что въ распаленіи страстей, коимъ ознаменовано время его преступнаго заблужденія, онъ былъ готовъ говорить все ужасное, чужое и свое.

участвованіе въ одномъ несчастномъ поединкѣ, выписанъ изъ гвардіи въ Кавказскій корпусъ. Въ своихъ показаніяхъ предъ комиссіей онъ утверждаетъ, что никогда не умышлялъ того въ самомъ дѣлѣ, а только желалъ удивлять своихъ сообщниковъ необыкновеннымъ ожесточеніемъ и отчаянною дерзостію; но они не сомнѣвались, и по остатку ли добрыхъ чувствъ, или по разсчетамъ старались его удержать отъ дѣла безполезнаго, даже вреднаго [1]). Рылѣевъ, который послѣ говорилъ Трубецкому: „Якубовича можно бы спустить съ цѣпи, да что будетъ проку?“ — хотѣлъ просить его на колѣняхъ отложить, хотя на мѣсяцъ или на два, грозя, если онъ не согласится, убить его, или донести правительству. Якубовичъ сказалъ, что уступаетъ просьбамъ, отлагаетъ до маневровъ или до Петергофскаго праздника, потомъ далѣе, наконецъ, до мая 1826 года, или даже на неопредѣленное время. Одинъ изъ допрошенныхъ (баронъ Штейнгель) слышалъ отъ Рылѣева, что когда Якубовичу объявили о кончинѣ Императора Александра, то онъ скрежеталъ зубами, досадуя, что лишился возможности совершить давно замышленное имъ злодѣйство [2]). Объ его намѣреніи знали и внѣ Петербурга: въ исходѣ сентября, Никита Муравьевъ сообщалъ объ ономъ въ Москвѣ генералъ-маіорамъ Михайлу Фонвизину и Михайлу Орлову. Они и самъ Муравьевъ говорили, что должно препятствовать Якубовичу всѣми возможными средствами, а въ крайности и увѣдомить правительство. Послѣдній (Орловъ) худо вѣрилъ извѣстію, видя въ ономъ хитрость, чтобы завлечь его опять въ Тайное Общество, будто бы для отвращенія злодѣйствъ и несчастій, посредствомъ его вліянія. Въ Кіевѣ князю Сергѣю Трубецкому доставилъ о томъ свѣдѣніе полковникъ Фонъ-Бригенъ; оно дошло и до Васильковской Управы, ибо Сергѣй Муравьевъ, разсуждая о назначаемыхъ въ орудія цареубійства, упоминалъ объ Якубовичѣ [3]).

Осенью въ семъ же 1825 году, другой человѣкъ (подполковникъ Батенковъ), совсѣмъ иныхъ свойствъ, но такъ же, какъ Якубовичъ, не бывшій членомъ Сѣвернаго Общества, а знавшій тайныя намѣренія руководителей онаго, вошелъ случайно въ пріятельскія связи съ Рылѣевымъ и Александромъ Бестужевымъ. Рылѣевъ рѣшился сдѣлать Батенкова однимъ изъ своихъ главныхъ пособниковъ. Бестужевъ утверждаетъ, что онъ, напротивъ, долго подозрѣвалъ его, и слова, согласныя съ ихъ словами и образомъ мыслей, почиталъ способомъ извѣдыванія; однако же, говоря съ нимъ однажды о томъ, что бы могло быть въ Россіи при иномъ образѣ правленія, онъ прибавилъ: „Есть 20 или 30 удалыхъ головъ, которыя для такой перемѣны на все готовы.“ Батенковъ

---

[1]) Показанія Александра Бестужева.

[2]) Рылѣевъ на вопросъ о томъ объявилъ коммисіи, что Якубовичъ, вбѣжавъ къ нему, закричалъ: „Царь умеръ; это вы его у меня вырвали“.

[3]) Такъ показываетъ полковникъ Тизенгаузенъ.

отвѣчалъ: „Я почелъ бы себя недостойнымъ имени русскаго, если бы отсталъ отъ нихъ.“ Вскорѣ послѣ того Рылѣевъ, пришедши къ Александру Бестужеву, вскричалъ: „Какъ ты несправедливъ, сомнѣваясь въ Батенковѣ! Онъ нашъ.“ Съ сихъ поръ они обходились съ нимъ какъ съ ближайшимъ сообщникомъ, не скрывая отъ него своихъ надеждъ и умысловъ, по крайней мѣрѣ главнаго: перемѣны правленія; но насчетъ силъ и средствъ Тайнаго Общества, кажется, умѣли обмануть его. Батенковъ, какъ самъ показываетъ сначала, въ разговорахъ съ Рылѣевымъ и Бестужевымъ искалъ одной забавы, хотѣлъ блистать остроуміемъ и смѣлыми мечтами; но потомъ, лишась выгоднаго мѣста (въ Совѣтѣ Военныхъ Поселеній), по нечаянному стеченію обстоятельствъ и непріятнымъ образомъ, онъ, въ волненіи оскорбленнаго самолюбія, сталъ раздѣлять съ ними ихъ преступныя желанія, а мало-по-малу и планы, особливо познакомясь съ пріѣхавшимъ въ октябрѣ изъ Кіева княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ. Впрочемъ, какъ видно изъ собственныхъ извѣтовъ Батенкова, его всегда влекли къ таинственности и къ замысламъ дерзостнаго честолюбія, и воображеніе, болѣе безпокойное, нежели живое, и высокая мысль о себѣ, и самые успѣхи по службѣ. Не знавъ еще Рылѣева и Бестужева, онъ когда то въ дорогѣ, думая о способахъ, коими правительство можетъ оградить себя отъ покушеній враждебныхъ ему тайныхъ обществъ, и находя, что къ сему оно должно употребить другія, имъ заводимыя сообщества, сочинилъ планъ Тайнаго Общества противъ правительства. Вѣроятно, въ томъ, къ коему онъ несовершенно соединился, г. Батенковъ полагалъ силы, которыя предназначалъ своему. Онъ самъ говоритъ, что въ Рылѣевѣ видѣлъ не что иное, какъ агента настоящихъ сокровенныхъ правителей Общества и средоточіемъ онаго считалъ главную квартиру 2-й арміи; хотѣлъ однако же, посредствомъ связей съ здѣшними членами, преобразовать по своему плану, или, буде не успѣетъ, разрушить его, разгласивъ чрезъ своихъ знакомыхъ о существованіи заговора и наименовать князя Трубецкого въ числѣ злоумышленниковъ. Я не подозрѣвалъ, прибавляетъ онъ, что уже стою между ими. Происшествія скоро доказали, что всѣ его предположенія были столь неосновательны, сколь и противозаконны; онъ ежедневно болѣе и болѣе увлекался въ сообщество съ мятежниками: сначала содѣйствовалъ имъ только изъявленіемъ сходнаго съ ихъ мнѣніями образа мыслей, а послѣ совѣтами, въ коихъ иногда оказывалъ умѣренность, даже нѣкоторое благоразуміе. Такъ, когда при немъ стали говорить о грабежѣ, кровопролитіи, и кто то (Александръ Бестужевъ, какъ думаетъ князь Трубецкой) сказалъ: „Можно и во дворецъ забраться [1]),“ то Батенковъ возразилъ съ жаромъ: „Сохрани Боже! Дворецъ во всякомъ слу-

[1]) Онъ для сего опредѣлялъ 1-го января и поздравительныя посѣщенія.

чаѣ долженъ быть неприкосновеннымъ, священнымъ залогомъ безопасности общей.“ Но часто другими словами, какъ будетъ означено ниже, онъ и одобрялъ ихъ къ дѣйствію. И они считали его важнымъ для себя пособникомъ; ибо, съ своей стороны обманываясь, полагали, что г. Батенковъ имѣетъ на значительныхъ въ государствѣ людей вліяніе, котораго онъ не имѣлъ никогда. Потому льстили его чрезмѣрному самолюбію, и каждое слово его казалось имъ замѣчательнымъ. Ему, какъ онъ самъ показываетъ, случилось сказать въ шутку, что онъ желаетъ быть купцомъ, сдѣлаться градскимъ головою и возвысить это званіе въ достоинство лордъ-мера; Якубовичъ тотчасъ подхватилъ: „Вы хотите быть головами, господа! Пусть такъ; но оставьте намъ руки.“

Пріѣздъ сего послѣдняго (Якубовича) въ Петербургъ, его разговоры, объявленный имъ умыселъ сильно подѣйствовалъ на тогдашняго начальника Сѣверной Думы Рылѣева; имъ, какъ утверждаетъ Александръ Бестужевъ, воспламенена тлѣвшаяся искра. Хотя и до того Рылѣевъ полагалъ, что Общество приступитъ къ началу при кончинѣ Императора Александра, или и прежде, если будетъ въ состояніи; но тогда уже (можетъ быть, по извѣстіямъ съ юга) сталъ намекать о возможности начать въ маѣ 1826 года, даже и скорѣе: „Вотъ увидишь, когда возвратится Государь (изъ Таганрога), мы что-нибудь предпримемъ.“ Сіи слова сказаны имъ въ отвѣтъ на вопросъ Пущина: что они дѣлаютъ? привезенный изъ Москвы, въ сентябрѣ, новымъ членомъ барономъ Штейнгелемъ, котораго побудило къ нимъ присоединиться (какъ онъ самъ искренно объявляетъ) между прочимъ и страданіе неудовлетвореннаго честолюбія, досада видѣть себя забытымъ, заброшеннымъ. Ему, какъ одному изъ менѣе ослѣпленныхъ, Рылѣевъ говорилъ: „Во второй арміи хотятъ демократіи; но это вздоръ, невозможное дѣло; мы желаемъ монархіи ограниченной.“ Но онъ же, и почти въ то же время, восклицалъ при Батенковѣ, что въ монархіяхъ не бываетъ великихъ характеровъ, что въ Америкѣ только знаютъ хорошо правленіе, а Европа вся, и самая Англія въ рабствѣ, что Россія подастъ примѣръ освобожденія; когда же (сіе показываетъ Александръ Бестужевъ) представился вопросъ, какъ быть, если Императоръ не согласится на условія, и можно ли, помня примѣръ Испаніи, полагаться на вынужденное согласіе? то онъ (Рылѣевъ) сказалъ: „Южные отвергаютъ монархію; ихъ мнѣніе принято и здѣсь; они берутся извести Государя при случаѣ.“ Александръ Бестужевъ показываетъ также, что Рылѣевъ и Оболенскій, вѣроятно, вслѣдствіе южныхъ инстигацій, упоминали о погубленіи всей Императорской Фамиліи. Показатель присталъ къ сему мнѣнію, но утверждаетъ, что притворно, и настаивалъ, вмѣстѣ съ Якубовичемъ, что на

это нужно не менѣе 10-ти убійцъ, въ надеждѣ, что нельзя будетъ найти такого числа отчаянныхъ изверговъ, и тѣмъ устранится ударъ отъ главы священной. „Я былъ крикунъ, а не злодѣй, пишетъ онъ, — хотя предлагалъ себя для совершенія ненавистнаго дѣла; ибо зналъ, что меня Рылѣевъ не употребитъ; ему было извѣстно, что дѣйствовать на солдатъ должно людямъ чистымъ." Почти то же объявляетъ и Торсонъ, но Рылѣевъ не во всемъ сознается: увѣряетъ, что и не зналъ вѣрно о намѣреніи Южнаго Общества погубить Государя Императора Александра и все августѣйшее семейство его; что, хотя предпочиталъ всѣмъ другимъ образъ правленія Сѣверо-Американской республики, однакожъ желалъ въ Россіи, и раздѣливъ ее на области, подобныя Американскимъ Штатамъ, оставить на время формы монархіи; что, впрочемъ, считалъ свое Общество въ правѣ только разрушить существующій порядокъ, а не вводить новый, безъ согласія депутатовъ (противъ сей мысли очень возставалъ Пестель); наконецъ, что когда спросили: что дѣлать, если Государь не согласится на ихъ условія? то онъ, Рылѣевъ, сказалъ: не вывезти ли за границу?; что къ сему мнѣнію пристали Трубецкой, Никита и Матвѣй Муравьевы, Оболенскій и Николай Тургеневъ, и что для сего ему отъ Думы велѣно приготовить Кронштадтскій флотъ, чрезъ надежныхъ офицеровъ. Исполняя сіе порученіе, Рылѣевъ говорилъ съ Торсономъ, и на слова его, что это средство опасно, что лучше Императорскую Фамилію оставить даже во дворцѣ, лишь подъ присмотромъ, отвѣчалъ: „Нѣтъ, въ Петербургѣ нельзя, а развѣ въ Шлюссельбургѣ; и на случай возмущенія мы имѣемъ примѣръ то, что сдѣлано въ бунтъ Мировича [1])."

Извѣстіе, поразившее скорбію сердца всѣхъ добрыхъ россіянъ и всѣхъ благомыслящихъ людей въ Европѣ, произвело на злоумышленниковъ иное впечатлѣніе, но не радостное; ибо случай, коимъ они думали воспользоваться, для начатія мятежей, лишь только снова доказалъ ихъ безсиліе. Они въ одно время (27-е ноября) узнали о кончинѣ въ Бозѣ почившаго Императора, о манифестѣ, коимъ Его Величество назначилъ преемника державы, и о присягѣ, уже данной Государю Цесаревичу всѣми жителями столицы [2]). Въ своихъ совѣщаніяхъ они не скрывали терзавшей ихъ досады. Батенковъ говорилъ двумъ Бестужевымъ (Александру и Николаю): „Потерянъ случай, которому подобнаго не будетъ въ цѣлыя

[1]) Собственное признаніе Рылѣева.

[2]) Князь Оболенскій посылалъ въ сей самый день спрашивать у кавалергардскаго корнета Александра Муравьева, можно ли надѣяться на ихъ полкъ для произведенія бунта; Муравьевъ отвѣчалъ, что это намѣреніе безумное.

50 лѣтъ; если бы въ Государственномъ Совѣтѣ были головы, то нынѣ Россія присягнула бы вмѣстѣ и новому Государю, и новымъ законамъ. Теперь все для насъ пропало невозвратно [1]).“ Къ досадѣ въ нихъ присоединялся и страхъ, что Обществу нельзя уже будетъ существовать. Хотя Трубецкой утверждалъ, что это не бѣда, что надобно лишь приготовиться содѣйствовать южнымъ, если они подымутся: однакожъ, и онъ съ другими главными членами положилъ прекратить Общество, по крайней мѣрѣ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ. Но тутъ же, разсуждая о присягѣ 27-го ноября, Батенковъ промолвилъ: „Какъ легко въ Россіи произвесть перемѣну! Стоитъ разослать печатные указы изъ Сената. Только въ ней не можетъ быть иного правленія, кромѣ монархическаго; однѣ церковныя ектеніи не допустятъ до республики. Хотя для перехода, нужна монархія ограниченная.“ Когда же его сообщники замѣтили, что монарху-завоевателю легко сдѣлаться изъ ограниченнаго самовластнымъ, онъ отвѣчалъ: „Этому пособить можно. Зачѣмъ имѣть мужчинъ на тронѣ? У насъ двѣ Императрицы, много Великихъ Княгинь и Княженъ.“

Директоры Сѣвернаго Тайнаго Общества, Рылѣевъ, князь Трубецкой, Оболенскій и ближайшіе ихъ совѣтники не долго останавливались на мысли разрушить оное навсегда или на время; до нихъ дошелъ слухъ, что Государь Цесаревичъ твердъ въ намѣреніи не принимать короны, и сія вѣсть возбудила въ заговорщикахъ новую надежду: обмануть часть войскъ и народъ, увѣрить, что великій князь Константинъ Павловичъ не отказался отъ престола и, возмутивъ ихъ подъ симъ предлогомъ, воспользоваться смятеніемъ для испроверженія порядка и правительства. „Чтобы прекратить несогласія въ мнѣніяхъ,“ говоритъ Рылѣевъ, „положили мы (онъ, Оболенскій, Александръ Бестужевъ и Каховскій, за себя и всѣхъ принадлежавшихъ къ ихъ отраслямъ): назначить князя Трубецкого полновластнымъ начальникомъ или диктаторомъ, хотя сіе названіе инымъ (Александру Бестужеву) казалось смѣшною игрушкою. Съ тѣхъ поръ онъ одинъ дѣлалъ распоряженія.“ Но князь Трубецкой утверждаетъ, что истиннымъ распорядителемъ всего былъ Рылѣевъ; что онъ управлялъ всѣми намѣреніями и дѣйствіями, только употребляя имя мнимаго диктатора [2]).

---

[1]) Онъ почти то же сказалъ и Штейнгелю.

[2]) Рылѣевъ въ своихъ послѣднихъ отвѣтахъ на допросы показываетъ, что сіе не совсѣмъ справедливо; что князь Трубецкой многое предлагалъ первый и, превосходя его (Рылѣева) въ осторожности, равнялся съ нимъ въ дѣятельности по дѣламъ заговора. „Впрочемъ“, прибавляетъ Рылѣевъ, „я признаю себя главнымъ виновникомъ происшествій 14-го декабря: я могъ все остановить и, напротивъ, былъ для другихъ пагубнымъ примѣромъ преступной ревности. Если кто заслужилъ казнь, вѣроятно, нужную для блага Россіи, то, конечно, я, несмотря на мое раскаяніе и совершенную перемѣну образа мыслей“.

Трубецкой, однако же, дѣйствовалъ съ своей стороны. 8-го декабря онъ совѣтовался съ Батенковымъ о средствахъ для замышляемой революціи и для будущаго образованія государства; они одобрили слѣдующій, составленный Батенковымъ, планъ, если можно такъ назвать предположенія безъ связи, безъ основанія, несогласныя ни съ состояніемъ Россіи, ни съ здравыми понятіями о составѣ политическихъ обществъ.

Воспользоваться случаемъ, чтобы:

1-е. Пріостановить дѣйствіе самодержавія, назначить Временное Правительство, которое учредило бы въ губерніяхъ камеры для избранія депутатовъ.

2-е. Стараться, чтобъ были установлены двѣ палаты, изъ коихъ въ верхней члены были бы опредѣляемы на всю жизнь (хотя Батенковъ и желалъ, чтобъ они были наслѣдственные).

3-е. Употребить на сіе войска, кои не согласятся присягать Вашему Величеству, не допуская ихъ до безпорядковъ и стремясь только къ умноженію числа ихъ.

Впослѣдствіи же, для учрежденія конституціонной монархіи, учредить Провинціальныя Палаты для мѣстнаго законодательства.

Обратить военныя поселенія въ народную стражу.

Отдать городовому правленію (муниципалитету) крѣпость Петропавловскую (о коей Батенковъ потомъ говорилъ: вотъ Палладіумъ русскихъ вольностей), помѣстить въ ней градскую стражу и городовой совѣтъ.

Провозгласить независимость университетовъ Московскаго, Дерптскаго, Виленскаго.

При семъ Батенковъ сказалъ Трубецкому, что если всѣ войска откажутся присягать, и Его Высочество Цесаревичъ вслѣдствіе того пріѣдетъ въ Петербургъ, то перемѣна въ образѣ правленія будетъ невозможна; что лучше бы сообщникамъ ихъ раздѣлиться: однимъ объявлять Императоромъ Государя Цесаревича, а другимъ показывать себя преданными Вашему Величеству. Въ случаѣ же перевѣса первой стороны, полагалъ онъ, случится одно изъ двухъ: или 1-е, что Ваше Величество согласитесь на измѣненіе государственныхъ установленій въ Россіи и на учрежденіе Временнаго Правительства, или 2-е, что отложите принятіе державы, и тогда они (заговорщики), объявивъ, что чрезъ то вы отрекаетесь отъ престола, провозгласятъ Императоромъ Наслѣдника Вашего Императорскаго Величества Великаго Князя Александра Николаевича.

На это князь Трубецкой отвѣчалъ, что войскъ за нихъ, вѣроятно, будетъ очень мало [1]), а изъ важныхъ людей между военными никто не захочетъ участвовать въ предпріятіи.—„Такъ и думать не о чемъ,“ вскричалъ Батенковъ.

---

[1]) Онъ сначала, какъ говоритъ Рылѣевъ, воображалъ, что довольно будетъ одного полка для совершеннаго успѣха.

Но, и сочиняя вмѣстѣ сіи планы для испроверженія порядка, они, какъ видно, во многомъ или не понимали, или обманывали другъ друга. Трубецкой и сообщники его назначали Батенкова только правителемъ дѣлъ Временнаго Правленія; а онъ воображалъ, что будетъ членомъ онаго, и предавался мечтамъ неограниченнаго честолюбія, надеждѣ быть лицомъ историческимъ; хотѣлъ членами сего правленія сдѣлать: одну духовную особу, себя, и, чрезъ нѣсколько времени, третьимъ князя Сергѣя Трубецкого. „Тогда, имѣя большинство голосовъ на своей сторонѣ (ибо онъ надѣялся владѣть Трубецкимъ), я, говоритъ онъ, управлялъ бы Государствомъ и обратилъ бы Временное Правленіе въ регентство малолѣтняго Александра II-го.“ (Изъ словъ Трубецкого онъ полагалъ, что присяга, данная Вашимъ Величествомъ Цесаревичу, будетъ объявлена отреченіемъ отъ престола, а, по слышанному отъ Рылѣева, что, быть можетъ, во время замышляемаго мятежа покусятся на жизнь Вашу). „Затѣмъ, продолжаетъ Батенковъ, мало-по-малу утвердивъ себя, получивъ силу учрежденіемъ родовой аристократіи и пріобрѣтенными чрезъ то связями, я дѣйствовалъ бы по обстоятельствамъ; но если бъ Государь Императоръ принялъ наши условія, то я перешелъ бы на его сторону, не взявъ мѣста во Временномъ Правительствѣ [1]). Впрочемъ, я все худо вѣрилъ, чтобъ было что-нибудь предпринято.“

Но другіе уже готовили средства для предпріятія. Къ Рылѣеву, какъ въ опредѣленное сборное мѣсто, являлись члены съ предложеніями, планами, или за приказаніями Думы. Ихъ совѣщанія въ сіи послѣдніе дни представляли странную смѣсь звѣрства и легкомыслія, буйной непокорности къ властямъ законнымъ и слѣпого повиновенія неизвѣстному начальству, будто бы ими избранному.

12-го декабря, какъ свидѣтельствуетъ очевидецъ, одинъ изъ членовъ (баронъ Штейнгель), собирались вечеромъ у Рылѣева—князь Трубецкой, Николай, Александръ и Михаилъ Бестужевы, князь Оболенскій, Каховскій, Арбузовъ, Рѣпинъ, графъ Коновницынъ, князь Одоевскій, Сутгофъ, Пущинъ, Батенковъ, Якубовичъ, Щепинъ-Ростовскій, но не всѣ вмѣстѣ: одни приходили, другіе уходили. Николай Бестужевъ и Арбузовъ отвѣчали за гвардейскій экипажъ; Бестужевъ 3-й (Московскаго полка), но довольно слабо, за свою роту; Рѣпинъ сначала за часть Финляндскаго полка, потомъ лишь за нѣсколько офицеровъ, прибавляя, что сей полкъ увлечь за собою не

[1]) Онъ (Батенковъ) думалъ также предложить корону и великому князю Михаилу Павловичу, и Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ. То же думалъ и говорилъ своимъ соумышленникамъ баронъ Штейнгель, надѣясь, что Императрица, не имѣя дѣтей, согласится, даже и при жизни своей, установить правленіе республиканское.

можетъ никто изъ согласившихся участвовать въ бунтѣ; князь Одоевскій только твердилъ въ жалкомъ восторгѣ: „Умремъ! ахъ, какъ славно умремъ!“ Александръ Бестужевъ и Каховскій показывали себя пламенными террористами, готовыми на ужаснѣйшія злодѣйства. Первый признается, что сказалъ: „Переступаю за Рубиконъ; а Рубиконъ значитъ руби все, что попало;“ однакоже клянется, что сіе было лишь бравадою, пустою игрою словъ. Каховскій кричалъ: „Съ этими филантропами не сдѣлаешь ничего; тутъ просто надобно рѣзать, да и только; а если не согласятся, я пойду и самъ на себя все объявлю.“ Испуганному симъ Штейнгелю Рылѣевъ отвѣчалъ: „Не бойся; онъ у меня въ рукахъ, я уйму его.“ И, однако жъ, на другой день, Рылѣевъ, при Оболенскомъ, Пущинѣ (старшемъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы) и Александрѣ Бестужевѣ, говорилъ Каховскому, обнимая его: „Любезный другъ! ты сиръ на сей землѣ; долженъ пожертвовать собою для общества. Убей Императора.“ И съ сими словами прочіе бросились также обнимать его. Каховскій согласился; хотѣлъ 14-го числа, надѣвъ лейбъ-гренадерскій мундиръ, идти во дворецъ, или ждать Ваше Величество на крыльцѣ; но потомъ отклонилъ предложеніе за невозможностію исполнить, которую признали и всѣ другіе [1]).

Собраніе ихъ въ сей вечеръ (13-го числа) было также многочисленно и безпорядочно, какъ предшедшее: всѣ говорили, почти никто не слушалъ. Князь Щепинъ-Ростовскій удивлялъ сообщниковъ своимъ пустымъ многорѣчіемъ; Корниловичъ, только что возвратившійся въ Петербургъ, увѣрялъ, что во 2-й арміи готово 100 тысячъ человѣкъ; Александръ Бестужевъ отвѣчалъ на замѣчанія младшаго Пущина (конно-піонернаго): по крайней мѣрѣ, объ насъ будетъ страничка въ исторіи. Но эта страничка

---

[1]) Такъ показываютъ: князь Оболенскій (прибавляя однакожъ, что сіе было въ минуту изступленія) и Рылѣевъ. „Прежде, говоритъ онъ, я нѣсколько разъ удерживалъ Каховскаго, который умышлялъ на жизнь Императора Александра; даже ссорился съ нимъ за то, успокаивая его, увѣрялъ, что въ случаѣ нужды общество никого не употребитъ для сего удара, кромѣ него; но въ этотъ день, вдругъ ужаснувшись возможности междоусобной войны, я вздумалъ, что для избѣжанія оной надобно Государя принести на жертву“. Каховскій же утверждаетъ напротивъ, что онъ отказался, а Рылѣевъ самъ назначалъ его въ убійцы; что такихъ людей, кои согласились бы, жертвуя для тайнаго общества не только жизнію, но и честію, истребить всю Императорскую Фамилію, и потомъ даже предъ казнію увѣрять, что не были ихъ сочленами—Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ называли чистыми, самоотверженными. Однакожъ на очной ставкѣ Каховскій призналъ, что Александръ Бестужевъ наединѣ уговаривалъ его не исполнять порученія, даннаго ему Рылѣевымъ 13 декабря.

замараетъ ее, возразилъ Пущинъ, и насъ покроетъ стыдомъ. Когда же баронъ Штейнгель, удостовѣрясь болѣе прежняго въ ничтожности силъ ихъ Тайнаго Общества, и какъ отецъ семейства, заранѣе устрашенный вѣроятными послѣдствіями мятежа, спрашивалъ Рылѣева: „Неужели вы думаете дѣйствовать?“ то онъ сказалъ ему: „Дѣйствовать, непремѣнно дѣйствовать; а князю Трубецкому, который начиналъ изъявлять боязнь: умирать все равно; мы обречены на гибель; и прибавилъ, показывая копію съ письма подпоручика Ростовцова къ Вашему Величеству: „Видите ль, намъ измѣнили. Дворъ уже многое знаетъ, но не все; и мы еще довольно сильны.“ — „Ножны изломаны, промолвилъ другой, и саблей спрятать нельзя.“

Въ шумѣ сихъ разговоровъ, преній, восклицаній слышны были слова и ужасныя предложенія: говорили, но, какъ утверждаютъ, лишь мимоходомъ, о погубленіи всей Августѣйшей Фамиліи Вашей; а покушенія на священную Вашу жизнь требовали, какъ необходимости, князь Оболенскій, Александръ Бестужевъ и, наконецъ, самъ князь Трубецкой, ихъ диктаторъ [1]). Сей послѣдній полагалъ, что надобно оставить Великаго Князя Александра Николаевича и провозгласить Его Императоромъ. Трубецкой не совершенно въ томъ признается, но и не запирается, утверждая, что не можетъ себѣ дать яснаго отчета въ тогдашнихъ поступкахъ своихъ и рѣчахъ: ибо онъ былъ, какъ въ безпамятствѣ, и потому не смѣетъ извѣта соумышленниковъ своихъ назвать клеветою. Якубовичъ [2]) вызывалъ бросить жребій, кому изъ пяти (ихъ въ сію минуту столько было въ комнатѣ) умертвить Ваше Величество. Видя, что всѣ молчатъ, онъ сказалъ: впрочемъ, я за это не возьмусь; у меня доброе сердце; я хотѣлъ мстить, но хладнокровно убійцей быть не могу [3]). Нѣкоторые члены совѣтовали удовольствоваться арестованіемъ Вашего Величества и всей Августѣйшей Фамиліи Вашей. Штейнгель ставилъ въ примѣръ шведскую революцію 1809 года; Рылѣевъ кончилъ споръ словами: „Обстоятельства покажутъ, что дѣлать должно;“ но просилъ до-

[1]) Показанія Штейнгеля.

[2]) Показанія князя Трубецкого и Рылѣева.

[3]) Одинъ Арбузовъ, буде вѣрить Рылѣеву, къ сему примолвилъ: «Нѣтъ ничего легче, какъ убить Государя, когда онъ будетъ выходить изъ дворца». Якубовичъ также предлагалъ разбить кабаки, дозволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ какой-нибудь церкви, идти съ толпами неистовыхъ ко дворцу. Такого предложенія, даже и на семъ мятежномъ совѣщаніи, никто не смѣлъ одобрить; оно единодушно отвергнуто: такъ показываетъ Рылѣевъ. Якубовичъ признается, что говорилъ это, но прибавляетъ, что въ слѣдующую ночь (въ 3 часа) онъ раскаялся. Оболенскій утверждаетъ, что противъ мысли разбить даже и одинъ кабакъ, чтобъ напоить солдатъ, возставалъ Рылѣевъ, первый и съ жаромъ.

стать карту Петербурга и планъ Зимняго Дворца, на что Александръ Бестужевъ отвѣчалъ со смѣхомъ: „Царская Фамилія не иголка, не спрячется, когда дѣло дойдетъ до ареста [1])." Они уже знали навѣрное, что слѣдующій день (14 декабря) назначенъ для обнародованія манифеста о восшествіи Вашего Императорскаго Величества на Прародительскій Престолъ. О томъ, что Сенатъ собирается въ 7 часовъ утра для присяги, извѣстилъ ихъ оберъ-прокуроръ Краснокутскій, членъ Южнаго Общества, который вечеромъ 13-го числа пріѣзжалъ къ князю Трубецкому и оттуда, не заставъ его, къ Рылѣеву. Показываютъ (Корниловичъ и Рылѣевъ), что, объявивъ свою новость, онъ прибавилъ: дѣлайте, что хотите; но Краснокутскій не сознается въ этомъ, а говоритъ только, что, слыша вокругъ себя: завтра присяга, сигналъ, онъ отгадалъ намѣреніе Тайнаго Общества на 14-е декабря, хотѣлъ было донести объ оныхъ правительству и раздумалъ единственно затѣмъ, что считалъ исполненіе невозможнымъ.

О сихъ намѣреніяхъ было уже сообщено простымъ членамъ отъ главныхъ дѣйствователей [2]); положено приготовлять солдатъ къ возмущенію изъявленіемъ сомнѣній въ истинѣ отреченія Государя Цесаревича, и съ первымъ полкомъ, который откажется отъ присяги, идти къ ближайшему, а тамъ далѣе, увлекая одинъ за другимъ. Князь Трубецкой при семъ вспоминалъ слова Батенкова: надо бы и въ барабанъ пріударить, чтобъ собрать народъ [3]);

---

[1]) Трубецкой, если вѣрить показаніямъ Рылѣева, также думалъ о занятіи дворца, несмотря на слова Батенкова, и за сіе брались Якубовичъ и Арбузовъ (они не признаются въ томъ); но, прибавляетъ Рылѣевъ, мы хотѣли только захватить Императорскую Фамилію и держать ее подъ стражею до Великаго Собора (съѣзда депутатовъ), который рѣшилъ бы судьбу всѣхъ членовъ оной; я долженъ однакожъ признаться: мнѣ приходило на мысль, что для безопасности новаго правленія лучше бы всѣхъ изгубить; только сей мысли я не открывалъ никому; наконецъ, и самъ отстранилъ ее, возвратясь къ прежней.

[2]) Наканунѣ (12 декабря) съѣзжались у князя Оболенскаго, гдѣ былъ и Рылѣевъ, офицеры разныхъ полковъ гвардіи, лейбъ-гренадерскаго поручикъ Сутгофъ, Измайловскаго подпоручикъ Кожевниковъ, Финляндскаго поручикъ баронъ Розенъ, конной гвардіи корнетъ князь Одоевскій, кавалергадскаго полка корнетъ Арцыбашевъ и поручикъ Анненковъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ Арбузовъ. Князь Оболенскій сообщилъ имъ приказанія директора и Думы стараться въ день, который назначится для присяги, возмутить и вести за собой на Сенатскую площадь, сколько имъ будетъ возможно, нижнихъ чиновъ изъ полковъ своихъ, а если не удастся, то, по крайней мѣрѣ, быть самимъ.

[3]) Батенковъ показываетъ самъ, что онъ говорилъ Якубовичу: Чего думать о планахъ всего Общества! Вамъ, молодцамъ, стоило бы только разгорячить солдатъ именемъ Цесаревича и походить изъ полка въ полкъ съ барабаннымъ боемъ, такъ можно надѣлать много великихъ дѣлъ.

потомъ всѣ войска, которыя пристанутъ, собрать предъ Сенатомъ и ждать, какія мѣры будутъ приняты правительствомъ. Они думали, особливо ихъ диктаторъ, князь Трубецкой (какъ онъ утверждаетъ), что Ваше Величество, не употребляя силы для усмиренія мятежниковъ, рѣшитесь скорѣе отказаться отъ правъ самодержавія и вступите съ ними въ переговоры. Тогда они объявили бы свои желанія:

1-е. Чтобъ были собраны депутаты изъ всѣхъ губерній.

2-е. Чтобы о томъ былъ изданъ манифестъ отъ Сената, и въ ономъ было сказано, что сіи депутаты долженствуютъ опредѣлить новое законоположеніе для управленія государствомъ на будущее время.

3-е. Чтобы дотолѣ утвердить Временное Правленіе, пригласивъ въ оное депутатовъ изъ Царства Польскаго, для постановленія мѣръ къ сохраненію единства Державы.

Въ случаѣ, если бы Ваше Величество рѣшились послать въ Варшаву къ Государю Цесаревичу, заговорщики хотѣли требовать мѣстъ для стоянія лагеремъ внѣ города [1]), несмотря на зимнее время, въ ожиданіи прибытія Его Императорскаго Высочества; но не переставать требовать также и созванія депутатовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что они будутъ нужны или для упрошенія Цесаревича принять державу, или для торжественной присяги Вашему Величеству. Наконецъ, въ томъ случаѣ, когда бы Великій Князь Константинъ Павловичъ прибылъ въ Санктпетербургъ, они надѣялись увѣрить Его Высочество, что все произведено однимъ усердіемъ къ нему [2]).

Таковъ былъ, по словамъ князя Трубецкого, объявленный ими другъ другу планъ. Рылѣевъ говоритъ только, что должно было войскамъ, ими возмущеннымъ, идти на Сенатскую площадь, и начальнику ихъ Трубецкому дѣйствовать по обстоятельствамъ; что они надѣялись избѣгнуть кровопролитія и посредствомъ Сената, который думали принудить къ тому, получить отъ Вашего Величества, или отъ Государя Цесаревича, согласіе на созваніе депутатовъ, для назначенія Императора и установленія представительнаго образа правленія. Они хотѣли предложить депутатамъ проектъ конституціи, писанный Никитою Муравьевымъ. Князь Оболенскій прибавляетъ къ сему, что, до съѣзда депутатовъ, Сенатъ долженствовалъ бы учредить Временное Правленіе (изъ двухъ или трехъ членовъ Государственнаго Совѣта и одного члена ихъ Тайнаго Общества, который былъ бы правителемъ дѣлъ онаго), назначить и корпуснаго и дивизіонныхъ командировъ гвардіи изъ людей имъ извѣстныхъ и сдать имъ Петропавлов-

---

1) Именно на Пулковской горѣ, какъ полагалъ Батенковъ.

2) Каховскій утверждаетъ, что Рылѣевъ думалъ поручить одному члену Общества умертвить Государя Цесаревича всенародно и тутъ же заѣричать, что онъ убилъ его по приказанію Вашего Величества; такимъ образомъ, говорилъ онъ, мы вдругъ погубимъ обоихъ. Рылѣевъ объявилъ, что это клевета; то же сказали Штейнгель, Александръ и Николай Бестужевы, на коихъ ссылался Каховскій.

скую крѣпость. При неудачѣ, они полагали (такъ показываютъ согласно князь Трубецкой и Рылѣевъ) выступить изъ города, чтобы стараться распространить возмущеніе [1]).

Но, по крайней мѣрѣ сначала, они были такъ ослѣплены, что совсѣмъ не ожидали неудачи. Батенковъ, 13-го декабря поутру, говорилъ Александру Бестужеву: кажется, что успѣхъ несомнителенъ [2]). Баронъ Штейнгель, менѣе другихъ заблуждавшійся, началъ однако же сочинять проектъ манифеста [3]), въ коемъ онъ объявлялъ, что когда оба Великіе Князья (Ваше Императорское Величество и Государь Цесаревичъ) отрекаются отъ престола, не хотятъ быть отцами Россіи, то осталось ей самой избрать себѣ Правителя, и потому Сенатъ назначаетъ общее собраніе депутатовъ, а дотолѣ Временное Правленіе [4]). Князь Трубецкой, съ своей стороны, означилъ въ бумагѣ, найденной у него ввечеру 14-го декабря и у сего прилагаемой, сущность манифеста, въ коемъ намѣревался, отъ имени Сената, объявить объ уничтоженіи прежняго правленія и учрежденіи временнаго для созванія депутатовъ.

Нѣкоторые вздумали дать свѣдѣніе о предпринимаемомъ и въ другія мѣста. Пущинъ (Иванъ) отправилъ, чрезъ Американскую Компанію [5]), письмо въ Москву, къ титулярному совѣтнику Семенову. „Насъ," писалъ онъ, „по справедливости назвали бы подлецами, еслибъ мы пропустили нынѣшній, единственный случай. Когда ты получишь это, все уже будетъ кончено. Насъ здѣсь 60 членовъ; мы можемъ надѣяться на 1500 рядовыхъ, которыхъ увѣрятъ, что Цесаревичъ не отказывается отъ престола. Прощай; вздохни объ насъ, если и проч." Въ заключеніи онъ поручалъ Семенову показать его письмо генералъ-маіорамъ Фонвизину и Михаилу Орлову, коихъ, по старымъ связямъ и образу мыслей, вѣроятно, считалъ внутренно благопріятствующими видамъ тайнаго общества. Князь Трубецкой, можетъ быть, думалъ такъ же [6]), и 13-го числа, отправя письмо къ Сергѣю Муравьеву-Апостолу съ братомъ его Ипполитомъ, онъ писалъ и къ генералу Орлову съ кавалергардскимъ офицеромъ Свистуновымъ;

---

[1]) Каховскій прибавляетъ, что въ семъ случаѣ Рылѣевъ хотѣлъ зажечь городъ; но сей послѣдній утверждаетъ, что и это ложь.

[2]) Показаніе Александра Бестужева.

[3]) Желая, говорить онъ, доказать Рылѣеву, что и я могъ бы на что-нибудь пригодиться.

[4]) Сей проектъ хотѣли, вслѣдствіе приказаній диктатора, нести въ Сенатъ: Рылѣевъ, коллежскій ассессоръ Иванъ Пущинъ и, какъ они показываютъ, Батенковъ, который не сознается въ томъ.

[5]) Рылѣевъ былъ правителемъ дѣлъ сей компаніи.

[6]) Однажды, говоря о Пестелѣ, Трубецкой сказалъ: должно будетъ послать Орлова во 2-ю армію, и сила Пестеля исчезнетъ. — Да развѣ Орловъ нашъ? спросилъ Рылѣевъ. — Нѣтъ, отвѣчалъ Трубецкой, имъ владѣютъ Раевскіе; но тогда поневолѣ будетъ нашъ.

сіи письма не доставлены [1]). Трубецкой показываетъ, что онъ только, и не упоминая о причинахъ, звалъ Орлова въ Петербургъ, но прибавлялъ: если быть чему-нибудь, то будетъ и безъ васъ, какъ при васъ. Ежели вѣрить дальнѣйшимъ показаніямъ князя Трубецкого, то онъ рѣшился писать въ надеждѣ, что генералъ Орловъ, и не принадлежа къ Обществу, могъ бы, своимъ появленіемъ и силою характера, обуздать другихъ членовъ, которыхъ онъ, диктаторъ, былъ уже не въ состояніи удерживать. Онъ утверждаетъ, что по сей же причинѣ, по чувству своего безсилія, однажды просилъ, чтобъ его отпустили въ 4-й корпусъ, тамъ что-нибудь сдѣлать, хотя зналъ, что въ семъ корпусѣ у него не было ни одного сообщника, хотя думалъ и ѣхать не прямо и прожить нѣсколько времени въ Москвѣ.

Чѣмъ ближе подходило предназначенное самими мятежниками роковое для нихъ мгновеніе, чѣмъ болѣе воспламенялись нѣкоторые, тѣмъ больше изъявлялъ нерѣшимости избранный ими начальникъ, уже видимо волнуемый раскаяніемъ, или, по крайней мѣрѣ, страхомъ. „Что-жъ!“ говорилъ онъ и повторялъ Рылѣеву, „если выйдетъ мало войска, рота или двѣ, зачѣмъ идти и намъ, и другихъ вести на гибель?“ Рылѣевъ иногда казался согласнымъ, иногда, напротивъ, отвѣчалъ: „если придетъ хоть 50 человѣкъ, то я становлюсь въ ряды съ ними;“ и однакожъ не сдержалъ слова.

Несмотря на сомнѣнія и боязнь, князь Трубецкой не отказывался явно, и опредѣлено ему на другой день быть на Сенатской площади, чтобы принять главную команду надъ войсками, которыя не согласятся присягать Вашему Величеству; подъ нимъ же начальствовать капитану Якубовичу и полковнику Булатову. Сей послѣдній, какъ видно изъ дѣлъ и словъ его, не злой, а слабоумный человѣкъ, за нѣсколько дней до того не зналъ о существованіи Тайнаго Общества; но его считали нужнымъ, потому что онъ, служивъ прежде въ Лейбъ-гренадерскомъ полку, оставилъ хорошую о себѣ молву, и многіе солдаты еще любили его. 6-го декабря Пановъ, поручикъ того же Лейбъ-гренадерскаго полка, позвалъ его обѣдать съ нѣсколькими другими офицерами. Тутъ, осыпаемый ласкательствами, разгоряченный виномъ и споромъ (ибо при немъ нарочно хвалили одного государственнаго сановника, котораго онъ ненавидѣлъ), Булатовъ произнесъ обѣтъ пожертвовать всѣмъ пользѣ отечества. Ему тотчасъ объявили, что есть Общество, которое составилось для произведенія благотворной перемѣны въ ономъ; что онъ, по любви къ Россіи, долженъ принадлежать къ сему Обществу и, несчастный, самъ не понимая, какимъ образомъ, принялъ на себя обязанность быть пособникомъ мятежниковъ, съ коими едва былъ знакомъ. Рылѣевъ открылъ ему намѣренія ихъ. Булатовъ часто спрашивалъ: Но гдѣ

[1]) Муравьевъ и Свистуновъ сожгли дорогою, узнавъ о происшествіяхъ 14-го декабря.

же польза отечества? Я вижу одну перемѣну въ правителяхъ; вмѣсто Государя вы хотите имѣть диктатора князя Трубецкого; однако же обѣщалъ дѣйствовать съ ними и, какъ бы предвидя погибель, прощался съ своими дѣтьми-младенцами и плакалъ, но отказался ѣхать въ Лейбъ-гренадерскій полкъ для возмущенія рядовыхъ. Въ вечеру 13-го числа, замѣтивъ, что на слова Рылѣева о князѣ Трубецкомъ:— „Не правда ли, что мы выбрали прекраснаго начальника?“ Якубовичъ отвѣчалъ, усмѣхнувшись: „Да! онъ довольно великъ,“ Булатовъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Якубовичемъ и дорогой спрашивалъ: „Какъ вамъ кажется, полезно ли, хорошо ли обдумано предпріятіе нашихъ товарищей, и довольно ли они сильны?“ — „Не вижу пользы,“ отвѣчалъ Якубовичъ, „и для меня они почти всѣ подозрительны.“ — „Дадимъ же другъ другу слово,“ продолжалъ Булатовъ, „что если, какъ завтра должно открыться, средства ихъ несоразмѣрны замысламъ, и въ ихъ предположеніяхъ нѣтъ истинной пользы, то мы не пристанемъ къ нимъ.“ Якубовичъ согласился.

Такъ всѣ тѣ, коихъ заговорщики назначали своими начальниками въ рѣшительный день, заранѣе готовились ихъ бросить.

Въ казармы гвардейскаго морского экипажа посланъ былъ Рылѣевымъ, для начатія первыхъ дѣйствій, лейтенантъ Арбузовъ, который уже и 12-го декабря старался въ своей ротѣ, чрезъ фельдфебеля Боброва и унтеръ-офицера Аркадьева, распустить слухи, что будто скоро потребуется отъ войскъ незаконная присяга; что за четыре станціи отъ Нарвы, Государь Цесаревичъ стоитъ съ 1-й арміей и Польскимъ корпусомъ, для истребленія тѣхъ, которые присягнутъ Вашему Величеству; что прочіе полки гвардіи непремѣнно откажутся Но Бобровъ и Аркадьевъ не исполняли его приказаній и говорили, что рядовые не вѣрятъ. 13-го декабря онъ прямо отъ Рылѣева пріѣхалъ къ мичманамъ братьямъ Бѣляевымъ. Тутъ, кромѣ нихъ, нашелъ двухъ Бодиско, Дивова и подпоручика Измайловскаго полка Гудимова. „Господа!“ говорилъ онъ, „зная вашъ образъ мыслей, кажется, могу вамъ сказать все откровенно. Завтра насъ будутъ звать къ присягѣ: откажитесь и приготовьте къ тому ваши роты. Мы выведемъ ихъ на Петровскую площадь, гдѣ соберутся другіе полки, и принудимъ Сенатъ утвердить давно уже сочиненный проектъ конституціи, чтобы ограничить власть Императора.“ Оборотясь къ лейтенанту Бодискѣ 1-му, онъ прибавилъ: „надѣюсь, что и вы будете.“ — „Нѣтъ,“ отвѣчалъ Бодиско, „я съ моею ротою не буду. Могу ли дѣйствовать, не зная вашего плана и сообщниковъ? Вамъ другое дѣло: вы бываете съ тѣми, которые составили заговоръ, и, можетъ быть, даже увѣрены въ хорошемъ окончаніи.“ Арбузовъ силился доказать, что нѣтъ сомнѣнія въ успѣхѣ, увѣрялъ, что и самъ не знаетъ всего, повторялъ: приходите, и однако же оставилъ ихъ, не получивъ желаннаго отвѣта. Но тогда именно, сіи молодые офицеры, за исключеніемъ Гудимова, который уѣхалъ прежде, вдругъ рѣшились содѣй-

ствовать замышленной революціи, идти утромъ въ свои роты и возбудить въ рядовыхъ сомнѣніе на счетъ истины отреченія Его Императорскаго Высочества Цесаревича. Ночью, около 12-ти часовъ, пріѣзжали къ Арбузову Якубовичъ и Александръ Бестужевъ. Якубовичъ, познакомясь съ Бѣляевыми, говорилъ имъ: „Не сомнѣваюсь въ вашей храбрости, но вы еще не бывали подъ пулями; берите примѣръ съ меня. Впрочемъ, нельзя бояться неудачи: вся гвардія за насъ.“ 14-го декабря поутру сіи офицеры, и еще нѣкоторые [1]), явились передъ матросами. Бодиско 1-й имъ сказалъ: „присягайте, или нѣтъ; я не могу ни приказывать, ни совѣтовать; слушайтесь своей совѣсти“ [2]). Къ нимъ пришли Николай Бестужевъ и Каховскій. Первый предлагалъ, откинувъ самолюбіе, взять въ начальники Арбузова: ему можно повѣрить; мы здѣсь всѣ за общимъ дѣломъ. Каховскій восклицалъ: лучше умереть, нежели не участвовать въ этомъ, и спрашивалъ, не надобенъ ли кому-нибудь кинжалъ. Арбузовъ звалъ на Сенатскую площадь; Бодиско отвѣчалъ ему: я пойду не иначе, какъ со всѣмъ экипажемъ. — Вы либералы лишь на словахъ, вскричалъ Арбузовъ. Когда пріѣхалъ бригадный начальникъ генералъ-маіоръ Шиповъ, то матросы, уже вовлеченные въ обманъ своими офицерами, не согласились присягать. Онъ арестовалъ ротныхъ командировъ; но Николай Бестужевъ уговорилъ Бѣляевыхъ, Бодиско, Дивова, Шпейера освободить ихъ. Въ сію минуту раздался голосъ: ребята, слышите ли стрѣльбу? вашихъ бьютъ, и экипажъ побѣжалъ со двора, несмотря на усилія капитана 1-го ранга Качалова, который хотѣлъ матросовъ удержать въ воротахъ [3]). За всѣми пошли и другіе офицеры, дотолѣ не участвовавшіе въ безпорядкахъ [4]). На дорогѣ у конно-гвардейскаго манежа имъ встрѣтился Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ; онъ кричалъ: въ каре противъ кавалеріи!

Возмущеніе въ Московскомъ полку началось прежде. Тамъ князь Щепинъ-Ростовскій, штабсъ-капитанъ Михайла Бестужевъ, братъ его Александръ и еще два сего же полка офицера (Броке, Волковъ) ходили по ротамъ 6-й, 5-й, 3-й, 2-й, стараясь ослѣпить рядовыхъ, уговаривая ихъ не присягать Вашему Императорскому Величеству, повторяя: „все обманъ, насъ заставляютъ присягать, а Константинъ Павловичъ не отказывался; онъ въ цѣпяхъ; Его Высочество, шефъ полка, также въ цѣпяхъ.“ Александръ Бестужевъ прибавлялъ, что онъ присланъ изъ Варшавы, съ повелѣніемъ не допускать полки до присяги. Михайла Бестужевъ говорилъ: „Царь Константинъ любитъ нашъ полкъ и прибавитъ жалованья; кто не останется вѣренъ ему,

---

[1]) Вишневскій, Мусинъ-Пушкинъ, Шпейеръ, Окуловъ, Кюхельбекеръ.
[2]) Такъ же говорили Вишневскій и Кюхельбекеръ.
[3]) Такъ показываетъ Дивовъ; прочіе не помнятъ, что рѣшило движеніе экипажа.
[4]) Лейтенанты Цебриковъ и Лермонтовъ.

того колите“ [1]). Онъ и князь Щепинъ приказали солдатамъ взять боевые патроны и зарядить ружья. „Я не хочу знать генерала,“ отвѣчалъ Щепинъ адъютанту Веригину, собиравшему офицеровъ къ полковому командиру; велѣлъ возмущенной имъ толпѣ рядовыхъ отнять знамя у гренадеровъ, бить ихъ прикладами, и бросился съ обнаженною саблею на генералъ-маіора Фридрихса, которому уже грозилъ Александръ Бестужевъ пистолетомъ. Князь Щепинъ ранилъ генерала Фридрихса въ голову, и когда онъ безъ чувствъ упалъ, то, бросясь также на бригаднаго командира генералъ-маіора Шеншина, тяжело ранилъ и его, и лежащаго еще долго рубилъ; потомъ далъ нѣсколько ударовъ саблею полковнику Хвощинскому, гренадеру Красовскому, унтеръ-офицеру Мосѣеву и кричалъ солдатамъ: зарублю! наконецъ, отнявъ знамя, повелъ бунтующія роты на Сенатскую площадь. Выходя на берегъ Фонтанки и видя возлѣ себя Александра Бестужева, онъ сказалъ ему: что, вѣдь къ чорту Конституція, и Бестужевъ отвѣчалъ (отъ всего сердца, какъ увѣряетъ): разумѣется, къ чорту. Онъ (Александръ Бестужевъ) увѣряетъ также, что хотя дѣйствовалъ въ казармахъ Московскаго полка, какъ рѣшительный возмутитель, но уже чувствовалъ въ себѣ волненіе совѣсти; что даже, вставая въ сей день, со слезами молился: Боже! если дѣло наше правое, помоги! А ежели нѣтъ, буди воля Твоя надъ нами.

Въ полку Лейбъ-гренадерскомъ бунтъ произведенъ тѣми же средствами. Когда рядовыхъ вывели для присяги, къ нимъ подходилъ подпоручикъ Кожевниковъ, нетрезвый, какъ онъ самъ признается; ибо, узнавъ чрезъ Сутгофа, что наступилъ часъ, назначенный Тайнымъ Обществомъ для мятежа, онъ хотѣлъ ободриться и довелъ себя до безпамятства крѣпкимъ напиткомъ. Онъ спрашивалъ солдатъ: зачѣмъ вы забываете клятву, данную Константину Павловичу; потомъ кричалъ еще въ галлереѣ: кому присягаете? все обманъ! Но порядокъ въ полку симъ не былъ нарушенъ: всѣ присягнули, и рядовые сѣли обѣдать. Тогда поручикъ Сутгофъ, бывшій уже у присяги, вдругъ пришелъ къ своей ротѣ съ словами: „братцы! напрасно мы послушались; другіе полки не присягаютъ и собрались на Петровской площади. Одѣньтесь, зарядите ружья, за мной, и не выдавайте. Ваше жалованье у меня въ карманѣ; я раздамъ его безъ приказу.“ Почти вся рота, несмотря на увѣщанія полковаго командира Стюрлера, послѣдовала за Сутгофомъ, который безпрестанно повторялъ: впередъ! не выдавайте!.. Между тѣмъ другой поручикъ, Пановъ, также присягнувшій, бѣгалъ изъ роты въ роту, возбуждая рядовыхъ увѣреніями, что ихъ обманули, что имъ будетъ худо отъ прочихъ

[1]) Показанія нижнихъ чиновъ Московскаго полка; Бестужевъ увѣряетъ, что не говорилъ этого.

полковъ и Константина Павловича. Когда же командиръ полка вызвалъ баталіоны и велѣлъ заряжать ружья, чтобы вести ихъ противъ мятежниковъ, то Пановъ уговаривалъ не повиноваться; лучше сдадимся тѣмъ, которые стоятъ за Константина; наконецъ, видя, что ему вѣрятъ многіе, бросился въ середину колонны и, подавъ знакъ возмущенія крикомъ: Ура! повелъ нѣсколько ротъ въ разстройствѣ на Сенатскую площадь. Идучи мимо Зимняго дворца Вашего Императорскаго Величества, онъ вступилъ было съ частію лейбъ-гренадеръ на дворъ онаго; но, увидѣвъ, что тамъ стоятъ саперы, и сказавъ: это не наши, пошелъ далѣе. На площади, когда нѣкоторые изъ рядовыхъ примѣтили, что они обмануты, Пановъ ободрялъ ихъ, увѣряя, что скоро будетъ самъ Константинъ Павловичъ и накажетъ гвардію за ея непостоянство, а ихъ наградитъ. Онъ присоединилъ свои роты къ тѣмъ, которыя были приведены Щепинымъ. Къ нимъ же пристало нѣсколько человѣкъ во фракахъ съ кинжалами, пистолетами, саблями.

Комиссія почитаетъ ненужнымъ описывать всѣ происшествія сего дня, ознаменованнаго буйствомъ немногихъ и знаками общаго усердія, нелицемѣрной преданности къ престолу и, всего болѣе, новымъ примѣромъ царственныхъ доблестей, наслѣдственныхъ въ семъ Августѣйшемъ Домѣ, который былъ предметомъ безумной злобы мятежниковъ. Сіи происшествія извѣстны Вашему Величеству и Россіи. Она съ прискорбіемъ и омерзѣніемъ узнала о покушеніи людей, умышлявшихъ обезславить имя русское, и видитъ съ восторгомъ благодарности, что преступные ковы и надежды ихъ разрушены въ одно, благословленное Небомъ, мгновеніе. Принятыя мѣры осторожности вскорѣ остановили всѣ дѣйствія бунтовавшихъ: въ ихъ рядахъ уже господствовало безначаліе, коего ужасами они угрожали отечеству. Яростнѣйшіе продолжали отличаться убійствами. Каховскій, какъ видно изъ многихъ показаній, наконецъ подтвержденныхъ и его собственнымъ признаніемъ, стрѣлялъ изъ пистолета и смертельно ранилъ графа Милорадовича, въ ту самую минуту, когда онъ явился одинъ передъ рядами несчастныхъ, обманутыхъ воиновъ, чтобы образумить ихъ и возвратить къ долгу [1]). Князь Евгеній Оболенскій также ранилъ его штыкомъ, хотѣвъ, какъ утверждаетъ, только ударить лошадь, чтобы принудить его удалиться. Каховскій же, по словамъ князя Одоевскаго [2]), убилъ и полковника Стюрлера, и потомъ, бросая пистолетъ, сказалъ: довольно! у меня сегодня двое на душѣ. Онъ же ранилъ свитскаго офицера (штабсъ-капитана Гастефера) кинжаломъ. Князь Щепинъ первый далъ солдатамъ приказаніе стрѣлять, и въ семъ безпорядкѣ ранено нѣсколько рядовыхъ и полковникъ Веліо. Наконецъ, Кюхельбекеръ (Вильгельмъ) дерзнулъ обратить оружіе на Великаго Князя Михаила Павловича: матросы гвар-

---

[1]) Лѣкарь, дѣлавшій операцію, представилъ комиссіи пулю, найденную въ тѣлѣ Милорадовича; она не ружейная, а пистолетная.

[2]) И собственному признанію.

дейскаго экипажа, съ коими онъ стоялъ [1]), и въ волненіи мятежа устрашенные симъ покушеніемъ злодѣйства, отвели пистолетъ его. Кюхельбекеръ однако же увѣряетъ, что онъ не хотѣлъ совершить удара, а притворно согласился на сіе по вызову Ив. Пущина для того, чтобы не допустить къ сему другихъ и, зная, что пистолетъ его, измоченный снѣгомъ, не могъ бы выстрѣлить; въ доказательство прибавляетъ, что послѣ онъ мѣтилъ тѣмъ же пистолетомъ въ генерала Воинова, и пистолетъ осѣкся [2]).

Но изъ людей, кои были душою заговора, или обѣщали принять главное начальство надъ вовлеченными въ обманъ войсками, явился на сборномъ мѣстѣ одинъ Якубовичъ, и ненадолго: по условію ли съ Булатовымъ или, какъ онъ показываетъ, по чувству вины своей и безразсудности, онъ вскорѣ оставилъ мятежниковъ. Булатовъ былъ на площади, но только зрителемъ, хотя, выходя изъ дому и заряжая пистолеты, говорилъ: можетъ быть, увидятъ, что есть въ Россіи Бруты и Рьеги, которыхъ (въ чемъ признается откровенно) зналъ только по именамъ. Князь Трубецкой скрывался отъ своихъ сообщниковъ: онъ спѣшилъ въ главный штабъ присягать Вашему Величеству, думая сею готовностію загладить часть своего преступленія и потому, что тамъ соумышленники не могли найти его. Ему нѣсколько разъ дѣлалось дурно; онъ бродилъ весь день изъ дома въ домъ, удивляя всѣхъ встрѣчавшихъ его знакомыхъ; наконецъ, пришелъ ночевать къ свояку своему, посланнику двора Австрійскаго, откуда, по Высочайшей волѣ Вашей, истребованъ графомъ Нессельродомъ. Рылѣевъ, какъ онъ самъ говоритъ, увидѣвъ, что нѣтъ князя Трубецкого на площади, поѣхалъ искать его и не возвращался. Поступки Батенкова въ этотъ день были почти такіе же. Онъ проснулся съ мыслію о своемъ будущемъ величіи, какъ члена Верховнаго Правленія; конецъ мечтамъ положила повѣстка о присягѣ. Еще нѣсколько времени онъ старался узнать, что происходитъ, искалъ Александра Бестужева, Рылѣева, который ему сказалъ, что офицеры одной батареи гвардейской артиллеріи, возмутясь, ѣздятъ съ орудіями по городу. Сія ложная вѣсть его поразила, и онъ также спѣшилъ присягнуть, забывъ о планахъ для перемѣнъ въ государствѣ, о славѣ быть въ числѣ правителей, желая только, чтобы скорѣе переловили бунтовщиковъ. Однако жъ вечеромъ, когда уже тишина и порядокъ были повсюду востановлены, онъ заѣхалъ къ Рылѣеву и, не входя, а заглядывая въ комнату, спрашивалъ: ну! что? Иванъ Пущинъ, бывшій тутъ съ нѣкоторыми другими изъ бѣжавшихъ съ Сенатской площади мя-

---

[1]) Дороѳеевъ, Ѳедоровъ, Куроптевъ.

[2]) Пущинъ на вопросъ комиссіи отвѣчалъ, что это ложь. Бывшіе тутъ нижніе чины говорятъ, что Кюхельбекеру указывалъ на Великаго Князя не Пущинъ, а поручикъ Цебриковъ; но и онъ не признается въ томъ.

тежниковъ, оборотился къ нему до половины и сказалъ въ отвѣтъ: д а в ы, п о д п о л к о в н и к ъ, в ы т о ч т о? Увидѣвъ его и барона Штейнгеля, Батенковъ скрылся [1]), и въ теченіе двухъ недѣль, полагаясь на краткость своихъ сношеній съ членами тайнаго общества, надѣялся избѣжать подозрѣній правительства; даже при началѣ допросовъ, онъ долго увѣрялъ, что намѣренія заговорщиковъ были ему весьма несовершенно извѣстны; что онъ, считая ихъ невозможными въ исполненіи, почти не обращалъ на нихъ вниманія, что чувствуетъ себя виновнымъ въ однихъ нескромныхъ словахъ и дерзкихъ желаніяхъ. Но множество уликъ и, можетъ быть, упреки совѣсти, наконецъ, превозмогли притворство: онъ полнымъ искреннимъ признаніемъ утвердилъ свидѣтельства другихъ [2]). Всѣ прочіе, больше или меньше участвовавшіе въ мятежѣ и вообще въ замыслахъ Сѣверной Думы, показывая другъ на друга, сдѣлались вскорѣ извѣстны Комиссіи, немедленно отысканы и представлены къ допросу [3]); нѣкоторые сами отдались подъ стражу. Между сими послѣдними полковникъ Булатовъ. Сей человѣкъ странный и несчастный, давно изнуряемый внутреннею неизлѣчимою болѣзнію, умѣвъ съ самаго начала почувствовать и беззаконность, и безразсудность предпріятія своихъ сообщниковъ, даже рѣшительно отклонившись отъ содѣйствія и в о с х и щ а в ш и с ь, какъ онъ сказываетъ, р а с п о р я ж е н і я м и В а ш е г о В е л и ч е с т в а 14-г о д е к а б р я, вдругъ на слѣдующій день, когда и яростнѣйшіе начинали признавать вину свою, предался какому то неизъяснимому бѣшенству. Мысль, что его именемъ завлеченъ въ заблужденіе и погубленъ любившій его полкъ (Лейбъ-гренадерскій), нелѣпая сказка, распущенная легкомысліемъ или злонамѣреніемъ, что всѣ рядовые, бывшіе на площади, обречены смертной казни, совершенно омрачили его умственныя способности. „Въ семъ состояніи,“ говоритъ онъ въ письмѣ къ Его Высочеству Великому Князю Михаилу Павловичу, „я пришелъ въ Главный Штабъ къ присягѣ. Мое воображеніе смутилось; голова пылала; мнѣ казалось, что отовсюду течетъ кровь моихъ любезныхъ сослуживцевъ, и когда вокругъ меня клялись въ вѣрности Государю, я подчалъ руку, поцѣловалъ крестъ, съ ужасною клятвою въ сердцѣ: умертвить Его. Всякъ, увидѣвъ мое имя на присяжномъ листѣ, узнаетъ въ немъ подпись злодѣя.“ Онъ однако же не былъ злодѣемъ, по крайней мѣрѣ закоренѣлымъ, волненіе страстей скоро въ немъ затихло; онъ началъ удостовѣряться въ лживости дошедшихъ до него слуховъ, наконецъ, пришелъ во дворецъ, былъ допущенъ къ Вашему

---

[1]) Такъ разсказываетъ Штейнгель.

[2]) Одно изъ своихъ письменныхъ объявленій комиссіи онъ начинаетъ сими словами: Д а б ы н е у м е р е т ь, н о с я в ъ д у ш ѣ п р е с т у п н у ю т а й н у.

[3]) Большая часть въ Петербургѣ; Кюхельбекеръ, бѣжавшій послѣ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ, въ Варшавѣ; немногіе въ Москвѣ, въ томъ же числѣ баронъ Штейнгель, который выѣхалъ отсюда 22-го декабря.

Величеству, и первый взглядъ Вашъ обезоружилъ его. Съ сей минуты до того времени, когда новый припадокъ прежней болѣзни лишилъ его силъ и жизни (19 января сего года), онъ безпрестанно терзался воспоминаніемъ своего страшнаго, дотолѣ никому неизвѣстнаго умысла, воспоминаніемъ самыхъ знаковъ оказаннаго ему милосердія; но утолялъ муку совѣсти признаніями, совершенно добровольными (ибо онъ даже не былъ допрашиваемъ), и умирая, смѣло завѣщалъ участь дѣтей монарху, на коего мыслилъ поднять руку.

Спокойство, твердостію Вашего Величества возвращенное столицѣ, въ прочихъ мѣстахъ Имперіи, за исключеніемъ Василькова и окрестностей, не было и нарушено. Въ Москвѣ, гдѣ всѣ жители съ восторгомъ произносили клятву въ вѣрности Вашему Императорскому Величеству и Наслѣднику Престола, нѣкоторые изъ членовъ Тайнаго Общества, въ томъ числѣ и отставшіе отъ онаго, собирались разсуждать о происшествіяхъ 14-го декабря. Одинъ, Мухановъ [1]), извѣстный другимъ невоздержностію въ рѣчахъ, говорилъ въ изступленіи досады: „Наши товарищи гибнутъ; ихъ можетъ спасти только смерть Государя, и я знаю человѣка готоваго по крайней мѣрѣ, отмстить за нихъ“ [2]). Сами сообщники слушали его съ пренебреженіемъ. На югѣ, гдѣ вслѣдствіе предписаній, привезенныхъ изъ Таганрога генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ, уже были забираемы подъ стражу важнѣйшіе злоумышленники, по указаніямъ донесшаго на нихъ капитана Майбороды, бѣшенство другихъ, смущенныхъ открытіемъ заговорщиковъ, также изливалось въ словахъ [3]). Поджіо говорилъ Василію Давыдову: „должно, для спасенія нашихъ, ѣхать въ Петербургъ, убить Императора Константина“ (имъ еще неизвѣстно было вступленіе Вашего Величества на Престолъ); я предлагаю свои двѣ руки.“ — „Надобно ихъ шесть,“ отвѣчалъ Давыдовъ. Поджіо думалъ найти пособниковъ въ Митьковѣ, князѣ Валеріянѣ Голицынѣ, князѣ Оболенскомъ и Матвѣѣ Муравьевѣ [4]). Генералъ-маіоръ князь Сергѣй Волконскій, узнавъ, что полковникъ Пестель съ нѣкоторыми другими арестованъ, нашелъ средство увидѣться съ нимъ наединѣ. Пестель сказалъ ему: „не бойтесь, спасайте только мою Русскую Правду [5]); а я не открою ничего;“ и однако же во всемъ признался предъ Комиссіею, наименовавъ всѣхъ своихъ соумышленниковъ, и, по требованію Комиссіи, всѣ они отысканы и представлены сюда мѣстными начальствами. Сергѣй и Матвѣй Муравьевы также были взяты (29 декабря) начальникомъ перваго, подполковни-

---

[1]) Штабсъ-капитанъ Измайловскаго полка.

[2]) Показаніе Якушкина. Мухановъ признался, что говорилъ то.

[3]) Достойно замѣчанія, что главные, въ томъ числѣ полковникъ Пестель, арестованы именно 14-го декабря.

[4]) Показанія Давыдова и Поджіо.

[5]) Списокъ оной, руки самого Пестеля, былъ зарытъ въ землѣ близъ деревни Курносовки, но найденъ штабсъ-ротмистромъ Слѣпцовымъ, адъютантомъ генералъ-лейтенанта Чернышова.

комъ Гебелемъ, хотя онъ (Муравьевъ) находился не при полку и, узнавъ отъ Бестужева-Рюмина о приказаніи арестовать его, скрывался вмѣстѣ съ братомъ [1]). Къ сожалѣнію, г. Гебель не имѣлъ осторожности приставить къ нимъ достаточную стражу, и въ ту же ночь, нѣсколько офицеровъ, принадлежащихъ къ Обществу Соединенныхъ Славянъ, поручики: Кузьминъ, Сухиновъ, Щипилла и штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ ворвались въ комнаты, гдѣ содержались Муравьевы, освободили ихъ, схватили полковника Гебеля и жандармскаго офицера, ранили перваго. Сергѣй Муравьевъ тогда лишь, какъ утверждаетъ онъ, рѣшился возмутить Черниговскій полкъ. Онъ былъ въ мѣстечкѣ Трилѣсьѣ, но немедленно отправился въ Ковалевку, чтобы собрать тамъ 2-ю гренадерскую роту, велѣвъ поручику Кузьмину туда же привести 5-ю, а Соловьеву и Щипиллѣ возмутить свои роты и съ ними идти на Васильковъ. Изъ Ковалевки, гдѣ онъ ночевалъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, 30-го декабря, пошелъ съ двумя ротами, 2-ю и 5-ю, на Васильковъ. Дорогою пріѣхалъ къ нему Бестужевъ-Рюминъ, котораго онъ посылалъ въ Брусиловъ за съѣстіями. Въ 8-ми верстахъ отъ города, узнавъ, что тамъ стоитъ рота съ маіоромъ Трухинымъ, Муравьевъ приказалъ своимъ зарядить ружья; маіоръ Трухинъ съ своей стороны приказывалъ тоже; ему не повиновались, и возмутившіяся роты вступили безпрепятственно въ Васильковъ. Тутъ, отдавъ подъ стражу маіора Трухина, выпустивъ, арестованныхъ подполковникомъ Гебелемъ, Соловьева, Щипиллу и нѣсколькихъ преданныхъ суду рядовыхъ, взявъ безденежно хлѣба, другихъ съѣстныхъ припасовъ и напитковъ изъ городскихъ лавокъ, Муравьевъ началъ составлять планы для дѣйствія. Къ нему пристали еще нѣкоторые офицеры и пріѣзжалъ изъ Бѣлой Церкви, приглашенный имъ наканунѣ, подпоручикъ 17-го Егерскаго полка Александръ Вадковскій, членъ не весьма дѣятельный Южнаго Общества. Сергѣй Муравьевъ уговаривалъ его произвести бунтъ въ семъ полку. „Буду стараться, если соберутъ его, но кажется невозможно,“ отвѣчалъ Вадковскій и разстался съ Муравьевымъ, который въ то же время посылалъ въ Кіевъ, надѣясь тамъ найти какого-нибудь единомышленника и требуя пособія. Онъ думалъ идти на Кіевъ, или на Бѣлую Церковь, или къ Житомиру, чтобы соединиться съ офицерами Общества Славянъ; наконецъ, рѣшился двинуться къ Брусилову, откуда могъ, смотря по обстоятельствамъ, поспѣть однимъ переходомъ

---

[1]) За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, узнавъ въ Житомирѣ о происшествіяхъ 14-го декабря, вздумалъ снова требовать смерти Государя Цесаревича отъ директоровъ Польскаго Тайнаго Общества и просилъ графа Мошинскаго доставить имъ письмо, которое Бестужевъ-Рюминъ еще въ 1824 году хотѣлъ отправить къ нимъ чрезъ князя Сергѣя Волконскаго. «Я надѣялся», говоритъ Муравьевъ, «что, сдѣлавъ сіе, Варшавское Общество принуждено будетъ начать и возмущеніе въ Польшѣ, а мы тѣмъ воспользуемся». Но графъ Мошинскій не согласился на предложеніе, сказавъ, «что уставы Польскаго Общества не дозволяютъ принимать никакихъ письменныхъ сообщеній».

и въ Кіевъ, и въ Житомиръ. На другой день, 31-го декабря, въ полдень (ибо онъ дожидался 2-й мушкетерской роты) онъ велѣлъ собраться къ походу тѣмъ, кои уже пристали къ нему; передъ выступленіемъ, полковой священникъ, за 200 рублей, согласился отпѣть молебенъ и прочесть сочиненный Сергѣемъ Муравьевымъ и Бестужевымъ-Рюминымъ Катехизисъ, въ коемъ, какъ было означено выше, своевольно толкуя отдѣльныя мѣста ихъ Ветхаго Завѣта, они хотѣли доказать, что Богу угоденъ одинъ республиканскій образъ правленія. Но сей лже-Катехизисъ, какъ самъ Муравьевъ показываетъ, произвелъ на рядовыхъ невыгодное для его намѣреній впечатлѣніе, и онъ увидѣлъ себя принужденнымъ дѣйствовать снова именемъ Государя Цесаревича, увѣряя солдатъ, что Его Высочество не отрекался отъ Короны. На пути къ Брусилову, въ деревнѣ Мотовиловкѣ нашелъ онъ 1-ю гренадерскую и первую мушкетерскую роты безъ командировъ [1]). Онъ предлагалъ имъ, просилъ съ нимъ соединиться; часть мушкетерской роты согласилась, гренадерская отказалась вся рѣшительно и отступила къ Бѣлой Церкви. Мятежники провели весь слѣдующій день (1-е января) въ Мотовиловкѣ, ибо начальникъ ихъ Сергѣй Муравьевъ боялся трудить солдатъ въ праздникъ Новаго года. 2-го января, не получая извѣстій изъ Кіева, полагая, что и тамъ и въ самомъ мѣстечкѣ Брусиловѣ уже знаютъ о бунтѣ его, онъ пошелъ къ Бѣлой Церкви и ночевалъ въ селѣ Пологи; тутъ, увѣдомясь отъ Щипиллы, что въ Бѣлой Церкви нѣтъ войска, которое онъ надѣялся возмутить, Муравьевъ снова измѣнилъ свой планъ, обратился къ Трилѣсью искать сближенія съ членами Общества Соединенныхъ Славянъ, но между деревнями Устимовской и Королевкой встрѣтилъ высланный противъ него гусарскій отрядъ генерала Гейсмара. „Я привелъ свои роты въ порядокъ,“ говорилъ онъ, „велѣлъ солдатамъ не стрѣляя идти прямо на пушки съ оставшимися офицерами (ибо многіе изъ присоединившихся къ нему въ Васильковѣ въ то время уже оставили его); солдаты шли за мною [2]), когда я упалъ безъ чувствъ, раненый картечью; очнувшись, увидѣлъ своихъ въ разстройствѣ, хотѣлъ собрать ихъ; но они, вмѣсто повиновенія, схватили меня и Бестужева и отдали начальнику эскадрона Маріупольскаго полка.“ Братъ его Матвѣй и всѣ прочіе офицеры также взяты, кромѣ убитаго въ дѣлѣ другого брата Ипполита и поручика Сухинова, который, успѣвъ бѣжать, отысканъ уже мѣстнымъ начальствомъ въ Кишиневѣ; изъ взятыхъ, Кузьминъ застрѣлился въ тотъ же день предъ глазами обоихъ Муравьевыхъ, съ коими онъ содержался [3]).

---

[1]) Командиръ 1-й гренадерской былъ съ своею ротою; но рядовые, чтобы спасти начальника своего отъ мятежниковъ, уговорили его одѣться въ солдатскій мундиръ.

[2]) Весьма неохотно, какъ показываетъ Матвѣй Муравьевъ, и бросили ружья, какъ скоро гусары закричали имъ: «сдавайтесь“.

[3]) Изъ нихъ: Сухиновъ, Соловьевъ, Щипилла и Мозалевскій преданы

Описавъ свойство, намѣренія и дѣйствія открытыхъ въ Россіи злоумышленныхъ тайныхъ обществъ, комиссіи остается обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на личное въ сихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ участвованіе всѣхъ допрошенныхъ въ продолженіе слѣдствія, какъ тѣхъ, коихъ имена упомянуты въ семъ донесеніи, такъ и другихъ, менѣе значившихъ въ кругу своихъ сообщниковъ, хотя нѣкоторые между ими участвовали и въ самыхъ преступныхъ умыслахъ. Комиссія старалась представить сіе наиточнѣйшимъ образомъ въ особыхъ о каждомъ запискахъ, означая въ оныхъ и собственныя ихъ признанія, и показанія свидѣтелей, и новые, по симъ показаніямъ данные ими, отвѣты и объясненія. Сіи записки, вмѣстѣ съ письменными извѣтами допрошенныхъ и другими, слѣдующими къ дѣлу, болѣе или менѣе важными бумагами, комиссія подноситъ на Высочайшее усмотрѣніе Вашего Величества. 30-го мая 1826 г. Предсѣдатель, военный министръ Татищевъ. Генералъ-фельдцейхмейстеръ Михаилъ. Д. т. с. князь Голицынъ. Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ, г.-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ. Генералъ-адъютанты: Чернышевъ, Бенкендорфъ, Левашовъ, Потаповъ. Скрѣпилъ д. ст. сов. Д. Блудовъ.

Списокъ

лицъ, кои по дѣлу о тайныхъ злоумышленныхъ обществахъ предаются по Высочайшему повелѣнію верховному уголовному суду, въ силу манифеста отъ 1-го числа іюня сего 1826 года.

Съвернаго Общества.

1. Князь Трубецкой, полковникъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, дежурный штабъ-офицеръ 4-го пѣхотнаго корпуса.
2. Рылѣевъ, отставной подпоручикъ.
3. Князь Евгеній Оболенскій, поручикъ лейбъ-гв. Финляндскаго полка, старшій адъютантъ командующаго всею пѣхотою гвардейскаго корпуса генералъ-адъютанта Бистрома 1-го.
4. Муравьевъ Никита, Гвардейскаго Генеральнаго Штаба капитанъ.
5. Каховскій, отставной поручикъ.

военному суду въ 1-й арміи. Ипполитъ Муравьевъ пріѣхалъ къ братьямъ нечаянно въ Васильковъ и остался съ ними вопреки усиленнымъ просьбамъ ихъ, особливо Матвѣя, который предвидѣлъ окончаніе преступнаго ихъ предпріятія. Онъ говорилъ о томъ на походѣ Бестужеву-Рюмину. Не надобно терять надежды, отвѣчалъ Бестужевъ; если не удастся здѣсь, то не все еще пропало: мы скроемся въ лѣсахъ, проберемся къ Петербургу, и я убью Государя. Бестужевъ увѣряетъ, что онъ это сказалъ единственно для того, чтобы ободрить Муравьева и удержать его отъ самоубійства.

6. Князь Щепинъ-Ростовскій, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.

7. Бестужевъ Александръ, лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка штабсъ-капитанъ, адъютантъ Его Королевскаго Высочества Герцога Александра Виртембергскаго.

8. Бестужевъ Михайло, лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ.

9. Арбузовъ, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.

10. Бестужевъ Николай, 8-го экипажа капитанъ-лейтенантъ.

11. Пановъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.

12. Сутгофъ, лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ.

13. Кюхельбекеръ, коллежскій ассессоръ.

14. Пущинъ Иванъ, коллежскій ассессоръ.

15. Князь Одоевскій, лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ.

16. Якубовичъ, Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ.

17. Щебриковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.

18. Рѣпинъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка штабсъ-капитанъ.

19. Муравьевъ Александръ, отставной полковникъ.

20. Якушкинъ, отставной капитанъ.

21. Фонвизинъ, отставной генералъ-маіоръ.

22. Князь Шаховской Федоръ, отставной маіоръ.

23. Лунинъ Михаилъ, лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка подполковникъ.

24. Мухановъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ.

25. Митьковъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка полковникъ.

26. Завалишинъ, 8-го флотскаго экипажа лейтенантъ.

27. Батенковъ, корпуса инженеровъ путей сообщенія подполковникъ.

28. Баронъ Штейнгель, отставной подполковникъ.

29. Торсонъ, флота капитанъ-лейтенантъ, адъютантъ начальника морского штаба.

30. Князь Голицынъ Валеріанъ, камеръ-юнкеръ.

31. Бѣляевъ 1, гвардейскаго экипажа мичманъ.

32. Бѣляевъ 2, гвардейскаго экипажа мичманъ.

33. Дивовъ, гвардейскаго экипажа мичманъ.

34. Бестужевъ Петръ, мичманъ 27-го флотскаго экипажа.

35. Свистуновъ, Кавалергардскаго полка корнетъ.

36. Анненковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ.

37. Кривцовъ, лейбъ-гвардіи конной артиллеріи подпоручикъ.

38. Муравьевъ Александръ, корнетъ Кавалергардскаго полка.

39. Нарышкинъ, полковникъ Тарутинскаго пѣхотнаго полка.
40. Фонъ-деръ-Бригенъ, отставной полковникъ.
41. Пущинъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона капитанъ.
42. Бодиски 1-й, гвардейскаго экипажа лейтенантъ.
43. Кюхельбекеръ, того же экипажа лейтенантъ.
44. Мусинъ-Пушкинъ, того же экипажа лейтенантъ.
45. Акуловъ, того же экипажа лейтенантъ.
46. Вишневскій, того же экипажа лейтенантъ.
47. Бодиско 2-й, того же экипажа мичманъ.
48. Горской, статскій совѣтникъ.
49. Графъ Коновницынъ 1, гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ.
50. Оржитскій, отставной штабсъ-ротмистръ.
51. Кожевниковъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.
52. Фокъ, того же полка подпоручикъ.
53. Лаппа, того же полка подпоручикъ.
54. Назимовъ, лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ.
55. Баронъ Розенъ, лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ.
56. Глѣбовъ, коллежскій секретарь.
57. Андреевъ, лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ.
58. Толстой, Московскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ.
59. Графъ Чернышевъ, Кавалергардскаго полка ротмистръ.
60. Чижовъ, 2-го флотскаго экипажа лейтенантъ.
61. Тургеневъ Николай, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

Южнаго Общества.

1. Пестель, полковникъ Вятскаго пѣхотнаго полка.
2. Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка.
3. Бестужевъ-Рюминъ, Полтавскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.
4. Муравьевъ-Апостолъ Матвѣй, отставной подполковникъ.
5. Юшневскій, 4-го класса, бывшій генералъ-интендантъ 2-й арміи.
6. Князь Волконскій Сергѣй, генералъ-маіоръ.
7. Давыдовъ, Василій Львовъ сынъ, отставной полковникъ.
8. Князь Барятинскій, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.
9. Поджіо, отставной подполковникъ.

10. Муравьевъ Артамонъ, Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ.

11. Повало-Швейковскій, Саратовскаго пѣхотнаго полка полковникъ.

12. Вадковскій, Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщикъ.

13. Тизенгаузенъ, полковникъ Полтавскаго пѣхотнаго полка.

14. Враницкій, полковникъ квартирмейстерской части.

15. Крюковъ, квартирмейстерской части поручикъ.

16. Фаленбергъ, подполковникъ квартирмейстерской части, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи по квартирмейстерской части.

17. Лореръ, Вятскаго пѣхотнаго полка маіоръ.

18. Краснокутскій, оберъ-прокуроръ Сената, дѣйствительный статскій совѣтникъ.

19. Лихаревъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.

20. Вольфъ, штабъ-лекарь, состоявшій при главной квартирѣ 2-й арміи.

21. Крюковъ, Кавалергардскаго полка поручикъ, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.

22. Поджіо, отставной штабсъ-капитанъ.

23. Аврамовъ, полковникъ Казанскаго пѣхотнаго полка.

24. Норовъ, отставной подполковникъ.

25. Янтальцевъ, подполковникъ, командиръ конно-артиллерійской роты № 27.

26. Ивашевъ, ротмистръ Кавалергардскаго полка, адъютантъ главнокомандующаго 2-ю арміею.

27. Басаргинъ, лейбъ-гвардіи Егерскаго полка поручикъ, старшій адъютантъ главнаго штаба 2-й арміи.

28. Корниловичъ, гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ.

29. Бобрищевъ-Пушкинъ 1, поручикъ квартирмейстерской части.

30. Бобрищевъ-Пушкинъ 2, поручикъ квартирмейстерской части.

31. Заикинъ, подпоручикъ квартирмейстерской части.

32. Аврамовъ, поручикъ квартирмейстерской части.

33. Загорѣцкій, поручикъ квартирмейстерской части.

34. Поливановъ, отставной полковникъ.

35. Баронъ Черкасовъ, поручикъ квартирмейстерской части.

36. Фохтъ, штабсъ-капитанъ Азовскаго пѣхотнаго полка.

37. Графъ Булгари Николай, поручикъ кирасирскаго Ея Величества полка.

Соединенныхъ Славянъ.

1. Борисовъ 1, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
2. Борисовъ 2, отставной подпоручикъ.
3. Спиридовъ, маіоръ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
4. Горбачевскій, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
5. Бечасновъ, прапорщикъ 8-й артиллерійской бригады.
6. Пестовъ, подпоручикъ 9-й артиллерійской бригады.
7. Андреевичъ 2, подпоручикъ 8-й артиллерійской бригады.
8. Люблинскій, дворянинъ Волынской губерніи.
9. Тютчевъ, капитанъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
10. Громницкій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
11. Кирѣевъ, прапорщикъ 9-й артиллерійской бригады.
12. Фурманъ, капитанъ Черниговскаго пѣхотнаго полка.
13. Веденяпинъ 1, подпоруч. 9-й артиллерійск. бригады.
14. Веденяпинъ 2, прапорщ. 9-й артиллерійск. бригады.
15. Шимковъ, прапорщикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
16. Мозганъ, подпоручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
17. Ивановъ, провіантскій чиновникъ 10-го класса.
18. Фроловъ 2-й, Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ.
19. Мозгалевскій, подпоручикъ Саратовскаго пѣхотнаго полка.
20. Лисовскій, поручикъ Пензенскаго пѣхотнаго полка.
21. Выгодовскій, канцеляристъ.
22. Берстель, подполковникъ, бывшій командиръ легкой роты № 2-го 9-й артиллерійской бригады.
23. Шахиревъ, Черниговскаго пѣхотнаго полка поручикъ.

Русскій Инвалидъ.

(15 Іюля. № 167).

Высочайшій Манифестъ. Божіею Милостію Мы, Николай Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая, и прочая, и прочая.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года составленный для сужденія государственныхъ преступниковъ, совершилъ ввѣренное ему дѣло. Приговоры его, на силѣ законовъ основанные, смягчивъ, сколько долгъ правосудія и государственная безопасность дозволяли, обращены нами къ надлежащему исполненію, и изданы во всеобщее извѣстіе.

Такимъ образомъ дѣло, которое Мы всегда считали дѣломъ всей

Россіи, окончено; преступники воспріяли достойную ихъ казнь; отечество очищено отъ слѣдствій заразы, столько лѣтъ среди его таившейся.

Обращая послѣдній взоръ на сіи горестныя происшествія, обязанностію Себѣ вмѣняемъ: на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ первый разъ, тому ровно семь мѣсяцевъ, среди мгновеннаго мятежа явилась предъ Нами тайна зла долголѣтняго, совершить послѣдній долгъ воспоминанія, какъ жертву очистительную за кровь русскую, за вѣру, Царя и отечество, на семъ самомъ мѣстѣ проліянную, и вмѣстѣ съ тѣмъ принести Всевышнему торжественную мольбу благодаренія. Мы зрѣли благотворную Его десницу, какъ она расторгала завѣсу, указала зло, помогла Намъ истребить его собственнымъ его оружіемъ,— туча мятежа взошла какъ бы для того, чтобы потушить умыселъ бунта.

Не въ свойствахъ, не во нравахъ русскихъ былъ сей умыселъ. Составленный горстію изверговъ, онъ заразилъ ближайшее ихъ сообщество, сердца развратныя и мечтательность дерзновенную; но въ десять лѣтъ злонамѣренныхъ усилій не проникъ, не могъ проникнуть далѣе.—Сердце Россіи для него было и всегда будетъ неприступно. Не посрамится имя русское измѣною Престолу и Отечеству. Напротивъ, Мы видѣли при семъ случаѣ новые опыты приверженности; видѣли, какъ отцы не щадили преступныхъ дѣтей своихъ, родственники отвергали и приводили къ суду подозрѣваемыхъ; видѣли всѣ состоянія соединившимися въ одной мысли, въ одномъ желаніи: суда и казни преступникамъ.

Но усилія злонамѣренныхъ, хотя и въ тѣсныхъ предѣлахъ заключенныя, тѣмъ не менѣе были дѣятельны. Язва была глубока, и по самой сокровенности ея опасна. Мысль, что главнымъ ея предметомъ, первою цѣлію умысловъ была жизнь Александра Благословеннаго, поражала вмѣстѣ ужасомъ, омерзѣніемъ и прискорбіемъ. Другія соображенія тревожили и утомляли вниманіе: надлежало въ самыхъ необходимыхъ изысканіяхъ, по крайней возможности, щадить, не коснуться, не оскорбить напраснымъ подозрѣніемъ невинность. Тотъ же Промыслъ, коему благоугодно было при самомъ началѣ царствованія Нашего, среди безчисленныхъ заботъ и попеченій, поставить насъ на семъ пути скорбномъ и многотрудномъ, далъ Намъ крѣпость и силу совершить его. Слѣдственная комиссія въ теченіе пяти мѣсяцевъ неусыпныхъ трудовъ, дѣятельностію, разборчивостію, безпристрастіемъ, мѣрами кроткаго убѣжденія, привела самыхъ ожесточенныхъ къ смягченію, возбудила ихъ совѣсть, обратила къ добровольному и чистосердечному признанію. Верховный уголовный судъ, объявъ дѣло во всемъ пространствѣ государственной его важности, отличивъ со тщаніемъ всѣ его виды и постепенности, положилъ оному конецъ законный.

Такъ, единодушнымъ соединеніемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, въ теченіе краткаго времени укрощено зло, въ другихъ нра-

вахъ долго неукротимое. Горестныя происшествія, смутившія покой Россіи, миновались навсегда и невозвратно. Въ сокровенныхъ путяхъ Провидѣнія, изъ среды зла, изводящаго добро, самыя сіи происшествія могутъ споспѣшествовать во благое.

Да обратятъ родители все ихъ вниманіе на нравственное воспитаніе дѣтей. Не просвѣщенію, но праздности ума, болѣе вредной, нежели праздность тѣлесныхъ силъ,—недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Тщетны будутъ всѣ усилія, всѣ пожертвованія правительства, если домашнее воспитаніе не будетъ пріуготовлять нравы и содѣйствовать его видамъ.

Дворянство, ограда Престола и чести народной, да станетъ и на семъ поприщѣ, какъ на всѣхъ другихъ, примѣромъ всѣмъ другимъ состояніямъ. Всякій его подвигъ къ усовершенію отечественнаго, природнаго, не чужеземнаго воспитанія Мы пріиземъ съ признательностію и удовольствіемъ. Для него отверзты въ отечествѣ Нашемъ всѣ пути чести и заслугъ. Правый судъ, воинскія силы, разныя части внутренняго управленія, все требуетъ, все зависитъ отъ ревностныхъ и знающихъ исполнителей.

Всѣ состоянія да соединятся въ довѣріи къ правительству. Въ государствѣ, гдѣ любовь къ Монархамъ и преданность къ Престолу основаны на природныхъ свойствахъ народа, гдѣ есть отечественные законы и твердость въ управленіи, тщетны и безумны всегда будутъ всѣ усилія злонамѣренныхъ; они могутъ таиться въ мракѣ, но при первомъ появленіи отверженныя общимъ негодованіемъ, они сокрушатся силою закона. Въ семъ положеніи государственнаго состава каждый можетъ быть увѣренъ въ непоколебимости порядка, безопасность и собственность его хранящаго, и спокойный въ настоящемъ можетъ прозирать съ надеждою въ будущее. Не отъ дерзностныхъ мечтаній, всегда разрушительныхъ, но свыше усовершаются постепенно отечественныя установленія, дополняются недостатки, исправляются злоупотребленія. Въ семъ порядкѣ постепеннаго усовершенія, всякое скромное желаніе къ лучшему, всякая мысль къ утвержденію силы законовъ, къ расширенію истиннаго просвѣщенія и промышленности, достигая къ Намъ путемъ, для всѣхъ отверзтымъ, всегда будутъ приняты Нами съ благоволеніемъ: ибо Мы не имѣемъ, не можемъ имѣть другихъ желаній, какъ видѣть отечество Наше на самой высшей степени счастія и славы, Провидѣніемъ ему предопредѣленной.

Наконецъ, среди сихъ общихъ надеждъ и желаній, склоняемъ Мы особенное вниманіе на положеніе семействъ, отъ коихъ преступленіемъ отпали родственные ихъ члены. Во все продолженіе сего дѣла, сострадая искренно прискорбнымъ ихъ чувствамъ, Мы вмѣняемъ Себѣ долгомъ удостовѣрить ихъ, что въ глазахъ Нашихъ союзъ родства

предаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки, или преступленія. Да не дерзнетъ никто вмѣнять ихъ по родству кому-либо въ укоризну: сіе запрещаетъ законъ гражданскій, и болѣе еще претитъ законъ христіанскій.

На подлинномъ подписано Собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Въ Царскомъ Селѣ. 13-го Іюля 1826 г.

НИКОЛАЙ.

Русскій Инвалидъ.

(16 Іюля, № 168—169).

Высочайшій рескриптъ, данный на имя его превосходительства г. начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества барона И. И. Дибича.

(Весь рескриптъ писанъ Собственною рукою Его Императорскаго Величества).

Баронъ Иванъ Ивановичъ!

Вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ благодарить Васъ за неутомимые труды Ваши и благоразумныя распоряженія, коими предупредили Вы замыслы части злѣйшихъ измѣнниковъ, готовившихся во 2-й арміи поднять знамя бунта.

Среди заслугъ отечеству, Вами оказанныхъ, справедливое потомство всегда вмѣнитъ Вамъ въ одну изъ важнѣйшихъ рѣшимость принятыхъ Вами мѣръ тогда, когда поражены были постигшимъ всеобщимъ Нашимъ несчастьемъ и дѣйствовали сами собою. Примите отъ Меня, отъ лица отечества совершенную признательность.

Пребываю Вамъ всегда благосклоннымъ.

На собственноручномъ рескриптѣ подписано:

НИКОЛАЙ.

Елагинъ Островъ. 14 іюня 1826 года.

Русскій Инвалидъ [1]).

(№№ 168 и 169, 170 и 171, 172).

ВЕРХОВНЫЙ УГОЛОВНЫЙ СУДЪ НАДЪ ЗЛОУМЫШЛЕННИКАМИ.

Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго. Изъ Правительствующаго Сената объявляется во всенародное извѣстіе.

Правительствующій Сенатъ на общемъ собраніи Санктпетербургскихъ департаментовъ, выслушавъ переданный въ оный изъ верховнаго уголовнаго суда въ спискѣ протоколъ, состоявшійся въ 11-й день сего іюля, при коемъ приложены въ копіяхъ: во 1-хъ, всеподданнѣйшій Его Императорскому Величеству докладъ онаго суда, съ росписью государственнымъ преступникамъ, осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ; во 2-хъ именной Высочайшій указъ, данный верховному уголовному суду въ 10-й день сего же іюля, о помилованіи, Его Императорскимъ Величествомъ даруемыхъ осужденнымъ преступникамъ,—приказали: о совершеніи казней и наказаній надъ государственными преступниками, Высочайшимъ указомъ и приговоромъ верховнаго уголовнаго суда опредѣленныхъ, предписать г. санктпетербургскому военному генералъ-губернатору. Докладъ же верховнаго суда съ росписью осужденнымъ преступникамъ, и Высочайшій указъ, равно выписку изъ упомянутаго протокола верховнаго уголовнаго суда, съ изъясненіемъ учиненнаго въ оном, по высочайше предоставленной ему власти, окончательнаго постановленія о пяти преступникахъ, поставленныхъ внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими по тяжести ихъ злодѣяній, издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

Подлинный за подписаніемъ Правительствующаго Сената.

Въ Санктпетербургѣ іюля 13 дня 1826-го года.

Всепресвѣтлѣйшему, Державнѣйшему, Великому Государю Императору и Самодержцу Всероссійскому, Верховнаго Уголовнаго Суда всеподданнѣйшій докладъ.

Верховный уголовный судъ, манифестомъ 1-го іюня сего года для суждепія государственныхъ преступниковъ составленный, всеподданнѣйше представляетъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества существо приговора, о нихъ состоявшагося, изобразивъ предварительно тотъ порядокъ, коимъ дѣло сіе въ немъ было производимо.

Обрядъ производства уголовныхъ дѣлъ установленъ общими зако-

---

[1]) Всеподданнѣйшій докладъ Верховнаго Суда помѣщенъ также въ П. С. З. (1825—27 г.), т. 1, статья 465.

нами; но въ дѣлѣ высшихъ государственныхъ преступленій, общій уголовный обрядъ не могъ быть достаточенъ. Посему Ваше Императорское Величество, при самомъ составленіи сего суда, соизволили преподать ему дополнительныя правила, на общемъ порядкѣ судопроизводства основанныя, и для успѣшнаго движенія сего дѣла необходимыя.

Верховный уголовный судъ въ 3-й день іюня мѣсяца открылъ свои засѣданія чтеніемъ Высочайшаго манифеста, потомъ донесенія слѣдственной комиссіи и подробныхъ о каждомъ подсудимомъ свѣдѣній, составленныхъ въ той же комиссіи изъ подлиннаго о нихъ производства.—Все, что по прежнимъ свѣдѣніямъ отдѣльно было извѣстно о существѣ сихъ преступленій, при чтеніи актовъ представилось суду въ ужасной всѣхъ обстоятельствъ совокупности. Чѣмъ болѣе онъ входилъ въ подробности, тѣмъ, казалось, расширялась предъ ними бездна злобы и нравственнаго ожесточенія.

Всѣ прежнія чувства ужаса и омерзѣнія возбудились здѣсь съ новою силою.

Но судъ не могъ, не долженъ былъ колебаться сими чувствами; онъ измѣрялъ преступленія, но видѣлъ предъ собою еще токмо подсудимыхъ.—Сколь ни достовѣрны были акты слѣдственной комиссіи, но общій порядокъ правосудія, и правила, Вашимъ Императорскимъ Величествомъ предначертанныя, требовали личнаго въ допросахъ удостовѣренія. Къ сему два пути предлежали: призывъ подсудимыхъ предъ судъ или нарядъ къ нимъ комиссіи, судомъ избранной, изъ среды его составленной. Ваше Императорское Величество тотъ и другой способъ соизволили представить его усмотрѣнію. Онъ избралъ послѣдній, какъ равно достовѣрный, но по числу подсудимыхъ болѣе удобный.

Ревизіонная комиссія исполнила порученное ей дѣло съ точностію. Всѣ подсудимые безъ исключенія подтвердили предъ нею собственноручнымъ подписаніемъ прежнія ихъ показанія. Имъ открыты были способы дополнять оныя всѣми обстоятельствами, кои могли они считать нужными къ ихъ оправданію; нѣкоторые, а именно пять подсудимыхъ, пользуясь симъ дозволеніемъ, и дѣйствительно представили пояснения. И хотя комиссія не нашла въ нихъ ничего важнаго и существеннаго, тѣмъ не менѣе представила оныя верховному суду на усмотрѣніе. По заключенію его, они пріобщены къ дѣлу и приняты къ совокупному съ онымъ соображенію. По окончаніи такимъ образомъ ревизіи слѣдствія, судъ приступилъ къ чтенію законовъ, на преступленія сего рода постановленныхъ, и къ выпискѣ, при семъ прилагаемой, во всей подробности ихъ изложенныхъ.

Изъ соображенія сихъ законовъ съ дѣломъ, сами собою проистекали два слѣдующіе вопроса:

1) Къ какому роду преступленій относятся преступленія, въ актахъ слѣдственной комиссіи обнаруженныя?—Судъ призналъ единогласно, что всѣ они принадлежатъ къ преступленіямъ государствен-

нымъ, подъ именемъ двухъ первыхъ пунктовъ въ законодательствѣ нашемъ извѣстнымъ.

2) Какое наказаніе по законамъ нашимъ положено за сіи преступленія?—Судъ призналъ и единогласно опредѣлилъ, что преступленія, въ актахъ означенныя и собственнымъ признаніемъ подсудимыхъ двукратно удостовѣренныя, подлежатъ всѣ безъ изъятія смертной казни.

Симъ однимъ общимъ приговоромъ оканчивалось дѣло во всей законной его точности. Строгость нашихъ законовъ не дозволяетъ въ семъ родѣ преступленій различать никакихъ постепенностей. Всѣ, и дѣйствовавшіе, и соглашавшіеся, и участвовавшіе, и даже токмо знавшіе, но не донесшіе объ умыслѣ посягательства на Священную Особу Государя Императора, или кого-либо изъ Императорской Фамиліи, также объ умыслѣ бунта и воинскаго мятежа, всѣ безъ изъятія подлежатъ смертной казни, и по точной силѣ законовъ всѣ однимъ общимъ приговоромъ считаются къ сей казни присужденными.

Сія спасительная строгость нашихъ законовъ единымъ Монаршимъ милосердіемъ можетъ быть смягчаема; но смягчаема частно, въ видѣ изъятій, въ извѣстномъ и опредѣленномъ случаѣ, а не въ видѣ общаго правила, которое всегда остается одно и то же во всей его силѣ и дѣйствіи.

Въ семъ самомъ уваженіи благоугодно было Вашему Императорскому Величеству и въ настоящемъ случаѣ Всемилостивѣйше повелѣть, чтобы верховный уголовный судъ опредѣлилъ: „въ какой постепенности увеличивается или уменьшается общая вина подсудимыхъ частными и особенными каждаго лица обстоятельствами; чтобы онъ установилъ разряды разныхъ степеней виновности; чтобъ каждому степени положилъ наказаніе, и чтобъ по симъ разрядамъ и степенямъ распредѣлилъ подсудимыхъ.“ (Дополнит. статьи, Отдѣленіе II, статьи 3, 12, 13 и 14).

Во исполненіе сего Высочайшаго повелѣнія, для пріуготовленія началъ, на коихъ должны быть основаны разряды, избрана была изъ среды суда особая комиссія.—Ясно, что основаній разрядовъ надлежало искать въ обстоятельствахъ дѣла. Къ сему два средства представлялись: донесеніе слѣдственной комиссіи и самыя дѣла, въ ней произведенныя. Въ донесеніи излагаются обстоятельства въ ихъ совокупности, въ дѣлахъ содержатся они во всей подробности; въ нихъ находятся самые отвѣты подсудимыхъ, самыя показанія, ими писанныя или подписанныя, и двукратно, сперва при слѣдствіи, а потомъ при ревизіи, ими утвержденныя. Комиссія признала справедливымъ соединить оба сіи средства, то-есть свести и повѣрить изложеніе слѣдствія съ самымъ его производствомъ, и для сего прочесть слѣдствія и пересмотрѣть раздѣльно всѣ дѣла отъ начала до конца ихъ. Сколько трудъ сей былъ многосложенъ, столько онъ былъ необходимъ. Совершеніемъ его комиссія, во-первыхъ, пріобрѣ-

ла возможность обозрѣть подробности дѣла во всемъ ихъ пространствѣ, и положить основанія разрядовъ не на одномъ токмо донесеніи, но на самыхъ подлинныхъ актахъ; во-вторыхъ, она удостовѣрилась не токмо въ точности изложенія и въ сходствѣ его съ дѣлами, но и въ точности самаго ихъ производства. Во всемъ составѣ 121-го дѣла открылось токмо шесть случаевъ, и случаевъ не весьма существенныхъ, кои могли требовать нѣкотораго поясненія, и кои посему признано нужнымъ чрезъ слѣдственную комиссію дополнить. Симъ не измѣнилось существо дѣлъ, но приведены обстоятельства ихъ въ большую ясность.

Въ семъ порядкѣ, обозрѣвъ все дѣло, комиссія приступила къ установленію разрядовъ. Для сего ей предлежало: опредѣлить главные роды преступленій; отличить въ каждомъ родѣ всѣ его виды, и поставить ихъ въ порядкѣ постепенности, изъ сложенія и сопряженія ихъ произвесть начала разрядовъ.

Роды преступленій.

Всѣ разнообразныя части сего обширнаго дѣла, въ совокупномъ ихъ обозрѣніи, представляютъ одинъ главный умыселъ: умыселъ на потрясеніе имперіи, на испроверженіе коренныхъ отечественныхъ законовъ, на превращеніе всего государственнаго порядка.

Три средства, три главные рода злодѣяній, предполагаемы были къ совершенію сего умысла: 1) цареубійство, 2) бунтъ, 3) мятежъ воинскій.

Виды преступленій.

Каждый изъ сихъ главныхъ родовъ влечетъ за собою свой длинный рядъ преступленій. Всѣ они принадлежатъ вообще къ тремъ: 1) къ знанію умысла; 2) къ согласію въ немъ; 3) къ вызову на совершеніе его; но каждый изъ сихъ видовъ заключаетъ въ себѣ еще разныя постепенности, коихъ подробное изложеніе состоитъ въ слѣдующемъ:

По первому пункту.

1) Умыселъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію ихъ. Сюда также принадлежитъ и дѣйствительное покушеніе на жизнь кого-либо изъ членовъ Императорской Фамиліи.

2) Умыселъ на истребленіе Императорской Фамиліи, или кого-либо изъ членовъ ея, возбужденіемъ къ тому другихъ, или одобреніемъ лица, къ тому предназначеннаго.

3) Умыселъ на лишеніе свободы Священной Особы Государя, или кого-либо изъ членовъ Императорской Фамиліи; умыселъ на удаленіе Императорской Фамиліи, собственнымъ вызовомъ, или нарядомъ и назначеніемъ другихъ къ совершенію онаго.

4) Участіе въ вышеозначенныхъ умыслахъ согласіемъ, хотя безъ собственнаго вызова и приглашенія къ тому другихъ.

5) Участіе въ умыслѣ согласіемъ на послѣдній его видъ, т.-е. на удаленіе Императорской Фамиліи, или лишеніе свободы, хотя съ противорѣчіемъ на два первые.

6) Злодерзостныя слова, относящіяся къ цареубійству, произнесенныя не на совѣщаніяхъ тайныхъ обществъ, но въ частномъ разговорѣ и означающія не умыселъ обдуманный, но мгновенную мысль и порывы.

7) Участіе въ умыслѣ, въ томъ или другомъ его видѣ, согласіемъ, или даже и вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся, и съ отступленіемъ отъ онаго.

8) Участіе въ умыслѣ согласіемъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся съ отступленіемъ и съ противорѣчіемъ всѣмъ прежнимъ жестокимъ мѣрамъ.

9) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, достовѣрное, но равнодушное, т.-е. безъ согласія и безъ противорѣчія.

10) Знаніе умысла, въ томъ или другомъ его видѣ, безъ согласія и даже съ противорѣчіемъ на первые его виды.

По второму пункту.

1) Учрежденіе и управленіе тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію бунтъ: пріуготовленіемъ способовъ къ бунту или назначеніемъ къ тому срочнаго времени; или составленіемъ плановъ, уставовъ конституцій, прокламацій, формъ присяги; или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

2) Дѣятельное участіе въ семъ умыслѣ, когда уже онъ былъ основанъ другими; участіе, или распространеніемъ возмутительныхъ сочиненій, или возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; сюда же принадлежатъ и личныя внѣшнія сношенія, съ цѣлію отторженія нѣкоторыхъ областей отъ имперіи.

3) Участіе въ семъ умыслѣ распространеніемъ общества, или посредствомъ привлеченія товарищей, или принятіемъ порученій. Сюда же принадлежитъ и употребленіе разныхъ подлоговъ, какъ то печати и бумагъ.

4) Участіе въ умыслѣ, но безъ согласія на мѣры жестокія, или даже съ противорѣчіемъ онымъ.

5) Участіе въ учрежденіи тайныхъ обществъ, впослѣдствіи не токмо измѣнившееся, но и сопровождаемое совершеннымъ отступленіемъ отъ оныхъ.

6) Полное знаніе сего умысла, хотя безъ всякаго дѣйствія.

7) Неполное знаніе сего умысла, особенно же жестокихъ его мѣръ, съ принятіемъ или безъ принятія членовъ.

По мятежу.

1) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови и съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли; также согласіе именоваться главою мятежа, хотя безъ пролитія крови и безъ личнаго дѣйствія.

2) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ пролитіемъ крови, хотя безъ полнаго знанія сокровенной его цѣли.

3) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, съ полнымъ знаніемъ сокровенной его цѣли.

4) Личное дѣйствіе съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, хотя безъ полнаго знанія сокровенной цѣли; также пріуготовленіе товарищей планами и совѣтами, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

5) Дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ и возбужденіе безъ дѣйствія, съ полнымъ знаніемъ сокровенной цѣли.

6) Личное дѣйствіе безъ возбужденія нижнихъ чиновъ, или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, безъ полнаго знанія сокровенной цѣли.

7) Знаніе о пріуготовленіяхъ къ мятежу, безъ личнаго дѣйствія, но съ свѣдѣніемъ о сокровенной цѣли.

8) Согласіе къ мятежу, безъ полнаго свѣдѣнія сокровенной цѣли.

9) Знаніе о предстоящемъ мятежѣ, безъ дѣйствія и безъ полнаго свѣдѣнія о сокровенной его цѣли.

10) Личное дѣйствіе въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, или возбужденіе безъ личнаго дѣйствія, хотя по увлеченію и безъ знанія сокровенной цѣли онаго.

Въ семъ состоятъ разные виды, кои комиссія нашла и различила въ преступленіяхъ.

Основанія разрядовъ. Ясно, что къ основанію разрядовъ нѣтъ другого средства, какъ соединеніе сихъ видовъ въ каждомъ родѣ преступленій, соразмѣрно ихъ тяжести. Тотъ, кто виновенъ во всѣхъ трехъ родахъ преступленій, соединяя въ себѣ первые виды въ каждомъ, безъ сомнѣнія долженъ занимать первое мѣсто. За нимъ слѣдуютъ тѣ, кои найдены виновными въ двухъ токмо родахъ, соединяя въ себѣ первые ихъ виды, но коихъ вина въ третьемъ родѣ или ниже первыхъ, или совсѣмъ не существуетъ.

На семъ общемъ правилѣ комиссія основала разряды, но въ приложеніи онаго къ случаямъ, столь разнообразнымъ, необходимо надлежало допустить нѣкоторыя ограниченія. Вина весьма тяжкая въ одномъ родѣ преступленія часто сопрягается въ одномъ лицѣ съ другими винами, менѣе тяжкими въ другихъ родахъ; а какъ законъ въ сопряженіи винъ опредѣляетъ наказаніе по той изъ нихъ, которая считается тягчайшею, то и надлежало сію тягчайшую вину по-

ставить въ свойственномъ ей разрядѣ, хотя бы лицо, по другимъ его винамъ, принадлежало къ разрядамъ низшимъ.

Въ разнообразіи преступленій комиссія искала болѣе всего, чтобъ не упустить безъ вниманія никакой значительной разности, но каждому виду дать свое мѣсто и поставить его въ соразмѣрности съ другими. Такимъ образомъ произошли одиннадцать разрядовъ преступленій.

Дабы удостовѣриться въ ихъ точности, комиссія признала нужнымъ сдѣлать примѣрный опытъ самаго распредѣленія въ нихъ лицъ— опытъ, но не самое распредѣленіе; ибо сіе послѣднее принадлежало верховному суду, и комиссія не могла предварять его.

Для сего надлежало ей пройти снова всю, такъ сказать, исторію каждаго подсудимаго; обозрѣть всѣ обвиненія, извлечь изъ оныхъ вины, кои уликами и собственнымъ признаніемъ утверждены съ очевидностію, и сіи вины отмѣтить противъ каждаго. Симъ образомъ составленъ общій списокъ подсудимыхъ, съ краткимъ, но точнымъ означеніемъ ихъ преступленій. По симъ преступленіямъ опредѣлялось мѣсто подсудимаго и разрядъ, къ коему онъ принадлежалъ. Симъ многотруднымъ приложеніемъ комиссія удостовѣрилась, что самое большое число подсудимыхъ, съ точностію и сходствомъ во всѣхъ существенныхъ обстоятельствахъ, можетъ размѣститься въ разрядахъ, ею предположенныхъ, съ слѣдующими токмо ограниченіями:

1) При подробномъ разсмотрѣніи дѣлъ найдено, что вины нѣкоторыхъ подсудимыхъ усиливаются, а другихъ уменьшаются особенными ихъ обстоятельствами.

Вины у с и л и в а ю т с я: тяжкими послѣдствіями зловреднаго примѣра, разрушеніемъ воинскаго порядка, кровавыми дѣйствіями нѣкоего буйственнаго разсвирѣпѣнія.

Напротивъ, вины о с л а б л я ю т с я: 1) признаками раскаянія, какъ то: совершеннымъ удаленіемъ отъ участія въ тайномъ обществѣ, измѣненіемъ его видовъ и отступленіемъ отъ жестокихъ его предположеній; 2) особыми поступками нѣкоторыхъ подсудимыхъ, также къ смягченію относящимися; 3) скорымъ и чистосердечнымъ признаніемъ при слѣдствіи; 4) наконецъ, юностію лѣтъ при увлеченіи въ злонамѣренное сообщество. Комиссія не могла не принять въ уваженіе сихъ особенныхъ обстоятельствъ, и потому, поставивъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ подсудимыхъ, по мѣрѣ ихъ вины, въ своихъ мѣстахъ, признала однако же справедливымъ, составивъ имъ отдѣльный списокъ, присовокупить обстоятельства сіи къ общему соображенію верховнаго уголовнаго суда.

2) Вины подсудимыхъ утверждены собственнымъ ихъ признаніемъ. Во всемъ обширномъ производствѣ сего дѣла найдены четыре токмо лица, вины коихъ утверждаются на обстоятельствахъ, а не на сознаніи. Составя о сихъ лицахъ особенное изложеніе, комиссія представила оное на дальнѣйшее верховнаго суда усмотрѣніе.

3) Сколь ни тяжки вины, въ первомъ разрядѣ означенныя; но

есть въ числѣ подсудимыхъ лица, кои по особенному свойству ихъ преступленій не могутъ идти въ сравненіе даже и съ тѣми, кои принадлежатъ къ сему разряду.—Превосходя другихъ во всѣхъ злыхъ умыслахъ силою примѣра, неукротимостію злобы, свирѣпымъ упорствомъ и, наконецъ, хладнокровною готовностью къ кровопролитію, они стоятъ внѣ всякаго сравненія. Комиссія признала справедливымъ, отдѣливъ ихъ, составить имъ, съ изложеніемъ ихъ злодѣяній особенный списокъ.

Въ семъ заключались представленія комиссіи.

Верховный уголовный судъ, разсмотрѣвъ оныя во всей подробности, большинствомъ голосовъ призналъ, что число разрядовъ, комиссіею предположенныхъ, за исключеніемъ тѣхъ злодѣяній, кои по чрезмѣрной ихъ тяжести поставлены внѣ оныхъ, стоитъ въ надлежащей соразмѣрности съ разнообразіемъ и многосложностію видовъ преступленій.

За симъ судъ, въ исполненіе Высочайше предначертанныхъ ему правилъ, приступилъ къ опредѣленію каждому разряду наказаній. При семъ опредѣленіи верховный уголовный судъ не могъ отступить отъ общаго правила, въ самомъ началѣ единогласно имъ постановленнаго, а именно, что всѣ подсудимые, безъ изъятія, по точной силѣ нашихъ законовъ, подлежатъ смертной казни. И потому, если установленіемъ разрядовъ въ наказаніяхъ благоугодно будетъ Вашему Императорскому Величеству даровать нѣкоторымъ изъ нихъ жизнь, то сіе будетъ не дѣйствіемъ закона, а тѣмъ менѣе дѣйствіемъ суда, но дѣйствіемъ единаго Монаршаго милосердія; будетъ особеннымъ изъятіемъ, на сей токмо случай, по Высочайшему Вашему предназначенію, допускаемымъ. И хотя милосердію, отъ Самодержавной власти исходящему, законъ не можетъ положить никакихъ предѣловъ, но верховный уголовный судъ пріемлетъ дерзновеніе представить, что есть степени преступленія столь высокія, и съ общею безопасностью государства столь смежныя, что самому милосердію они, кажется, должны быть недоступны. По симъ уваженіямъ судъ большинствомъ голосовъ опредѣлилъ представить на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества слѣдующія положенія о казняхъ и наказаніяхъ:

Первое. Всѣмъ преступникамъ, кои, по особому свойству и важности ихъ злодѣяній, не могутъ войти въ составъ разрядовъ, положить смертную казнь четвертованіемъ.

Второе. Всѣмъ преступникамъ, къ первому разряду принадлежащимъ, положить смертную казнь отсѣченіемъ головы.

Третіе. Всѣмъ преступникамъ, ко второму разряду принадлежащимъ, опредѣлить такъ называемую въ законахъ нашихъ политическую смерть, то-есть положить голову на плаху и потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу.

Четвертое. Преступникамъ, къ третьему разряду принадле-

жащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу вѣчно.

Пятое. Преступникамъ, къ четвертому, пятому, шестому и седьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, ссылку въ каторжную работу на опредѣленную работу на опредѣленное время, и потомъ вѣчно на поселеніе.

Шестое. Преступникамъ, къ осьмому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку на поселеніе.

Седьмое. Преступникамъ, къ девятому разряду принадлежащимъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, вѣчную ссылку въ Сибирь.

Осьмое. Преступниковъ, къ десятому разряду принадлежащихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, записать въ солдаты до выслуги.

Девятое. Преступниковъ, къ одиннадцатому разряду принадлежащихъ, лиша чиновъ, написать въ солдаты до выслуги.

Сдѣлавъ сіи положенія о казняхъ и наказаніяхъ, судъ поступилъ къ распредѣленію самыхъ преступниковъ по разрядамъ, и о каждомъ изъ нихъ постановилъ приговоръ. Существо всѣхъ этихъ преступленій и казни, имъ опредѣленныя, содержатся въ особенной росписи, изъ общаго протокола составленной и присемъ на усмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества подносимой.

Изъ сей росписи Ваше Императорское Величество усмотрѣть изволите:

1) Что изъ 121-го человѣка подсудимыхъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаются: пять человѣкъ, внѣ разрядовъ состоящихъ, къ смертной казни четвертованіемъ; тридцать одинъ человѣкъ, въ первомъ разрядѣ состоящихъ, къ смертной казни отсѣченіемъ головы; семнадцать человѣкъ, во второмъ разрядѣ состоящихъ, къ политической смерти со ссылкою вѣчно въ каторжную работу; два человѣка, въ третьемъ разрядѣ состоящіе, къ ссылкѣ въ каторжную работу вѣчно; тридцать восемь человѣкъ, въ четвертомъ, пятомъ, шестомъ и седьмомъ разрядѣ состоящихъ, въ каторжную работу на опредѣленное время, и потомъ на поселеніе; пятнадцать человѣкъ, въ восьмомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ и дворянства, на поселеніе вѣчно; три человѣка, въ девятомъ разрядѣ состоящіе, по лишеніи чиновъ и дворянства, къ ссылкѣ въ Сибирь вѣчно; одинъ человѣкъ, въ десятомъ разрядѣ состоящій, по лишеніи чиновъ и дворянства, въ солдаты до выслуги; восемь человѣкъ, въ одиннадцатомъ разрядѣ состоящихъ, по лишеніи чиновъ, въ солдаты съ выслугою.

2) При семъ распредѣленіи, изъ тѣхъ четырехъ подсудимыхъ, ко-

ихъ вины утверждаются обстоятельствами безъ собственнаго ихъ сознанія, трое, а именно: Тургеневъ, князь Шаховской и Цебриковъ, по особому разсмотрѣнію ихъ преступленій отнесены верховнымъ уголовнымъ судомъ къ свойственнымъ имъ разрядамъ, и вмѣщены: первый изъ нихъ въ первый разрядъ, второй въ осьмой, третій въ одиннадцатый; о Горскомъ же, какъ не вошедшемъ ни въ какой разрядъ, представляется при семъ выписка изъ особаго протокола, о немъ состоявшагося.

Въ заключеніи верховный уголовный судъ вмѣняетъ себѣ долгомъ донести, что опредѣленія и приговоры его состоялись или по большинству голосовъ всего собранія, или же по большему числу голосовъ одинакаго мнѣнія.

Члены Святѣйшаго Синода, въ верховномъ судѣ присутствовавшіе, при заключеніи общаго протокола, сообразно правиламъ ихъ и прежнимъ примѣрамъ, изъявили мнѣнія ихъ слѣдующими словами: „Слушавъ въ верховномъ уголовномъ судѣ слѣдствіе о государственныхъ преступникахъ Пестелѣ, Рылѣевѣ и другихъ ихъ сообщникахъ, умышлявшихъ на цареубійство и введеніе въ Россіи республиканскаго правленія, и видя собственное ихъ во всемъ признаніе и совершенное обличеніе, согласуемся, что сіи государственные преступники достойны жесточайшей казни, а слѣдовательно, какая будетъ сентенція—отъ оной не отрицаемся; но поелику мы духовнаго чина, то къ подписанію сентенціи приступить не можемъ.“

Всемилостивѣйшій Государь! Съ того самаго дня, какъ горестныя происшествія обнаружили сіе дѣло, когда вспыхнувшій мятежъ укрощенъ былъ единымъ личнымъ присутствіемъ Вашимъ, всѣ вѣрные подданные Ваши въ благоговѣйномъ чувствѣ признали единодушно, что судьба Россіи, твердой Вашей десницѣ Провидѣніемъ ввѣренная, пребудетъ непоколебима. Впослѣдствіи, когда, признавъ дѣло сіе дѣломъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, дѣломъ всей Россіи, Ваше Императорское Величество соизволили, по образу высокихъ Вашихъ предковъ, призвать къ сужденію онаго высшія государственныя сословія, съ присоединеніемъ къ нимъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, симъ самымъ снова утвердили ту истину, что если мрачный духъ крамолы, внѣшними примѣрами подстрекаемый, можетъ вторгнуться въ РоссІю, то, заключенный въ тѣсныхъ предѣлахъ отчаяннаго разврата или буйнаго своевольства мыслей, никогда не проникнетъ онъ въ нѣдра ея, для него неприступное, и что въ отечествѣ нашемъ любовь къ Государю и преданность къ Престолу, опираются на коренныхъ законахъ нашихъ, на самыхъ нравахъ и свойствахъ природныхъ.

Верховный уголовный судъ, чувствуя всю важность его призыванія, желалъ въ полной мѣрѣ оправдать изъявленное ему Вашимъ Императорскимъ Величествомъ довѣріе, и, проходя съ неутомимымъ вниманіемъ весь многосложный составъ сего обширнаго дѣла, искалъ, по

слову Вашему, единаго—„справедливости, справедливости нелицепріятной, ничѣмъ непоколебимой, на законѣ и силѣ доказательствъ утвержденной.“

Роспись

государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осужденнымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ.

1. Государственные преступники, осуждаемые къ смертной казни четвертованіемъ.

1) Полковникъ Пестель. Имѣлъ умыселъ на цареубійство, изыскивалъ къ тому средства, избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; умышлялъ на истребленіе Императорской Фамиліи, и съ хладнокровіемъ исчислялъ всѣхъ ея членовъ, на жертву обреченныхъ, и возбуждалъ къ тому другихъ; учреждалъ и съ неограниченною властію управлялъ Южнымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ и введеніе республиканскаго правленія; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту; участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ Имперіи и принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ.

2) Подпоручикъ Рылѣевъ. Умышлялъ на цареубійство; назначалъ къ совершенію онаго лица, умышлялъ на лишеніе свободы, на изгнаніе и на истребленіе Императорской Фамиліи, и пріуготовлялъ къ тому средства; усилилъ дѣятельность Сѣвернаго общества, управлялъ онымъ, пріуготовлялъ способы къ бунту, составлялъ планы, заставлялъ сочинить манифестъ о разрушеніи Правительства; самъ сочинялъ и распространялъ возмутительныя пѣсни и стихи, и принималъ членовъ; пріуготовлялъ главныя средства къ мятежу и начальствовалъ въ оныхъ; возбуждалъ къ мятежу нижнихъ чиновъ чрезъ ихъ начальниковъ посредствомъ разныхъ обольщеній и во время мятежа самъ приходилъ на площадь.

3) Подполковникъ Сергѣй Муравьевъ-Апостолъ. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ средства, избиралъ и назначалъ къ тому другихъ; соглашаясь на изгнаніе Императорской Фамиліи, требовалъ въ особенности убіенія Цесаревича, и возбуждалъ къ тому другихъ; имѣлъ умыселъ и на лишеніе свободы Государя Императора; участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ во всемъ пространствѣ возмутительныхъ его замысловъ; составлялъ прокламаціи, и возбуждалъ другихъ къ достиженію цѣли сего общества, къ бунту, участвовалъ въ умыслѣ отторженія областей отъ Имперіи; принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію про-

литія крови; возбуждалъ солдатъ; освобождалъ колодниковъ; подкупилъ даже священника къ чтенію предъ рядами бунтующихъ лжекатехизиса, имъ составленнаго, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4) Подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Имѣлъ умыселъ на цареубійство; изыскивалъ къ тому средства; самъ вызывался на убійство блаженныя памяти Государя Императора и нынѣ царствующаго Государя Императора; избиралъ и назначалъ лица къ совершенію онаго; имѣлъ умыселъ на истребленіе Императорской Фамиліи, изъявлялъ оный въ самыхъ жестокихъ выраженіяхъ разсѣянія праха, имѣлъ умыселъ на изгнаніе Императорской Фамиліи и лишеніе свободы блаженныя памяти Государя Императора, и самъ вызывался на совершеніе сего послѣдняго злодѣянія; участвовалъ въ управленіи Южнаго общества; присоединилъ къ оному Славянское; составлялъ прокламаціи и произносилъ возмутительныя рѣчи; участвовалъ въ сочиненіи лже-катехизиса; возбуждалъ и пріуготовлялъ къ бунту, требуя даже клятвенныхъ обѣщаній цѣлованіемъ образа; составлялъ умыселъ на отторженіе областей отъ Имперіи, и дѣйствовалъ въ исполненіи онаго, принималъ дѣятельнѣйшія мѣры къ распространенію общества привлеченіемъ другихъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ готовностію пролитія крови; возбуждалъ офицеровъ и солдатъ къ бунту и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

5) Поручикъ Каховскій. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи, и бывъ предназначенъ посягнуть на жизнь нынѣ царствующаго Государя Императора, не отрекся отъ сего избранія, и даже изъявилъ на то согласіе, хотя увѣряетъ, что впослѣдствіи поколебался; участвовалъ въ распространеніи бунта привлеченіемъ многихъ членовъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возбуждалъ нижнихъ чиновъ, и самъ нанесъ смертельный ударъ графу Милорадовичу и полковнику Стюрлеру и ранилъ свитскаго офицера.

II. Государственные преступники перваго разряда, осуждаемые къ смертной казни отсѣченіемъ головы.

1) Полковникъ князь Трубецкой. Въ 1825 году умышлялъ на цареубійство и соглашался съ предложеніемъ другихъ, предлагалъ лишеніе свободы Императора и Императорской Фамиліи при занятіи дворца; управлялъ Сѣвернымъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ, и согласился именоваться главою и предводителемъ воинскаго мятежа, хотя въ немъ лично и не дѣйствовалъ.

2) Поручикъ князь Оболенскій. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; по разрушеніи Союза благоденствія установилъ вмѣстѣ съ другими тайное Сѣверное общество; управлялъ онымъ и принялъ на себя пріуготовлять главныя средства къ мятежу; лично дѣйствовалъ въ оныхъ оружіемъ съ пролитіемъ крови, ранивъ штыкомъ гра-

фа Милорадовича, возбуждалъ другихъ и принялъ на себя въ мятежѣ начальство.

3) Подполковникъ Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ. Имѣлъ умыселъ на цареубійство и готовился самъ къ совершенію онаго; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества, и зналъ умыслы Южнаго во всемъ ихъ пространствѣ; дѣйствовалъ въ мятежѣ, и взятъ съ оружіемъ въ рукахъ.

4) Подпоручикъ Борисовъ 2-й. Умышлялъ на цареубійство, вызывался самъ, далъ клятву на совершеніе онаго, и умышлялъ на лишеніе свободы Его Высочества Цесаревича; учредилъ и управлялъ тайнымъ обществомъ, имѣвшимъ цѣлію бунтъ; пріуготовлялъ способы къ оному; составилъ катехизисъ и клятвенное обѣщаніе; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

5) Подпоручикъ Борисовъ 1-й. Умышлялъ на цареубійство принятіемъ назначенія на совершеніе онаго; учреждалъ и управлялъ тайнымъ обществомъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, и содѣйствовалъ къ составленію устава; дѣйствовалъ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

6) Подпоручикъ Горбачевскій. Умышлялъ на цареубійство; обѣщался съ клятвою произвести сіе злодѣяніе и назначалъ другихъ, участвовалъ въ управленіи тайнымъ обществомъ; возбуждалъ и подговаривалъ къ бунту нижнихъ чиновъ; въ произведеніи бунта далъ клятву, стараться распространить общество принятіемъ членовъ, и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7) Маіоръ Спиридовъ. Умышлялъ на цареубійство; вызывался самъ, давъ клятву на образѣ, совершить оное, и назначалъ къ тому другихъ; участвовалъ въ управленіи славянскимъ обществомъ; старался о распространеніи его принятіемъ членовъ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

8) Штабсъ-ротмистръ князь Барятинскій. Умышлялъ на цареубійство съ назначеніемъ лица къ совершенію онаго; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій, и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

9) Коллежскій ассессоръ Кюхельбекеръ. Покушался на жизнь Его Высочества Великаго князя Михаила Павловича, во время мятежа на площади; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ пролитіемъ крови; самъ стрѣлялъ въ генерала Воинова, и разсѣянныхъ выстрѣлами мятежниковъ старался поставить въ строй.

10) Капитанъ Якубовичъ. Умышлялъ на цареубійство съ вызовомъ на лишеніе жизни покойнаго Государя, и, сверхъ того, предложилъ бросить жребій на убіеніе нынѣ царствующаго Императора; былъ на совѣщаніяхъ общества, и зналъ его тайны относительно бунта, хотя и не былъ принятъ въ оное, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; участвовалъ въ приготовленіи онаго; помогалъ совѣтами, пред-

лагалъ разбить питейные дома, позволить грабежъ и, взявъ хоругви изъ церкви, идти ко дворцу; во время самаго мятежа, присоединяясь къ мятежникамъ, ободрялъ и поощрялъ ихъ, и пришелъ съ ними на площадь.

11) Подполковникъ Поджіо. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ къ совершенію онаго, также изысканіемъ къ тому средствъ, избираніемъ и назначеніемъ лицъ; умышлялъ на истребленіе Императорской Фамиліи; участвовалъ въ возстановленіи дѣятельности Сѣвернаго общества, съ предложеніемъ составленныхъ имъ правилъ, совѣтовалъ и убѣждалъ князя Волконскаго возмутить ввѣренное ему войско.

12) Полковникъ Артамонъ Муравьевъ. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ троекратнымъ вызовомъ на совершеніе онаго; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ; привлекалъ въ тайное общество другихъ, и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.

13) Прапорщикъ Вадковскій. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи, возбуждая къ оному и другихъ, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ въ оное товарищей.

14) Прапорщикъ Бечасновъ. Соглашался въ умыслѣ на цареубійство принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и принялъ въ общество одного товарища.

15) Полковникъ Давыдовъ. Имѣлъ умыселъ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи, о чемъ и совѣщанія происходили въ его домѣ; участвовалъ въ управленіи тайнаго общества и старался распространять оное принятіемъ членовъ и порученій; участвовалъ согласіемъ въ предположеніяхъ объ отторженіи областей отъ Имперіи; пріуготовлялъ къ мятежу предложеніемъ одной артиллерійской ротѣ быть готовою къ дѣйствіямъ.

16) 4-го класса Юшневскій. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи, съ согласіемъ на всѣ жестокія мѣры Южнаго общества; управлялъ тѣмъ обществомъ вмѣстѣ съ Пестелемъ, съ неограниченною властію; участвовалъ въ сочиненіи конституціи и произнесеніи рѣчей; участвовалъ также въ умыслѣ на отторженіе областей отъ Имперіи.

17) Штабсъ-капитанъ Александръ Бестужевъ. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи; возбуждалъ къ тому другихъ; соглашался также и на лишеніе свободы Императорской Фамиліи; участвовалъ въ умыслѣ бунта привлеченіемъ товарищей и сочиненіемъ возмутительныхъ стиховъ и пѣсенъ; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ къ оному нижнихъ чиновъ.

18) Подпоручикъ Андреевичъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; первый умышлялъ на лишеніе свободы Его Императорскаго Высочества Цесаревича; участвовалъ въ умыслѣ

бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ, и пріуготовлялъ товарищей къ воинскому мятежу.

19) Капитанъ Никита Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство изъявленіемъ согласія въ двухъ особенныхъ случаяхъ въ 1817 и 1820 году; и хотя впослѣдствіи и измѣнилъ въ семъ отношеніи свой образъ мыслей, однакожъ предполагалъ изгнаніе Императорской Фамиліи; участвовалъ вмѣстѣ съ другими въ учрежденіи и управленіи тайнаго общества, и въ составленіи плановъ и конституціи.

20) Коллежскій ассессоръ Пущинъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство одобреніемъ выбора лица, къ тому предназначеннаго; участвовалъ въ управленіи общества, принималъ членовъ и давалъ порученія; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ и возбуждалъ нижнихъ чиновъ.

21) Генералъ-маіоръ князь Волконскій. Участвовалъ согласіемъ на цареубійство и истребленіе всей Императорской Фамиліи; имѣлъ умыселъ на заточеніе всей Императорской Фамиліи; участвовалъ въ управленіи Южнымъ обществомъ и старался о соединеніи его съ Сѣвернымъ; дѣйствовалъ въ умыслѣ на отторженіе областей отъ Имперіи, и употреблялъ поддѣльную печать полевого аудиторіата.

22) Капитанъ Якушкинъ. Умышлялъ на цареубійство собственнымъ вызовомъ въ 1817-мъ году, и участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество товарищей.

23) Подпоручикъ Пестовъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство, принятіемъ съ клятвою назначенія къ совершенію онаго; и соглашался въ умыслѣ бунта.

24) Лейтенантъ Арбузовъ. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи, участвовалъ въ умыслѣ бунта съ привлеченіемъ товарищей; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и товарищей.

25) Лейтенантъ Завалишинъ. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи, возбуждая къ тому словами и сочиненіями, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

26) Полковникъ Повало-Швейковскій. Участвовалъ въ умыслѣ на лишеніе свободы покойнаго Государя Императора въ Бобруйскѣ при Бѣлой Церкви, а нынѣ царствующаго Государя Императора въ Бобруйскѣ,—и зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ и въ распространеніи тайнаго общества, принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ одного товарища.

27) Поручикъ Пановъ 2-й. Принадлежалъ къ тайному обществу, и по учиненіи уже присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ; возмутилъ нѣсколько ротъ, вступилъ съ ними на дворъ Зимняго дворца и потомъ присоединился къ другимъ мятежникамъ на площади; команда его производила стрѣльбу.

28) Поручикъ Сутгофъ. Принадлежалъ къ тайному обществу; и по учиненіи присяги, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возмутилъ свою роту и присоединилъ ее на площади къ мятежникамъ; команда его производила стрѣльбу.

29) Штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ, коими предводительствовалъ на площади, съ пролитіемъ крови и съ нанесеніемъ тяжкихъ ранъ генераламъ Шеншину, Фридрихсу, полковнику Хвощинскому, одному унтеръ-офицеру и гренадеру.

30) Мичманъ Дивовъ. Умышлялъ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи, съ возбужденіемъ другихъ словами и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

31) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Тургеневъ. По показаніямъ 24-хъ соучастниковъ, онъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества; участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ; равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе: и, удалясь заграницу, онъ по призыву правительства къ оправданію не явился; чѣмъ и подтвердилъ сдѣланныя на него показанія.

III. Государственные преступники второго разряда, осужденные къ политической смерти, по силѣ указа 1753-го года апрѣля 29-го числа, т.-е. положить голову на плаху, а потомъ сослать вѣчно въ каторжную работу,

1) Капитанъ Тютчевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта возбужденіемъ и подговоромъ нижнихъ чиновъ и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

2) Поручикъ Громницкій. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества, принятіемъ его порученій и привлеченіемъ товарищей, и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

3) Прапорщикъ Кирѣевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ; также соглашался въ умыслѣ бунта и пріуготовлялъ товарищей къ военному мятежу.

4) Поручикъ Крюковъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи согласіемъ; участвовалъ въ умыслѣ произвести бунтъ, и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

5) Подполковникъ Лунинъ. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ и заведеніемъ литографій для изданія сочиненій общества.

6) Корнетъ Свистуновъ. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства и истребленія Императорской Фамиліи согласіемъ, а въ умыслѣ бунта принятіемъ въ общество товарищей.

7) Поручикъ Крюковъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи согласіемъ; а въ

умыслѣ бунта распространеніемъ тайнаго общества и привлеченіемъ товарищей.

8) Поручикъ Басаргинъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ, и въ распространеніи тайнаго общества принятіемъ одного члена.

9) Полковникъ Митьковъ. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли.

10) Поручикъ Анненковъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11) Штабъ-лекарь Вольфъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и истребленіе Императорской Фамиліи согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

12) Ротмистръ Ивашевъ. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Подпоручикъ Фроловъ 2-й. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли бунта.

14) Подполковникъ Норовъ. Участвовалъ согласіемъ въ умыслѣ на лишеніе въ Бобруйскѣ свободы блаженной памяти Императора и нынѣ царствующаго Государя, и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

15) Капитанъ-лейтенантъ Торсонъ. Зналъ умыселъ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена.

16) Капитанъ-лейтенантъ Николай Бестужевъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и самъ былъ на площади.

17) Штабсъ-капитанъ Михайло Бестужевъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго; лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ и привелъ на площадь роту.

IV. Государственные преступники третьяго разряда, осужденные къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу.

1) Подполковникъ баронъ Штейнгель. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и лишеніе свободы, съ согласіемъ на послѣднее; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и участвовалъ въ приготовленіи къ мятежу планами, совѣтами, сочиненіемъ манифеста и приказа войскамъ.

2) Подполковникъ Батенковъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, соглашался на умыселъ бунта и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу планами и совѣтами.

V. Государственные преступники четвертаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

1) Штабсъ-капитанъ Мухановъ. Произносилъ дерзостныя слова въ частномъ разговорѣ, означающія мгновенный порывъ на цареубійство, и принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли относительно бунта.

2) Генералъ-маіоръ Фонвизинъ. Умышлялъ на цареубійство согласіемъ, въ 1817 году изъявленнымъ, хотя впослѣдствіи времени измѣнившимся съ отступленіемъ отъ онаго; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

3) Штабсъ-капитанъ Поджіо. Участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство согласіемъ и даже вызовомъ, сперва изъявленнымъ, но потомъ измѣнившимся и съ отступленіемъ отъ онаго; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

4) Подполковникъ Фаленбергъ. По принятіи въ 1822 или 1823 году княземъ Барятинскимъ въ тайное общество, соглашался произвести цареубійство, и хотя впослѣдствіи и началъ отъ общества уклоняться, но сокровенную цѣль его зналъ.

5) 10-го класса Ивановъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ членовъ, и пріуготовлялъ товарищей къ мятежу.

6) Подпоручикъ Мозганъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ одного члена и возбуждалъ нижнихъ чиновъ не противиться мятежу, когда онъ откроется.

7) Штабсъ-капитанъ Корниловичъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство; участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученія съ извѣстіями отъ Южнаго общества къ Сѣверному, и въ приготовленіяхъ къ мятежу.

8) Маіоръ Лореръ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, участвовалъ въ умыслѣ тайнаго общества принятіемъ отъ него порученій и привлеченіемъ товарищей.

9) Полковникъ Аврамовъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта распространеніемъ общества и принятіемъ одного члена.

10) Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля и привлеченіемъ въ тайное общество одного члена.

11) Прапорщикъ Шимковъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного члена.

12) Корнетъ Александръ Муравьевъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ порученій и привлеченіемъ товарищей.

13) Мичманъ Бѣляевъ 1-й. Зналъ объ умыслѣ на цареубій-

ство, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

14) Мичманъ Бѣляевъ 2-й. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

15) Полковникъ Нарышкинъ 2-й. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество членовъ.

16) Корнетъ князь Одоевскій. Участвовалъ въ умыслѣ бунта, принятіемъ въ тайное общество одного члена, и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, съ пистолетомъ въ рукахъ.

VI. Государственные преступники пятаго разряда, осуждаемые къ временной ссылкѣ въ каторжную работу на 10 лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

1) Штабсъ-капитанъ Рѣпинъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ сокровенной цѣли и приготовлялъ товарищей къ мятежу.

2) Коллежскій секретарь Глѣбовъ. Зналъ о цѣли тайнаго общества, хотя не вполнѣ и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, дававши деньги солдатамъ для покупки вина.

3) Поручикъ баронъ Розенъ. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, остановивъ свой взводъ, посланный для усмиренія мятежниковъ.

4) Лейтенантъ Кюхелбекеръ. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

5) Мичманъ Бодиско 2-й. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ съ возбужденіемъ нижнихъ чиновъ.

VII. Государственные преступники шестого разряда, осужденные къ временной ссылкѣ въ каторжную рабошу на 6-ть л., а потомъ на поселеніе.

1) Полковникъ Александръ Муравьевъ. Участвовалъ въ умыслѣ цареубійства согласіемъ, въ 1817-мъ году изъявленнымъ, равно какъ участвовалъ и въ учрежденіи тайнаго общества, хотя потомъ отъ онаго удалился, но о цѣли его правительству не донесъ.

2) Дворянинъ Люблинскій. Зналъ умыселъ на цареубійство и участвовалъ въ учрежденіи съ Борисовымъ Славянскаго тайнаго общества, съ составленіемъ и переводомъ плановъ, хотя послѣ изъ онаго и выбылъ.

VIII. Государственные преступники седьмого разрядя, осуждаемые къ временной ссылкѣ на каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе.

1) Подпоручикъ Лихаревъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

2) Полковникъ Ентальцевъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли, и зналъ о пріуготовленіяхъ къ мятежу.

2) Поручикъ Лисовскій. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство; принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу.

4) Полковникъ Тизенгаузенъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и на лишеніе свободы всей Императорской Фамиліи, и участвовалъ въ умыслѣ бунта.

5) Подпоручикъ Кривцовъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство, принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

6) Прапорщикъ Толстой. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

7) Ротмистръ графъ Чернышевъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

8) Поручикъ Аврамовъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

9) Поручикъ Загорѣцкій. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

10) Полковникъ Поливановъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

11) Поручикъ баронъ Черкасовъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

12) Поручикъ графъ Булгари. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Канцелярист Выгодовскій. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

14) Подполковникъ Берстель. Зналъ объ умыслѣ на лишеніе свободы Императорской Фамиліи и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

15) Полковникъ Фонъ-деръ-Бригенъ. Зналъ объ умыслѣ на цареубійство и принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

IX. Государственные преступники восьмого разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ на поселеніе,

1) Подпоручикъ Андреевъ 2-й. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и возбуждалъ къ мятежу.

2) Подпоручикъ Веденяпинъ 2-й. Соглашался на умыселъ бунта и зналъ о пріуготовленіи къ военному мятежу.

3) Дѣйствительный статскій совѣтникъ Краснокутскій. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли въ ограниченіи самодержавной власти посредствомъ сената и зналъ о пріуготовленіи къ мятежу 14-го декабря 1825 года.

4) Лейтенантъ Чижовъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго и соглашался на мятежъ.

5) Камеръ-юнкеръ князь Голицынъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли онаго.

6) Штабсъ-капитанъ Назимовъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ въ тайное общество одного товарища.

7) Поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й. Участвовалъ въ умыслѣ бунта принятіемъ на сохраненіе бумагъ Пестеля.

8) Подпоручикъ Заикинъ. Участвовалъ въ умыслѣ бунта съ принятіемъ порученій отъ общества и привлеченіемъ одного товарища.

9) Капитанъ Фурманъ. Соглашался въ умыслѣ бунта.

10) Маіоръ князь Шаховской. По уликѣ 4-хъ сообщниковъ, участвовалъ въ умыслѣ на цареубійство и по собственному признанію принадлежалъ къ тайному обществу.

11) Штабсъ-капитанъ Фохтъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

12) Подпоручикъ Мозгалевскій. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

13) Поручикъ Шахиревъ. Принадлежалъ къ тайному обществу съ знаніемъ цѣли.

14) Полковникъ Враницкій. Принадлежалъ къ тайному обществу и зналъ цѣль его, т.-е. измѣненіе государственнаго порядка.

15) Лейтенантъ Бодиско 1-й. Лично дѣйствовалъ въ мятежѣ, бытностію на площади.

X. Государственные преступники девятаго разряда, осуждаемые къ лишенію чиновъ, дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь.

1) Подпоручикъ графъ Коновницынъ 1-й. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной онаго цѣли, относительно бунта, и соглашался на мятежъ.

2) Штабсъ-ротмистръ Оржицкій. Хотя не вполнѣ, но зналъ сокровенную цѣль тайнаго общества относительно бунта, равно какъ зналъ о предстоящемъ мятежѣ.

3) Подпоручикъ Кожевниковъ. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли и возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

XI. Государственный преступникъ десятаго разряда, осуждаемый къ лишенію чиновъ и дворянства и написанію въ солдаты до выслуги.

1) Капитанъ Пущинъ. Зналъ о пріуготовленіи къ мятежу и не донесъ.

XII. Государственные преступники одинадцатаго разряда, осуждаемые къ лишенію токмо чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою.

1) Мичманъ Петръ Бестужевъ. Принадлежалъ къ тайному обществу и лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

2) Прапорщикъ Веденяпинъ 2-й. Соглашался на умыселъ бунта.

3) Лейтенантъ Вишневскій. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

4) Лейтенантъ Мусинъ-Пушкинъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

5) Лейтенантъ Акуловъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, лично дѣйствовалъ въ мятежѣ.

6) Подпоручикъ Фокъ. Бывъ увлеченъ обманомъ, возбуждалъ нижнихъ чиновъ къ мятежу.

7) Поручикъ Цебриковъ. По показанію свидѣтелей, въ день мятежа 14-го декабря произносилъ возмутительныя слова морскому экипажу, когда онъ шелъ на Петровскую площадь; самъ подходилъ къ толпѣ мятежниковъ, и ввечеру далъ пристанище одному изъ первѣйшихъ бунтовщиковъ, князю Оболенскому.

8) Подпоручикъ Лаппа. Принадлежалъ къ тайному обществу, хотя безъ полнаго понятія о сокровенной цѣли онаго относительно бунта.

Подлинная роспись за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

Указъ

Верховному Уголовному Суду.

Разсмотрѣвъ докладъ о государственныхъ преступникахъ, отъ верховнаго уголовнаго суда Намъ поднесенный, Мы находимъ приговоръ, онымъ поставленный, существу дѣла и силѣ законовъ сообразнымъ.

Но силу законовъ и долгъ правосудія желая по возможности согласить съ чувствами милосердія, признали Мы за благо, опредѣленныя симъ преступникамъ казни и наказанія смягчить нижеслѣдующими въ нихъ ограниченіями.

I. Преступниковъ перваго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни осужденныхъ, а именно: полковника князя Трубецкого, поручика князя Оболенскаго, подпоручика Борисова 2-го, отставного поручика Борисова 1-го, подпоручика Горбачевскаго, маіора Спиридова, штабсъ-ротмистра князя Барятинскаго, капитана Якубовича, отставного подполковника Поджіо, полковника Артамона Муравьева, прапорщика Вадковскаго, прапорщика Вечаснова, отставного полковника Давыдова, 4-го класса Юшневскаго, подпоручика Андреевича 2-го, коллежскаго ассессора Пущина, подпоручика Пестова, лейтенанта Арбузова, лейтенанта Завалишина, полковника Повало-Швейковскаго, поручика Панова 2-го, поручика Сутгофа, штабсъ-капитана князя Щепина-Ростовскаго, мичмана Дивова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника Тургенева,—даровать имъ жизнь, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать вѣчно въ каторжную работу.

II. Нижеслѣдующихъ преступниковъ того же перваго разряда и къ той же смертной казни верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ, по лишеніи чиновъ и дворянства сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе; а именно: 1) отставного подполковника Матвѣя Муравьева-Апостола по уваженію совершеннаго и чистосердечнаго его раскаянія; 2) коллежскаго ассессора Кюхельбекера по уваженію ходатайства Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Павловича; 3) штабсъ-капитана Александра Бестужева, по уваженію того, что лично явился ко Мнѣ съ повинною головою; 4) капитана Никиту Муравьева, по уваженію совершенной откровенности и чистосердечнаго признанія; 5) генералъ-маіора князя Волконскаго по уваженію совершеннаго раскаянія; отставного капитана Якушкина, также по уваженію совершеннаго раскаянія.

III. Преступниковъ второго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ политической смерти съ положеніемъ головы на плаху и къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу, а именно: капитанъ-лейтенанта Николая Бестужева 1-го и штабсъ-капитана Михаила Бестужева, по лишеніи чиновъ и дворянства сослать вѣчно въ каторжную работу. Капитана Тютчева, поручика Громницкаго, прапорщика Кирѣева, поручика Крюкова 2-го, подполковника Лунина, корнета Свистунова, поручика Крюкова 1-го, поручика Басаргина, полковника Митькова, поручика Анненкова, штабъ-лекаря Вольфа, ротмистра Ивашёв(а, подпоручика Фролова 2-го и капитанъ-лейтенанта Торсона, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе; отставного полковника Норова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

IV. Преступниковъ третьяго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ въ каторжную работу вѣчно, а именно: отставного подполковника барона Штейнгеля и подполковника Батенкова, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, а потомъ на поселеніе.

V. Преступниковъ четвертаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на пятнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: штабсъ-капитана Муханова, отставныхъ генералъ-маіора Фонвизина и штабсъ-капитана Поджіо, подполковника Фаленберга, 10-го класса Иванова, подпоручика Мозгана, штабсъ-капитана Корниловича, маіора Лорера, полковника Аврамова, поручика Бобрищева-Пушкина 2-го, прапорщика Шимкова, корнета Александра Муравьева, мичмана Бѣляева 1-го, мичмана Бѣляева 2-го, полковника Нарышкина 2-го, и корнета князя Одоевскаго, по лишеніи чиновъ и дворян-

ства, сослать въ каторжную работу на двѣнадцать лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VI. Преступниковъ пятаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: штабсъ-капитана Рѣпина и лейтенанта Кюхельбекера, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на восемь лѣтъ и потомъ на поселеніе; мичмана Бодиско 2-го сослать въ крѣпостную работу; а коллежскаго секретаря Глѣбова и поручика барона Розена сослать въ каторжную работу по приговору на десять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VII. Преступниковъ шестого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на шесть лѣтъ и потомъ на поселеніе, а именно: отставного полковника Александра Муравьева, по уваженію совершеннаго и искренняго раскаянія, сослать на житье въ Сибирь, не лишая чиновъ и дворянства; дворянина Люблинскаго по лишеніи дворянства сослать въ каторжную работу на пять лѣтъ и потомъ на поселеніе.

VIII. Преступниковъ седьмого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на четыре года и потомъ на поселеніе, а именно: подпоручика Лихарева, подполковника Ентальцева, поручика Лисовскаго, подполковника Тизенгаузена, подпоручика Кривцова, прапорщика Толстого, ротмистра графа Чернышева, поручика Игана Аврамова, поручика Загорѣцкаго, полковника Поливанова, поручика барона Черкасова, канцеляриста Выгодовскаго и отставного полковника Фонъ-деръ-Бригена, по лишеніи чиновъ и дворянства сослать въ каторжную работу на два года и потомъ на поселеніе; а подполковника Берстеля и поручика графа Булгари, по уваженію молодости его лѣтъ, въ крѣпостную работу на два года.

IX. Съ преступниками восьмого разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденными къ лишенію чиновъ и дворянства къ ссылкѣ на поселеніе, а именно: съ подпоручикомъ Андреевымъ 2-мъ, подпоручикомъ Веденяпинымъ 1-мъ, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Краснокутскимъ, лейтенантомъ Чижовымъ, камеръ-юнкеромъ княземъ Голицынымъ, штабсъ-капитаномъ Назимовымъ, поручикомъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ 1-мъ, подпоручикомъ Заикинымъ, капитаномъ Фурманомъ, маіоромъ княземъ Шаховскимъ, штабсъ-капитаномъ Фохтомъ, подпоручикомъ Мозалевскимъ, поручикомъ Шахировымъ и полковникомъ Враницкимъ, поступить по приговору верховнаго уголовнаго суда; а лейтенанта Бодиско 1-го написать въ матросы.

X. Преступниковъ девятаго разряда, верховнымъ уголовнымъ судомъ осужденныхъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ

Сибирь, а именно: подпоручика графа Коновницына, отставного штабъ-ротмистра Оржицкаго и подпоручика Кожевникова, по лишеніи чиновъ и дворянства, написать въ солдаты въ дальніе гарнизоны.

XI. Съ преступникомъ десятаго разряда капитаномъ Пущинымъ 1-мъ, осужденнымъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ написанію въ солдаты до выслуги, поступить по приговору суда.

XII. Съ преступниками одиннадцатаго разряда, осужденными верховнымъ уголовнымъ судомъ къ лишенію чиновъ съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою, а именно: съ мичманомъ Петромъ Бестужевымъ, прапорщикомъ Веденяпинымъ 2-мъ, лейтенантомъ Вишневскимъ, лейтенантомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, лейтенантомъ Акуловымъ, подпоручикомъ Фокомъ и подпоручикомъ Лаппою, поступить по приговору суда, распредѣливъ ихъ въ дальнѣйшіе гарнизоны; но поручика Цебрикова, по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ солдаты безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства.

XIII. Наконецъ, участь преступниковъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ и внѣ сравненія съ другими, предаю рѣшенію верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ судѣ состоится.

Верховный уголовный судъ въ полномъ его присутствіи имѣетъ объявить осужденнымъ имъ преступникамъ какъ приговоръ, въ немъ состоявшійся, такъ и пощады, отъ Насъ имъ даруемыя, и потомъ обратить все къ надлежащему, куда слѣдуетъ, исполненію. Правительствующій Сенатъ съ своей стороны не оставитъ докладъ верховнаго суда и настоящія по оному постановленія издать совокупно во всеобщее извѣстіе.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано тако:

НИКОЛАЙ.

Царское Село 10-го іюля 1826 года.

Выписка изъ Протокола Верховнаго Уголовнаго Суда 11-го іюля 1826 года.

Верховный уголовный судъ, по выслушаніи Высочайшаго именного указа, въ 10 день іюля сему суду даннаго, положилъ: поелику XIII-ю статьею сего Высочайшаго указа Его Императорское Величество всемилостивѣйше соизволилъ участь преступниковъ, въ оном поименованныхъ, кои по тяжести ихъ злодѣяній поставлены внѣ разрядовъ, и внѣ сравненія съ другими, предать рѣшенію верховнаго уголовнаго суда и тому окончательному постановленію, какое о нихъ въ семъ

судѣ состоится, то, сообразуясь съ высокомонаршимъ смягченіемъ казней и наказаній, прочимъ преступникамъ опредѣленныхъ, верховный уголовный судъ, по Высочайше предоставленной ему власти, приговорили: вмѣсто мучительной смертной казни четвертованіемъ, Павлу Пестелю, Кондратію Рылѣеву, Сергѣю Муравьеву-Апостолу, Михайлѣ Р. Бестужеву-Рюмину и Петру Каховскому приговоромъ суда опредѣленной,—сихъ преступниковъ, за ихъ тяжкія злодѣянія, повѣсить.

Подлинный протоколъ за подписаніемъ предсѣдателя и членовъ верховнаго уголовнаго суда.

Русскій Инвалидъ.

(Іюля 20-го. № 173).

Его Императорское Величество въ присутствіи Своемъ въ Царскомъ селѣ Іюля 12-го дня 1826 года соизволилъ отдать слѣдующій Приказъ.

Исключаются изъ списковъ.

Приговоренные верховнымъ уголовнымъ судомъ къ смертной казни: пѣхотныхъ полковъ: Вятскаго полковникъ Пестель 2-й. Черниговскаго подполковникъ Муравьевъ-Апостолъ. Полтавскаго подпоручикъ Бестужевъ-Рюминъ. Приговоренные тѣмъ-же судомъ къ смертной казни, коихъ Высочайше повелѣно, лишивъ чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу: вѣчно: полковъ Лейбъ-гвардіи: Преображенскаго полковникъ князь Трубецкой 2-й. Финляндскаго поручикъ князь Оболенскій. 8-й артиллерійской бригады подпоручики Борисовъ и Горбачевскій. Пензенскаго пѣхотнаго полка маіоръ Спиридовъ. Лейбъ-гвардіи Гусарскаго полка штабсъ-ротмистръ князь Барятинскій. Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Якубовичъ. Ахтырскаго гусарскаго полка полковникъ Муравьевъ 3-й. Нѣжинскаго конно-егерскаго полка прапорщикъ Вадковскій. Артиллерійскихъ бригадъ: 8-й прапорщикъ Бечасновъ и подпоручикъ Андреевичъ 2-й. 9-й подпоручикъ Пестовъ. Саратовскаго пѣхотнаго полка полковникъ Повало-Швейковскій 1-й. Лейбъ-гвардіи полковъ: Гренадерскаго поручики Пановъ и Сутгофъ. Московскаго штабсъ-капитанъ князь Щепинъ-Ростовскій. На 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: драгунскаго штабсъ-капитанъ Бестужевъ. Гвардейскаго генеральнаго штаба капитанъ Муравьевъ. Генералъ-маіоръ князь Волконскій 4-й. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ политической смерти, а потомъ къ ссылкѣ вѣчно въ каторжную работу, коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать

въ каторжную работу: вѣчно: лейбъ-гвардіи Московскаго полка штабсъ-капитанъ Бестужевъ. На 20 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: Пензенскаго пѣхотнаго полка капитанъ Тютчевъ и поручикъ Громницкій. 8-й артиллерійской бригады прапорщикъ Киръевъ. Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части поручикъ Крюковъ. Полковъ лейбъ-гвардіи: Гродненскаго гусарскаго подполковникъ Лунинъ 3-й. Кавалергардскаго корнетъ Свистуновъ и поручикъ Крюковъ. Егерскаго поручикъ Басаргинъ. Финляндскаго полковникъ Митьковъ. Кавалергардскаго поручикъ Анненковъ и ротмистръ Ивановъ. Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Фроловъ 2-й. Приговоренные тѣмъ же судомъ въ каторжную работу на 15 лѣтъ, а потомъ на поселеніе, коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на 12 лѣтъ, а потомъ на поселеніе: лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка штабсъ-капитанъ Мухановъ. Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части подполковникъ Фаленбергъ. Пензенскаго пѣхотнаго полка подпоручикъ Мозганъ. Гвардейскаго генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Корниловъ. Пѣхотныхъ полковъ: Вятскаго маіоръ Лореръ. Казанскаго полковникъ Аврамовъ. Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 2-й. Саратовскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Шимковъ. Кавалергардскаго полка корнетъ Муравьевъ. Тарутинскаго пѣхотнаго полка полковникъ Нарышкинъ. Лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ князь Одоевскій. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 10 лѣтъ, а потомъ на поселеніе, коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу: На 10 лѣтъ: лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ баронъ Розенъ. На 8 лѣтъ, а потомъ обоихъ на поселеніе: онаго жъ полка штабсъ-капитанъ Рѣпинъ. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ ссылкѣ въ каторжную работу на 4 года, а потомъ на поселеніе, коихъ Высочайше повелѣно, по лишеніи чиновъ и дворянства, сослать въ каторжную работу на 2 года, а потомъ на поселеніе: свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части подпоручикъ Лихаревъ. Конно-артиллерійской № 27 роты подполковникъ Енгальцевъ. Пѣхотныхъ полковъ: Пензенскаго поручикъ Лисовскій. Полтавскаго полковникъ Тизенгаузенъ. Лейбъ-гвардіи конной артиллеріи подпоручикъ Кривцовъ. Московскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Толстой. Кавалергардскаго полка ротмистръ графъ Чернышевъ. Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части поручики Аврамовъ, Загорѣцкій и баронъ Черкасовъ. Въ каторжную работу на два года: лейбъ-

кирасирскаго Ея Императорскаго Величества полка поручикъ графъ Булгари. 9-й артиллерійской бригады подполковникъ Берстель. Приговоренные тѣмъ же судомъ къ лишенію чиновъ и дворянства и ссылкѣ на поселеніе, каковой приговоръ Высочайше утвержденъ: лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Андреевъ 2-й. 9-й артиллерійской бригады подпоручикъ Веденяпинъ 1-й. Лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона штабсъ-капитанъ Назимовъ. Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части поручикъ Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й и подпоручикъ Заикинъ. Пѣхотныхъ полковъ: Черниговскаго капитанъ Фурманъ. Азовскаго штабсъ-капитанъ Фохтъ. Саратовскаго подпоручикъ Мозгалевскій. Черниговскаго поручикъ Шахиревъ. Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части полковникъ Враницкій. Разжаловываются въ рядовые, съ лишеніемъ дворянства и съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны безъ выслуги: приговоренные тѣмъ же судомъ къ лишенію чиновъ и дворянства и къ ссылкѣ въ Сибирь: гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ графъ Коновницынъ 1-й. Лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручикъ Кожевниковъ. Лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка поручикъ Цебриковъ.

При исполненіи надъ всѣми вышеписанными преступниками приговоровъ, по снятіи орденовъ и военныхъ мундировъ, переломить надъ ними шпаги предъ войсками.

Разжаловывается въ рядовые съ лишеніемъ дворянства, съ выслугою: по приговору того же суда: Лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона капитанъ Пущинъ 1-й. Разжаловываются въ рядовые съ опредѣленіемъ въ дальніе гарнизоны съ выслугою же. По приговору того же суда: 9-й артиллерійской бригады прапорщикъ Веденяпинъ 2-й и лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка подпоручики Фокъ и Лаппа.

С.-Петербургскія Сенатскія Вѣдомости.

(21 августа. № 34).

Высочайше утвержденный приговоръ объ офицерахъ Черниговскаго пѣхотнаго полка, осужденныхъ за участіе въ мятежѣ, произведенномъ бывшимъ въ томъ полку подполковникомъ Муравьевымъ-Апостоломъ.

Правительствующій Сенатъ въ общемъ московскихъ департаментовъ собраніи слушалъ предложеніе г. министра юстиціи генерала отъ инфантеріи князя Лобанова-Ростовскаго, что г. военный министръ, за

отсутствіемъ г. начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, препроводилъ къ нему для внесенія въ Правительствующій Сенатъ засвидѣтельствованную копію съ Высочайше конфирмованнаго въ 12 день минувшаго іюля всеподданнѣйшаго доклада ауди-торіатскаго департамента, Черниговскаго пѣхотнаго полка о штабсъ-капитанахъ: Маевскомъ, баронѣ Соловьевѣ, поручикахъ: Сизиневскомъ, Петинѣ и прочихъ, сужденныхъ за участіе въ произведенномъ бывшимъ въ томъ полку подполковникомъ Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ мятежѣ. Означенную копію со всеподданнѣйшаго доклада аудиторіатскаго департамента онъ, г. министръ юстиціи, предложилъ Правительствующему Сенату, присовокупляя, что объ исполненіи послѣдовавшей по оному докладу Высочайшей конфирмаціи, какъ увѣдомилъ его г. министръ юстиціи, г. военнымъ министромъ надлежащее распоряженіе уже сдѣлано. Всеподданнѣйшимъ же докладомъ аудиторіатскій департаментъ Его Императорскому Величеству въ Высочайшее благоусмотрѣніе представлялъ заключеніе свое слѣдующаго содержанія, что по разсмотрѣніи дѣла находитъ оный департаментъ: 1) изъ подсудимыхъ штабсъ-капитанъ баронъ Соловьевъ и поручикъ Сухиновъ, принадлежа къ тайному Славянскому обществу, избравшему себѣ противозаконныя правила стремиться на испроверженіе установленнаго въ государствѣ порядка, были вѣрными сподвижниками и участниками во всѣхъ злыхъ умыслахъ возмутителя подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, ибо они, Соловьевъ и Супиновъ, въ то время, какъ Муравьевъ и братъ его, по Высочайшему повелѣнію арестованы полковникомъ Гебелемъ въ селеніи Трилѣсахъ, забывъ должное къ его званію уваженіе, для освобожденія Муравьевыхъ, вмѣстѣ съ ними и поручиками Кузьминымъ и Щипиллою, сдѣлали на Гебеля нападеніе и, отобравъ у часовыхъ ружья, причинили ему оными жестокія раны; потомъ съ возмущенными Муравьевымъ двумя ротами, когда вошелъ онъ въ городъ Васильковъ, изъ нихъ Сухиновъ, слѣдуя впередъ съ толпою возмущенныхъ солдатъ и повстрѣчавъ подполковника Трухина, съ частью нижнихъ чиновъ шедшаго навстрѣчу Муравьеву-Апостолу, окружилъ ихъ сею толпою; при чемъ сорваны были съ Трухина эполеты и шпага, и онъ посаженъ на гауптвахту, откуда тогда же выпущены всѣ арестанты, въ томъ числѣ и Соловьевъ, который, до вступленія еще Муравьева, пріѣхалъ въ Васильковъ, былъ Трухинымъ арестованъ; послѣ сего Сухиновъ, съ тою толпою отправясь въ квартиру полкового командира, взялъ тамъ знамена и казенный ящикъ; а переночевавъ съ Муравьевымъ въ Васильковѣ и способствуя, они, Соловьевъ и Сухиновъ, ему уговорить еще бывшія тамъ три роты присоединиться къ нимъ, находились оба при чтеніи полковымъ священникомъ на площади предъ всѣми ротами составленнаго Муравьевымъ-Апостоломъ и подпоручикомъ Бестужевымъ-Рюминымъ возмутительнаго катехизиса, наполненнаго оскорбительными выраженіями противу верховной власти съ превратнымъ истолкованіемъ текстовъ

Священнаго Писанія и потомъ, провозгласивъ мнимую свободу, отправились изъ Василькова съ тѣми ротами подъ командою Муравьева-Апостола, имѣвшаго намѣреніе возмутить вблизи квартировавшія войска; но на пути бывъ преслѣдованы воинскимъ отрядомъ, изъ нихъ Соловьевъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, а Сухиновъ бѣжалъ и, укрываясь въ разныхъ мѣстахъ, составилъ себѣ фальшивый паспортъ. Прапорщикъ же Мозалевскій, по вступленіи Муравьева-Апостола съ двумя ротами въ Васильковъ, тотчасъ присоединился къ нему и, по приказанію его, занявъ постъ караульнаго офицера на заставѣ, останавливалъ всѣхъ пріѣзжающихъ въ Васильковъ; причемъ, взявъ подъ арестъ прибывшихъ туда двухъ жандармскихъ офицеровъ и произнося надъ ними угрозы, посадилъ ихъ на гауптвахту, отобравъ имѣвшіяся у нихъ деньги, далъ изъ оныхъ 25 рублей бывшимъ въ караулѣ солдатамъ на водку, а прочія доставилъ Муравьеву; потомъ, по повелѣнію его, переодѣвшись въ партикулярное платье и получивъ три возмутительныхъ катехизиса, отправился въ городъ Кіевъ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и тремя рядовыми, у коихъ велѣлъ спороть погоны, дабы не узнали, которой они дивизіи; а по прибытіи въ Кіевъ приказалъ бросить сіи катехизисы на улицахъ; однако, при возвращеніи оттуда, на дорогѣ былъ схваченъ и взятъ подъ арестъ; сверхъ того зналъ онъ, Мозалевскій, о существовавшемъ въ 3-мъ корпусѣ тайномъ обществѣ, но не донесъ о семъ начальству. 2) Подпоручикъ Быстрицкій, до вступленія еще Муравьева-Апостола съ возмущенными имъ двумя ротами въ Васильковъ, былъ командированъ подполковникомъ Трухинымъ въ мѣстечко Германовку для принятія подъ начальство свое состоявшей въ командѣ барона Соловьева 2-й мушкетерской роты, прибывъ съ оною въ Васильковъ 31 декабря 1825 года по выступленіи уже оттуда Муравьева-Апостола, и узнавъ, что онъ вооруженною рукою заставилъ всѣхъ повиноваться, рѣшился соединиться съ полкомъ единственно изъ боязни быть насильно захваченнымъ отъ однополчанъ или отъ самого Муравьева-Апостола; и потому, не остановясь въ Васильковѣ, пошелъ съ ротою въ селеніе Мотовиловку, гдѣ сдалъ ее барону Соловьеву; потомъ находился при мятежникахъ до самаго пораженія ихъ и взятъ былъ воинскимъ отрядомъ съ оружіемъ въ рукахъ; и хотя Быстрицкій обстоятельствами дѣла не уличенъ въ принадлежности его къ тайному обществу и въ знаніи о настоящей цѣли Муравьева-Апостола и сообщниковъ его, но виновенъ Быстрицкій въ томъ, что, по приходѣ въ Васильковъ съ ротою, не испросивъ отъ начальниковъ своихъ наставленія, что ему дѣлать, самовольно ушелъ оттуда и, передавъ роту въ руки мятежниковъ, самъ при нихъ остался, чѣмъ и сдѣлался сообщникомъ ихъ. 3) Штабсъ-капитанъ Маевскій, поручики: Петинъ и Сизиневскій и подпоручикъ Войниловичъ, видя противозаконныя и возмутительныя дѣйствія Муравьева-Апостола, присоединились къ сообществу его и исполняли данныя отъ него повелѣнія; поелику изъ нихъ Петинъ, командуя 2-ю

гренадерскою ротою, когда прибылъ къ нему Муравьевъ-Апостолъ изъ селенія Трилѣсъ, послѣ причиненія тамъ увѣчья полковнику Гебелю, не старался узнать, для чего онъ приказалъ сей ротѣ быть въ готовности; а видя, что Муравьевъ-Апостолъ поилъ солдатъ водкою и говорилъ имъ: „Служите за Бога и вѣру для вольности," не воспротивился Муравьеву въ такихъ злыхъ его замыслахъ, но послѣдовалъ за нимъ съ тою ротою въ Васильковъ; если же Петинъ, какъ объяснился предъ судомъ, не имѣлъ возможности противу угрозъ Муравьева воспротивиться,—по крайней мѣрѣ, при началѣ еще возмущенія обязанъ былъ, замѣтивъ противозаконное Муравьева обольщеніе нижнихъ чиновъ, внушить имъ прямую ихъ обязанность; и тогда, буде бы они не послушались, изыскать средства отстать отъ мятежниковъ. Маевскій же, Сизиневскій и Войниловичъ, ежели и угрозами Муравьева-Апостола и сообщниковъ его принуждены были исполнять волю ихъ, имѣли совершенную возможность, не подвергая жизнь свою опасности, удалиться отъ нихъ; ибо Маевскій, получа отъ Муравьева дозволеніе, ѣздилъ изъ Василькова въ селеніе Плисецкое, гдѣ квартировала бывшая въ командѣ его рота, для взятія оставшихся тамъ вещей и жалованья; Войниловичъ посыланъ Муравьевымъ съ приказаніемъ отъ него въ 1-ю гренадерскую роту, которая обще съ капитаномъ Козловымъ не присоединилась къ Муравьеву и, не повѣривъ никакимъ ложнымъ его обольщеніямъ, удалилась и ушла въ дивизіонную квартиру; а Сизиневскій, по выступленіи Муравьева-Апостола изъ Василькова, оставался еще тамъ нѣсколько времени съ тяжестями; но за всѣмъ тѣмъ, они, Маевскій, Войниловичъ и Сизиневскій, не отставъ отъ мятежниковъ, послѣдовали за ними; а послѣ уже, какъ они, такъ и Петинъ, почувствовавъ заблужденіе свое, бѣжали и добровольно явились къ начальнику. 4) Подпоручики: Рыбаковскій, Кондыревъ и прапорщики: князь Мещерскій, Апостолъ-Кегичъ и Бѣлелюбскій, по вступленіи Муравьева-Апостола въ Васильковъ, были также присоединены имъ къ мятежнической его шайкѣ, и изъ нихъ Рыбаковскій находился по приказанію его въ караулѣ у заставы, а послѣ всѣ они послѣдовали изъ Василькова за Муравьевымъ при возмущенныхъ ротахъ; но на пути отставъ отъ оныхъ, ушли и добровольно явились своему начальству. Предъ судомъ всѣ они объявили, что, боясь угрозъ, пристали къ мятежникамъ; а изъ дѣла видно, что съ Кондырева, когда повстрѣчался онъ съ Сухиновымъ и съ бывшею съ нимъ толпою нижнихъ чиновъ, сорваны эполеты, и тогда же онъ, Кондыревъ, вмѣстѣ съ подполковникомъ Трухинымъ посажены на гауптвахту; Апостолъ же Кегичъ, возвращавшійся въ Васильковъ съ жандармскимъ поручикомъ Несмѣяновымъ, былъ взятъ у заставы Мозалевскимъ и арестованъ; а Бѣлелюбскій, при вступленіи Муравьева въ Васильковъ, находясь въ караулѣ на гауптвахтѣ и имѣя у себя нижнихъ чиновъ не болѣе восьми человѣкъ, не могъ сдѣлать никакого сопротивленія противъ мятежниковъ, которые заряженными пистолетами

угрожали его лишить жизни; но въ то время, какъ онъ былъ ими посланъ снять караулы, скрылся, не исполнивъ того, и на другой уже день, случайно увидя его, Муравьевъ принудилъ слѣдовать за нимъ; сверхъ сего полковникъ Гебель и подполковникъ Трухинъ удостовѣрили, что Кондыревъ, князь Мещерскій и Апостолъ-Кегичъ насильно были увлечены мятежниками и къ сообществу ихъ не принадлежали; а Васильковскій городничій и земскій исправникъ объяснили суду, что Кондыревъ приходилъ къ нему, городничему, въ отчаяніи и въ слезахъ и, объявляя, что слѣдуетъ за Муравьевымъ поневолѣ, просилъ засвидѣтельствовать о семъ предъ начальствомъ, и что съ подобными объявленіями и просьбами также приходили къ нему, городничему, Рыбаковскій, Апостолъ-Кегичъ и князь Мещерскій, сказывая, что за всѣми ими былъ отъ Муравьева-Апостола особый надзоръ; а послѣдній, что Кондыревъ и Рыбаковскій точно являлись къ нему и спрашивали адъютанта Павлова; при чемъ Кондыревъ съ заплаканными глазами говорилъ, что онъ по принужденію Муравьева посланъ за Павловымъ. Посему вина ихъ, Рыбаковскаго, Кондырева, князя Мещерскаго, Апостола-Кегича и Бѣлелюбскаго, что послѣдовали за Муравьевымъ, не воспротивясь ему, заслуживаетъ снисхожденія, тѣмъ болѣе, что сопротивленіе однихъ ихъ, какъ въ полку младшихъ и въ командѣ своей никакихъ частей не имѣвшихъ, было бы безполезно. 5) Хотя подпоручикъ Молчановъ преданъ суду по случаю, что имѣлъ связь съ подпоручикомъ Вадковскимъ, его родственникомъ, который былъ членомъ тайнаго общества и пріѣзжалъ къ Муравьеву въ Васильковъ въ день произведеннаго имъ возмущенія; но Молчановъ по судопроизводству ни въ чемъ виновнымъ не оказался; ибо Вадковскій передъ отъѣздомъ своимъ къ Муравьеву читалъ только Молчанову полученную отъ Муравьева записку о томъ, что ихъ тайное общество открыто; однако не пояснялъ, въ чемъ именно оное состояло и, слѣдовательно, доноситъ начальству о томъ, что Молчановъ настоящее не зналъ и что прежде всего было открыто, почиталъ онъ уже не нужнымъ; притомъ и противу показаній Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ въ намѣреніи убить генералъ-лейтенанта Рота онъ, Молчановъ, не сознался и по дѣлу нѣтъ въ томъ никакихъ доказательствъ.—Соображая всѣ сіи обстоятельства съ прописанными въ сентенціи военнаго суда законами, аудиторіатскій департаментъ признаетъ изъ подсудимыхъ: барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, какъ по злымъ дѣйствіямъ изъ главныхъ сообщниковъ возмутителя Сергѣя Муравьева-Апостола, подлежащими смертной казни. Сверхъ того полагаетъ: а) сообщниковъ подполковника Муравьева-Апостола, поручиковъ: Кузьмина и Щипиллу, прапорщика квартирмейстерской части Муравьева-Апостола, участвовавшихъ въ возмущеніи, но убитыхъ на мѣстѣ пораженія, согласно съ мнѣніемъ главнокомандующаго 1-ю арміею, изъ списковъ выключить, какъ измѣнниковъ, на могилахъ ихъ крестовъ и никакихъ памятниковъ, приличныхъ хри-

стіанскому погребенію, не дѣлать; но, поставя висѣлицу къ вѣчному ихъ посрамленію, прибить подъ оною имена ихъ. б) Подпоручика Быстрицкаго за то, что пріѣдя съ ротою въ Васильковъ, по выходѣ уже оттуда Муравьева-Апостола и не испросивъ отъ начальниковъ своихъ наставленія, что ему дѣлать, самовольно ушелъ и, передавъ роту въ руки мятежниковъ, остался при нихъ и послѣ взятъ обще съ ними съ оружіемъ въ рукахъ: лиша чиновъ и дворянскаго достоинства и переломя надъ головою его шпагу, сослать въ Сибирь въ каторжную работу. в) Штабсъ-капитана Маевскаго, поручиковъ: Петина и Сизиневскаго и подпоручика Войниловича, за исполненіе приказаній Муравьева-Апостола, видя дѣйствія его возмутительныя и противозаконныя, во уваженіе, что они, признавъ послѣ заблужденіе свое, отстали отъ него и добровольно явились начальству,—лиша чиновъ и дворянскаго достоинства, написать въ рядовые, опредѣливъ въ дальные гарнизоны. г) Подпоручиковъ: Рыбаковскаго и Кондырева, прапорщиковъ: князя Мещерскаго, Апостола-Кегича и Бѣлелюбскаго, не имѣвшихъ намѣренія къ возмущенію, но противу желанія ихъ увлеченныхъ съ собою Муравьевымъ-Апостоломъ и бѣжавшимъ отъ него, какъ скоро нашли случай, и тогда же явившихся къ начальству, пріемля во вниманіе неопытность ихъ и молодыя лѣта, посадить въ крѣпость на полгода для восчувствованія оказаннаго ими при возмущеніи малодушія и потомъ опредѣлить на службу. д) Подпоручика Молчанова, какъ виновнымъ ни въ чемъ не изобличеннаго, освободивъ отъ суда и ареста, отправить на службу. е) За оказавшіеся недостатки въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку послѣ происшедшаго въ оном мятежа аммуничныя вещи взыскать, исчисленную коммиссаріатскимъ департаментомъ, сумму 1,170 рублей 8¾ коп. съ имѣнія подсудимыхъ: Соловьева, Сухинова, Мозалевскаго, Быстрицкаго, Маевскаго, Петина, Сизиневскаго, и Войниловича, какъ признанныхъ по сему дѣлу виновнѣйшими. ж) Поручика гусарскаго принца Оранскаго полка князя Корыбутъ-Воронецкнго, который при производствѣ сего дѣла уличенъ въ несправедливомъ начальству донесеніи о взятіи яко бы имъ въ селеніи Гребенкахъ, во время означеннаго мятежа, капитана Фурмана и рядового Башмакова съ 30 человѣками бунтовщиковъ и въ удержаніи у себя отобранныхъ у рядового Черниговскаго пѣхотнаго полка Евдокима Степанова 18 рублей серебромъ, кои тотчасъ не возвратилъ, но доставилъ оныя уже по востребованіи начальствомъ, арестовать за тѣ неприличные поступки на три мѣсяца съ содержаніемъ на гауптвахтѣ. На подлинномъ Высочайшая Его Императорскаго Величества конфирмація, за собственноручнымъ Его Величества подписаніемъ, воспослѣдовала такова: „барона Соловьева, Сухинова и Мозалевскаго, по лишеніи чиновъ и дворянства и переломленіи шпагъ надъ ихъ головами предъ полкомъ, поставить въ городѣ Васильковѣ,

при собраніи командъ изъ полковъ 9 пѣхотной дивизіи, подъ висѣлицу и потомъ отправить въ каторжную работу вѣчно. Къ той же висѣлицѣ прибить имена убитыхъ Кузьмина, Щипиллы и Муравьева-Апостола, какъ измѣнниковъ, по выключкѣ ихъ изъ списковъ. О Быстрицкомъ и прочихъ, равно касательно взысканія денегъ за растраченныя аммуничныя вещи, быть по мнѣнію аудиторіатскаго департамента. Николай. Въ Царскомъ Селѣ. Іюля 12 дня 1826 года." Приказали: о сей высочайшей Его Императорскаго Величества конфирмаціи, воспослѣдовавшей на докладѣ аудиторіатскаго департамента, дать знать отъ Сената печатными указами: г.г. министрамъ, военнымъ генералъ-губернаторамъ, управляющимъ гражданскою частью, генералъ-губернаторамъ, градоначальникамъ, присутственнымъ мѣстамъ, губернскимъ правленіямъ и правительствамъ, а въ Святѣйшій Правительствующій Синодъ и во всѣ санктпетербургскаго и московскаго Правительствующаго Сената департаменты и общее С.-Петербургскихъ департаментовъ собраніе сообщить вѣдѣніе [1]).

Русскій Инвалидъ.

(21 Іюля. № 174).

Приказъ Россійскимъ Войскамъ.

Храбрыя россійскія войска! Когда во дни незабвенные 14-го декабря 1825 и 3-го генваря 1826 года вѣрными грудями вашими заслонены престолъ, спасена святыня православной вѣры, избавлено отечество отъ ужасовъ бунта, извѣстилъ Я васъ, что нѣкоторые зачинщики злодѣйскихъ умысловъ таились среди вѣрныхъ вашихъ рядовъ. Вы съ ужасомъ и негодованіемъ извергли ихъ; нынѣ судъ надъ ними и казнь, имъ подлежащая, исполнены, и очищены вѣрные полки ваши отъ заразы, вамъ и всей Россіи угрожавшей. Итакъ, съ помощью Всевышняго, сегодня на томъ же мѣстѣ, гдѣ вы, ровно за седмь мѣсяцевъ, не щадили крови своей, и съ счастіемъ жертвовали жизнію вашему государю, на томъ мѣстѣ, гдѣ предъ вами палъ незабвенный въ россійской арміи графъ Милорадовичъ, на томъ самомъ мѣстѣ принесена Господу Богу жертва благодаренія, за дарованіе спасенія чрезъ васъ государству, и молитва Ему же о упокоеніи душъ, падшихъ за вѣру, Царя и отечество.

Возвѣщая о семъ вамъ, храбрыя россійскія войска, отъ лица Россіи благодарю васъ и взываю, сохраните вѣчно доблести, всегда васъ

---

[1]) Указъ вошелъ въ Полное Собр. Закон. Собраніе второе. Т. 1. Статья 514.

отличавшія: теплую вѣру къ Богу, вѣрность къ Престолу, храбрость и неутомимость, и да познаетъ тогда каждый, что съ нами Богъ.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

НИКОЛАЙ.

Санктпетербургъ. Іюля 14-го 1826 года.

Русскій Инвалидъ.

(22 Іюля. № 175).

Его Императорское Величество въ присутствіи Своемъ въ лагерѣ при Красномъ Селѣ іюля 7-го дня 1826 года соизволилъ отдать слѣдующій приказъ:

Государь Императоръ по разсмотрѣніи дѣлъ о нижеписанныхъ штабъ и оберъ-офицерахъ, изъ коихъ одни принадлежали къ тайнымъ обществамъ, а другіе обличены въ содѣйствіи или знаніи объ оныхъ, снисходя къ обстоятельствамъ, увлекшимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ во временное заблужденіе, и пріемля во вниманіе, что всѣ они вовсе не участвовали въ неистовыхъ намѣреніяхъ, а многіе скоро оставили общества, и всѣ вообще въ поступкахъ своихъ показываютъ истинное раскаяніе, всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ, не предавая ихъ строжайшему наказанію по суду, опредѣлить имъ исправительныя мѣры наказанія.—Вслѣдствіе чего:

По арміи: состоящій по арміи полковникъ Глинка 1-й отставляется отъ службы и ссылается на жительство въ городъ Петрозаводскъ; во уваженіе же прежней его службы и недостаточнаго состоянія, дозволяется употребить его тамъ по гражданской части съ чиномъ коллежскаго совѣтника.

Переводятся.

По кавалеріи: кавалергардскаго полка полковникъ Кологривовъ 2-й въ финляндскій, поручикъ Свиньинъ въ харьковскій тѣмъ же чиномъ, корнеты: князь Вяземскій 2-й въ С.-Петербургскій, Васильчиковъ въ тверской драгунскіе, и Арцыбашевъ въ таманской гарнизонный полкъ, всѣ трое прапорщиками, съ выдержаніемъ изъ нихъ въ крѣпости Кологривова шесть мѣсяцевъ, а Васильчикова и Арцыбашева по одному мѣсяцу. Лейбъ-гвардіи коннаго полка поручикъ Плещеевъ 1-й въ курляндскій драгунскій полкъ тѣмъ же чиномъ, и корнетъ Рынкевичъ въ бакинскій гарнизонный баталіонъ прапорщикомъ, и съ выдержаніемъ сего послѣдняго въ крѣпости еще двухъ мѣсяцевъ. Лейбъ-гвардіи Кирасирскаго полка и адъютантъ главнокомандующаго 1-ю арміею генерала отъ инфантеріи графа Фонъ-деръ-Остенъ-Сакена 1-го, поручикъ Титовъ, въ омскій гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще

три мѣсяца. Старшій адъютантъ 2-го пѣхотнаго корпуса, лейбъ-гвардіи гусарскаго полка ротмистръ Сабуровъ 2-й, по выдержаніи въ крѣпости еще одного мѣсяца, въ смоленскій драгунскій полкъ капитаномъ. Гусарскихъ полковъ: принца Оранскаго штабсъ-ротмистры: Паскевичъ въ иркутскій гусарскій и Жуковъ штабсъ-капитаномъ въ архангелогородскій гарнизонный полки, съ выдержаніемъ въ крѣпости перваго еще два, а послѣдняго шесть мѣсяцевъ, ахтырскаго ротмистры, Семичевъ 2-й въ нижегородскій драгунскій полкъ и Франкъ 5-й въ уральскій гарнизонный баталіонъ, оба капитанами и съ выдержаніемъ еще въ крѣпости, перваго шесть, и послѣдняго два мѣсяца. По пѣхотѣ: полковъ лейбъ-гвардіи: гренадерскаго подпоручикъ Кожевниковъ въ иркутскій гарнизонный полкъ тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще шесть мѣсяцевъ. Измайловскаго: адъютантъ главнокомандующаго 1-ю арміею генерала отъ инфантеріи графа Фонъ-деръ-Остенъ-Сакена 1-го, капитанъ графъ Мусинъ-Пушкинъ въ Петроплавловскій; подпоручики князь Вадбольскій въ вятскій и Малютинъ въ севастопольскій пѣхотные, а поручики Гангебловъ въ владикавказскій гарнизонный полки, и Гудима въ дербентскій гарнизонный баталіонъ, всѣ тѣми же чинами, съ выдержаніемъ изъ нихъ въ крѣпости, первыхъ трехъ по одному мѣсяцу, а Гангеблова четыре мѣсяца. Павловскаго и адъютантъ начальника 4-й пѣхотной дивизіи, генералъ-адъютанта Потемкина 1-го, поручикъ князь Оболенскій въ 45-й егерскій полкъ тѣмъ же чиномъ. Пѣхотныхъ полковъ: витебскаго подполковникъ Хотяинцевъ 1-й, по выдержаніи въ крѣпости еще три мѣсяца, въ ладожскій пѣхотный полкъ. Пермскаго полковникъ Леманъ, по выдержаніи въ крѣпости еще одинъ мѣсяцъ, въ томскій пѣхотный полкъ. Командиръ 1-го морского полка полковникъ Фонъ-Вольскій, по выдержаніи еще одинъ мѣсяцъ въ крѣпости, въ эстляндскій пѣхотный полкъ. Егерскихъ полковъ: 17-го подпоручикъ Вадковскій, по выдержаніи еще четыре мѣсяца въ крѣпости, въ моздокскій гарнизонный баталіонъ, 22-го подполковникъ Миклашевскій 1-й, по выдержаніи въ крѣпости еще одинъ мѣсяцъ, въ 42-й егерскій полкъ. По артиллеріи: конно-артиллерійскихъ ротъ: № 5-го капитанъ Пыхачевъ въ 13-ю и поручикъ Нащокинъ въ 11-ю конно-артиллерійскія роты, по выдержаніи еще въ крѣпости перваго два, а послѣдняго три мѣсяца. № 6-го командиръ роты и конно-артиллерійской бригады, при 3-й гусарской дивизіи состоящей, подполковникъ Фроловъ 4-й въ 15-ю и прапорщикъ Высочинъ 1-й въ 17-ю конноартиллерійскія роты, съ выдержаніемъ ихъ еще въ крѣпости, перваго шесть мѣсяцевъ, а послѣдняго одинъ мѣсяцъ. 9-й артиллерійской бригады подпоручикъ Тихановъ, по выдержаніи въ крѣпости еще одинъ мѣсяцъ, въ 11-ю артиллерійскую бригаду. По гвардейскому генеральному штабу: гвардейскаго генеральнаго штаба подпоручикъ Искрицкій 1-й, по выдержаніи въ крѣпости еще шесть мѣсяцевъ, въ орскій гарнизонный баталіонъ тѣмъ же чиномъ.

Отставляется отъ службы.

По пѣхотѣ. 32-го Егерскаго полка полковникъ Непенинъ.

Дополненіе.

Къ Высочайшему приказу, отданному въ лагерѣ при Красномъ Селѣ 7-го іюля 1826 года.

Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ нижепоименованныхъ оберъ-офицеровъ, изобличенныхъ въ участіи въ злоумышленныхъ тайныхъ обществахъ, наказать исправительными мѣрами, не предавая ихъ суду, единственно по всемилостивѣйшему снисхожденію къ ихъ молодости и неопытности.—Вслѣдствіе чего:

Переводятся въ Гарнизонные баталіоны.

По кавалеріи: кавалергардскаго полка поручикъ Горожанскій въ кизильскій тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще четыре года. По артиллеріи: 9-й артиллерійской бригады подпоручикъ Черноглазовъ въ верхнеуральскій тѣмъ же чиномъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости еще два года. По гвардейскому генеральному штабу: гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщикъ Палицынъ въ петровскій тѣмъ же чиномъ съ выдержаніемъ въ крѣпости еще одинъ годъ.

1827 годъ.

Русскій Инвалидъ.

(28 Марта. № 80).

Утверждается конфирмація.

Главнокомандующаго 1-ю арміею генералъ-фельдмаршала графа Фонъ-деръ-Остенъ-Сакена надъ поручикомъ полтавскаго пѣхотнаго полка Усовскимъ, судившимся при арміи за принадлежность къ бывшему злоумышленному тайному обществу, лишается всѣхъ чиновъ и дворянскаго достоинства съ переломленіемъ предъ полкомъ черезъ палача надъ головою его шпаги и потомъ ссылается въ Сибирь въ каторжную работу на двадцать лѣтъ, съ оставленіемъ по истеченіи сего времени тамъ на поселеніи.

Русскій Инвалидъ.

(5 Іюня. № 140).

По сентенціи военнаго суда.

Литовскаго піонернаго баталіона капитанъ Игельстромъ и поручикъ Вегелинъ, за принадлежность къ тайнымъ обществамъ,

намѣреніе возмутить баталіонъ и уклоненіе отъ присяги на вѣрное подданство Его Императорскому Величеству, по лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства и по переломленіи чрезъ палача надъ головами ихъ шпаги, ссылаются въ каторжную работу на десять лѣтъ съ оставленіемъ потомъ въ Сибири на поселеніи; того же баталіона подпоручикъ Петровскій и прапорщикъ Воеховичъ, участвовавшіе въ преступныхъ намѣреніяхъ двухъ первыхъ, несвижскаго карабинернаго полка поручики Вильканецъ и Гофманъ, знавшіе о таковыхъ намѣреніяхъ Игельстрома, Вегелина и Петровскаго, но не донесшіе о томъ начальству, а, сверхъ того, Гофманъ составивъ между офицерами тайное общество военныхъ друзей и учредивъ изъ членовъ онаго комитетъ, былъ въ немъ начальникомъ и содѣйствовалъ къ распространенію общества,—по лишеніи чиновъ, дворянскаго достоинства и по выдержаніи каждаго въ крѣпости шести мѣсяцевъ опредѣляются рядовыми въ кавказскій отдѣльный корпусъ.

Приложеніе къ №№ 160—162 „Русскаго Инвалида“ [1]).

Варшава $\frac{22\ декабря\ 1826}{3\ января\ 1827}$ *года.*

Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Константину Павловичу, главнокомандующему польской арміей.

Донесеніе слѣдственнаго комитета.

Слѣдственный комитетъ, учрежденный для открытія тайныхъ обществъ, въ недавнемъ времени существовавшихъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, такъ и въ областяхъ отъ прежней Польши къ Россійской имперіи присоединенныхъ, исполнилъ порученіе, по Высочайшей волѣ Его Императорскаго и Царскаго Величества оному данное въ предписаніи Вашего Высочества отъ 7/19 февраля минувшаго/сего года.

Онъ разсмотрѣлъ съ надлежащимъ строжайшимъ вниманіемъ и точностью всѣ бывшія въ виду его даже малѣйшія указанія, изъ признаній самихъ обвиняемыхъ и другихъ источниковъ почерпнутыя, и

---

[1]) Помѣщенный ниже документъ былъ начатъ печатаніемъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» отъ 22 іюня 1827 года, № 155—156; печатаніе его продолжалось въ №№ 157 и 158, гдѣ было также сказано, что «продолженіе въ слѣдующемъ №»; но въ № 159 было объявлено, что «по новому распоряженію, на сихъ дняхъ будетъ при «Русскомъ Инвалидѣ» роздано донесеніе варшавской слѣдственной комиссіи, особою книжкою напечатанное» (стр. 636). Книжка и была приложена затѣмъ отдѣльными листами къ №№ 160—162 „Русскаго Инвалида» подъ заглавіемъ «Донесеніе Комитета» (раньше—«Комиссіи»).

представляетъ Вашему Императорскому Высочеству собранныя имъ вслѣдствіе сихъ изысканій свѣдѣнія о цѣли, не всегда одинаковой означенныхъ тайныхъ обществъ, о средствахъ, ими употребленныхъ для достиженія оной, о родѣ и степени участія, которое члены сихъ обществъ принимали въ ихъ замыслахъ и дѣйствіяхъ.

Дабы опредѣлить со всевозможною достовѣрностью какъ истинныя побужденія основателей и вліяніе, которое могло имѣть существованіе одного тайнаго общества на составленіе другихъ, такъ и бывшія между оными сношенія для условій о взаимной при исполненіи намѣреній ихъ помощи, комитетъ счелъ необходимымъ, обратясь къ самому началу сихъ обществъ, тщательно изслѣдовать постепенное распространеніе плановъ ихъ и соотвѣтствовавшее тому измѣненіе въ ихъ установленіяхъ и правилахъ.

Имъ найдено, что въ концѣ 1814 года уже существовало тайное общество, подъ названіемъ истинныхъ поляковъ. Цѣлью онаго было питать и усиливать народное чувство; всякій членъ сверхъ того обязывался присоединить къ обществу другихъ и содержать втайнѣ все до онаго касающееся. Наружнымъ знакомъ былъ перстень изъ бѣлаго металла съ малиновою эмалью, внутри коего означены были точками число статутовъ общества, а заглавными буквами P. P. наименованіе онаго (Prawdziwych Polakow); но сіе общество, составленное изъ однихъ неопытныхъ молодыхъ людей, почти не распространилось; въ немъ было во все время не болѣе 12 членовъ; они вскорѣ потомъ большею частью разъѣхались изъ Варшавы въ другія мѣста, и сообщество ихъ, которое по страннымъ своимъ обрядамъ и прежде многимъ казалось смѣшно, разрушилось само собою; оно существовало одинъ только годъ и не оставило по себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ доказательства противозаконныхъ намѣреній и мятежнаго духа основателей.

Едва уничтожилось сіе первое неудачное учрежденіе, какъ изъявленная покойнымъ генераломъ Домбровскимъ, вѣроятно, безъ всякаго особеннаго намѣренія, мысль, сдѣлалась поводомъ новаго волненія въ умахъ нѣкоторыхъ людей. Незадолго до смерти своей, случившейся въ 1818 году, онъ говорилъ одному, прежде бывшему подъ начальствомъ его, офицеру: „Какъ не жалѣть, что поляки, способствовавъ своею храбростью славѣ столь многихъ предводившихъ ими воиновъ, сами пріобрѣли такъ мало себѣ и отечеству выгодъ, за всѣ свои усилія и пожертвованія! Въ настоящемъ нетвердомъ состояніи политическихъ дѣлъ въ Европѣ, бытіе и образъ правленія Польши не имѣютъ еще достаточно ручательства; мы не знаемъ судьбы своей и не завели никакихъ между собою связей, которыя могли бы, въ неизвѣстныхъ случаяхъ будущаго, послужить для насъ средствомъ спасенія. Если бы Наполеону, послѣ возвращенія его съ острова Эльбы, удалось явиться снова на берегахъ Вислы съ войскомъ, то и мы несчастные были бы снова жертвами войны, а для чего? Чтобы принять отъ побѣдителей угодныя ему условія. Итакъ, не должно ли намъ

стараться возбудить упадающую бодрость народа польскаго, внушить ему довѣренность къ собственнымъ своимъ силамъ, соединить посредствомъ одного мнѣнія всѣхъ и разнымъ державамъ нынѣ принадлежащихъ поляковъ, чтобы имѣть способъ не только обратить всю націю на пользу службы нашего Государя, но также, если жребій войны будетъ Ему неблагопріятенъ, и обезпечить независимость Польши, покорясь королю, народомъ безъ чуждаго вліянія избранному?"

Сіи мысли генерала Домбровскаго произвели сильное впечатлѣніе въ умѣ офицера, коему онъ сообщалъ ихъ, и сей, слѣдуя данному совѣту, спѣшилъ распространять оныя, говорилъ о томъ нѣсколько разъ съ княземъ Антономъ Яблоновскимъ и подполковниками Крыжановскимъ и Прондзинскимъ, и съ нѣкоторыми другими, приглашая ихъ дѣйствовать съ своей стороны для достиженія цѣли, указанной генераломъ Домбровскимъ; однако же странное, хотя и не безпримѣрное въ исторіи стеченіе обстоятельствъ сдѣлало, что ни тотъ, кто первый имѣлъ мысль соединить всѣхъ поляковъ узами одного народнаго чувства, ни тотъ, который, казалось, долженствовалъ быть главнымъ для исполненія сего плана орудіемъ, не участвовали ни мало въ мѣрахъ, коими оный былъ приведенъ въ дѣйствіе. Генералъ Домбровскій вскорѣ послѣ того умеръ, а пользовавшійся его довѣренностью офицеръ, будучи въ сіе время самъ опасно боленъ, долго жилъ въ чужихъ краяхъ, а потомъ, возвратясь въ отечество, еще съ разстроеннымъ здоровьемъ, совершенно потерялъ изъ вида свои прежнія намѣренія.—Слѣдствіемъ доказано, что онъ не зналъ ничего о дѣлахъ и замыслахъ тайнаго общества.

Нѣтъ причины полагать, что вышеозначенный разговоръ генерала Домбровскаго подалъ тогда же поводъ къ заведенію какого-либо сообщества. Но изъ показаній многихъ обвиняемыхъ видно, что слова его не были безъ послѣдствій. Первоначальная имъ предложенная мысль часто измѣнялась, смотря по свойству, правиламъ и большей или меньшей злонамѣренности основателей и главныхъ дѣйствователей тайныхъ обществъ, послѣ того существовавшихъ въ Польшѣ; но вездѣ примѣтно вліяніе оной и, сличивъ собранныя комитетомъ свѣдѣнія, можно сказать утвердительно, что она была всегда если не побужденіемъ къ составленію ков, то по крайней мѣрѣ средствомъ закрывать истинную цѣль сообществъ предъ тѣми членами, коимъ начальники не смѣли вдругъ объявить о своихъ умыслахъ.

Въ 1821-мъ году вниманіе правительства было возбуждено полученными изъ разныхъ мѣстъ и въ главныхъ чертахъ совершенно однообразными извѣстіями. По онымъ можно было съ основательностью полагать, что, не смотря на запрещеніе масонства, въ Царствѣ Польскомъ есть тайное общество, коему даны уставы, хотя и сходные съ масонскими, но для того единственно, чтобы симъ прикрыть его настоящее стремленіе, противное установленному въ государствѣ порядку и общему благу. Немедленно приняты мѣры для изслѣдованія, справедливо ль сіе предположеніе правительства, и вскорѣ съ досто-

вѣрностью узнано о существованіи тайнаго, такъ называемаго Національнаго масонства, которое, подобно обыкновенному, составлялось изъ членовъ разныхъ степеней, имѣло свой капиталъ, ложи, знаки орденскіе и другіе для показанія принадлежности къ обществу. Посредствомъ дальнѣйшихъ изысканій открыты и многіе члены; ихъ признанія, всѣ между собою согласныя, заслуживали вѣроятія, тѣмъ болѣе, что допрошенные сами до того еще добровольно отказались отъ сношенія съ сообществомъ.—Изъ объясненій ихъ почерпнуты слѣдующія свѣдѣнія:

Въ бывшихъ прежде обыкновенныхъ масонскихъ ложахъ возникали часто разномыслія, споры, и нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ онымъ офицеровъ, досадуя на сіи распри, изъявляли сожалѣніе, что въ польской арміи такъ же, какъ и въ иныхъ земляхъ, нѣтъ полковыхъ масонскихъ ложъ. Лукасинскій, маіоръ 4-го линейнаго пѣхотнаго полка, который, какъ дознано послѣ, уже готовилъ планъ тайнаго общества, съ другими важнѣйшими и обширнѣйшими видами, спѣшилъ воспользоваться случаемъ привести оный въ дѣйствіе, и въ 1819 г. завелъ такъ называемое Національное масонство, объявивъ себя великимъ мастеромъ и учредивъ капитулъ изъ основателей или первыхъ членовъ сообщества; другіе присоединены къ оному въ званіи совѣтующихъ. Капитулъ установилъ нѣкоторые обряды и формулы принятія; потомъ старались умножать число членовъ; первоначально вступившіе вводили новыхъ, и вскорѣ найдена возможность учредить ложи 1-й, 2-й и 3-й степени; изъ оныхъ и капитула составлялось все Національное масонство: главное управленіе было предоставлено капитулу.—Положено было распространять общество, особенно между офицерами, какъ служащими, такъ и отставными и между гражданскими чиновниками. Не отказывали рѣшительно и другимъ; но первые, сообразно принятому правилу, были во всякомъ случаѣ предпочитаемы.

Вступающимъ объявлялось, что цѣль членовъ общества есть помогать другъ другу въ нуждахъ и бѣдствіяхъ жизни и способствовать къ соблюденію духа и чувства народнаго, сохранять память славныхъ для Польши происшествій. Посему, вмѣсто опредѣленныхъ въ знаки словъ, положено употреблять имена знаменитыхъ въ польской исторіи людей: Болеслава Храбраго, Баторія, Замойскаго, Понятовскаго и т. д. На сихъ основаніяхъ учредилось общество и число членовъ онаго было довольно велико; но будучи составлено изъ началъ разнородныхъ, оно не имѣло единства ни въ видахъ, ни въ побужденіяхъ, и основатель могъ не обнаруживать совершенно своей цѣли предъ всѣми. Должно еще замѣтить, что сіе общество не имѣло устава. Нѣкоторые даже изъ членовъ капитула напоминали великому мастеру обѣщаніе, данное имъ при самомъ заведеніи Національнаго масонства, и слыша отвѣты неудовлетворительные, замѣчая въ немъ желаніе откладывать, перестали вѣрить

его искренности и принимать участіе въ дѣлахъ. Другіе, едва принятые въ оное офицеры, упорно требовали сообщенія статутовъ; увидѣвъ же, что имъ или не хотятъ, или не могутъ показать ихъ, объявили рѣшительно, что не считаютъ себя членами. Наконецъ, иные, привыкшіе къ правиламъ стараго масонства, находя въ обрядахъ сего новаго, будто національнаго, одно подражаніе, называли его смѣшнымъ; спрашивали при самомъ принятіи, съ чьего разрѣшенія оно учреждено, и недовольные отзывомъ великаго мастера, прибавляли, что не могутъ принадлежать къ обществу, не исполнившему сего перваго условія.—Многіе послѣдовали ихъ примѣру и уже не являлись въ собранія.

Между тѣмъ нѣкоторые оставшіеся еще члены капитула узнали, что маіоръ Лукасинскій, долженствовавшій дѣйствовать не иначе, какъ съ согласія капитула, присвоивалъ себѣ исключительно право начальства, что онъ замышлялъ введеніе новыхъ обрядовъ и принималъ членовъ произвольно посредствомъ одного простого сообщенія, не спрашивая у другихъ ни одобренія, ни совѣта. Сіе возбудило въ нихъ справедливую недовѣрчивость; они почувствовали, что, не имѣя ни законнаго дозволенія на заведеніе общества, ни опредѣленнаго устава, ни ручательства за дальнѣйшія дѣйствія и намѣренія основателя, могутъ безъ всякаго съ ихъ стороны умысла сдѣлаться участниками въ предпріятіи, совершенно противномъ ихъ собственной цѣли.

Вслѣдствіе сего, и они отказались отъ національнаго масонства. Лукасинскій, видя сіе неудовольствіе почти всѣхъ членовъ, удостовѣрясь, что онъ уже не въ состояніи поддерживать общества, а и того менѣе обратить его въ орудіе своихъ особенныхъ, неизвѣстныхъ другимъ, видовъ, рѣшился провозгласить оное разрушеннымъ; вскорѣ за тѣмъ онъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ капитулу, что національное масонство уже не существуетъ.

Сіе происходило лѣтомъ 1820 года. Національное масонство уничтожилось, и всѣми бывшими впослѣдствіи изысканіями доказано, что съ того времени большая часть принадлежавшихъ къ оному офицеровъ оставили всякую о немъ мысль, и уже не имѣли никакихъ для сего собраній.—Но не всѣ, подобно имъ, повиновались гласу разсудка и долга. Капитулъ, или лучше сказать, то таинственное отдѣленіе капитула, которое всегда оставалось безвѣстнымъ для прочихъ членовъ общества, не измѣнило своихъ плановъ и, отбросивъ личину масонства, отселѣ начало дѣйствовать сообразнѣе съ замыслами своего главнаго руководителя. Сіи дѣйствія однако же ограничивались составленіемъ или разсмотрѣніемъ проектовъ образованія для предполагаемаго общества и не б[illegible] кими успѣхами до 1821 года; тогда лишь о[illegible] усилилъ ихъ дѣятельность, и возникло ново[illegible] коему Національное масонство было только п[illegible]

Счанѣцкій, бывшій офицеръ польской слу[illegible]

своей поселившійся въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, распространялъ въ семъ краѣ національное масонство, къ которому принадлежалъ прежде, живучи въ Варшавѣ. Оно въ Царствѣ Польскомъ было уничтожено, но въ Познани продолжало существовать еще и въ 1820 году въ томъ же самомъ видѣ. Въ семъ году въ исходѣ іюня подполковникъ Прондзинскій ѣздилъ въ Познань и тамъ присутствовалъ въ засѣданіи общества, когда въ оное принимали генерала Уминскаго. Замѣтивъ, какъ онъ сказываетъ, что иные обряды были несообразны съ его о семъ мыслью, онъ объявилъ мнѣніе свое членамъ, которые немедленно послѣдовали его совѣтамъ и указаніямъ. Прондзинскій утверждаетъ однако же, что никогда не бывалъ членомъ національнаго масонства; но вѣроятно ли, чтобы общество пригласило въ свое засѣданіе человѣка, оному вовсе чуждаго? Впрочемъ, бывъ въ семъ собраніи, онъ черезъ то уже сдѣлался членомъ общества, въ которое часто принимали и безъ всякихъ обрядовъ. Вскорѣ послѣ сего Счанѣцкій явился въ Варшаву для переговоровъ съ главными въ обществѣ. Лукасинскій и Козаковскій сказали ему, что оно рушилось, что не худо и ему уничтожить свое въ Познани. Счанѣцкій, если вѣрить показаніямъ Лукасинскаго, отвѣчалъ, что это уже невозможно, ибо по предложенію Прондзинскаго измѣнены и цѣль и самое имя ихъ сообщества, которое нынѣ называется обществомъ косиніеровъ (косцовъ). Козаковскій говоритъ, что Счанѣцкій точно сказывалъ имъ о сихъ намѣреніяхъ, но не прибавляя, что оныя были слѣдствіемъ предложеній Прондзинскаго.

Въ исходѣ апрѣля 1821 года Уминскій, также жительствующій въ великомъ княжествѣ Познанскомъ, пріѣхалъ въ Варшаву и, узнавъ отъ Счанѣцкаго, что Лукасинскій былъ начальникомъ ихъ общества, изъявилъ желаніе войти съ нимъ въ сношенія. Для сего назначилъ быть собранію въ Лазенкахъ; на оное съѣхались подполковники Прондзинскій и Козаковскій, рефендарій Вержбиловичъ, бывшій подполковникъ Доброгойскій, Циховскій, прежде служившій въ казначействѣ, волынскій шляхтичъ Собаньскій и Моравскій, бывшій издатель періодическихъ листовъ, впослѣдствіи запрещенныхъ правительствомъ [1]). Уминскій объявилъ собранію, что въ великомъ княжествѣ Познанскомъ Національное масонство совершенно измѣнило свое образованіе, что вмѣсто прежнихъ неопредѣленныхъ и неясныхъ предположеній оно избрало для себя политическую и что сему примѣру должно бы послѣдовать и общество, въ Царствѣ Польскомъ существующее. Лукасинскій, казалось, не одобрялъ сихъ перемѣнъ; однако же предложеніе Уминскаго принято большинствомъ голосовъ и положено собраться вновь на другой день 19 Апрѣля / 1 Маія въ гостиницѣ, называемой Потокъ, за четверть мили отъ Варшавы. Между тѣмъ Уминскій, стараясь умножать число членовъ сего заво-

[1]) Сей Моравскій нашелъ средство скрыться и потому не былъ допрошенъ.

димаго имъ въ Варшавѣ общества, имѣлъ свиданіе съ полковникомъ Александромъ Оборскимъ, который былъ уже предваренъ о семъ чрезъ Доброгойскаго. Онъ увѣрялъ Оборскаго, что единственная цѣль его и прочихъ членовъ есть благо общее; что въ числѣ оныхъ всѣ отличнѣйшіе люди ихъ края; что они имѣютъ въ Познани большую сумму денегъ и многія важныя связи въ другихъ земляхъ; наконецъ, что онъ скоро самъ поѣдетъ въ Дрезденъ для переговоровъ съ министромъ одной первостепенной державы; обольщенный Уминскимъ, ослѣпленный увѣреніями его о силѣ познанскаго общества, Оборскій обѣщалъ ему быть на другой день въ П о т о к ѣ.

На сіе собраніе, кромѣ Лукасинскаго, явились: подполковники Козаковскій и Прондзинскій, Оборскій, Моравскій, Собаньскій и адвокатъ Шредеръ. Генералъ Уминскій пріѣхалъ къ нимъ на бѣлой лошади, въ вышитой узорчатой шапкѣ. Такой нарядъ могъ возбудить вниманіе прохожихъ и полиціи; для сего положили дать сборищу видъ поединка, а потомъ каждому своей дорогой отправиться въ Бѣланскій лѣсъ. Всѣ вышепоименованные, а съ ними еще г. Іорданъ сошлись въ лѣсу [1]). Уминскій повелъ ихъ въ уединенное мѣсто онаго и тамъ, составя кругъ, говорилъ рѣчь, наполненную лживыми сужденіями и софизмами, но способную воспламенить умы людей, уже готовыхъ къ заблужденіямъ. Онъ представлялъ своимъ товарищамъ, что поляки, принадлежа разнымъ державамъ, и, слѣдовательно, лишенные отечества, должны безпрестанно стремиться къ утвержденію ея свободы и независимости; что всѣ поляки, гдѣ бы кто ни жительствовалъ, должны способствовать сему согласными стараніями и усиліями, и сообщества всѣхъ областей прежней Польши дѣйствовать совокупно; что, наконецъ, какъ для того, чтобы не терять изъ вида сей великой цѣли, такъ и для введенія необходимаго въ сихъ обществахъ единства и для постановленія преградъ всякимъ отступленіямъ отъ правилъ, онъ считаетъ нужнымъ, чтобы члены дали утвержденную ихъ познанскими товарищами присягу стремиться неуклонно къ предназначенной цѣли. Засимъ Прондзинскій, вынувъ шпагу, вонзилъ ее остріемъ въ землю; на ефесъ оной повѣсили желѣзную медаль съ изображеніемъ Костюшки; Уминскій поднялъ руку, держа въ ней ножъ вмѣсто кинжала, а Моравскій читалъ вслухъ слѣдующее клятвенное обѣщаніе:

„Я (такой то) клянусь предъ Богомъ и отечествомъ и обязываюсь своею честью, что всѣ свои силы буду употреблять на возстановленіе моей несчастной, но любезной матери-отчизны, что для ея свободы и независимости я буду жертвовать имуществомъ и жизнью, что не измѣню, не открою никому тайнъ, которыя нынѣ или впослѣдствіи будутъ мнѣ ввѣрены, что, напротивъ, всѣми отъ меня зависящими мѣрами буду содѣйствовать успѣхамъ нашего общества. Торжественно

[1]) Сей г. Іорданъ нечаянно случился въ Бѣланахъ и былъ увлеченъ Прондзинскимъ, но впослѣдствіи не имѣлъ связей съ Обществомъ.

обѣщаю повиноваться законамъ отечества, какъ существующимъ уже, такъ и тѣмъ, которые впредь могутъ быть постановляемы. Не взирая ни на какія обстоятельства, я не буду щадить не только крови предателя, но и всякаго, кто будетъ дѣйствовать въ противность блага моей отчизны. Если буду преданъ или открытъ, то скорѣе соглашусь лишиться жизни, нежели сказать о тайнахъ сообщества или членахъ онаго. Наконецъ, обѣщаю также, что не буду имѣть у себя ничего письменнаго о нашемъ обществѣ и еще менѣе какихъ-либо бумагъ съ означеніемъ именъ, принадлежащихъ къ оному, развѣ мнѣ сіе будетъ повелѣно моимъ начальникомъ въ обществѣ. Если нарушу сію, предъ Высшимъ Существомъ мною произносимую, клятву, то да умру я лютою смертью измѣнниковъ, да имя мое будетъ переходить изъ устъ въ уста къ потомству, а тѣло мое да будетъ добычею дикихъ звѣрей; симъ да накажется мое гнусное дѣло въ примѣръ другимъ, кои могли бы дерзнуть послѣдовать. Призываю въ свидѣтели Всемогущаго Бога! А вы, тѣни Жолкевскаго, Чарнецкаго, Понятовскаго, Костюшки, вдохните въ меня ваши чувства, да пребуду я непоколебимъ въ своемъ предпріятіи.“

Послѣ чтенія сего клятвеннаго обѣщанія, Уминскій спросилъ, одобряютъ ли оное. Нѣкоторые изъ присутствующихъ изъявили согласіе, а Уминскій сказалъ, что слѣдственно присяга дана. Засимъ члены разошлись, положивъ собраться тотъ же вечеръ къ подполковнику Козаковскому.

Все, здѣсь описанное, изслѣдовано комитетомъ съ величайшею точностью, и не только засвидѣтельствовано единогласными всѣхъ бывшихъ при семъ въ Бѣланскомъ лѣсу показаніями (ибо оныя разнствуютъ лишь въ самыхъ маловажныхъ обстоятельствахъ), но еще самымъ несомнительнымъ образомъ подтверждено на очныхъ ставкахъ между ими и Уминскимъ въ присутствіи регирунгсрата Краузе, чрезвычайнаго коммиссара его величества короля прусскаго, когда Уминскій былъ привезенъ въ Варшаву для тщательнѣйшихъ изысканій о сношеніяхъ нѣкоторыхъ членовъ общества познанскаго съ польскими. Уминскій старался многое скрыть, желая заставить думать, что онъ въ семъ случаѣ не былъ главнымъ дѣйствователемъ и не предлагалъ учредить общество, подобное познанскому; но онъ не могъ опровергнуть ни одного изъ сдѣланныхъ на него показаній, и того въ особенности, что былъ на собраніи въ Бѣланахъ и что по его приглашенію произнесена вышепомѣщенная присяга.

При малѣйшемъ вниманіи легко замѣтить злонамѣренность и коварство сочинявшихъ сіе клятвенное обѣщаніе. Въ ономъ обязываются не только повиноваться узаконеніямъ общества уже существующимъ, но содѣйствовать всему, что руководитель онаго замыслитъ и впослѣдствіи для достиженія своей преступной цѣли. Онъ предоставляетъ себѣ полную власть располагать успѣхи всякаго, ибо, обрекая на смерть называемыхъ имъ предателями, онъ можетъ еще по своему произволу включить въ число жертвъ и другихъ будто бы

дѣйствующихъ въ противность блага отчизны. Трудно повѣрить, чтобы кто-либо, даже и самый легкоумный человѣкъ, могъ, не устрашась, вступить въ такія обязательства, и, вѣроятно, сочинявшій присягу предвидѣлъ сіе, ибо положилъ, что объ ней нововводимые узнаютъ тогда лишь, когда произносятъ ее. Никто, какъ кажется, изъ бывшихъ въ бѣланскомъ лѣсу не размыслилъ о семъ: они въ тотъ же вечеръ по назначенію сошлись къ Козаковскому. Въ семъ собраніи, подъ предсѣдательствомъ Уминскаго, сначала разсуждали: должно ли новому обществу установить центральное правленіе въ Варшавѣ. Уминскій объявилъ, что безъ того не будетъ совокупности и единобразія въ дѣйствіяхъ, и что на семъ только условіи общество познанское можетъ согласиться на присоединеніе къ Варшавскому. Симъ вопросъ рѣшенъ, и опредѣлено сему правленію называться центральнымъ комитетомъ. Потомъ приступили къ сужденію о составѣ комитета. Многіе члены полагали, что въ ономъ каждая провинція должна имѣть представителя; но какъ сей мѣры нельзя было принять немедленно, то рѣшились избрать членовъ временнаго центральнаго комитета съ тѣмъ, что всякая провинція можетъ если не одобрить сдѣланнаго за нее выбора, назначить и прислать на то мѣсто другого. Въ семъ же засѣданіи постановили, что первыми составными частями общества будутъ гмины (Communes, Товарищества), въ коихъ членовъ должно быть не болѣе десяти, что изъ нѣсколькихъ гминъ будетъ составляться округъ, а изъ нѣсколькихъ округовъ провинція. Общество положено распространять повсюду, гдѣ языкъ польскій въ употребленіи, и потому вся прежняя Польша раздѣлена слѣдующимъ образомъ на провинціи:

1. Царство польское. 2. Великое княжество познанское со включеніемъ въ оное и калишскаго воеводства. 3. Галиція. 4. Литовскія губерніи. 5. Волынь. 6. Вольный городъ Краковъ и армія, которую надлежало почитать 7-ю провинціею.

Въ члены временнаго центральнаго комитета выбраны:

Вержбиловичъ, Лукасинскій, Козаковскій, Прондзинскій, Кицинскій, Моравскій, Собаньскій.

Первымъ дѣломъ комитета было изысканіе средствъ распространять общество; поручено стараться о семъ въ провинціи познанской Уминскому, который былъ почитаемъ представителемъ оной, въ Литвѣ отставному полковнику Оборскому, на Волыни—Собаньскому. Краковъ думали отдать въ вѣдомство г. Іордана; но онъ впослѣдствіи не принималъ никакого участія въ предпріятіяхъ общества, и сдѣланный ему на сіе вызовъ остался безъ дѣйствія. Комитетъ разсуждалъ о томъ, какое обществу дать имя. Уминскій предлагалъ назваться косиніерами (косцами) [1]). Сіе имя, какъ онъ сказывалъ,

[1]) Въ воспоминаніе Польской революціи 1794 года, ибо въ сіе время шайки крестьянъ, образованныя въ баталіоны и вооруженныя косами, имѣли успѣхъ въ сшибкахъ съ русскими войсками.

принято обществомъ познанскимъ. Другіе члены не соглашались. Потомъ предлагаемо было именоваться обществомъ національнымъ и патріотическимъ; но неизвѣстно, которое изъ сихъ названій предпочтено комитетомъ, ибо многіе уже послѣ того и вступившіе въ общество члены знали только первое изъ сихъ наименованій. Кажется, однако же, что, по крайней мѣрѣ, большею частью сіе общество называли патріотическимъ. Наконецъ, Уминскій изъявилъ мнѣніе, что уставъ общества познанскаго, привезенный въ спискѣ Моравскимъ, можетъ служить образомъ для статутовъ, которые варшавское общество намѣрено составить для себя, и комитетъ поручилъ составленіе оныхъ Лукасинскому, Моравскому и Кицинскому; такъ заключилось засѣданіе.

Въ послѣдовавшихъ за симъ собраніяхъ разсматривали проекты статутовъ и правилъ для порядка въ обществѣ. Главныя основанія были уже приняты, но о примѣненіи и объясненіи оныхъ возникли жаркіе споры. Прондзинскій и Моравскій, съ большею противъ другихъ горячностью, утверждали, что должно ввести въ общество образъ управленія представительный, говоря и повторяя упорно, что центральный комитетъ долженъ быть составленъ изъ однихъ повѣренныхъ провинцій. Лукасинскій и Махницкій были иного мнѣнія: они полагали, что комитетъ есть только совѣтъ главы общества, и хотѣли, чтобы сіе званіе было возложено на генерала Князевича; Уминскій обѣщалъ уговорить его къ сему. Прондзинскій отвѣчалъ, что главу общества надлежитъ заранѣе почитать начальникомъ революціи; что, слѣдовательно, сіе мѣсто долженъ занять человѣкъ отличнѣйшій, пользующійся великимъ уваженіемъ, а генераловъ Домбровскаго и Косинскаго уже нѣтъ въ живыхъ; что, слѣдственно, въ семъ затрудненіи напрасно дѣлать назначеніе, которое можетъ быть будетъ безъ послѣдствія. Нѣкоторые другіе члены предложили дождаться извѣстій отъ Уминскаго о переговорахъ его съ генераломъ Князевичемъ; симъ кончилось преніе, и вся власть осталась въ центральномъ комитетѣ. Прочія статьи устава приняты большинствомъ голосовъ и разосланы въ провинціи, за исключеніемъ отдѣленія 1-го о верховной власти.

Между тѣмъ, когда комитетъ занимался разсмотрѣніемъ сихъ предположеній, отправленные имъ члены, исполняя свои обѣщанія, распространяли общество въ другихъ мѣстахъ. Оборскій, съ даннымъ отъ комитета наказомъ, пріѣхалъ въ Вильну; тамъ отъ одного Гружѣвскаго, на коего ему было указано, какъ на человѣка, готоваго ему способствовать, онъ узналъ, что въ Литвѣ національное масонство еще существуетъ. Онъ объявилъ ему о своемъ порученіи, и они вмѣстѣ положили созвать на другой день въ Закретѣ на берегу Виліи находящихся въ Вильнѣ членовъ сего масонства. Оборскій въ 5 ч. утра, прибывъ въ назначенное мѣсто, нашелъ г.г. Ромера, Бялозора, Станислава Солтана, Томера и Станислава Гружѣвскихъ, Станислава и Феофила Микуличей, Степана и Станислава Мацкевичей. Оборскій

сказалъ имъ, что національное масонство совершенно измѣнилось, что, вмѣсто онаго, учреждено общество новое, привелъ ихъ къ присягѣ по означенной выше сего формулѣ и предложилъ избрать предсѣдателя на одинъ годъ: выборъ палъ на г. Ромера; Оборскій вручилъ ему формулу клятвеннаго обѣщанія и привезенный имъ изъ Варшавы наказъ, а самъ, будучи весьма равнодушенъ къ состоянію дѣлъ общества, началъ думать о своихъ собственныхъ, которыя были настоящею причиною его пріѣзда въ Вильну.

Ромеръ по своему новому званію созвалъ вскорѣ послѣ того въ Поплавахъ собраніе, подобное бывшему въ Закретѣ, и привелъ также къ присягѣ Карла Прозора, Александра Поцѣя и Игнатія Завита. Нашедши въ переданномъ ему отъ Оборскаго наказѣ, что всякій предсѣдатель провинціи долженъ имѣть совѣтъ изъ четырехъ членовъ, и онъ, какъ предсѣдатель временный, выбралъ князя Константина Радзивилла, г.г. Вейниловича, Новомѣйскаго и Адама Солтана, который для сего и принятъ въ общество. Составленный такимъ образомъ провинціальный совѣтъ немедленно приступилъ къ сужденію, можно ли, не знавъ статутовъ и устава общества, заняться образованіемъ онаго. Князь Радзивиллъ говорилъ, „что содержаніе принятой имъ присяги не согласно съ его внутреннимъ убѣжденіемъ, и что должно бы, не обязываясь къ столь неограниченному повиновенію, прежде узнать точнѣе о свойствѣ общества.“ Съ его замѣчаніемъ согласились и другіе; слова о такомъ повиновеніи исключены изъ клятвеннаго обѣщанія.

Спустя нѣсколько уже мѣсяцевъ послѣ отъѣзда Оборскаго, прибылъ въ Вильну Михаилъ Гофманъ съ новыми давно ожидаемыми статутами. Не будучи знакомъ съ членами общества, и въ отсутствіи Ромера, къ коему онъ долженъ былъ явиться, не зная, кому отдать ввѣренный ему пакетъ, Гофманъ вспомнилъ, что г. Ходцко принадлежалъ къ капитулу стараго масонства; ему онъ вручилъ рукопись открытую, какъ и самъ получилъ ее. Ходцко не былъ членомъ патріотическаго общества, однакожъ взялъ бумаги отъ Гофмана и передалъ ихъ Ромеру, когда онъ возвратился въ Вильну. Но симъ тайна сообщества была нарушена, и Ромеръ увидѣлъ себя принужденнымъ принять въ оное г. Ходцко. Въ новыхъ статутахъ предписывалось составить общество изъ гминъ и округовъ; провинціальный совѣтъ рѣшился сначала образовать первые. Ромеръ поручилъ Завиту завести гмины въ повѣтахъ Ковненскомъ и Упитскомъ, Биллевичу въ Россіенскомъ, князю Радзивиллу въ Новогрудскомъ, Гружѣвскому въ Шавельскомъ. Ни одинъ не исполнилъ сего порученія.

Первыя гмины учреждены въ Вильнѣ Ромеромъ [1]). Число членовъ было не только полное, но вскорѣ и превзошло опредѣленное;

[1]) Она составлялась изъ слѣдующихъ: Ромера, князя Константина Радзивилла, Іосифа и Станислава Гружѣвскихъ, Вагнера, Новомѣйскаго, Адама Солтана, Поцѣя, Корбута, Бучинскаго и Пржецишевскаго.

ее раздѣлили на двѣ, и вторая, отдѣленная отъ первой, гмина ввѣрена управленію Войниловича [1]).

Медлительность и неосторожность принимаемыхъ имъ для управленія обществомъ мѣръ произвели отвращеніе, даже недовѣрчивость во многихъ членахъ виленскаго общества. Стали говорить, что необходимо знать, кто главный начальникъ всего общества; съ тѣмъ вмѣстѣ изъявили желаніе не въ точности слѣдовать правиламъ, въ уставѣ начертаннымъ. Князь Радзивиллъ требовалъ сего упорнѣе прочихъ; онъ даже объявилъ и гминѣ и провинціальному совѣту, „что лучше будетъ вовсе отказаться отъ общества, нежели подвергаться опасности содѣйствовать слѣпо достиженію цѣли, имъ худо извѣстной и, быть можетъ, противной ихъ долгу и совѣсти.“ Онъ нѣсколько разъ говорилъ о томъ и наединѣ Ромеру и Солтану, которые находили его замѣчанія справедливыми; другіе члены не согласились съ его мнѣніемъ, но князь Радзивиллъ остался твердъ въ ономъ, и вскорѣ послѣ полученія статутовъ пересталъ участвовать въ совѣщаніяхъ и дѣлахъ общества. Видя сіе, Ромеръ каждому изъ членовъ, отправлявшихся въ Варшаву по своимъ собственнымъ надобностямъ, поручалъ стараться узнать обстоятельнѣе обо всемъ, что касается до общества. Поцѣй былъ въ Варшавѣ въ 1821 году. Ромеръ требовалъ, чтобы онъ спросилъ у референдарія Вержбиловича, кто управляетъ обществомъ. Поцѣй получилъ и привезъ Ромеру въ отвѣтъ, что это тайна. Вскорѣ потомъ Пржецишевскій сталъ собираться въ Варшаву; ему Ромеръ поручилъ узнать отъ отставного полковника Оборскаго, имѣетъ ли ихъ общество успѣхъ. Оборскій отвѣчалъ, что оно распространяется, но составлено еще изъ первыхъ только началъ. Сіи свѣдѣнія не удовлетворяли Ромера; онъ желалъ точнѣйшихъ и въ томъ же 1821 году далъ еще порученіе недавно принятому въ общество и отправлявшемуся въ Варшаву Бучинскому сыскать Оборскаго, требовать отъ него извѣстій. Но Оборскій уже чувствовалъ отвращеніе къ обществу, не участвовалъ въ дѣлахъ онаго, и сказалъ Бучинскому, что онъ ничего не знаетъ, и что всѣ эти сообщества и патріотизмъ не поведутъ ни къ чему. Сей отвѣтъ также переданъ Ромеру, который продолжалъ нетерпѣливо добиваться вѣрныхъ свѣдѣній о состояніи общества и объ успѣхахъ его. Онъ воспользовался отъѣздомъ адвоката Кульчицкаго, который отправлялся за другими дѣлами въ Варшаву. Ромеръ далъ ему два письма, одно къ Оборскому, другое къ подполковнику Козаковскому, примолвя: „Отъ Козаковскаго ты узнаешь, кто главный начальникъ общества, что тамъ дѣлается и что тамъ должно дѣлать.“ Первый,

---

[1]) Членами сей гмины были: Баранкевичъ, Ходцко, Кульчицкій, Бязоръ, Струмилло, Занъ и Лобановскій.

Ни по чему не видно, чтобъ были заведены еще другія гмины; изъ вышеозначенныхъ каждая собиралась раза три или четыре, первая у Вагера, вторая у Баранкевича; въ сихъ засѣданіяхъ разсуждали только о предлагаемыхъ новыхъ членахъ и о правилахъ для образованія Общества.

Оборскій, не зная ничего, отвѣчалъ на вопросы неясно, подполковникъ Козаковскій, которому Кульчицкій докучалъ нѣсколько разъ, наконецъ, сказалъ ему, „что верховная власть въ обществѣ сокрыта отъ всѣхъ, что между тѣмъ оно значительно распространяется и что въ него не принимаютъ ни знатныхъ людей (магнатовъ), ни генераловъ, ни полковниковъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, я скоро уѣду изъ Варшавы и надобно прислать сюда кого-нибудь для продолженія сношеній: я съ здѣшними не буду имѣть никакихъ.“ Кульчицкій также ѣхалъ въ Лембергъ и увѣдомилъ Ромера письменно о томъ, что слышалъ.

Не имѣя ни прямыхъ сношеній съ варшавскимъ обществомъ, ни руководства, ни прежней довѣренности къ своимъ силамъ, общество литовское перестало отличаться дѣятельностью, какъ при началѣ. Нѣтъ никакой причины полагать, чтобъ сіе общество отъ исхода 1821 года до обнародованнаго въ россійско-польскихъ областяхъ въ іюлѣ 1822 года запрещенія тайныхъ обществъ что-либо предприняло, кромѣ присоединенія къ обществу немногихъ членовъ, коихъ дѣйствія ограничились ихъ вступленіемъ; но слѣдствіемъ не оказалось также, чтобъ бывали собранія гминъ или провинціальнаго совѣта.

Лишь въ августѣ 1823 года дѣятельность сего общества какъ-будто возбудилась снова. Въ сіе время Ромеръ поручилъ Бялозору увѣдомить Гружѣвскаго, жившаго тогда въ деревнѣ, что его хотятъ отправить въ Варшаву. Спустя потомъ нѣсколько дней, Завита позвалъ его къ себѣ и вручилъ 1,000 польскихъ золотыхъ, какъ онъ думалъ, на путевыя издержки до Варшавы. Ромеръ утверждаетъ, что онъ не помнитъ, откуда взялъ сіи деньги, думаетъ, однакожъ, что они были собраны съ членовъ патріотическаго общества, но не можетъ сказать, кто именно участвовалъ въ сей складкѣ. Сіе показаніе довольно вѣроятно, ибо въ кассѣ общества никогда не бывало и такой суммы денегъ. Струмилло говоритъ, что гмина, въ которой онъ принадлежалъ, въ одномъ изъ своихъ засѣданій положила сдѣлать складку для составленія кассы; но со всѣхъ членовъ могли собрать только 18 рублей серебромъ, которые вскорѣ послѣ того Ромеръ у него потребовалъ на расходы общества. Вагнеръ, бывшій казначеемъ онаго, также показываетъ, что въ кассѣ, ему ввѣренной, никогда не бывало болѣе 15 рублей, и сіи деньги Ромеръ употребилъ на посылку нарочнаго въ Россіены съ извѣстіемъ о закрытіи масонскихъ ложъ.

Гружѣвскій пріѣхалъ въ Вильну; Ромеръ объявилъ ему, что общество варшавское требуетъ отъ литовскаго большей дѣятельности и установленія постоянныхъ между ними сношеній; сіе, прибавилъ онъ, есть цѣль даннаго ему, Гружѣвскому, порученія. Потомъ они вмѣстѣ пошли къ Кульчицкому; Ромеръ объявилъ и ему о причинахъ отправленія Гружѣвскаго въ Варшаву и просилъ пособить въ семъ дѣлѣ. Гружѣвскій утверждаетъ, что Кульчицкій наименовалъ ему

подполковника Крыжановскаго, но Кульчицкій не признается въ томъ.

Пріѣхавъ въ Варшаву, Гружѣвскій явился къ Крыжановскому и объявилъ ему о своемъ порученіи. Крыжановскій разспрашивалъ о состояніи общества въ Литвѣ, велѣлъ сообщить оному, что всего болѣе надобно стараться умножать число членовъ, что нужно также узнать, не существуетъ ли тайныхъ обществъ въ Россіи, въ Курляндіи и Пруссіи; что имъ должно собрать свѣдѣнія о запасахъ оружія въ Виленскомъ арсеналѣ, и что при случаѣ можно будетъ приказать жителямъ сего города овладѣть арсеналомъ.

Симъ ограничились дѣйствія Гружѣвскаго въ Варшавѣ. На возвратномъ пути въ Бѣлостокѣ онъ принялъ г-на Довнаровича въ общество, поручилъ ему распространять оное и для того оставилъ списокъ съ формулы клятвеннаго обѣщанія. Довнаровичъ въ самомъ дѣлѣ принялъ нѣсколько человѣкъ, но изъ нихъ нѣкоторые дали присягу на пирушкѣ пьяные и потомъ отреклись отъ нея, не хотѣли имѣть никакихъ связей съ обществомъ. Были также люди, которые и не согласились на предложеніе Довнаровича.

Въ Вильнѣ Гружѣвскій не нашелъ Ромера; о своемъ разговорѣ съ Крыжановскимъ онъ разсказывалъ Струмиллѣ и Ходцко. Первый, удивляясь мысли объ арсеналѣ, вскричалъ: „Но какимъ же средствомъ овладѣть имъ?“ Ходцко думалъ, что студенты могутъ его взять.

Ромеръ не запирается, что намѣреніе захватить арсеналъ было ему извѣстно; только прибавляетъ, что онъ счелъ сіе за шутку. Впрочемъ, по слѣдствію не оказалось, чтобы обществомъ виленскимъ было что-либо предпринято для исполненія сей мысли Крыжановскаго. Гружѣвскій объявляетъ также, что Ромеръ въ томъ же году говорилъ ему: „Готовь саблю свою къ веснѣ;“ сіи слова ему показались шуткою, однакожъ онъ рѣшился упомянуть и объ нихъ въ доказательство своей совершенной искренности. Ромеръ съ своей стороны признается, что сказалъ это Гружѣвскому, но безъ всякаго намѣренія, шутя.

Между тѣмъ, какъ сіе происходило въ Литвѣ, Собаньскій, назначенный временнымъ центральнымъ комитетомъ для распространенія патріотическаго общества на Волынѣ и въ Подоліи, отправился туда для исполненія сего порученія. Пріѣхавъ въ Бердичевъ, онъ тамъ учредилъ провинціальный совѣтъ. Въ наказѣ, данномъ ему отъ временнаго центральнаго комитета, было предписано помѣстить въ сей совѣтъ отставного полковника Тарновскаго, Карла Дзѣконскаго и бывшаго въ польской службѣ офицеромъ Ивашкѣвича; но ихъ не было въ Бердичевѣ. Собаньскій, вмѣсто того, избралъ тогда же принятыхъ имъ въ общество Скибицкаго, бывшаго прежде колоновожатымъ въ польской арміи, графа Петра Мошинскаго—волынскаго

губернскаго предводителя дворянства и Станислава Карвицкаго, бывшаго предсѣдателемъ 2-го департамента главнаго суда той же губерніи. Чрезъ нѣсколько времени къ симъ членамъ присоединили Цишевскаго. Но сей послѣдній не исправлялъ назначенной для него Собаньскимъ должности и не былъ ни на одномъ засѣданіи провинціальнаго совѣта, который собирался два раза въ Бердичевѣ и разъ въ Бальтѣ. На сихъ собраніяхъ разсуждали объ одномъ образованіи общества и о средствахъ увеличить число членовъ. Между тѣмъ, Дзѣконскій, присоединяясь къ обществу въ Варшавѣ, возвратился оттуда и привезъ Собаньскому уставъ онаго, также за исключеніемъ отдѣленія перваго о верховной власти. При томъ объявилъ, что онъ назначенъ вице-президентомъ провинціальнаго совѣта.

Вскорѣ затѣмъ Тарновскій, также возвратясь изъ Варшавы, сообщилъ провинціальному совѣту, что вслѣдствіе новыхъ распоряженій временнаго центральнаго комитета, губерніи Волынская, Подольская и Кіевская, составляющія одну провинцію, будутъ раздѣлены на три; что Подолія остается подъ предсѣдательствомъ Собаньскаго, а на Вильнѣ будетъ предсѣдателемъ онъ, Тарновскій. Скибицкій, пріѣхавшій почти въ одно время съ Тарновскимъ, подтвердилъ его извѣстія, сказавъ притомъ, что везетъ актъ образованія общества къ предсѣдателю кіевскому. Но въ кіевской провинціи не было предсѣдателя. При началѣ образованія оной всѣмъ завѣдывалъ Запольскій; послѣ его смерти сіе перешло къ Іотепкѣ, бывшему судьѣ главнаго суда Кіевской губерніи; когда же онъ въ 1824 году уѣхалъ изъ Кіева, то Гродецкій заступилъ его мѣсто. Все сіе засвидѣтельствовано Ивашкѣвичемъ, который говоритъ, что кіевская провинція не имѣла предсѣдателя, а только провинціальный совѣтъ, составленный изъ Запольскаго, Іотепки, Антона Чарковскаго и его, Ивашкѣвича.

Соображаясь съ доставленными Тарновскимъ предписаніями, Собаньскій уступилъ ему предсѣдательство въ провинціи волынской и поручилъ Станиславу Карвицкому познакомить его съ членами, жившими въ семъ краѣ [1]); сими перемѣнами положенъ былъ конецъ существованію провинціальнаго совѣта трехъ губерній: Волынской, Подольской и Кіевской, и потому оный рѣшился отправить въ Варшаву къ временному центральному комитету отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по прежнему наказу, увѣдомя его съ тѣмъ вмѣстѣ, до какой степени распространилось общество въ сихъ мѣстахъ. Сей отчетъ подписанъ Собаньскимъ, Дзѣнковскимъ и Мошинскимъ; онъ имѣлъ видъ обыкновеннаго письма, но истинное содержаніе было написано между строками симпатическими чернилами [2]). Сіе письмо для отправленія взялъ Тарновскій: онъ утверждаетъ съ клятвою, что ничего и не зналъ о

---

[1]) Сіи члены были: Пулавскій, Іосифъ Залѣсскій, Липскій и Быковскій.

[2]) Рецептъ для составленія сихъ чернилъ данъ Дзѣнковскому въ Варшавѣ вмѣстѣ съ уставомъ Общества.

томъ; однако же вѣрно, что отчетъ доставленъ центральному комитету.

Тарновскій безъ промедленія началъ заниматься образованіемъ волынскаго общества: помѣстилъ въ провинціальный совѣтъ Станислава Карвицкаго и Іосифа Залѣсскаго. Первый, назначенный вице-президентомъ, вмѣстѣ съ Тарновскимъ управлялъ дѣлами патріотическаго общества; второго хотѣли сдѣлать казначеемъ, но онъ только носилъ сіе имя и ни въ чемъ по обществу не участвовалъ. Карвицкій и Тарновскій раздѣлили волынскую провинцію на 6 округовъ: Ровенскій порученъ Ворцелю, Константиновскій Ивану Понятовскому, Овручскій Залѣсскому, Луцкій Липскому [1]), Кременецкій Скибицкому.

Ворцель признается, что вслѣдствіе сихъ распоряженій, о коихъ его увѣдомилъ Мошинскій, онъ, хотя съ трудомъ, уговорилъ нѣсколько человѣкъ вступить въ сообщество. Изъ наименованныхъ имъ иныхъ уже нѣтъ на свѣтѣ, другіе же Францискъ Чарнецкій и Игнатій Платеръ утверждаютъ, что никогда не принадлежали къ патріотическому обществу. Ворцель говоритъ самъ, что онъ едва былъ знакомъ съ ними и упоминалъ имъ о тайномъ обществѣ лишь мимоходомъ, такъ же какъ о необходимости поддерживать и питать народный духъ и чувство.

Слѣдственный комитетъ не нашелъ никакихъ доказательствъ, чтобы прочіе, большею частью безъ вѣдома ихъ избранные Тарновскимъ, начальники округовъ его провинціи старались образовать ихъ, и, какъ видно, общество въ сихъ мѣстахъ не имѣло значительныхъ успѣховъ. Почти также было и въ двухъ другихъ провинціяхъ, ибо во всѣхъ трехъ въ патріотическое общество дѣйствительно принято не болѣе 30-ти человѣкъ. Сначала называли принадлежащими къ оному еще многихъ, но въ продолженіе слѣдствія открыто, что показатели именовали ихъ членами ошибочно, по слухамъ или догадкѣ. Есть примѣры, что иные изъ имѣвшихъ порученіе распространять общество, или изъ хвастовства, или для того, чтобы не подвергнуться упрекамъ за бездѣйствіе, включили въ число принятыхъ ими и тѣхъ, при которыхъ они только слегка упоминали о существованіи общества, и даже тѣхъ, о коихъ только думали, что они согласились бы на предложеніе вступить въ оное. Малочисленность принадлежавшихъ въ самомъ дѣлѣ къ обществу въ семъ краѣ не трудно изъяснить обстоятельствами мѣстными. Обыватели губерній Волынской, Подольской и Кіевской живутъ по деревнямъ, иногда весьма далеко другъ отъ друга, не имѣютъ удобности часто видѣться и собираются только по дѣламъ или въ случаяхъ чрезвычайныхъ. Оттого всѣ засѣданія, о коихъ сказано выше, были во время ярмарокъ въ Балтѣ и Бердичевѣ или во время контрактовъ въ Кіевѣ [2]). На сихъ же собраніяхъ принята и большая часть членовъ.

[1]) Сей Липскій умеръ.

[2]) Контрактами называется ежегодное собраніе тамошнихъ помѣщиковъ для приведенія въ порядокъ разныхъ между собою дѣлъ по хозяйству и торговлѣ.

Общество существовало въ семъ видѣ до 1822 года, но въ семъ году, чтобы установить единство, рѣшились учредить для всѣхъ трехъ провинцій комитетъ, долженствовавшій быть средоточіемъ дѣлъ общества. Тарновскій на сдѣланный ему о семъ вопросъ отвѣчалъ, что, можетъ быть, варшавскій центральный комитетъ учреждалъ подобный для провинціи Волынской, Подольской и Кіевской, но что сія мѣра не была приводима въ дѣйствіе. Однако же доказано, что есть комитетъ, хотя и имъ не былъ формально установленъ, но существовалъ, и что управленіе дѣлами общества по всѣмъ тремъ провинціямъ оставалось въ рукахъ дѣятельнѣйшихъ членовъ, между прочимъ и Тарновскаго. Онъ не былъ предсѣдателемъ провинціальнаго кіевскаго совѣта, и однако же, когда пріѣзжалъ въ Кіевъ, то всякій разъ ему давали отчетъ о состояніи общества въ сей провинціи.—Въ засѣданіи, бывшемъ въ Кіевѣ у него, Тарновскаго, Запольскій, первый изъ занимавшихся учрежденіемъ и образованіемъ общества въ Кіевской губерніи, читалъ свое о томъ донесеніе. Наконецъ, онъ же, Тарновскій, въ 1822 году сдѣлалъ нѣкоторыя общія распоряженія не по одной Волыни, а и по двумъ другимъ провинціямъ.

Дѣла патріотическаго общества были въ семъ положеніи, когда дѣйствія его начали встрѣчаться и смѣшиваться съ дѣйствіями другого сообщества, о коемъ еще не упоминалось въ семъ донесеніи. Сіе общество называлось Рыцарями Храма (темплієрами); основателемъ его былъ Маѣвскій, капитанъ уланскаго полка его королевскаго высочества принца Оранскаго, номера 1-го. Сей офицеръ былъ въ плѣну у англичанъ, жилъ нѣсколько лѣтъ въ Шотландіи, тамъ принятъ въ ложу рыцарей Храма и, какъ онъ сказываетъ, возведенъ въ высшіе степени ордена, съ дозволеніемъ учреждать новыя ложи [1]). Спустя довольно долгое время послѣ возвращенія своего въ Польшу, онъ вздумалъ воспользоваться симъ дозволеніемъ; однако же въ Варшавѣ не могъ привести онаго въ дѣйствіе. Тамъ въ 1819 году онъ принялъ только, безъ всякихъ обрядовъ и торжественности, г. Лаговскаго, бывшаго штабъ-офицера польской службы, и Заблоцкаго, коммиссаріатскаго чиновника; потомъ принужденъ былъ ѣхать за ремонтомъ на Волынь и съ сихъ поръ жилъ почти всегда тамъ. Но онъ не терялъ изъ виду прежнихъ своихъ намѣреній и отсутствіе изъ Варшавы не считалъ препятствіемъ для успѣха. Напротивъ, безпрестанные разъѣзды, сношеніе по должности съ множествомъ разнаго рода людей доставляло ему неожиданные благопріятные случаи. Онъ ими пользовался, и въ 1820 году съ помощію и по совѣту Лаговскаго, также часто бывавшаго въ семъ краѣ, положилъ начало своему обществу на основаніяхъ, ниже сего описанныхъ.

[1]) Въ подтвержденіе онъ показывалъ многимъ выданный будто ему изъ Шотландской ложи дипломъ; но оный не найденъ въ бумагахъ его и не былъ представленъ слѣдственному комитету.

Не зная расположенія умовъ, не зная, возможно ли будетъ распространить общество въ настоящемъ видѣ онаго, Маѣвскій, равно и Лаговскій, ибо послѣдній съ сего времени является всегдашнимъ совѣтникомъ и руководителемъ перваго, рѣшились таить свою истинную цѣль подъ благовиднымъ покровомъ намѣреній человѣколюбія; потому общество свое наименовали благотворительнымъ. Но сіе названіе не долго было въ употребленіи: вскорѣ члены начали именовать себя темпліерами, а прежнее имя оставлено для первой степени, и особенно для тѣхъ изъ принимаемыхъ, коихъ свойства и правила были начальникамъ не довольно извѣстны. Отъ сего произошло, что многіе члены знали оное подъ симъ только именемъ.

Кандидатамъ объявляли, что цѣль общества есть: благотвореніе, исполненіе обязанностей нравственности и законовъ добродѣтелей. Въ присягѣ они обѣщали сообразоваться въ точности съ правилами общества, не открывать тайнъ его, всѣмъ жертвовать отечеству, проливать кровь для защиты онаго, стоять на полѣ битвы одному противъ трехъ.—Та же присяга обязывала ихъ не обольщать ни женъ, ни дочерей другихъ членовъ сообщества, и буде одинъ поручитъ другому опеку надъ дѣтьми своими, то исправлять сію должность добросовѣстно и съ человѣколюбіемъ. Наконецъ, имъ было предписано считать все общество своимъ семействомъ и стараться возвращать къ добродѣтели заблуждающихся членовъ [1]).

Обряды, особенно для вступленій, были установлены такіе, чтобы заставить думать, будто общество существуетъ съ весьма давнихъ временъ. Маѣвскій показываетъ, что Лаговскій для сочиненія оныхъ справлялся съ разными масонскими книгами, съ однимъ сочиненіемъ о рыцаряхъ Храма, соображаясь, однако же и съ тѣмъ, что онъ, Маѣвскій, ему разсказывалъ о своемъ принятіи въ эдинбургскую ложу. Вступающій долженъ былъ принести обществу въ даръ, по крайней мѣрѣ, 100 злотыхъ на благотворительныя дѣла.

Прежде еще образованія общества многіе уже были приняты въ оное Маѣвскимъ. Число членовъ увеличилось въ бывшія въ Кіевѣ въ генварѣ 1821 года два собранія; въ послѣднемъ избраны верховные сановники общества [2]). Но симъ выборомъ по большей части возложены только имена; весьма немногіе исправляли въ самомъ дѣлѣ назначенныя имъ должности; въ августѣ того же года были два засѣданія въ Бердичевѣ.—Въ первомъ приняты между прочими графъ Петръ Мошинскій, во второмъ, которое было гораздо многочисленнѣе, Собаньскій. Въ семъ засѣданіи Карвицкій предложилъ соединить на-

[1]) Сіе клятвенное обѣщаніе сочинено Лаговскимъ; въ ономъ видна отличительная черта его характера, какое-то расположеніе къ мистическому нравоученію.

[2]) Маѣвскій наименованъ великимъ магистромъ темпліеровъ, Станиславъ Карвицкій—заступающимъ мѣсто великаго магистра, Лаговскій—великимъ ораторомъ, Пуласскій—великимъ намѣстникомъ, Цишевскій—великимъ судьею, Загорскій—великимъ обознымъ, Карпинскій—великимъ секретаремъ.

тріотическое общество съ темпліерами. Но сіе предложеніе, поддерживаемое Мошинскимъ, Цишевскимъ и Пуласскимъ, которые только что вступили въ патріотическое общество, было отвергаемо Тишковскимъ и Маѣвскимъ. Сей послѣдній утверждалъ, что общество темпліеровъ, имѣя отрасли въ разныхъ земляхъ, будучи распространено и въ Бѣлоруссіи, и Малороссіи, столь велико, столь сильно, что не имѣетъ нужды соединяться съ другимъ. Слѣдствіемъ доказано, что все сіе было не справедливо, и что общество темпліеровъ никогда не имѣло отраслей въ означенныхъ областяхъ имперіи; но члены разныхъ тайныхъ обществъ считали себя въ правѣ обманывать другъ друга, когда находили въ томъ выгоду. Предложеніе Карвицкаго осталось на сей разъ безъ дѣйствія, но приняли другое: учредить двѣ нижнія степени для испытанія такъ, чтобы прежняя первая была уже третьею. Изъ присяги сихъ новоустановленныхъ степеней исключены слова: обязываюсь жертвовать всѣмъ обществу, проливать за него кровь свою и не отступать и предъ тремя непріятелями на полѣ битвы. Положили, сверхъ того, въ каждой губерніи завести ложу изъ 12 членовъ. Для сего назначены намѣстниками или предсѣдателями сихъ ложъ: въ Волынскую губернію Карвицкій, въ Подольскую Мошинскій, въ Кіевскую Пуласскій вмѣстѣ съ Цишевскимъ. Слѣдственнымъ комитетомъ открыто, что изъ сихъ ложъ существовали въ самомъ дѣлѣ только двѣ, одна въ Житомирѣ подъ управленіемъ Карвицкаго, другая въ Подоліи подъ начальствомъ Мошинскаго.

Между тѣмъ, около сего времени многіе изъ темпліеровъ приняты въ патріотическое общество, а равнымъ образомъ и нѣкоторые изъ членовъ сего общества вступили въ темпліеры.

Пренія и ссоры долженствовали быть послѣдствіемъ такого смѣшенія людей съ различными видами и побужденіями; оныя вскорѣ начались. Главные члены общества темпліеровъ принадлежали и къ обществу патріотическому. Маѣвскій сталъ бояться, чтобы сіе послѣднее не овладѣло совершенно тѣмъ, которое онъ основалъ, и чтобы темпліеры не обратились въ нижнюю степень или ложу для испытаній. Дабы противодѣйствовать сему, онъ, во всякомъ случаѣ превознося свое общество, твердя о его силахъ, старался унижать общество патріотическое. Тогда ему была еще неизвѣстна истинная цѣль онаго; онъ однако же угадывалъ, что сія цѣль могла быть не иная, какъ политическая, и потому говорилъ, что сіе общество есть враждебное правительству и долженствуетъ навлечь гоненіе на членовъ. Съ другой стороны, Тарновскій, вступивъ въ темпліеры, находилъ мистическіе обряды ихъ смѣшными, опровергалъ увѣренія Маѣвскаго и всячески препятствовалъ распространенію его сообщества. Замѣчая сіе несогласіе въ мнѣніяхъ и намѣреніяхъ, Станиславъ Карвицкій, будучи отъ природы боязливъ или, какъ онъ самъ себя называетъ, трусъ, началъ ужасаться политической цѣли патріотическаго общества, въ которое онъ только что вступилъ, и рѣшился возобновить

старанія для соединенія обществъ или, чего онъ желалъ наиболѣе, для того, чтобы подчинить совершенно патріотическое общество темпліерамъ. Тарновскаго сія мысль доводила до бѣшенства; онъ всѣми силами противился принятію оной; съ нимъ соглашался князь Антонъ Яблоновскій, который считалъ соединеніе потому невозможнымъ, что исключительною цѣлью общества патріотическаго было возстановленіе и независимость Польши, а темпліеры могли со временемъ назначить себѣ другую, обширнѣйшую. Старанія Карвицкаго и въ семъ случаѣ были безуспѣшны.

Но отъ сихъ продолжительныхъ споровъ необходимо должны были родиться неудовольствія, даже зложелательство между людьми, коихъ мнѣнія были столь несходны. Дошло до того, что важнѣйшіе изъ темпліеровъ, особливо намѣстники, будучи всѣ членами общества патріотическаго и мучаясь безпрестанными ссорами, стали грозить, что совсѣмъ оставятъ свое прежнее сообщество, тѣмъ болѣе, что мистицизмъ онаго имъ часъ отъ часу менѣе нравился, а къ патріотическому ихъ влекла политическая ея цѣль, всегда заманчивая для умовъ безпокойныхъ. Маѣвскій, видя, что общество, имъ основанное, готово разрушиться, и не зная, чѣмъ остановить его паденіе, вздумалъ къ существовавшимъ дотолѣ тремъ степенямъ прибавить четвертую, въ которой—говорилъ онъ—члены общества темпліеровъ найдутъ то, чего они ищутъ въ патріотическомъ, слѣдственно, не захотятъ уже разстаться съ первымъ. Мысль учредить сію четвертую степень приведена въ дѣйствіе; но предназначеніе оной, какъ видно, никогда не было съ совершенною точностью опредѣлено. Изъ всѣхъ показаній о сообществѣ темпліеровъ самыя несогласныя суть тѣ, кои относятся къ сему обстоятельству. Маѣвскій, который, по своимъ собственнымъ словамъ о 4-й степени, что темпліеры въ ней найдутъ то, чего они искали въ обществѣ патріотическомъ, сначала призналъ, что, слѣдственно, главная цѣль сего общества—соединеніе всѣхъ частей прежней Польши—сдѣлалась также и цѣлью темпліеровъ, притомъ утверждалъ и неоднократно, что сіе заключеніе было бы несправедливо, что цѣль установленной имъ 4-й степени была совсѣмъ не та.

Мошинскій былъ въ обоихъ обществахъ и, слѣдовательно, не имѣя причины скрывать, что вышеозначенная цѣль была принята и темпліерами, также сначала объявилъ, что о сей цѣли знали члены 4-й степени, и потомъ также перемѣнилъ свое показаніе, утверждая, что сія степень принадлежала къ однимъ обрядамъ и тайнамъ масонства; прежде онъ сказалъ оное единственно по ошибкѣ, не вспомня вдругъ съ надлежащею точностію, въ чемъ разнствовали цѣли двухъ сообществъ, коихъ онъ былъ членомъ.

Станиславъ Карвицкій, подтверждая сіе показаніе, увѣряетъ, что 4-я степень темпліеровъ не имѣла ничего сходнаго съ обществомъ

патріотическимъ, что она просто масонская и не что иное, какъ степень 33-я масонства французскаго.

Лаговскій говоритъ, что онъ не участвовалъ въ установленіи сей 4-й степени, даже не зналъ о ней. Цишевскій же утверждаетъ, что въ сей степени предписывалось жертвовать имуществомъ и жизнью для возстановленія отечества; а Казимиръ Пулавскій объявилъ, что послѣ учрежденія двухъ первыхъ нижнихъ степеней онъ слышалъ, будто въ числѣ обязанностей членовъ есть соблюденіе д у х а и ч у в с т в а народнаго; но ему неизвѣстно, открытіемъ ли сей цѣли означалось принятіе въ 4-ю степень.

Сличивъ сіи разныя показанія, сообразивъ оныя съ тогдашними обстоятельствами и съ другими во время слѣдствія собранными свѣдѣніями, кажется, невозможно согласить противорѣчія и симъ разрѣшить вопросъ, имѣло ли общество темпліеровъ цѣль политическую. Доказано, что Маѣвскій узналъ съ точностью объ истинномъ значеніи патріотическаго общества только въ 1825 году; слѣдовательно, онъ не могъ въ 1822 сообщать другимъ, чего еще и самъ не зналъ: онъ не имѣлъ въ томъ и нужды, ибо вступившіе тогда въ 4 степень темпліеровъ, то есть н а м ѣ с т н и к и, всѣ были членами патріотическаго общества; слѣдственно, цѣль онаго была имъ самимъ гораздо болѣе извѣстна. Все объясняется тѣмъ, что сія 4 степень соотвѣтствовала 33 степени масонства французскаго; а изъ признанія Станислава Карвицкаго, который вступилъ въ оную въ Парижѣ, масонъ 33 степени принималъ на себя с ъ и м е н е м ъ т е м п л і е р а о б я з а н н о с т ь п о м о г а т ь в с я к о м у н а р о д у, в о ю ю щ е м у з а с в о ю н е з а в и с и м о с т ь. Сіе обѣщаніе могло относиться и къ Польшѣ, но не къ ней исключительно, какъ въ обществѣ патріотическомъ. Слѣдственно, Маѣвскій, подозрѣвая виды сего общества, имѣлъ право сказать, что в ъ 4 с т е п е н и о б щ е с т в а т е м п л і е р о в ъ ч л е н ы н а й д у т ъ т о, ч е г о о н и и щ у т ъ в ъ д р у г о м ъ; но изъ сего нельзя еще съ основательностью заключить, что цѣль патріотическаго общества была принята темпліерами, и б о в ъ с і е в р е м я П о л ь ш а н е с р а ж а л а с ь з а с в о ю н е з а в и з и м о с т ъ, а темпліеры не обязывались возбуждать войны сего рода посредствомъ революцій.

Едва лишь удалось Маѣвскому спасти свое общество отъ разрушенія и соединенія съ обществомъ патріотическимъ, какъ стала ему грозить новая опасность: намѣреніе измѣнить совершенно и образованіе и даже отчасти предназначеніе общества, а съ тѣмъ вмѣстѣ лишить основателя способовъ управлять имъ сообразно съ своими видами.

Въ 1822 году, послѣ описанныхъ выше засѣданій общества темпліеровъ, члены онаго, принадлежащіе къ намѣстничеству графа Петра Мошинскаго, и въ томъ числѣ Цишевскій, собирались два раза у своего намѣстника и разсуждали о средствахъ распространить общество, дать ему болѣе силы и дѣятельности. Всѣ вообще находил

что Маѣвскій не имѣлъ нужныхъ для управленія способностей, и что для введенія недостающаго въ ономъ единства необходимо составить новые статуты. Мошинскій сообщилъ свои на счетъ сей мысли Цишевскому, а сей послѣдній сочинилъ проектъ образованія, по коему общество темпліеровъ долженствовало состоять изъ прежнихъ 4 степеней. Въ первой поступающимъ предписывались любовь къ ближнему и взаимное вспоможеніе; во второй—обязанность соблюдать народный духъ и чувство; въ третьей напоминали вообще о долгѣ любить отечество; наконецъ, въ четвертой темпліеръ объявлялъ, что весь принадлежитъ своему родному краю и готовъ, если нужно, жертвовать ему всѣмъ. Цишевскій въ сіе время былъ уже членомъ патріотическаго общества и, соображаясь съ уставомъ онаго, написалъ проектъ устава для темпліеровъ. По сему проекту слѣдовало ввести и между ними постепенность во властяхъ для управленія обществомъ, учредивъ верховный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ великаго магистра, комитеты провинціальные, намѣстничества и округи. При каждомъ изъ сихъ начальствъ должны были находиться разъѣздники для сношеній съ другими начальствами, а въ губернскихъ городахъ прокуроры для наблюденія за безопасностью какъ всего общества, такъ и всякаго члена въ особенности. Свѣдѣнія отъ нихъ долженствовали быть присылаемы чрезъ разъѣздниковъ.

Въ томъ же году Цишевскій, собравъ у Пулавскаго трехъ другихъ членовъ—Станислава Карвицкаго, Маѣвскаго и Тишковскаго, показалъ имъ свой проектъ образованія; всѣ одобрили его, и однакожъ оный не сдѣлался уставомъ общества. Маѣвскій, видя, что у него отнимаютъ большую часть присвоенной имъ власти, потребовалъ проектъ къ себѣ будто бы для разсмотрѣнія, а потомъ самовольно уничтожилъ его, какъ несогласный съ коренными правилами общества темпліеровъ.

Въ семъ положеніи оставалось все до конца 1822 года, и между тѣмъ приняты лишь немногіе и незначащіе члены. Патріотическое общество провинцій волынской, подольской и кіевской также очень мало дѣйствовало. Члены обоихъ обществъ слышали, что въ Варшавѣ взяты нѣкоторые люди подъ стражу, и сіе возбудило въ нихъ боязнь, которая еще увеличилась, когда графъ Викторъ Оссолинскій въ 1823 году сообщилъ Мошинскому предписаніе не принимать никого вновь и вообще наблюдать крайнюю осторожность. Боязнь ихъ была не безъ основанія: мѣры, которыя тогда приняты въ Варшавѣ, точно имѣли цѣлью открытіе патріотическаго общества и принадлежатъ къ исторіи онаго.

Съ того времени, какъ центральный комитетъ началъ посредствомъ разосланныхъ имъ повѣренныхъ распространять сіе общество въ Литвѣ и другихъ россійско-польскихъ областяхъ, общество имѣло нѣкоторые успѣхи и въ Царствѣ Польскимъ, и хотя изъ вступившихъ въ оное членовъ большая часть была ничтожныхъ, не имѣвшихъ вли-

слѣдствіи никакихъ сношеній съ сообществомъ, но за то были и такіе, которые своею дѣятельностью замѣняли другихъ или не любившихъ сего рода сообществъ, или предчувствовавшихъ опасность, коей они подверглись бы, участвуя въ предпріятіяхъ онаго.

Бывшій подполковникъ Доброгойскій, посланный Лукасинскимъ для распространенія общества въ Калишѣ, былъ въ семъ городѣ многими хорошо принятъ, а въ начальникѣ контроля кассы воеводства Добржицкомъ нашелъ ревностнаго пособника, который съ жаромъ присталъ къ обществу и взялся содѣйствовать Доброгойскому. Кощуцкій, бывшій прежде студентомъ въ бреславскомъ университетѣ, а послѣ ассессоромъ въ калишскомъ судѣ, также съ отмѣнною готовностью вступилъ въ общество и сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ послѣдователей всѣхъ правилъ, онымъ предписанныхъ. Другое важнѣйшее лицо, отставной маіоръ Махницкій, въ сіе же время является въ числѣ членовъ патріотическаго общества. Онъ былъ товарищемъ и содѣйствователемъ Лукасинскаго въ заведеніи національнаго масонства, не показываясь въ ономъ открыто, такимъ же образомъ управляя и капитуломъ и комитетомъ, который послѣ разрушенія сего масонства не переставалъ быть дѣятельнымъ; онъ тогда же замыслилъ положить основаніе новому тайному обществу. Не бывъ въ Варшавѣ, когда отставной генералъ Уминскій пріѣзжалъ для учрежденія патріотическаго общества, Махницкій по возвращеніи узналъ обо всемъ отъ Лукасинскаго и, какъ сей послѣдній показываетъ, одобрилъ все, присталъ къ нимъ, не скупился ни на совѣты, ни на возбужденія. Во временномъ центральномъ комитетѣ было свободное мѣсто за отъѣздомъ Собаньскаго, отправленнаго въ россійско-польскія губерніи для распространенія общества. Положено Махницкому заступить его; однако же онъ, не измѣняя избраннаго имъ прежде осторожнаго, почти отъ всѣхъ сокрываемаго хода, продолжалъ дѣйствовать лишь втайнѣ и очень рѣдко являлся въ засѣданіяхъ комитета.

Число членовъ патріотическаго общества въ Царствѣ Польскомъ увеличилось, но оное было составлено изъ людей малозначащихъ, не имѣло ни силъ, ни вліянія. Тѣ между ими, кои болѣе другихъ желали успѣха замышляемымъ предпріятіямъ, сами чувствовали, что въ семъ состояніи онъ не возможенъ, что общество не имѣетъ ни твердости, ни единства, и Лукасинскій, коему было поручено распространять оное въ войскѣ, признавался, что его внушенія не производили никакого впечатлѣнія на генераловъ, даже на полковниковъ. Обманывая на сей счетъ прочихъ членовъ, главные старались увѣрить ихъ, что прежде бывшіе въ польской службѣ отличные офицеры принадлежатъ къ ихъ обществу; однакожъ, чувствовали, что симъ они не долго могутъ ослѣплять и самыхъ легкомысленныхъ и возвышать въ мнѣніи такое сообщество, которое по свойству членовъ своихъ не имѣло никакихъ правъ на довѣренность. Всѣхъ болѣе былъ въ семъ убѣжденъ Мах-

ницкій; и по способностямъ своимъ, и по опытности, онъ лучше другихъ могъ судить, каковы люди, изъ коихъ составлялось общество, и первый началъ думать о средствахъ дать оному въ начальники человѣка съ извѣстностью въ свѣтѣ, такого, чтобъ имя его могло возбудить надежды и привлечь послѣдователей. Прежде всѣхъ мысли его представился генералъ Княжевичъ; Махницкій объявилъ сочленамъ, что, если онъ (Княжевичъ) или, въ случаѣ его отказа, хоть генералъ Косинскій [1]) не примутъ начальства надъ обществомъ, то оно не можетъ и существовать долѣе. Хотя во временномъ центральномъ комитетѣ иные спорили съ Махницкимъ, однако жъ онъ рѣшился сдѣлать предложеніе генералу Княжевичу, который, давно оставя службу, живетъ въ Дрезденѣ. Для сего онъ избралъ одного Павликовскаго и, принявъ его вмѣстѣ съ Лукасинскимъ въ общество, объявилъ ему, на что онъ предназначенъ. Павликовскій жилъ пронырствомъ, и какъ скоро узналъ намѣреніе Махницкаго, онъ сталъ утверждать, что пользуется довѣренностью генерала Княжевича; ему дали денегъ на дорогу, и онъ сказалъ, что ѣдетъ въ Дрезденъ, но вмѣсто того, доѣхалъ лишь до Познани, написалъ оттуда, что онъ исполнилъ данное ему порученіе: только генералъ Княжевичъ, не видя документа въ подтвержденіе истины словъ его, не захотѣлъ вступить съ нимъ въ переговоры. При семъ Павликовскій требовалъ новыхъ наставленій, особливо же новой суммы денегъ и получилъ ее. Подобными обманами онъ еще нѣсколько времени льстилъ ожиданіямъ легковѣрныхъ членовъ общества. Хотя имъ и не было представлено никакихъ доказательствъ, что Павликовскій въ самомъ дѣлѣ имѣлъ свиданіе съ генераломъ Княжевичемъ, хотя даже многіе и сомнѣвались въ томъ, но, чтобы возвышать свое общество въ мнѣніи, не стыдясь, говорили, или что генералъ Княжевичъ начальникъ онаго, или что онъ предсѣдатель заграничнаго главноуправляющаго комитета, коего цѣль и сношенія столь важны, что ихъ необходимо хранить въ величайшей тайнѣ. Слѣдствіемъ обнаружена совершенная лживость сихъ увѣреній, и тѣ самые, которые распространяли между своими товарищами сіи слухи о генералѣ Княжевичѣ, объявили въ признаніяхъ, что все ими на сей счетъ сказано безъ малѣйшаго основанія, что онъ, вѣроятно, не зналъ о существованіи общества, въ которомъ его провозглашали главою, и что сдѣланныя будто бы ему предложенія были ни что иное, какъ выдумка Павликовскаго, который симъ старался выманить у общества болѣе денегъ.

Какъ ни таинственны были дѣйствія сего общества, однако же не могли всегда избѣгать бдительнаго надзора правительства. Извѣстія, изъ разныхъ мѣстъ полученныя, даже и показанія, хотя еще не полныя, нѣкоторыхъ, благоразуміемъ или раскаяніемъ побужденныхъ, членовъ, не дозволяли сомнѣваться, что есть тайное общество съ опредѣленною политическою цѣлью, что оно въ безпрестанномъ дви-

[1]) Нынѣ уже умершій.

женіи и умножаетъ число соумышленниковъ. Вслѣдствіе сего усилена дѣятельность въ изысканіяхъ, взяты подъ стражу Лукасинскій, Махницкій, Доброгойскій, Добржицкій, адвокатъ Шредеръ, Кошицкій и нѣсколько другихъ менѣе значившихъ въ обществѣ членовъ. Наряженъ слѣдственный комитетъ для совершеннаго открытія кова, коего одна отрасль была уже обнаружена.

Сіи мѣры, доказавъ, что существованіе тайнаго общества извѣстно, привели въ ужасъ всѣхъ членовъ онаго. Не зная, не будутъ ли они вскорѣ раздѣлять судьбу взятыхъ подъ стражу товарищей, опасаясь дать къ тому поводъ малѣйшею неосторожностью, они убѣгали другъ отъ друга и, развѣ случайно встрѣчаясь, дозволяли себѣ сказать мимоходомъ нѣсколько словъ о своемъ сообществѣ. Сіе продолжалось до 1823 года. Временный центральный комитетъ уже не существовалъ; изъ членовъ онаго главные были подъ стражею, иные въ отсутствіи по дѣламъ службы или своимъ, прочіе въ страхѣ. Что касается до тѣхъ, которые, вступивъ въ общество, единственно по сему считались принадлежащими къ оному, они не могли имѣть желанія дѣйствовать больше прежняго, чувствуя, что и такъ уже подвергли себя опасности. Однимъ словомъ, общество въ Царствѣ Польскомъ было совершенно безъ движенія и готово разрушиться. Но, видя, что не сбывается то, чего они опасались всего болѣе, то-есть быть взятыми подъ стражу, видя, что слѣдствіе продолжается, не касаясь до нихъ, они стали покойнѣе; время мало-по-малу изгладило первыя впечатлѣнія страха, и ревностнѣйшіе члены, не боясь уже за себя, и, какъ видно, полагаяся на скромность допрашиваемыхъ, осмѣлились, однако же, съ необыкновенными предосторожностями заняться снова дѣлами общества. Они не имѣли установленныхъ засѣданій: совѣщанія начинались, когда случайно два или три члена встрѣчались на какомъ-нибудь гуляньѣ, всего чаще въ Королевскомъ саду. На сихъ совѣщаніяхъ разсуждали единственно о мѣрахъ для препятствія дальнѣйшимъ открытіямъ правительства: тогда положено сообщить и волынскому провинціальному совѣту, чтобъ тамъ не набирали новыхъ членовъ.

Въ Царствѣ Польскомъ были въ сіе время дѣятельны только подполковникъ Крыжановскій, князь Антонъ Яблоновскій, референдарій Гржимала и секретарь Плихта. Къ симъ присоединились сенаторъ и кастелланъ графъ Станиславъ Солтыкъ, который далъ знать Гржималѣ, что принадлежитъ къ обществу. По слѣдствію не открыто, кѣмъ онъ былъ принятъ; самъ онъ утверждаетъ, что его никто не принималъ; и сего показанія нельзя назвать невѣроятнымъ, ибо извѣстно, что въ обществѣ не было никакихъ знаковъ, по коимъ члены могли бы узнавать другъ друга; что они по изъявленному въ разговорахъ образу мыслей, когда онъ былъ сходенъ съ ихъ мыслями и правилами, заключали, принадлежитъ ли кто къ ихъ сообществу, и отъ такихъ ничего не скрывали. Подобнымъ сему случаемъ, какъ видно, и графъ Солтыкъ и многіе другіе узнали о тайнахъ общества. Какъ бы

то ни было, но присоединеніе такого члена долженствовало обрадовать главныхъ въ обществѣ дѣйствователей. Въ немъ, наконецъ, они находили человѣка съ многолѣтней опытностью [1]), пріобрѣтенною въ исправленіи разныхъ государственныхъ должностей, и съ именемъ, которое могло внушить довѣренность. Спѣшили симъ воспользоваться, и вскорѣ потомъ Гржимала и Плихта предложили ему быть начальникомъ варшавской провинціи, слѣдственно, главою общества. Графъ Солтыкъ принялъ ихъ предложеніе и съ сего времени былъ постоянно признаваемъ за начальника всего патріотическаго общества.

Въ нѣкоторомъ отношеніи онъ въ самомъ дѣлѣ былъ главою и руководителемъ онаго. Собранія членовъ съ тѣхъ поръ бывали всегда у него, и обыкновенно онъ предсѣдательствовалъ на совѣщаніяхъ. Крыжановскій и князь Яблоновскій, которые иногда дѣйствовали безъ предписаній, всегда, однако же, давали ему отчетъ во всемъ ими сдѣланномъ и совѣтовались, какъ продолжать начатое. Сіи собранія впослѣдствіи названы верховнымъ совѣтомъ общества; хотя никто не думалъ вручать имъ такую власть, но она сама собою сосредоточивались въ семъ совѣтѣ; ибо отселѣ все въ обществѣ и дѣлалось, и предпринималась по направленію онаго. Члены, о коихъ сказано выше, что они одни остались дѣйствующими, составляли сей совѣтъ; однако же, не всѣ принимали равно участіе въ управленіи общества. Истинными правителями были: графъ Солтыкъ, князь Антонъ Яблоновскій и подполковникъ Крыжановскій; ихъ не возводили въ сіе званіе, но оно принадлежало имъ: графу Солтыку за тѣмъ, что его считали необходимымъ, а двумъ другимъ потому, что они были предпріимчивѣе и дѣятельнѣе всѣхъ прочихъ. Вскорѣ явились новыя доказательства предпріимчивости сихъ членовъ.

Во все время своего существованія прежній центральный комитетъ патріотическаго общества занимался единственно средствами распространять оное и разсужденіемъ о статутахъ для его образованія. Намѣреніемъ сего комитета было только соединить поляковъ узами народнаго чувства, предоставляя времени произвести обстоятельства, въ коихъ общество могло бы достигнуть своей настоящей цѣли, то-есть совокупить и сдѣлать независимыми всѣ части прежней Польши. Но заступившій мѣсто его совѣтъ едва принялъ, безъ вѣдома самого общества, главное надъ онымъ управленіе, какъ началъ простирать свои дерзостные замыслы гораздо далѣе и, считая, что обстоятельства уже благопріятствуютъ ему, спѣшилъ воспользоваться ими для приведенія въ дѣйствіе своихъ разрушительныхъ плановъ.

Оссолинскій и князь Антонъ Яблоновскій бывали иногда для своихъ дѣлъ въ Волынской губерніи и въ Кіевѣ. Въ 1823 году они замѣтили между офицерами находившихся тамъ войскъ неудовольствіе,

[1]) Ему слишкомъ 80 лѣтъ.

которое они безъ малѣйшей осторожности изъявили въ рѣчахъ самыхъ нескромныхъ и при множествѣ свидѣтелей. Иные говорили даже, что нынѣшній порядокъ не можетъ продолжаться; при томъ носились неясные слухи о тайномъ обществѣ, составившемся для измѣненія образа правленія въ Россіи.

Сіи слухи, достигнувъ Варшавы, возбудили вниманіе членовъ такъ называемаго верховнаго совѣта патріотическаго общества. Зная, что цѣль русскаго тайнаго общества не иначе можетъ быть достигнута, какъ посредствомъ революціи, они въ мятежахъ, угрожавшихъ Россіи, видѣли одинъ благопріятный случай для исполненія своихъ собственныхъ намѣреній и думали воспользоваться или пособіемъ общества, которое замышляло перемѣну въ имперіи, или долженствовавшими произойти отъ сего безпорядками. Итакъ, между Крыжановскимъ, княземъ Яблоновскимъ и графомъ Солтыкомъ положено узнать вѣрнѣе о цѣли и силахъ русскаго общества, а, буде можно, и войти съ онымъ въ сношеніе.

Съ своей стороны, сіе общество, извѣстясь о существованіи польскаго, желало имѣть точнѣйшее свѣдѣніе о силѣ и свойствѣ онаго, чтобы дѣйствовать съ нимъ за-одно, если предназначенія ихъ сходны, или, въ противномъ случаѣ, стараться устранить препятствія, которыя могли бы возникнуть отъ несогласія въ видахъ.

Для сего въ 1823-мъ году Сергѣй Муравьевъ и Бестужевъ-Рюминъ обратились къ графу Александру Ходкевичу, прося его ввести ихъ въ сношенія съ обществомъ польскимъ. Ходкевичъ не принадлежалъ къ обществу, но, зная намѣренія и дѣйствія нѣкоторыхъ членовъ онаго, обѣщался быть посредникомъ и далъ вышеозначеннымъ депутатамъ русскаго общества письмо къ графу Карлу Презору, жившему тогда въ своихъ деревняхъ Минской губерніи. Однако же, вскорѣ потомъ потребовалъ письмо назадъ, сказавъ, что членъ польскаго общества долженъ быть тѣмъ же лѣтомъ въ Бобруйскѣ, гдѣ стояла 9-я пѣхотная дивизія, въ которой служили Муравьевъ и Бестужевъ. Сей членъ не явился, но Ходкевичъ увѣрялъ, что депутатъ общества будетъ непремѣнно въ Кіевѣ на контракты 1824 года, и сіе обѣщаніе исполнилось. Крыжановскій прибылъ въ Кіевъ въ назначенное время.

На пути онъ заѣзжалъ въ Млыновъ для того, какъ онъ утверждаетъ, чтобы познакомиться съ графинею Ходкевичъ. Мужъ ея разсказалъ ему слышанное о русскомъ обществѣ отъ Муравьева и Бестужева, а Крыжановскій изъявилъ желаніе войти въ сношеніе съ ними. Ходкевичъ обѣщалъ доставить къ тому случай, какъ скоро они пріѣдутъ въ Кіевъ. Ходкевичъ признается, что Бестужевъ говорилъ ему: „Въ Россіи есть сообщество людей, положившихъ себѣ цѣлью искоренять злоупотребленія въ правленіи.“ Но, запираясь во всемъ прочемъ, выше сего означенномъ, утверждаетъ, что, знакомя Бестужева и Муравьева съ Крыжановскимъ, онъ не зналъ о принадлежности сего послѣдняго къ патріотическому обществу. Однако же, со-

вершенное согласіе сихъ показаній, повторенныхъ ими безъ перемѣнъ и на очныхъ съ Ходкевичемъ ставкахъ, не дозволяютъ сомнѣваться въ истинѣ оныхъ, тѣмъ болѣе, что для нихъ не было никакой выгоды лживо описывать обстоятельства, кои во всякомъ случаѣ не могли служить ни къ отягощенію, ни къ облегченію ихъ собственной вины.

Впрочемъ, по какимъ бы то ни было побужденіямъ со стороны графа Ходкевича, но Бестужевъ и Муравьевъ, какъ сіе слѣдствіемъ доказано, имѣли первое свиданіе съ Крыжановскимъ и у него въ Кіевѣ, и тутъ же положено было на другой день собраться у Крыжановскаго. Онъ спѣшилъ имъ объявить, что не имѣетъ ни полномочія, ни даже иного права заключать съ ними какія-либо окончательныя условія; что цѣль его есть установить между обоими обществами дружественныя сношенія и связи, дабы дать имъ способы приступить къ взаимному соглашенію [1]).

Муравьевъ и Бестужевъ съ своей стороны изъявляли тѣ же намѣренія и правила; первый прибавилъ, что „чувства народной ненависти, родившіяся во времена варварства, должны исчезнуть въ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда извѣстно, что пользы всѣхъ народовъ однѣ и тѣ же, что на семъ основаніи русское общество предлагаетъ Польшѣ возвращеніе прежней ея независимости и готово всѣми средствами способствовать къ искорененію взаимной нелюбви двухъ націй.“ Крыжановскій отвѣчалъ, что „депутаты общества русскаго, а, можетъ быть, и онъ самъ, выше сего предразсудка, но что отъ обстоятельствъ сей предразсудокъ сдѣлался всеобщимъ и не скоро будетъ можно уговорить поляковъ войти въ связь съ русскими и оказывать имъ довѣренность, что, впрочемъ, хорошо бы помогать полякамъ въ дѣлахъ, для коихъ они бываютъ въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ.“

Депутаты русскаго общества просили, чтобы польское не допустило литовскій корпусъ противиться ихъ предпріятіямъ. Крыжановскій сказалъ, что ежели сей корпусъ объявитъ себя на сторонѣ государя цесаревича, то общество обезоружитъ его или инымъ способомъ принудитъ къ бездѣйствію [2]).

Когда же стали говорить, что при началѣ революціи общество польское должно дѣйствовать вмѣстѣ съ русскими, Крыжановскій замѣтилъ съ своей стороны, что, если условія ихъ будутъ утверждены обоюдными обществами, то польскому для своихъ собственныхъ выгодъ необходимо будетъ соображать свои дѣйствія съ

---

[1]) Крыжановскій утверждаетъ, что онъ депутатамъ Русскаго Общества говорилъ: „Теперь въ Польшѣ отъ Обществъ остались однѣ развалины“. Бестужевъ и Муравьевъ показали, что не помнятъ сего, признавая, однако же, что Крыжановскій, видимо, не хотѣлъ разсказывать имъ о своемъ Обществѣ подробно.

[2]) Не говоря того ясно, Крыжановскій въ семъ случаѣ располагалъ польскою арміею, въ коей не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія, и которой замыслы ему были до самаго конца неизвѣстны.

русскимъ, что лишь только надобно увѣдомить оное заблаговременно. Отъ сего родился вопросъ: когда русское общество приступитъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ? Бестужевъ полагалъ, что черезъ пять лѣтъ; Муравьевъ думалъ, напротивъ, что гораздо прежде.

Начались разсужденія о границахъ, которыя предназначались Польшѣ по совершеніи революціи; но Бестужевъ прервалъ ихъ, сказавъ, что сего рѣшить еще нельзя, что мнѣнія въ русскомъ обществѣ на сей счетъ несогласны, что есть даже члены, требующіе неприкосновенности нынѣшнихъ предѣловъ государства.

Депутаты русскаго общества спрашивали между прочимъ у Крыжановскаго, какой образъ правленія намѣрена ввести у себя Польша. Крыжановскій говорилъ, что „онъ не уполномоченъ отвѣчать на сіе, и не имѣетъ точнаго свѣдѣнія о мнѣніи своихъ сочленовъ, ибо между ними никогда еще не было разсуждаемо о формѣ правленія.“ Бестужевъ, повторяя вопросъ, прибавилъ, что „русское общество не изъ одного любопытства хочетъ знать о видахъ поляковъ въ семъ отношеніи; что цѣль онаго есть установленіе правленія республиканскаго и что лучшимъ ручательствомъ въ согласіи обоюдныхъ націй было бы сходство ихъ мнѣній о семъ важномъ предметѣ; что Польша, если она знаетъ истинныя пользы свои, должна вмѣстѣ съ Россіей дать себѣ образованіе, подобное соединеннымъ областямъ Сѣверной Америки.“

Бестужевъ долго старался убѣдить Крыжановскаго, что необходимо обществу русскому сказать что-нибудь яснѣе. Крыжановскій, не зная, какъ отвѣтить, замѣтилъ Бестужеву, что онъ слишкомъ горячится. „Безъ восторга, — возразилъ Бестужевъ,—нельзя сдѣлать ничего великаго.“

Депутаты русскаго общества, наконецъ, приступили къ тому, что, по собственному признанію ихъ, они считали главнымъ въ семъ совѣщаніи, къ изъявленію желанія своихъ сообщниковъ обязать поляковъ всѣми какого-либо рода средствами препятствовать государю цесаревичу возвратиться въ Россію для произведенія контръ-революціи. Если вѣрить Муравьеву, Крыжановскій сказалъ, что поляки найдутъ средство не допустить Его Императорское Высочество въ Россію, тогда революціонныя движенія начнутся, и что болѣе уже о семъ не говорили. По одному же изъ первыхъ показаній Бестужева, Крыжановскій отвѣчалъ, что еще ни одинъ полякъ не обагрялся кровію своихъ монарховъ. Потомъ сей Бестужевъ показывалъ, что отвѣтъ Крыжановскаго былъ слѣдующій: „буде положенному между нами общество своею властью дастъ силу договора, то, конечно, и сдѣлать все возможное для исполненія главнаго условія съ тѣмъ только, чтобы вы не требовали жизни цесаревича.“ „Сергѣй Муравьевъ и я,—прибавилъ Бестужевъ,—мы сказали,

что требуемъ только принятія мѣръ противъ возвращенія цесаревича въ Россію для произведенія контръ-революціи.“

Крыжановскій называетъ ложными всѣ сіи замыслы показанія; утверждаетъ, что, когда ему начали говорить о Его Императорскомъ Высочествѣ, то онъ отвѣчалъ: „Все, нами сказанное, не есть актъ, а лишь слова, которыя ни къ чему не обязываютъ.“ Бестужевъ также объявилъ, что Крыжановскій полагалъ до ратификаціи не считать ничего твердо постановленнымъ; но онъ симъ не отрекся отъ другихъ своихъ вышеприведенныхъ показаній, которыя даже внесены имъ въ ту же самую бумагу.

При концѣ совѣщанія Крыжановскій просилъ депутатовъ русскаго общества прекратить всякія политическія сношенія съ графомъ Ходкевичемъ и на вопросы его о ихъ свиданіи отвѣчать, что они, поговоривъ, не могли ни въ чемъ согласиться. Сверхъ сего положили, чтобъ никому изъ прочихъ членовъ общества не знать депутатовъ другого, а назначить людей, съ коими русскіе могли бы сноситься по дѣламъ своего и польскаго общества. Для сего Крыжановскій выбралъ Антона Чарковскаго, члена патріотическаго общества и, не зная еще другого способнаго, по мнѣнію его, на сіе человѣка, поручилъ Ивашкѣвичу, также члену общества, найти кого-нибудь съ надлежащими для предполагаемыхъ переговоровъ свойствами. Ивашкѣвичъ обратился къ Гродецкому и, чтобъ уговорить его, ибо Гродецкій долго не соглашался, представлялъ ему, что отъ него отечество требуетъ сей жертвы; что депутаты русскаго тайнаго общества „намѣрены открыть полякамъ нѣчто весьма важное, могущее вести къ возстановленію Польши; что отъ общества варшавскаго присланъ подполковникъ Крыжановскій для сношеній съ сими депутатами, но что ему нельзя долго жить въ Кіевѣ, и, слѣдственно, необходимо назначить другого достойнаго довѣренности человѣка для продолженія начатыхъ переговоровъ; что онъ, сверхъ правъ своихъ на уваженіе, и потому предпочтительно другому долженъ быть избранъ, что по мѣсту своему обязанъ всегда жить въ Кіевѣ.“

Обольщенный сими словами, Гродецкій повѣрилъ Ивашкѣвичу, который его тотъ же день представилъ Крыжановскому. Сей послѣдній подтвердилъ Гродецкому, что ему поручается продолжать сношенія патріотическаго общества съ Муравьевымъ и Бестужевымъ, что онъ долженъ будетъ доставлять въ Варшаву получаемыя черезъ нихъ свѣдѣнія и потомъ ожидать разрѣшенія на вопросы, коихъ самъ разрѣшить не можетъ. Крыжановскій познакомилъ его съ депутатами русскаго общества; они вмѣстѣ положили, что, если русскимъ будетъ нужно писать въ Варшаву по дѣламъ общества, то Бестужевъ, вмѣсто подписи, будетъ ставить стихъ изъ трагедіи Танкредъ: Moi toujours eprouvé, moi qui suis mon ouvrage! а Муравьевъ: Vive la joie! Но сіи средства не были употребляемы. Антона Чарковскаго, также назначеннаго въ повѣренные польскаго общества, тогда не было въ Кіевѣ; Крыжановскій не сообщилъ ему о семъ порученіи, и Чарков-

скій, не зная ничего, не могъ и думать объ исполненіи. Онъ однако же признается, что Ивашкѣвичъ говорилъ ему гораздо уже послѣ: „Ты назначенъ для сношеній съ Муравьевымъ и для полученія отъ него политическихъ свѣдѣній," но притомъ утверждаетъ, что, не вѣря симъ словамъ, онъ не думалъ входить съ Муравьевымъ въ связи. Слѣдствіемъ не открыто никакихъ обстоятельствъ, по коимъ было можно полагать, что Чарковскій имѣлъ переговоры съ членами русскаго общества. Бестужевъ въ 1825 году давалъ князю Сергѣю Волконскому письмо на имя Чарковскаго, въ коемъ онъ просилъ сего послѣдняго имѣть къ Волконскому довѣренность; но оба доказали, что сіе письмо не было доставлено Чарковскому; Бестужевъ сверхъ того объявилъ именно, что Чарковскій не участвовалъ въ сношеніяхъ между обществами.

Бестужевъ послѣ своего совѣщанія, даже послѣ отъѣзда Крыжановскаго изъ Кіева, написалъ проектъ договора, въ которомъ, кромѣ того, о чемъ они разсуждали, помѣстилъ нужныя, по мнѣнію его, для исполненія условій объясненія. Онъ отдалъ сей проектъ Юшневскому для представленія тульчинской думѣ. Многіе члены русскаго общества считали сей проектъ за настоящій, заключенный съ обществомъ польскимъ, договоръ и такъ о немъ показывали на допросахъ. Но слѣдствіемъ, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Варшавѣ, доказано противное. Въ одномъ изъ самыхъ послѣднихъ признаній своихъ Бестужевъ пишетъ, что только два условія были рѣшительно постановлены въ переговорахъ съ Крыжановскимъ: 1) что поляки употребятъ всѣ возможныя средства для воспрепятствованія государю цесаревичу возвратиться въ Россію, когда русское тайное общество начнетъ открыто дѣйствовать; 2) что, буде литовскій корпусъ войскъ объявитъ себя на сторонѣ Его Императорскаго Высочества, то поляки обязываются обезоружить оный или инымъ образомъ не допустить его противиться успѣхамъ общества. О прочихъ статьяхъ, говорилъ Бестужевъ, — разсуждали безъ наблюденія порядка; о нѣкоторыхъ лишь мимоходомъ и совсѣмъ не такъ, какъ бы должно при заключеніи окончательнаго договора. Въ томъ же показаніи Бестужевъ прибавляетъ, что „Крыжановскій выѣхалъ изъ Кіева немедленно послѣ совѣщанія ихъ; что уже послѣ отъѣзда его онъ, Бестужевъ, записалъ сказанное на сихъ совѣщаніяхъ, назвалъ свою бумагу конвенціею и отдалъ ее Юшневскому; что Крыжановскій не видалъ сей бумаги, ибо никто не могъ ему показать ее." Сіе подтвердилъ и Сергѣй Муравьевъ, а Юшневскій показалъ, что получилъ отъ Бестужева проектъ конвенціи и, видя, что сей актъ никѣмъ не подписанъ, онъ въ присутствіи многихъ членовъ русскаго общества, бывшихъ тогда въ Кіевѣ, истребилъ ее, какъ бумагу, которая только долженствовала замѣнить словесное извѣщеніе.

Крыжановскій о переговорахъ своихъ сообщилъ князю Яблоновскому; потомъ, возвратясь въ Варшаву, донесъ и графу Солтыку.

Главные изъ варшавскихъ членовъ патріотическаго общества хотя уже менѣе прежняго ужасались послѣдствій взятія нѣкоторыхъ товарищей ихъ подъ стражу, однако же еще были не совсѣмъ спокойны, не зная, чѣмъ кончится начатое дѣлопроизводство. Но въ сіе время всѣ ихъ опасенія миновались. Находившіеся подъ слѣдствіемъ ихъ сообщники оказали на допросахъ столько упорства, что открыта лишь часть составленнаго обществомъ кова; наиболѣе уличенные: Лукасинскій, Доброгойскій, Добржицкій, Махницкій, Кощуцкій и Шредеръ преданы суду; оный приговорилъ только трехъ первыхъ къ наказаніямъ; прочихъ освободилъ за неимѣніемъ ясныхъ доказательствъ, однако же отдавъ подъ надзоръ полиціи. Что касается другихъ, Его Величество въ Бозѣ почивающій Императоръ и царь Александръ 1-й, слѣдуя побужденіямъ своего неистощимаго милосердія, даровалъ прощеніе всѣмъ, кои, бывъ членами общества, не принимали дѣятельнаго участія въ предпріятіяхъ онаго. Такимъ образомъ, сіе общество въ цѣломъ составѣ своемъ на сей разъ еще не открыто. Но случившееся имѣло примѣтное вліяніе на бытіе и дѣйствія его впослѣдствіи. Бывшіе въ ономъ члены вступили почти всѣ безъ ревностнаго на то желанія, не зная точно, къ какой цѣли они должны стремиться; многіе, вѣроятно, и не согласились бы вступить, если бы сія цѣль была имъ заранѣе объявлена; происшествія, наконецъ, показали бездну, въ которую влекло ихъ небольшое число людей развратныхъ и коварныхъ, и они приняли твердое намѣреніе не имѣть связей съ обществомъ, коего видовъ и тайныхъ дѣйствій сначала не умѣли проникнуть. Ковы для разрушенія порядка были составляемы и послѣ сего времени; можно сказать даже, что сіи новые ковы ознаменованы больше, противъ прежняго, преступною рѣшительностью; нѣкоторые члены патріотическаго общества, ослѣпленные страстію къ революціямъ, сдѣлались посредственно или непосредственно участниками въ умыслахъ на государя и государство; но всякая отвѣтственность за столь важныя и гнусныя дѣйствія должна падать исключительно на сихъ людей, кои тогда одни составляли все общество, ибо прочимъ членамъ они о томъ не давали и свѣдѣнія.

На Волыни, въ Подоліи и въ Кіевѣ патріотическое общество было не дѣятельнѣе Варшавскаго, но и тамъ, какъ въ Царствѣ Польскомъ, иныхъ членовъ какое-то внутренне безпокойство возбуждало непрестанно къ новымъ замысламъ и предпріятіямъ. Станиславъ Карвицкій не былъ приглашенъ на переговоры Крыжановскаго съ Бестужевымъ и Муравьевымъ; однакожъ зналъ о существованіи русскаго тайнаго общества и желаніи его войти въ сношенія съ обществомъ патріотическимъ. Угадывая, что сіе именно могло быть предметомъ совѣщанія Крыжановскаго, онъ сообщалъ о томъ Маѣвскому, просилъ его собрать точнѣйшія свѣдѣнія о русскомъ обществѣ чрезъ Лукашевича, переяславскаго повѣтоваго маршала; онъ думалъ, что Лу-

кашевичъ, будучи въ связи съ знатнѣйшими русскими домами, скорѣе всякаго можетъ все узнать. Лукашевичъ согласился и вскорѣ послѣ того сказалъ Маѣвскому, „что принадлежащіе къ русскому обществу люди въ своемъ распаленномъ воображеніи питаютъ самые вредные замыслы; что онъ не только самъ будетъ убѣгать сношеній съ ними, но и пріятелямъ своимъ совѣтуетъ то же.“ Сей случай далъ многимъ поводъ думать, что Лукашевичъ былъ членомъ патріотическаго общества; однако же достовѣрно извѣстно, что онъ никогда не вступалъ въ оное.

Муравьевъ и Бестужевъ, послѣ переговоровъ съ Крыжановскимъ, сначала ожидали, что имъ немедленно будутъ сдѣланы отъ патріотическаго общества какія-либо новыя сообщенія; не получая ничего и видя, что въ самомъ дѣлѣ нѣтъ никакихъ между обществами сношеній, они стали жаловаться Гродецкому на холодность и недовѣрчивость поляковъ. Бестужевъ съ изступленіемъ страсти произнесъ въ семъ случаѣ длинную рѣчь; говорилъ: „Что Россія, наскуча правленіемъ самовластнымъ, рѣшилась учредить конституціонное; что стремящееся къ сему сообщество, уже многочисленное и сильное, съ каждымъ днемъ еще умножаетъ силы свои, и что съ его только помощію поляки могутъ имѣть надежду возстановить свое отечество; что для сего общество патріотическое должно бы вступить въ сношеніе съ ихъ обществомъ чрезъ членовъ, уполномоченныхъ на заключеніе окончательныхъ условій; что если только соединятся съ ними, то безъ сомнѣнія получатъ отъ нихъ вспоможеніе достаточное для возвращенія принадлежащихъ нынѣ другимъ державамъ польскихъ областей, и будутъ народомъ независимымъ.“ Муравьевъ потвердилъ въ нѣсколькихъ словахъ все съ пышнымъ велерѣчіемъ сказанное его другомъ; потомъ оба просили Гродецкаго довести ихъ разговоръ до свѣдѣнія патріотическаго общества. Гродецкій самъ не имѣлъ къ тому средства, но зная, что графъ Мошинскій есть членъ сего общества, поѣхалъ къ нему въ Бердичевъ и разсказалъ слышанное отъ Бестужева и Муравьева для сообщенія въ Варшаву. Графъ Мошинскій показываетъ то же самое о семъ разговорѣ, но не помнитъ, отъ Гродецкаго, или отъ кого другого онъ узналъ объ немъ. Будучи молодъ и неопытенъ, графъ Мошинскій сначала былъ увлеченъ, и обѣщалъ исполнить желаніе своего сочлена, но потомъ, размысливъ о вѣроятныхъ сего послѣдствіяхъ, рѣшился не отправлять извѣстія въ Варшаву. Послѣ того Гродецкій уже не видался съ Мошинскимъ, и комитетомъ не открыто, были ль между ними какія дальнѣйшія сношенія.

Бестужевъ не могъ часто отлучаться отъ своего полка; однако же нашелъ случай быть въ томъ же году еще два раза въ Кіевѣ, для переговоровъ съ Гродецкимъ.

На первомъ свиданіи онъ сказывалъ ему, что русское тайное общество, присоединивъ къ себѣ еще многихъ значительныхъ и отлич-

ныхъ людей, теперь такъ сильно, и успѣхи его столь быстры, что оно, конечно, вскорѣ достигнетъ своей цѣли, что сверхъ того имъ заведены сношенія съ Венгріею, Испаніею и всѣми германскими краями [1]). Спустя потомъ два мѣсяца, въ другомъ разговорѣ Бестужевъ объявилъ Гродецкому: „что русское общество имѣетъ уже полное число членовъ, что депутаты онаго ждутъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда члена патріотическаго общества въ Кіевъ, для заключенія окончательныхъ съ нимъ условій, и что ему кажутся страшны медлительность и нерѣшимость поляковъ.“ Гродецкій отвѣчалъ: „что слышанное отъ него онъ сообщилъ графу Мошинскому, что варшавское общество, безъ сомнѣнія, пришлетъ къ нимъ члена съ надлежащимъ полномочіемъ, но что, вѣроятно, ему нельзя быть въ Кіевѣ прежде контрактовъ.“

Бестужевъ показывалъ, что послѣ своихъ совѣщаній съ Крыжановскимъ, онъ говорилъ Гродецкому о желаніи русскаго общества, чтобы поляки, въ томъ же самомъ году [2]) нашли способъ лишить государя цесаревича жизни, и что Гродецкій, обѣщавъ увѣдомить о семъ общество, прибавилъ: „Вѣроятно, они согласятся.“ Но Гродецкій отвѣчалъ на всѣхъ допросахъ, что сіе показаніе несправедливо, въ самомъ дѣлѣ, ни одно изъ обстоятельствъ, открытыхъ слѣдствіемъ, не подтверждаетъ онаго. Правда, что Бестужевъ въ семъ 1824 году писалъ къ обществу варшавскому и поручилъ Сергѣю Волконскому передать для доставленія сіе письмо Гродецкому; но Волконскій возвратилъ его Бестужеву, сказавъ, что письменныя сношенія запрещены. Въ семъ письмѣ, по собственнымъ показаніямъ Бестужева, онъ писалъ патріотическому обществу о его бездѣйствіи, извѣщалъ оное, что принятая русскимъ тайнымъ обществомъ обязанность покровительствовать полякамъ въ Россіи строго исполняется. Въ заключеніе онъ совѣтовалъ польскому обществу найти средство лишить великаго князя цесаревича свободы, или рѣшиться умертвить его, а потомъ ожидать начала дѣйствій русскаго. Изъ показаній его же, Бестужева, явствуетъ, что онъ писалъ сіе письмо по слѣдующимъ причинамъ: 1-е) что Гродецкій, а особливо Тарковскій, примѣтно старались избѣгать всякой встрѣчи съ депутатами русскаго общества; 2-е) что Пестель, видя совершенное бездѣйствіе общества польскаго, начиналъ бояться измѣны, думалъ, что, во время революціи, сіе общество можетъ помочь его высочеству государю цесаревичу войти на престолъ россійскій, и за то получитъ отъ него въ даръ независимость своего отечества, или избрать его королемъ польскимъ, съ правами, установленными конституціею 3-го мая, къ коей, какъ думалъ онъ, поляки весьма привязаны. Пестель основывалъ свои заключенія на словахъ Крыжановскаго, что никогда поляки не проливали крови государей своихъ.

---

[1]) Гродецкій не помнитъ, упоминалъ ли Бестужевъ объ Англіи.
[2]) Въ 1824 году.

На сіе Волконскій показалъ, „что, кажется, когда онъ въ 1824 году ѣхалъ въ Кіевъ, то ему въ Васильковѣ дали письмо для доставленія Гродецкому; что Муравьевъ писалъ сіе письмо, но въ немъ, и сіе онъ можетъ сказать почти утвердительно, даже имя его императорскаго высочества не было упомянуто, а только требовали рѣшительнаго отвѣта о предложенномъ содѣйствіи.“

Хотя Гродецкій, начиная съ осени 1824 года, довольно часто видѣлся съ Волконскимъ, однакожъ до начала слѣдующаго 1825 года между ними не было никакихъ разговоровъ о дѣлахъ обществъ. Въ сіе уже время Волконскій однажды у себя въ домѣ представилъ Гродецкому полковника Пестеля, прося ихъ познакомиться другъ съ другомъ. Пестель отвелъ Гродецкаго въ сторону и сказалъ, что онъ уполномоченъ русскимъ обществомъ для заключенія договора съ цѣлью, которая ему извѣстна; потомъ спросилъ, имѣетъ ли онъ, Гродецкій, такое же полномочіе? Гродецкій отвѣчалъ, что нѣтъ, но что, вѣроятно, членъ общества польскаго, нарочно для сего избранный, въ непродолжительномъ времени будетъ изъ Варшавы. Пестель просилъ сблизить его съ симъ членомъ, какъ скоро онъ пріѣдетъ. Предположеніе Гродецкаго сбылось. Въ Варшавѣ не знали, что ему были сдѣланы новыя внушенія чрезъ Бестужева; но князь Яблоновскій имѣлъ надобность быть на контрактахъ въ Кіевѣ; имъ и Крыжановскимъ положено при семъ случаѣ возобновить начатыя въ предшедшемъ году сношенія. Князь Яблоновскій явился на контракты, чрезъ нѣсколько дней послѣ разговора Пестеля съ Гродецкимъ; онъ просилъ Карвицкаго узнать, есть ли въ Кіевѣ депутатъ русскаго тайнаго общества; князь Яблоновскій думалъ отнестись прямо къ нему, но Карвицкій сказалъ, что члены кіевской провинціи могутъ обидѣться, если онъ не пригласитъ на переговоры и Гродецкаго [1]), Яблоновскій согласился войти сначала съ нимъ въ сношенія. Крыжановскій также былъ въ Кіевѣ, по причинѣ смерти отца своего и въ одно время съ Яблоновскимъ, но отказался отъ участія въ переговорахъ съ депутатами русскаго общества, прося Яблоновскаго все взять на себя. Карвицкій повелъ его къ Гродецкому, съ которымъ прежде онъ не былъ знакомъ. Яблоновскій, вышедши съ Гродецкимъ въ другую комнату и объявя о цѣли своего пріѣзда, просилъ сблизить его съ Пестелемъ, который такъ же, какъ и онъ, Яблоновскій, имѣлъ полномочіе для заключенія договора [2]). Гродецкій, не зная, гдѣ въ то время жилъ Пестель, отправился съ Яблоновскимъ къ Волконскому, у коего самъ въ первый разъ встрѣтился съ Пестелемъ. Волконскому было уже все извѣстно; онъ назначилъ слѣдующій день

---

[1]) Другіе члены провинціи не имѣли свѣдѣнія о сношеніяхъ Патріотическаго Общества съ Южнымъ. Вышеприведенныя слова Карвицкаго онъ сказалъ имъ единственно по желанію имѣть средство узнать, что будетъ происходить на переговорахъ.

[2]) Князь Яблоновскій не имѣлъ никакого полномочія отъ Патріотическаго Общества.

для свиданія Пестеля съ княземъ Яблоновскимъ, который и явился въ опредѣленный часъ; Гродецкій же, не бывъ приглашенъ на переговоры, хотя и зналъ тайный предметъ оныхъ, счелъ, что лучше въ нихъ не участвовать, и пришелъ къ Волконскому уже при концѣ совѣщаній.

Пестель, открывъ ихъ описаніемъ великихъ силъ русскаго тайнаго общества, говорилъ: „Что не только весь народъ, но и войско хочетъ свергнуть съ себя иго деспотизма; что нельзя сомнѣваться въ содѣйствіи всѣхъ областей, населенныхъ настоящими русскими, но что общество хочетъ знать расположеніе и тѣхъ, которыя вошли въ составъ имперіи въ позднѣйшія времена; что нѣмецкія губерніи желаютъ оставаться соединенными съ Россіею, и теперь нужно лишь свѣдѣнія о видахъ поляковъ, бывшихъ прежде отдѣльною державою. Нѣтъ средины, продолжалъ Пестель: вамъ необходимо объявить себя за насъ, или противъ насъ. Но мы и безъ вашей помощи можемъ оружіемъ даровать себѣ свободу; а вы если пропустите представляющійся вамъ случай, должны будете уже навсегда отказаться отъ надежды быть народомъ независимымъ.“ Онъ требовалъ, чтобы поляки сказали все и совершенно откровенно; особливо желаетъ знать, какой образъ правленія общество думаетъ ввести въ Польшѣ. Князь Яблоновскій отвѣчалъ: „Что единственная цѣль общества, коего именемъ онъ дѣйствуетъ, есть возвращеніе независимости Польши въ предѣлахъ, бывшихъ до второго раздѣленія оной; что, слѣдственно, ему прежде всего надобно просить отъ депутатовъ общества русскаго яснаго объявленія, согласно ли сіе общество на независимость его отечества“ Пестель увѣрялъ, что въ семъ не можетъ быть ни малѣйшаго затрудненія; что если бы и возникли какія-либо сомнѣнія на сей счетъ, то жителямъ дадутъ на выборъ, присоединиться къ тому или другому государству по своей волѣ. Тогда князь Яблоновскій съ своей стороны сказалъ, что патріотическое общество, считая время рѣшительныхъ дѣйствій и перемѣнъ еще отдаленнымъ, доселѣ не разсуждало о предполагаемой формѣ правленія, но что, по его собственному мнѣнію, въ отечествѣ его правленіе конституціонное монархическое приличнѣе всякаго иного. Пестель началъ выхвалять республиканское; говорилъ, что должно подражать образованію Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Князь Яблоновскій положилъ конецъ сему разговору, замѣтивъ, что оный не касается до предмета совѣщаній. Онъ утверждаетъ вопреки показанію Пестеля, что ими не было положено ввести одинаковый образъ правленія въ Польшѣ и въ Россіи. Волконскій, бывшій свидѣтелемъ сихъ совѣщаній, объявилъ, что князь Яблоновскій точно сказалъ: „Патріотическое общество не желаетъ республики, но что однакожъ онъ согласился на учрежденіе временнаго правительства, доколѣ не будетъ извѣстна воля всей націи.“ Князь Яблонов-

скій не признается и въ томъ; по его показанію отвѣтъ его Пестелю былъ слѣдующій: „что польское общество, ожидая отъ помощи русскаго великихъ для себя выгодъ, охотно обѣщаетъ ему содѣйствовать, но съ тѣмъ, чтобы никто не вмѣшивался въ ихъ внутреннія дѣла; что если всѣ они захотятъ управлять Польшею, то лучше же ей оставаться подъ властію общаго государя Польши и Россіи.“

Пестель просилъ, чтобы польское общество не предпринимало ничего до извѣщенія, что русское приступаетъ къ начатію революціи. „Вамъ нужна помощь,—прибавилъ онъ,—должно пріобрѣсть на нее право искреннимъ и дѣятельнымъ участіемъ;“ князь Яблоновскій отвѣчалъ: „Что общество польское не считало возможнымъ достигнуть цѣли своей такъ скоро, особливо въ нынѣшнемъ положеніи Европы, и потому занималось единственно приготовленіемъ средствъ, питая народное чувство во всѣхъ краяхъ прежней Польши, чтобы воспользоваться благопріятнымъ при будущихъ политическихъ перемѣнахъ случаемъ; но тотъ, который можетъ представить ей замышляемая въ Россіи революція, есть, безъ сомнѣнія, самый лучшій для возвращенія Польшѣ ея первобытной независимости; что, слѣдственно, польза общества патріотическаго всего больше ручается за искренность его и содѣйствіе.“ Какъ и по мнѣнію Пестеля нельзя было прежде трехъ лѣтъ приступить къ принятію мѣръ рѣшительныхъ, то всякое разсужденіе о семъ отложено до другого времени.

Князь Яблоновскій изъявилъ желаніе знать, какіе люди начальствуютъ русскимъ тайнымъ обществомъ. Пестель не захотѣлъ удовлетворить сего желанія, а съ своей стороны требовалъ, чтобы общество польское, если узнаетъ о существованіи какихъ-либо сообществъ за границей, давало о нихъ свѣдѣнія русскому. Князь Яблоновскій обѣщалъ сіе, но утверждаетъ, что объ условіи польскому обществу не входить въ связи съ иностранными безъ согласія общества русскаго, совсѣмъ не упоминали.

Пестель показывалъ, что между ними было положено: полякамъ поступить съ его императорскимъ высочествомъ государемъ цесаревичемъ точно такъ же, какъ въ Россіи поступятъ съ великими князьями; и Волконскій: что общество польское должно будетъ принять надлежащія мѣры для взятія подъ стражу тѣхъ членовъ императорской фамиліи, которые случатся въ Польшѣ при началѣ революціи. Князь Яблоновскій называетъ сіи оба показанія несправедливыми; по его словамъ требовали только, чтобы во время революціи поляки не воспользовались какими-либо обѣщаніями государя цесаревича. „Пестель и Волконскій, продолжаетъ онъ, показывали совсѣмъ не то, что я объявляю, и мнѣ невозможно подтвердить сказанное ими, не потому, чтобы я думалъ симъ уменьшить вину свою; я признался во многихъ преступленіяхъ и не сталъ бы таить сего одного; но я считаю первымъ долгомъ говорить исти-

ну, не скрывая и не прибавляя къ ней ничего. Изъ показаній моихъ и самого тогдашняго положенія нашихъ дѣлъ ясно видно, что мое совѣщаніе съ членами русскаго общества было лишь приготовительное, слѣдственно, мы не могли назначать мѣръ исполненія. Не знаю, зачѣмъ они утверждаютъ противное; развѣ что они думали сдѣлать мнѣ сіи предложенія впослѣдствіи, и оттого имъ кажется, что оныя и были уже сдѣланы."

На сихъ же переговорахъ положено полякамъ не принимать русскихъ въ свое общество, а русскимъ—поляковъ; положено также распространять общество въ литовскомъ корпусѣ, въ коемъ поляковъ столько же, какъ и русскихъ; а чтобы не было несогласія въ обоюдныхъ для сего мѣрахъ, то опредѣленіе порядка для введенія общества въ сіе войско поручить графу Мошинскому и полковнику Швейковскому. Сверхъ сего признавая, что необходимо установить постоянныя сношенія между обществами и что за медлительностью сего средства не удобно продолжать ихъ въ Кіевѣ, князь Яблоновскій просилъ наименовать ему живущаго въ Варшавѣ члена русскаго общества, который имѣлъ бы отъ своей директоріи надлежащій наказъ и полномочіе для переговоровъ съ обществомъ польскимъ; Пестель отвѣчалъ, что нужныя полномочія будутъ даны подполковнику Лунину.

При концѣ совѣщаній условились собраться снова на контракты 1826 года. Князь Яблоновскій сказалъ, что если онъ самъ не можетъ пріѣхать, то вмѣсто него будетъ другой членъ патріотическаго общества. Между тѣмъ для сношеній оставалось, какъ и прежде, посредство Гродецкаго, и могли быть найдены еще другіе способы чрезъ графа Петра Мошинскаго и Швейковскаго. Чтобы познакомить Яблоновскаго съ симъ послѣднимъ, Пестель звалъ его въ залу контрактовъ тотъ же день къ 7-ми часамъ вечера. Яблоновскій приходилъ, но въ тѣснотѣ не могъ найти Пестеля; на другой день онъ былъ у Швейковскаго съ Волконскимъ. Въ семъ свиданіи однакожъ говорили только о томъ, что помѣшало имъ встрѣтиться наканунѣ, и послѣ сего Яблоновскій не имѣлъ уже никакихъ сношеній ни съ Волконскимъ, ни съ Швейковскимъ.

На совѣщаніи Пестель говорилъ одинъ. Волконскій сдѣлалъ лишь нѣсколько незначащихъ замѣчаній. Гродецкій, который, по сказанной уже причинѣ, не хотѣлъ участвовать въ переговорахъ, пришелъ, когда считалъ ихъ оконченными. Переговоры еще продолжались, но Гродецкій молчалъ. О томъ, что онъ успѣлъ слышать, показанія его немного разнствуютъ отъ показаній князя Яблоновскаго. По его словамъ, Пестель требовалъ, чтобы въ первый годъ поляки приняли такой же образъ правленія, какой будетъ введенъ въ Россіи, съ тѣмъ, что послѣ могутъ по своей волѣ измѣнить оный. Онъ также показываетъ, что Яблоновскимъ и депутатами русскаго тайнаго общества было положено записать бывшіе между ними переговоры, чтобы по сему другіе члены, для того именно уполномоченные, приступили къ постановленію настоящихъ условій.

Таковы были, судя по собраннымъ свѣдѣніямъ, обстоятельства сей странной негоціаціи, въ коей молодой легкомысленный человѣкъ, едва извѣстный въ свѣтѣ, не пользуясь ничьею довѣренностію, не имѣя никакого вліянія въ дѣлахъ государственныхъ, вступилъ въ договоръ съ мятежниками, чтобы при ихъ помощи отнять Польшу у законнаго государя ея, ввести въ оной, по волѣ ихъ или своей, новое правленіе, котораго она не требуетъ и не желаетъ.

Впрочемъ, сіе совѣщаніе не имѣло никакихъ послѣдствій, равно какъ и первое, на коемъ дѣйствовалъ другой злоумышленникъ (Крыжановскій), также не имѣвшій ни малѣйшихъ средствъ для приведенія своихъ замысловъ въ дѣйство, и также едва ли извѣстный кому-нибудь, кромѣ своихъ полковыхъ товарищей.

Возвращаясь изъ Кіева, князь Яблоновскій объявилъ графу Мошинскому, къ чему онъ назначенъ. Но Мошинскій оставался членомъ патріотическаго общества, потому единственно, что не зналъ, какимъ образомъ изъ онаго выйти, и какъ прежде не сообщилъ въ Варшаву свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ Гродецкаго, такъ и послѣ не занимался исполненіемъ даннаго ему порученія. Онъ вскорѣ потомъ имѣлъ свиданіе съ Швейковскимъ, однакожъ не думалъ заводить связей въ литовскомъ корпусѣ [1]). Нѣкоторые другіе члены общества въ Волынской губерніи, Карвицкій, Маѣвскій, Ворцель, Тарновскій, Ивашкѣвичъ, знали о переговорахъ Крыжановскаго и князя Яблоновскаго съ депутатами русскаго тайнаго общества; знали даже отчасти о томъ, что было предметомъ сихъ совѣщаній, однако же не старались войти съ ними въ сношенія, и по всему видно, что между ними не было никакихъ, по крайней мѣрѣ касательно дѣлъ, обоюдныхъ обществъ. Князь Яблоновскій, вслѣдствіе сказаннаго ему Пестелемъ, что продолженіе сихъ сношеній въ Варшавѣ будетъ поручено Лунину, заводилъ съ нимъ разговоръ о семъ; но Лунинъ, или не получая о семъ свѣдѣній, или не хотѣвъ принять порученія, показывалъ, что не понимаетъ намекъ князя Яблоновскаго, и между ними не было никакихъ объясненій и связи.

Карвицкій нетерпѣливо желалъ узнать тайный предметъ переговоромъ князя Яблоновскаго съ депутатами русскаго общества, и для того, какъ означено выше, способствовалъ ихъ свиданію. Потомъ, видя, что никто ему не сказываетъ о происходившемъ на совѣщаніяхъ, онъ спрашивалъ потомъ у князя Яблоновскаго, который въ отвѣтъ сказалъ только: „Русскіе, кажется, искренни, и въ будущемъ году все будетъ кончено.“ Яблоновскій совѣтовалъ и Гродецкому также о томъ говорить съ Карвицкимъ неясно. Гродецкій, будучи еще осторожнѣе, не сказалъ ему на сей счетъ ни слова. Карвицкій, досадуя за сіи знаки недовѣрчивости, изъявлялъ свое не-

[1]) Достойно замѣчанія, что Литовскимъ Обществомъ, которое распространялось сначала столь быстро, даже не сдѣлано и попытки присоединить къ себѣ офицеровъ сего корпуса: тому причиною было, извѣстное всѣмъ, вообще хорошее расположеніе умовъ въ сей части войскъ.

удовольствіе капитану Маѣвскому и прибавлялъ, что непремѣнно должно узнать, о чемъ Яблоновскій договаривался съ депутатами русскаго общества. Они оба отправились за симъ къ Крыжановскому, который тогда былъ въ Кіевѣ; но и Крыжановскій, не хотѣвъ открыть тайны Карвицкому, говорилъ, что не могли согласиться на условіяхъ.

Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ съ сей стороны, Карвицкій вздумалъ обратиться къ прежней мысли соединить патріотическое общество съ обществомъ темпліеровъ. Желая, чтобы Крыжановскій благопріятствовалъ сему, онъ увѣрялъ его, что общество темпліеровъ весьма многочисленно, имѣетъ большія суммы денегъ, и что надобно ввести его въ прямыя, непосредственныя сношенія съ варшавскимъ патріотическимъ. Крыжановскій не соглашался съ намѣреніемъ слить сіи два сообщества въ одно, но думалъ, что хорошо установить между ними тѣсную связь для сообразнаго дѣйствія обоихъ. Слѣдуя сей мысли, или, какъ онъ самъ утверждаетъ, угадывая, что въ разсказахъ Карвицкаго о силѣ темпліеровъ много лживаго, и, считая нужнымъ испытать его, онъ сказалъ: „Если намъ доставятъ 10,000 злотыхъ на расходы и назначатъ члена темпліера для посредничества, то можно будетъ установить предполагаемыя связи.“ Карвицкій принялъ сіи условія и обѣщалъ, что они будутъ исполнены.

Сначала покажется довольно странно, что сей послѣдній, занимая лишь второе мѣсто въ обществѣ темпліеровъ, располагалъ онымъ самовольно, вопреки мнѣнію многихъ членовъ, и соглашался на выдачу денежныхъ суммъ безъ совѣта съ Маѣвскимъ, который въ сіе время даже былъ не въ отсутствіи; сіе объясняется тѣмъ, что Маѣвскійскій, видя общество не въ безопасномъ положеніи, не хотѣлъ быть главою онаго и уже предлагалъ Карвицкому сдать ему совершенно должность великаго магистра. Но Карвицкій по той же самой причинѣ отказывался отъ званія великаго магистра, хотя пользовался уступленными Маѣвскимъ правами и былъ настоящимъ начальникомъ темпліеровъ. Подполковникъ Крыжановскій увѣряетъ, что ему было тогда вовсе неизвѣстно, какое мѣсто въ обществѣ темпліеровъ занималъ Маѣвскій; что, говоря о семъ обществѣ съ Карвицкимъ, онъ его считалъ главою онаго. Князь Яблоновскій то же думалъ. Онъ говоритъ, что не зналъ капитана Маѣвскаго, даже и не слыхивалъ о немъ. Заблоцкій, членъ сего общества, показываетъ, что Тишковскій, будучи въ Варшавѣ въ 1825 году, называлъ Карвицкаго великимъ магистромъ.

Видно, что Маѣвскій, хотя долго сему сопротивлялся, однакожъ пришелъ, наконецъ, къ мысли соединенія обществъ патріотическаго и темпліеровъ; онъ тогда уже не только не препятствовалъ Карвицкому вступать въ условія съ Крыжановскимъ, но и помогалъ ему весьма усердно въ изысканіи способовъ для исполненія сихъ условій. Оказались затрудненія, которыхъ не предвидѣли. Вопреки пышнымъ описаніямъ Карвицкаго, общество ихъ не имѣло денегъ; можно

было ожидать ихъ только отъ добровольной складки между членами, а они не изъявляли къ сему никакого расположенія. Надѣялись всю требуемую сумму 10,000 злотыхъ получить отъ графа Мошинскаго; онъ отказался и даже не далъ ничего. Карвицкій, столь скорый на обѣщанія, также не имѣлъ охоты давать деньги, и Маѣвскій, пріѣхавъ въ сіе время [1]) по дѣламъ службы въ Варшаву, обращался къ Заблоцкому и, увѣряя его, что общество темпліеровъ значительно распространилось на Волыни, сказалъ, что ему, Заблоцкому, поручено завѣдывать сношеніями сего общества съ патріотическимъ, къ коему оно присоединяется; а затѣмъ просилъ переговорить съ Крыжановскимъ о мѣрахъ, которыя нужно будетъ принять для сего соединенія. Крыжановскій отвѣчалъ, что прежде всего надобно прислать обѣщанные 10,000 злотыхъ и дать свѣдѣніе о числѣ членовъ общества, означивъ, сколько всякій можетъ представить денегъ, людей и оружія. Маѣвскій говорилъ, что обѣщанная сумма будетъ привезена Тишковскимъ въ іюнѣ, и утверждалъ, что число и силы общества весьма велики. Но въ самомъ дѣлѣ въ обществѣ темпліеровъ никогда не бывало болѣе 24-хъ членовъ, и не всѣ они были дѣятельными; что же касается до денегъ, то ими собрано нѣсколько сотъ злотыхъ, кои давно уже были издержаны, частью на подаянія бѣднымъ, частью на расходы для убранства ложъ.

На допросахъ, сказывая о семъ разговорѣ, Заблоцкій прибавилъ, что, удивляясь большому числу денежныхъ суммъ и вооруженныхъ людей, коими, по словамъ Маѣвскаго, ихъ общество могло располагать, онъ спросилъ его: „Да что значатъ и противъ кого дѣлаются сіи приготовленія?“ Маѣвскій отвѣчалъ, что сіе дѣлается вслѣдствіе условій, постановленныхъ между русскимъ тайнымъ обществомъ и обществами патріотическимъ и темпліеровъ; что русскіе замышляютъ перемѣну въ своихъ государственныхъ законахъ и, конечно, будутъ имѣть успѣхъ; что они уступятъ великое княжество литовское Польшѣ, и для занятія онаго нужно имѣть войска. Маѣвскій утверждаетъ, что не говорилъ Заблоцкому о запасахъ оружія и войскахъ, что все прочее имъ сказано единственно изъ хвастовства, и что общество темпліеровъ никогда не имѣло сношеній съ русскимъ тайнымъ обществомъ; сіе послѣднее совершенно доказано и слѣдствіемъ.

Возвратясь въ Волынскую губернію, Маѣвскій объявилъ Карвицкому, Пуласскому, Тишковскому слышанное отъ Крыжановскаго въ Варшавѣ; они рѣшились собрать требуемую сумму. Но успѣха и въ сей разъ не было. Тишковскій повезъ въ Варшаву только письмо, коимъ Маѣвскій обѣщалъ скоро прислать деньги. Онъ въ самомъ дѣлѣ, пользуясь выиграннымъ чрезъ сіе временемъ, возобновилъ, усугубилъ старанія, чтобы достать нужные 10,000 злотыхъ. Сначала обратился къ графу Ворцелю, котораго пригласилъ къ себѣ, подъ

[1]) Въ маѣ 1825 года.

предлогомъ, что имѣетъ сообщить ему нѣчто важное о русскомъ тайномъ обществѣ. Ворцель, слышавъ все отъ Солтыка, Мошинскаго и Яблоновскаго, зналъ о семъ обществѣ больше Маѣвскаго, и подозрѣвая не безъ основанія, что въ сихъ новыхъ свѣдѣніяхъ нѣтъ ничего истиннаго, онъ только обѣщалъ Маѣвскому передать ихъ другимъ членамъ въ Варшаву; а къ сему прибавилъ, что онъ недавно оттуда и что патріотическое общество поручило ему напомнить темпліерамъ о скорѣйшемъ доставленіи опредѣленной съ общаго согласія суммы. Маѣвскій сказалъ, что деньги будутъ посланы безъ замедленія. Съ Собаньскимъ онъ былъ счастливѣе. Сей послѣдній съ самаго начала 1822 года былъ въ отсутствіи и сдѣлался почти вовсе чуждъ обоимъ обществамъ. Маѣвскій увѣрилъ его, что собираются деньги, какъ для вспоможенія членамъ патріотическаго общества, взятымъ подъ стражу, такъ и на подаяніе женамъ и дѣтямъ старыхъ военнослужащихъ; Собаньскій далъ 300 рублей серебромъ. Съ помощью Чарковскаго набрали еще 700, всего 1,000 рублей серебромъ [1]). Чарковскій взялся свезти ихъ въ Варшаву, и ему же поручено объявить обществу патріотическому, что Карвицкій и Маѣвскій будутъ соблюдать согласіе между обоюдными обществами. Сверхъ того Маѣвскій чрезъ него извѣщалъ, что въ императорской арміи всѣ уже въ волненіи; что русскіе намѣрены возстать на свое правительство. Чарковскому также поручили и стараться дать высокое мнѣніе о числѣ и силахъ общества темпліеровъ и въ то же время узнать вѣрнѣе о состояніи варшавскаго.

По даннымъ ему наставленіямъ, Чарковскій долженъ былъ ввѣренныя ему деньги вручить Заблоцкому, назначенному въ посредники между обществами. Онъ не взялъ ихъ и повелъ Чарковскаго къ подполковнику Крыжановскому, а тотъ послалъ его къ князю Яблоновскому. Но и сей послѣдній не хотѣлъ брать денегъ; наконецъ, они вмѣстѣ отправились къ графу Солтыку, куда пришелъ и приглашенный для сего референдарій Гржимала. Чарковскій, обращаясь къ графу Солтыку, какъ къ начальнику общества, объявилъ ему о своемъ порученіи и прибавилъ, что остальная сумма, коей не успѣли еще собрать, скоро будетъ доставлена. Графъ Солтыкъ отвѣчалъ, что онъ принимаетъ деньги и проситъ увѣрить Карвицкаго и Маѣвскаго, что онъ съ своей стороны будетъ охранять твердость соединенія обществъ. Крыжановскій слышалъ отъ Чарковскаго, какимъ образомъ Маѣвскій досталъ присланную сумму; онъ замѣтилъ, что сихъ денегъ, полученныхъ чрезъ добровольную складку между нѣсколькими членами, нельзя почитать взятыми изъ капиталовъ общества темпліеровъ, что Чарковскій объ сихъ капиталахъ даже не слыхивалъ; что все сіе показываетъ, какъ мало истины въ томъ, что Карвицкій

[1]) Въ сіе число даны: Собаньскимъ 300 рублей, Карвицкимъ 100 рублей, Маѣвскимъ 150 рублей, Тишковскимъ 100 рублей, Антономъ Чарковскимъ 150 рублей, Ѳомою Чарковскимъ, собранные отъ многихъ членовъ, 200 рублей, всего 1000 рублей.

говорилъ о состояніи сего общества и какъ опасно вѣрить ему; что, слѣдственно, имъ необходимо узнать съ точностью, какое число людей, сколько лошадей и оружія общество темпліеровъ можетъ выставить. Тогда Чарковскій сталъ описывать, замѣченное будто бы Маѣвскимъ, волненіе умовъ въ русской арміи. Графъ Солтыкъ, какъ объявили нѣкоторые изъ допрошенныхъ, отвѣчалъ: „Пусть русскіе дѣлаютъ, что хотятъ; но скажите Маѣвскому, чтобы онъ отгонялъ отъ себя такія мысли; въ насъ онѣ были бы сущимъ безумствомъ.“ По извѣтамъ Заблоцкаго и князя Яблоновскаго, графъ Солтыкъ увѣрилъ, что въ Царствѣ Польскомъ спокойство не будетъ нарушено и совѣтовалъ въ другихъ провинціяхъ поступать такъ же, пока въ Россіи не послѣдуетъ перемѣны прочной. Въ семъ послѣднемъ графъ Солтыкъ не запирается.

При концѣ засѣданія положено, что привезенныя Чарковскимъ деньги будутъ отданы на храненіе ксендзу Дембеку. Сей ксендзъ, принятый въ патріотическое общество Оссолинскимъ, не былъ членомъ верховнаго совѣта, но всякій разъ являлся на собранія онаго и потому зналъ о замышленныхъ ковахъ и сношеніяхъ съ русскимъ тайнымъ обществомъ. Заблоцкій разсказалъ ему о пріѣздѣ Чарковскаго; онъ согласился взять привезенныя имъ деньги, и какъ оныя не были впослѣдствіи требованы обществомъ, то, по сдѣланному объ нихъ ксендзомъ Дембекомъ на допросахъ показанію, онѣ найдены въ цѣлости. Симъ заключается описаніе дѣйствій и замысловъ патріотическаго общества въ Царствѣ Польскомъ и въ россійско-польскихъ областяхъ имперіи. Комитетомъ не открыто ни малѣйшаго обстоятельства, по коему можно бы полагать, что съ сего времени было что-либо однимъ изъ сихъ обществъ предпринято. Въ Волыни, по близости ея къ мѣсту, бывшему средоточіемъ заговоровъ, находимъ еще въ декабрѣ 1825 года слѣды сношеній между обществами русскимъ и польскимъ. Сергѣй Муравьевъ пріѣзжалъ къ графу Мошинскому, и разсказавъ о происшествіяхъ 14—26 декабря, спросилъ: „Если 3 и 4 корпусъ возмутятся, поляки будутъ ли помогать имъ?“ Мошинскій отвѣчалъ, что онъ на сей случай не имѣетъ наставленія, но думаетъ, что общество русско-польскихъ провинцій послѣдуетъ во всемъ примѣру варшавскаго. Тогда Муравьевъ сдѣлалъ ему другой вопросъ: „Возьмется ли онъ доставить черезъ князя Яблоновскаго письмо къ варшавскому обществу?“

Мошинскій не согласился, говоря, что „законами общества письменныя сношенія запрещены; что, впрочемъ, уже близко время контрактовъ, и Яблоновскій скоро самъ пріѣдетъ.“ — „Ежели, сказалъ Муравьевъ, случится что-нибудь рѣшительное, то вы узнаете отъ брата, съ которымъ я ѣду въ Петербургъ.“

Показанія Муравьева о семъ свиданіи съ Мошинскимъ разнствуетъ отъ вышеописаннаго; онъ утверждаетъ, что говорилъ Мошинскому: „Хотя польское общество и обѣщало удер-

жать великаго князя цесаревича въ Варшавѣ, когда въ Россіи начнется революція, однакожъ общество южное находитъ, что лучше бы лишить его жизни.“ Что потому онъ просилъ его доставить директоріи общества письмо, въ которомъ Бестужевъ доказывалъ необходимость сей мѣры, что Мошинскій не отвѣчалъ на главное, а только объявилъ, что не можетъ, по правиламъ своего общества, принять бумаги. Мошинскій, вопреки сему показанію, остался при своемъ, прибавляя, что Муравьевъ не сказывалъ о содержаніи письма и о томъ, что русское тайное общество требовало отъ поляковъ покушенія на жизнь его императорскаго высочества цесаревича.

Слѣдственный комитетъ старался въ семъ донесеніи представить съ возможною подробностью и точностью все имъ открытое объ основаніи тайныхъ обществъ, бывшихъ въ Царствѣ Польскомъ и въ россійско-польскихъ областяхъ, о свойствѣ и стремленіи оныхъ, о средствахъ, кои были или употребляемы для достиженія цѣли, вначалѣ имъ предназначенной, или позднѣе, и вслѣдствіе преступныхъ замысловъ нѣкоторыхъ членовъ занявшей мѣсто первой. Происходящая отъ сей перемѣны цѣли разность въ намѣреніяхъ доказывается или временемъ, въ которое тотъ или другой членъ принадлежалъ къ одному изъ вышеозначеиныхъ обществъ, или степенью участія его въ ихъ ковахъ; тѣмъ самымъ опредѣляются и разныя мѣры преступленія каждаго изъ членовъ. Слѣдуя сему, комитетъ счелъ обязанностію раздѣлить ихъ на разряды, сообразно съ поступившими на каждаго извѣтами, съ его собственными признаніями и другими свѣдѣніями, коими сіи признанія и извѣты подтверждены, объяснены или опровергнуты, однимъ словомъ, сообразно съ степенью участія каждаго изъ членовъ въ замыслахъ и дѣйствіяхъ, бывшихъ предметомъ изысканій комитета.

Въ сихъ разрядахъ заключаются:

Въ первомъ: Тѣ члены патріотическаго общества и общества темпліеровъ, которые были употреблены для сношеній съ русскимъ тайнымъ обществомъ, зная или не зная о цѣли сего общества.

Во второмъ: Тѣ члены патріотическаго общества и общества темпліеровъ, кои, также зная и не зная о цѣли русскаго тайнаго общества, имѣли свѣдѣніе о сношеніяхъ съ онымъ.

Въ третьемъ: Члены означенныхъ обществъ, въ разныя времена принятые, или безъ формальнаго принятія къ онымъ принадлежавшіе, и послѣ запрещенія тайныхъ обществъ продолжавшіе дѣйствовать, какъ члены сихъ обществъ.

Въ четвертомъ: Члены, принятые послѣ запрещенія тайныхъ обществъ, но не участвовавшіе въ ихъ дѣйствіяхъ.

Въ пятомъ: Члены общества темпліеровъ, принятые прежде запрещенія тайныхъ обществъ, а послѣ сего времени не участвовавшіе въ дѣйствіяхъ онаго.

Въ шестомъ: Тѣ изъ принятыхъ въ общества: истин-

ныхъ поляковъ, патріотическое и темпліеровъ, прежде запрещенія тайныхъ обществъ, кои послѣ сего запрещенія не участвовали ни въ какихъ дѣйствіяхъ и не знали ни о какой очевидно-преступной цѣли.

Въ седьмомъ: Тѣ, о коихъ были показанія, что они принадлежали къ симъ тайнымъ обществамъ, но безъ означенія, въ какое время они приняты, и безъ доказательствъ въ истинѣ показанія.

Представляя Вашему Императорскому Высочеству вмѣстѣ съ симъ донесеніемъ и раздѣленныя по разрядамъ записки о каждомъ изъ обвиняемыхъ, и журналы засѣданій, и вообще всѣ принадлежащіе къ слѣдствію акты, комитетъ смѣетъ ласкать себя мыслію, что онъ строго и точно исполнилъ данное ему Вашимъ Высочествомъ порученіе.

Подписали: Станиславъ графъ Замойскій, предсѣдатель Сената. Дѣйствительный тайный совѣтникъ, Новосильцовъ. Станиславъ графъ Грабовскій, сенаторъ и воевода. Францискъ Грабовскій, сенаторъ и воевода. Государственный совѣтникъ, исправляющій должность военнаго министра, генералъ отъ артиллеріи Гауке. Генералъ-лейтенантъ графъ Курута. Дивизіонный генералъ Раутенштраухъ. Баронъ Моренгеймъ. Генералъ-маіоръ Кривцовъ. Капитанъ-командоръ Колзаковъ.

Русскій Инвалидъ.

(16 сентября. № 234).

По сентенціи военнаго суда.

Нижегородскаго пѣхотнаго полка прапорщикъ Старковъ и оренбургскаго гарнизоннаго полка прапорщикъ Таптыковъ за преступныя связи съ злонамѣренными людьми лишаются чиновъ и дворянскаго достоинства, и первый написывается рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ, а послѣдній ссылается въ Сибирь въ каторжную работу на четыре года съ тѣмъ, чтобы по истеченіи сего срока оставленъ былъ въ Сибири на поселеніи.

Русскій Инвалидъ.

(21 ноября. № 295).

По сентенціи военнаго суда.

32-го егерскаго полка маіоръ Раевскій 5-й, за противозаконные и дерзкіе поступки, коими умышленно старался разстроить во ввѣренной ему части дисциплину и порядокъ, лишается чиновъ, дворянскаго достоинства, знаковъ отличія и ссылается въ Сибирь на поселеніе.

1832 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ VII).

5515. Іюля 24. Именной указъ, объявленный главнокомандующему дѣйствующею арміею военнымъ министромъ. Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: при выдачѣ указовъ объ отставкѣ офицерамъ, которые принадлежали къ обществу злоумышленниковъ, по происшествію 14 декабря 1825, прописывать въ сихъ указахъ подробно все: за что и какъ означенные офицеры осуждены были верховнымъ судомъ и каковая объ нихъ послѣдовала Высочайшая конфирмація, также вносить имъ запрещеніе въѣзжать въ обѣ столицы имперіи.

Сенатскія Вѣдомости.

(26 ноября. № 48).

По указу Его Императорскаго Величества правительствующій Сенатъ слушалъ предложеніе господина министра юстиціи тайнаго совѣтника и кавалера Дмитрія Васильевича Дашкова, что г. военный министръ отъ 8-го сего ноября сообщилъ ему, что Государь Императоръ, обративъ всемилостивѣйшее вниманіе на участь преступниковъ, сосланныхъ въ каторжную работу, кромѣ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ, по особымъ Высочайшимъ конфирмаціямъ и желая, по чувствамъ милосердія своего, облегчить ихъ жребій сокращеніемъ опредѣленнаго имъ времени употребленія въ каторжной работѣ, Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ числа таковыхъ преступниковъ: Соловьева, Мозалевскаго, Завалишина, Быстрицкаго, и Кучевскаго, кои приговорены въ каторжную работу вѣчно или безъ назначенія срока, оставить въ оной всего пятнадцать лѣтъ, а Игельстрома, Вегелина и Рукевича, приговоренныхъ къ употребленію въ каторжной работѣ на 10 лѣтъ и Колесникова, сосланнаго въ сію же работу на 6 лѣтъ, освободивъ отъ оной, обратить на поселеніе въ Сибири. О такой Высочайшей волѣ онъ, г. министръ юстиціи, доводитъ до свѣдѣнія правительствующаго Сената, присовокупляя, что объ оной, какъ видно изъ отношенія г. генералъ-адъютанта графа Чернышева, сообщено отъ него тѣмъ начальствамъ, до коихъ исполненіе относится.

1856 годъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ XXXI).

(Изъ коронаціоннаго манифеста, 26 августа 1856 года, внесеннаго въ статью 30871 П. С. З.).

Подвергшимся разнымъ за политическія преступленія наказаніямъ и донынѣ еще не получившимъ прощенія, но, по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному послѣ произнесеннаго надъ ними приговора поведенію, заслуживающимъ помилованія, даровать, на основаніи особыхъ для того постановленныхъ правилъ: однимъ—облегченія, болѣе или менѣе значительныя, въ самомъ мѣстѣ ихъ ссылки; другимъ же—освобожденіе отъ оной, съ правомъ жительствовать въ одной изъ указанныхъ имъ внутреннихъ великороссійскихъ губерній, а нѣкоторымъ—и дозволеніе жить, гдѣ пожелаютъ въ предѣлахъ нашей имперіи и Царства Польскаго, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы.

Тѣмъ изъ сихъ, получающихъ нынѣ прощеніе, которые были подвергнуты наказанію по приговору верховнаго уголовнаго суда 13-го іюня 1826 года и мнѣнію государственнаго совѣта 24-го февраля 1829 года [1]) или на основаніи постановленій военно-судныхъ комиссій, по прикосновенности къ замысламъ и дѣйствіямъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ 1825 и 1827 годахъ, и къ бывшему въ 1831 году возмущенію въ Польшѣ, а дотолѣ принадлежали къ дворянству потомственному, даровать, вмѣстѣ съ законными ихъ послѣ произнесенія надъ ними приговора рожденными дѣтьми, всѣ права потомственнаго дворянства, токмо безъ права на прежнія имущества.

Имена тѣхъ изъ осужденныхъ по приговорамъ 1826, 1827 и 1829 годовъ, которымъ даруется потомственное дворянство, означены въ особомъ указѣ нашемъ правительствующему Сенату, а имена участвовавшихъ въ польскомъ возмущеніи, которымъ также даруется дворянство потомственное, будутъ объявлены чрезъ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Принадлежавшимъ къ другимъ состояніямъ, также на томъ же основаніи, даровать вмѣстѣ съ законными дѣтьми ихъ, послѣ ихъ осужденія рожденными, тѣ права состоянія, коими они до сего осужденія пользовались.

---

[1]) Это мнѣніе опубликовано не было.

Состоящихъ, по прикосновенности къ преступленіямъ политическимъ, подъ особымъ надзоромъ полиціи, отъ онаго освободить.

Всѣ сіи облегченія и милости объявить, кому слѣдуетъ, установленнымъ для того порядкомъ.

Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.

(Собраніе второе. Томъ XXXI.)

30883.—Августа 26. Именной, данный Сенату.—О милостяхъ и облегченіяхъ, всемилостивѣйше даруемыхъ, по случаю коронаціи Его Императорскаго Величества, лицамъ, подвергшимся наказаніямъ за преступленія политическія. Желая въ день коронованія Нашего оказать новую милость лицамъ, подвергшимся наказаніямъ за преступленія политическія и по изъявленному ими раскаянію и безукоризненному поведенію заслужившимъ одобрительные отзывы, Мы даровали имъ разныя облегченія, о коихъ объявлено въ манифестѣ Нашемъ отъ сего числа (30877).

Изъ означенныхъ лицъ, осужденныхъ по приговору верховнаго уголовнаго суда 13 іюля 1826 года и 17 августа 1827 года и мнѣнію государственнаго совѣта 24 февраля 1829 года, за участіе въ замыслахъ и дѣйствіяхъ тайныхъ обществъ, открытыхъ въ 1825 и 1827 годахъ, даруются Нами слѣдующія милости:

1) Находящимся въ Сибири на поселеніи: Сергѣю Трубецкому, Евгенію Оболенскому, Матвѣю Муравьеву-Апостолу, Ивану Горбачевскому, Александру Поджіо, Владиміру Бечаснову, Ивану Пущину, Сергѣю Волконскому, Ивану Якушкину, Дмитрію Завалишину, Дмитрію Щепину-Ростовскому, Ивану Кирѣеву, Александру Фролову, Михайлѣ Бестужеву, Владиміру Штейнгелю, Гаврилѣ Батенкову, Петру Фаленбергу, Юліану Люблинскому и Василію Колесникову [1]); находящимся въ Сибири на жительствѣ: отставному губернскому секретарю Аполлону Веденяпину, Михайлѣ Кюхельбекеру, Веніамину Соловьеву, Андрею Быстрицкому, Флегонту Башмакову [2]), Дмитрію Таптыкову и Хрисанфу Дружинину [3]); служащимъ въ Сибири по гражданской части: канцелярскимъ служителямъ Николаю и Александру Крюковымъ, коллежскому регистратору Николаю Басаргину, губернскому секретарю Петру Свистунову, коллежскимъ секретарямъ Ивану Анненкову и Александру Бригену—дозволить возвратиться съ семействами изъ Сибири и жить, гдѣ пожелаютъ, въ предѣлахъ имперіи, за исключеніемъ только С.-Петербурга и Москвы;

---

[1]) О ссылкѣ Колесникова оффиціальныхъ свѣдѣній объявлено не было.

[2]) Тоже.

[3]) Тоже.

тѣхъ же, которые въ прежнее время возвращены изъ Сибири и жительствуютъ во внутреннихъ губерніяхъ—освободить отъ всѣхъ ограниченій.

2) Вмѣстѣ съ симъ, какъ возвращаемымъ нынѣ изъ Сибири, такъ и непоименованнымъ въ 1-мъ пунктѣ сего указа, уже жительствующимъ въ другихъ мѣстахъ имперіи, которые были осуждены по тѣмъ же приговору, опредѣленію и мнѣнію 1826, 1827 и 1829 годовъ, а дотолѣ принадлежали къ дворянству потомственному и впослѣдствіи не пріобрѣли онаго новою службою, равно и законнымъ дѣтямъ какъ ихъ, такъ и осужденныхъ вмѣстѣ съ ними и впослѣдствіи умершихъ, рожденнымъ послѣ произнесенія надъ отцами приговоровъ и не пользующимся потомственнымъ дворянствомъ—даровать дворянство потомственное, только безъ правъ на прежнія имущества. Причисленнымъ же по винѣ своей къ низшимъ степенямъ: Владиміру Штейнгелю, Андрею Розену, Захару Чернышеву, Алексѣю Черкасову, Валеріану Голицыну и Веніамину Соловьеву и законнымъ дѣтямъ ихъ, рожденнымъ послѣ приговоровъ—даровать прежніе титулы: Голицыну—княжескій, Чернышеву—графскій, а прочимъ—баронскій. Если и послѣ умершихъ лицъ, осужденныхъ по упомянутымъ дѣламъ, пользовавшихся дотолѣ почетными титулами и причисленныхъ къ разрядамъ не выше третьяго, остались законныя дѣти, то и имъ даровать прежніе почетные титулы отцовъ ихъ.

3) Сыновьямъ изъ осужденныхъ въ 1826 году по приговору верховнаго уголовнаго суда Василія Давыдова, Василія Ивашева, Вильгельма Кюхельбекера и Андрея Розена, названныхъ, при опредѣленіи ихъ въ учебныя заведенія, Васильевыми и Розеновыми, возвратить фамиліи отцовъ ихъ и именовать Давыдовыми, Ивашевыми, Кюхельбекерами и баронами Розенами.

4) Тѣмъ изъ уроженцевъ западныхъ губерній, участвовавшихъ въ польскомъ возмущеніи 1831 года, которые, по ихъ безукоризненному поведенію, получатъ отъ главныхъ мѣстныхъ начальствъ разрѣшеніе возвратиться на родину, а равно и законнымъ дѣтямъ ихъ, рожденнымъ послѣ приговоровъ надъ отцами, даровать также: пользовавшимся до приговоровъ потомственнымъ дворянствомъ—всѣ права сего дворянства только безъ правъ на прежнія имущества, а принадлежавшимъ къ другимъ состояніямъ—права прежнихъ состояній ихъ.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ сдѣлать надлежащія по сему распоряженія.

III

Неопубликованныя высочайшія конфирмаціи по военно-суднымъ дѣламъ о декабристахъ.

Неопубликованныя Высочайшія конфирмаціи по военно-суднымъ дѣламъ о декабристахъ.

1826 годъ.

16 іюня 1826 г. [1]),

Состоящій по арміи генералъ-маіоръ Орловъ, доказанный въ прежнихъ связяхъ съ обществомъ злоумышленныхъ, отъ которыхъ отсталъ, и въ распоряженіяхъ, вовсе противныхъ порядку военной службы въ командованіи его 16-ю пѣхотною дивизіею, хотя бы и подвергался по строгости законовъ суду, но въ уваженіе прежней отличной его службы и вмѣняя въ штрафъ шестимѣсячное содержаніе въ крѣпости, отставляется отъ службы съ тѣмъ, чтобы и впредь никуда не опредѣлять и съ запрещеніемъ въѣзда въ обѣ столицы.

25 ноября 1826 г.

Утверждается конфирмація главнокомандующаго 2-ю арміею генералъ-фельдмаршала графа Витгенштейна надъ поручикомъ Свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части Лачиновымъ о лишеніи его чиновъ, ордена, дворянскаго достоинства, переломленіи надъ нимъ предъ войсками шпаги по снятіи съ него военнаго мундира и о написаніи его рядовымъ въ дѣйствующіе баталіоны полковъ 20-й пѣхотной дивизіи за то, что онъ, знавъ не только о существованіи и цѣли злоумышленнаго общества, но даже о времени и способахъ предполагаемыхъ для приведенія оныхъ въ дѣйствіе, не объявилъ о томъ начальству.

27 ноября 1826 г.

Утверждается конфирмація главнокомандующаго литовскимъ отдѣльнымъ корпусомъ Его Императорскаго Высочества Цесаревича о лишеніи чиновъ и дворянскаго достоинства съ написаніемъ въ рядовые въ минскій пѣхотный полкъ самогитскаго гренадерскаго полка поручика Паца-Помарнацкаго, который при отобраніи отъ него во исполненіе Высочайшей воли подписки о принадлежности или непринадлежности къ тайнымъ обществамъ, хотя и видѣлъ изъ фор-

[1]) Здѣсь выставлены даты высочайшихъ приказовъ по военному вѣдомству, въ которыхъ были объявлены высочайшія резолюціи.

мы, для сего изданной, что тотъ, кто бы принадлежалъ къ какому-либо обществу, но объ этомъ въ подпискѣ не объявилъ, подвергается наказанію, какъ государственный преступникъ, но умолчалъ въ помянутой своей подпискѣ о принадлежности его къ одному изъ тайныхъ обществъ, а напротивъ изъяснилъ, что якобы ни къ какимъ тайнымъ обществамъ не принадлежалъ.

1827 годъ.

16 февраля 1827 г.

Астраханскаго гарнизоннаго полка маіоръ Кучевскій за злое намѣреніе, клонящееся къ заговору для грабежа и къ нарушенію общественнаго спокойствія, и за неповиновеніе, лишается чиновъ, дворянскаго достоинства и ссылается въ Сибирь въ каторжную работу [1]).

I. Извлеченіе изъ Высочайшихъ докладовъ по военно-суднымъ дѣламъ о декабристахъ.

1) Докладъ по дѣлу о маіорѣ Раевскомъ.

Маіоръ 32-го егерскаго полка Раевскій былъ обвиняемъ въ томъ, что, управляя дивизіонною юнкерскою и ланкастерскими школами, употреблялъ вмѣсто „печатныхъ литографированныхъ прописей“ собственныя рукописныя прописи, помѣстивъ въ послѣднія слова „свобода, равенство, конституція, Квирога, Вашингтонъ, Мирабо,“ а на лекціяхъ, между прочимъ, говорилъ: „Квирога, будучи полковникомъ, сдѣлалъ въ Мадридѣ революцію и когда въѣзжалъ въ городъ, то самыя значительныя дамы и весь народъ вышли къ нему навстрѣчу и бросали цвѣты къ ногамъ его, а Мирабо былъ тоже участникомъ во французской революціи и писалъ много противъ государя, и что конституціонное правленіе лучше всѣхъ правленій, а особливо нашего монархическаго, которое хотя и называется монархическимъ, но управляется деспотизмомъ.“ Далѣе Раевскому предъявлялось обвиненіе въ томъ, что, командуя ранѣе ротою въ 9 егерскомъ полку, внушалъ нижнимъ чинамъ, что „между солдатами и офицерами не должно быть различія, а должно быть равенство“ и что „природа создала всѣхъ одинаковыми.“ Далѣе, въ 1821 г., онъ склонялъ поручика Гомановскаго къ образованію между офицерами „дружескихъ связей,“ основанныхъ на оказаніи взаимной помощи. Послѣ семеновской исторіи Раевскій называлъ возмутившихся семеновцевъ молодцами, а

[1]) Срока работы не обозначено.

подчиненнымъ ему нижнимъ чинамъ говорилъ: „придетъ время, въ которое должно будетъ, ребята, и вамъ опомниться.“ Обращаясь весьма фамильярно съ подчиненными нижними чинами, цѣлуя ихъ, нюхая вмѣстѣ съ ними табакъ, онъ говорилъ имъ что „палки противны законамъ природы, и налагающій наказаніе—злодѣй,“ и объявилъ ротѣ, что онъ позволяетъ разстрѣлять полкового адъютанта за напрасный ея приводъ въ Аккерманъ для содержанія карауловъ.

Тяжкое обвиненіе было встрѣчено со стороны Раевскаго рядомъ оправданій. Онъ утверждалъ, что рукописныя прописи употреблялись имъ за недостаткомъ печатныхъ, что въ разрѣшенной книжкѣ о правописаніи были помѣщены слова Квирога и Мирабо, а въ географическихъ тетрадкахъ школы, въ отдѣлѣ о постановленіяхъ, конституціонное правленіе названо самымъ лучшимъ.

Комиссія военнаго суда приговорила Раевскаго къ смертной казни. Корпусный командиръ генералъ Сабанѣевъ полагалъ заключить Раевскаго въ Соловецкій монастырь. Полевой аудиторіатъ призналъ, однако, что „отступленія и упущенія на всѣ части дѣла распространились такъ, что поступковъ подсудимаго, отдѣльно совершенно доказанныхъ, отъ подающихъ одно только подозрѣніе, объяснить невозможно.“ Членамъ этого аудиторіата и полевому генералъ-аудитору былъ сдѣланъ строжайшій выговоръ въ Высочайшемъ приказѣ, а для сужденія Раевскаго была образована особая комиссія [1]). Комиссія эта, хотя и признала Раевскаго членомъ Союза благоденствія, изъ коего онъ вышелъ до его разоруженія, полагала, однако, ограничиться отставкою отъ службы Раевскаго, имѣя въ виду, что его дѣятельность не имѣла важныхъ послѣдствій. Командующій гвардейскимъ корпусомъ Великій Князь Михаилъ Павловичъ полагалъ Раевскаго сослать въ Сибирь на поселеніе.

Дѣло было представлено на Высочайшую конфирмацію, и Высочайшая резолюція отъ 15 октября 1824 г. гласила: „быть по мнѣнію Его Императорскаго Высочества командующаго гвардейскимъ корпусомъ.“

По подозрѣнію въ насильственной смерти флигель-адъютанта инженеръ-полковника Мишо обвинялся главный лѣкарь севастопольскаго карантина, коллежскій ассессоръ Экъ. Судомъ онъ признанъ невиновнымъ. (Арт. главнаго военно-суд. управленія, книга Выс. докладовъ. 1827 г., № 12).

2) Докладъ о прапорщикѣ Таптыковѣ и др.

10 декабря 1826 г. въ Оренбургъ былъ доставленъ разжалованный изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища въ рядовые и опредѣленный въ оренбургскій артиллерійскій гарнизонъ Завалишинъ.

---

[1]) Предсѣдатель—ген.-ад. Левашевъ и члены: ген.-ад. Головинъ, ген.-маіоръ Балабинъ, фл.-ад. Реадъ и полк. Вишняковъ.

Вскорѣ Завалишинъ совершилъ новое преступленіе, нанеся ударъ рукою и тесакомъ гантлангеру Арисову, за что и былъ арестованъ. На вопросъ караульныхъ, заинтересовавшихся нѣсколько таинственною для нихъ личностью Завалишина и спрашивавшихъ его о причинѣ его высылки изъ столицы, Завалишинъ отвѣчалъ, что „доставленъ по извѣстному бунту“ и что „за сіе разослано подобныхъ ему довольное количество,“ но „это для нихъ ничего не значитъ, ибо можетъ быть разослана сотая часть, а девятьсотъ послѣ нихъ осталось, и что ими засѣяно, то и вырастетъ, хотя бы и дождя не было.“

Окончивъ мѣсячный срокъ ареста, Завалишинъ возвратился въ роту, гдѣ опять, за новыя противодисциплинарные проступки, былъ посаженъ „подъ караулъ на пушечномъ дворѣ.“ Здѣсь имъ было сдѣлано заявленіе о желаніи открыть „важный государственный секретъ“ корпусному командиру. Желаніе было удовлетворено, и Завалишинъ подалъ три доноса.

Въ первомъ доносѣ Завалишинъ заявляетъ, что онъ „по разговорамъ офицеровъ, приходившихъ на гауптвахту для отправленія должности, открылъ умыслы, клонящіеся къ разрушенію порядка и общественнаго счастія; скрывая свою истинную приверженность Престолу, онъ „старался подъ личиною ненависти и честолюбія вывѣдать ихъ намѣренія.“ Вскорѣ Завалишинъ якобы убѣдился, что общественное состояніе Оренбурга было весьма опаснымъ: побѣги нижнихъ чиновъ, тяготившихся строгостью службы, недовольныхъ пищею и тяжелымъ казарменнымъ режимомъ и возмущенныхъ жестокостью тѣлесныхъ наказаній, были довольно многочисленны; оренбургское казачье войско, „видя себя утѣсняемымъ,“ было „волнуемо опаснымъ духомъ неудовольствія;“ гражданское населеніе, въ виду притѣсненій со стороны пограничной компссіи, имѣло большое число „безпокойныхъ.“ Рисуя въ столь мрачныхъ краскахъ положеніе края, Завалишинъ въ заключеніе патетически восклицаетъ: „народное возмущеніе въ людяхъ, исполненныхъ варварства, фанатизма и закоренѣлости, было бы ознаменовано лютостями, превышающими все видимое въ революціяхъ, доселѣ потрясавшихъ міръ сей!“ Въ виду подобнаго положенія дѣлъ, Завалишинъ предлагалъ корпусному командиру употребить его, Завалишина, на разслѣдованіе состоянія умовъ, уполномочивъ притомъ „нѣкоторыхъ чиновниковъ такъ, чтобы они могли, видѣвъ, не видѣть и, слышавъ, не слышать.“

Во второмъ доносѣ Завалишинъ сообщалъ, что уже образовывается тайное общество, подъ наименованіемъ оренбургскаго.

Наконецъ, въ третьемъ доносѣ Завалишинъ подробно увѣдомлялъ о томъ, что первая мысль объ учрежденіи тайнаго общества появилась у унтеръ-офицера Таптыкова и портупей-прапорщика Колесникова; поводомъ къ составленію общества была „ложно понимаемая любовь къ отечеству и воспламененіе ума происшествіями 14 декабря 1824 г.“ Уставъ общества былъ написанъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1826

года, при чемъ „были избраны или сами себя избрали“ во временные предсѣдатели Таптыковъ и въ секретари Колесниковъ.

Къ доносамъ Завалишинъ приложилъ, въ видѣ вещественныхъ доказательствъ, цѣлый рядъ письменныхъ актовъ. Среди нихъ первое мѣсто занималъ уставъ общества. „Именемъ всемогущаго Бога—читаемъ въ уставѣ—оренбургское тайное общество составлено съ цѣлію политическою; цѣль его есть измѣненіе монархическаго правленія въ Россіи и примѣненіе лучшаго правленія къ выгодамъ и свойствамъ народа, для составленія истиннаго его благополучія. Общество должно состоять подъ главнымъ вѣдѣніемъ своего предсѣдателя... Общество раздѣляется на три разряда: на принимаемыхъ, на испытанныхъ и на подозрѣваемыхъ. Принимаемые суть тѣ, которые даютъ клятву обществу. Испытанные суть тѣ, которые, не давъ ему клятвы, обѣщаютъ быть членами общества. Подозрѣваемые суть тѣ, которые, по образу мыслей и по характеру своему почитаются основательно за будущихъ членовъ общества... Всякій изъ членовъ долженъ имѣть слѣпое повиновеніе къ предсѣдателю или особѣ, имъ избранной, и рѣшаться на все ему поручаемое, хотя бы то стоило и самой жизни. Печать общества есть два на-крестъ лежащіе кинжалы, съ изображеніемъ года основанія общества, съ вензелемъ онаго и окомъ Провидѣнія, изливающимъ свыше свѣтъ свой.“ Уставъ былъ датированъ 15 сентября 1826 г.

Къ уставу была приложена „инструкція.“ Въ ней изъяснялось, что цѣлью общества служило производство политическаго переворота. Средствами „для совершенія сего предпріятія“ рекомендовались: внушеніе нижнимъ чинамъ и всѣмъ вообще простолюдинамъ „тѣхъ мыслей о свободѣ и равенствѣ, которыя неизбѣжно влекутъ за собою волненіе умовъ и приготовленіе ихъ къ перемѣнѣ правленія; выдачи денегъ, „для привязанія къ обществу,“ нижнимъ чинамъ, „которые почтутся имѣющими вліяніе; ласковое и обходительное обращеніе съ низшими;“ наконецъ, внушенія отрицательнаго отношенія „къ правленію и царствующему поколѣнію.“ Въ случаѣ же „политическаго переворота,“ надлежало, согласно инструкціи, арестовать военнаго губернатора и начальствующихъ лицъ, „поднять знамя бунта,“ издать прокламацію о свободѣ Россіи, уменьшеніи срока службы нижнихъ чиновъ, удвоеніи имъ жалованья, освобожденіи крестьянъ, прощеніи налоговъ и недоимокъ и избавленіи нижнихъ чиновъ отъ тѣлеснаго наказанія.

Далѣе Завалишинъ представилъ подписки членовъ о принадлежности къ обществу, гдѣ, между прочимъ, было указано, что при неисполненіи ими общественныхъ обязательствъ — „да разразится громъ небесный надъ головою клятвопреступника.“

Противъ лицъ, замѣшанныхъ въ составѣ тайнаго общества, было возбуждено судебное преслѣдованіе, и всѣ они были арестованы.

Таптыковъ, на допросѣ, показалъ, что „виновникомъ общества,“ иначе говоря—его иниціаторомъ и организаторомъ является Завали-

шинъ, который выдавалъ себя за агента владимірскаго тайнаго общества; самъ же Таптыковъ подписывалъ бумаги въ нетрезвомъ видѣ.

Однако показаніями другихъ лицъ было удостовѣрено участіе Завалишина. Такъ, Дружининъ говорилъ, что Завалишинъ, между прочимъ, ему сообщалъ о подготовленности всей Россіи къ бунту, о существованіи въ Россіи двѣнадцати тайныхъ обществъ и объ ожиданіи въ ближайшемъ будущемъ полученія въ Оренбургъ денегъ и партіи кинжаловъ и ружей.

Аудиторіатскій департаментъ вынесъ строгую резолюцію, полагая приговорить къ ссылкѣ въ безсрочныя каторжныя работы Завалишина, а къ тому же наказанію на время отъ 6 до 12 лѣтъ—другихъ главныхъ виновниковъ; изъ прочихъ виновныхъ трое подлежали переводу въ кавказскій корпусъ [1]).

---

[1]) „Всемірный Вѣстникъ“ 1906 г. (Замѣтка М. Соколовскаго).

IV

Разсказъ о моемъ заключеніи въ Санктъ-Петербургской крѣпости.

В. П. Зубкова.

(Переводъ съ французскаго).

LD2
I6h
v.1

Разсказъ о моемъ заключеніи въ Санктъ-Петербургской (Петропавловской) крѣпости.

1826. Въ С.-Петербургѣ.

Извѣстіе о событіи 14 декабря привезъ въ Москву генералъ Комаровскій. Въ первый день не вѣрили, что все уже кончено; разсказывали, что произошли безпорядки, что стрѣляли изъ пушекъ; затѣмъ одни говорили, что все успокоилось, другіе, что возстала вся гвардія. День 14 декабря сопровождался многочисленными арестами. Въ Москвѣ они начались въ 20 числахъ. Сначала мы узнали объ арестѣ Михаила Орлова и Никиты Муравьева, котораго взяли въ его имѣньѣ. Затѣмъ были арестованы кавалергарды Свиньинъ и Кологривовъ, потомъ Колошинъ и Семеновъ, а на слѣдующій день—Михаилъ Нарышкинъ и Штейнгель. Въ Москвѣ говорили, что былъ взятъ и генералъ Раевскій, и что онъ, Никита Муравьевъ и Орловъ были главарями заговора. По этому поводу одинъ изъ адъютантовъ Раевскаго взялъ его портретъ, находящійся въ его кабинетѣ, подписалъ подъ нимъ „измѣнникъ“ и велѣлъ выкинуть его на погребъ!

Восьмого января Данзасъ сообщилъ мнѣ, что взятъ Кашкинъ. Это извѣстіе разбило мою надежду, что меня не побезпокоятъ. Кашкинъ неоднократно повторялъ мнѣ, что не принадлежитъ ни къ какому тайному обществу; я приписывалъ его арестъ его связямъ со многими серьезно замѣшанными лицами и, слѣдовательно, мнѣ должно было дожидаться той же участи. Я постарался приготовить семью къ моему будущему путешествію. Мнѣ удалось убѣдить ихъ, что это очень счастливый случай, который доставилъ мнѣ возможность совершенно оправдать себя въ глазахъ общества (что считалось тогда очень важнымъ); потому что враги мои не замедлили распространить слухъ, что я тоже участвовалъ въ заговорѣ. Зная свою невиновность, я былъ убѣжденъ, что меня освободятъ сейчасъ же послѣ допроса или продержавъ нѣсколько дней на гауптвахтѣ *); я боялся только, чтобы путешествіе не повредило моему здоровью, такъ какъ я толь-

*) Въ Москвѣ твердо держались взгляда, что лица, отправляемыя въ Петербургъ, содержались на гауптвахтѣ, а не въ крѣпости. Я надѣялся увидать Колошина, Семенова, Кашкина и съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ проведу вмѣстѣ съ ними время.

ко что оправился отъ нервной болѣзни. Вечеромъ я приготовилъ женѣ письмо, которое княгиня Голицына должна была передать ей черезъ двѣ недѣли послѣ моего отъѣзда. Это письмо, написанное будто бы въ Петербургѣ, должно было успокоить ее относительно моей судьбы. Колошинъ поступилъ точно такъ же. Я спокойно заснулъ. Въ полночь меня разбудилъ слуга и передалъ мнѣ записку отъ Данзаса.

„Дорогой другъ," писалъ онъ, „приготовьтесь выѣхать завтра утромъ; я тоже ѣду." Я вскочилъ съ кровати и послалъ слугу къ князю Черкасскому попросить у него шубу. [1]).

Въ ожиданіи шубы я уложилъ въ дорожный мѣшокъ немного бѣлья, трубку, табакъ, фракъ и т. д. Я легъ снова, но отъ волненія не могъ заснуть. Къ утру я уже спокойно относился къ своей участи; помня о своей невиновности, я не безъ удовольствія думалъ о короткомъ путешествіи, которое развлечетъ меня и дастъ мнѣ возможность повидать моихъ старыхъ петербургскихъ знакомыхъ.

Часовъ въ 8—9 утра я объявилъ семьѣ о моемъ отъѣздѣ и, благодареніе Богу, все обошлось, какъ нельзя лучше. Въ 9 часовъ я получилъ записку, присланную, какъ мнѣ сказали, отъ Петра Муханова; на самомъ дѣлѣ это было очень вѣжливое приглашеніе отъ оберъ-полицеймейстера пожаловать сейчасъ же къ нему. Вещи мои были готовы, я простился съ семьей и отправился къ Шульгину. Онъ объявилъ мнѣ, что получилъ приказаніе отправить меня въ Петербургъ, затѣмъ онъ предложилъ мнѣ съѣздить домой и привезти ему мои бумаги. Я вернулся домой, еще разъ простился съ домашними и привезъ оберъ-полицеймейстеру портфель съ моими бумагами. Этотъ прекрасный человѣкъ сказалъ, что поступилъ такъ, чтобы не пугать мою жену, и просилъ держать это въ секретѣ [2]).

Продержавъ меня около часа въ своей туалетной комнатѣ, онъ сказалъ, что все готово, обнялъ меня и сдалъ меня и мои бумаги на руки полицейскому офицеру отталкивающей наружности.

Мы сошли по потайной лѣстницѣ и сѣли въ закрытый возокъ, запряженный доброй тройкой, сразу пустившейся галопомъ. Пока мой провожатый свидѣтельствовалъ у заставы свой паспортъ, я распро-

---

[1]) Я узналъ, что послѣ моего отъѣзда родственники жены Черк. упрекали его за эту неосторожность, но онъ имъ замѣтилъ, что онъ не могъ себя скомпрометтировать, давъ мнѣ шубу, когда я еще не былъ признанъ виновнымъ; что напротивъ, если его арестуютъ и спросятъ, какъ онъ смѣлъ дать мнѣ шубу, его поступокъ докажетъ, что онъ считалъ меня виновнымъ и, слѣдовательно, никогда не былъ со мной за-одно!!! Потому что, въ противномъ случаѣ, онъ никогда бы не одолжилъ мнѣ шубы.

[2]) Князь Дмитрій Голицынъ (Моск. генералъ-губерн.) велъ себя изумительно въ эти тяжелыя времена. Онъ закупилъ шубы и валенки и раздавалъ ихъ тѣмъ, у кого ихъ не было, когда они являлись къ нему. Семенову онъ далъ 200 р. Очень возможно, что при другомъ генералъ-губернаторѣ аресты производились бы съ меньшимъ человѣколюбіемъ. И все-таки Обресковъ и Ровинскій (Московск. полицеймейстеры) забывались иногда, какъ, напримѣръ, съ Семеновымъ и Зиловымъ.

стился съ княземъ Вал. Шаховскимъ, который въѣзжалъ въ городъ и не мало удивился при видѣ меня.

Проѣхавъ молча нѣсколько верстъ, я вступилъ въ разговоръ съ моимъ провожатымъ. Я узналъ, что онъ былъ изъ Срѣтенскаго участка, а когда я назвалъ себя, то онъ сказалъ, что былъ крѣпостнымъ моего отца и хорошо зналъ моего брата. Онъ прибавилъ, что никогда не забываетъ своего происхожденія и проситъ смотрѣть на него, какъ на преданнаго слугу. На первой станціи я предложилъ ему позавтракать. При входѣ на постоялый дворъ я увидѣлъ графа Егора Толстого съ его младшимъ братомъ, которые ѣхали въ свои полки. Мы были очень удивлены этой встрѣчей; сначала я думалъ, что они такъ же были арестованы. Мы сѣли за обѣдъ, когда вошелъ Петръ Мухановъ въ сопровожденіи фельдъегеря Заварзаева, провожающаго его въ Петербургъ.

На второй станціи мы садились въ сани, когда къ станціи подъѣхалъ генералъ М. Фонвизинъ. Его постигла та же участь и онъ ѣхалъ изъ своего имѣнья, гдѣ былъ взятъ [1]).

Въ Клину я подошелъ къ нему, и мы быстро познакомились. Вскорѣ мы догнали Данзаса. Эту ночь и слѣдующій день 10 числа мы останавливались втроемъ на однѣхъ и тѣхъ же станціяхъ, чтобы вмѣстѣ пить чай и обѣдать. Въ Торжкѣ Мухановъ опередилъ насъ, и мы его больше не видали. На какой-то станціи за нѣсколько верстъ до Новгорода наши провожатые имѣли тайное совѣщаніе, послѣ котораго объявили, что мы должны разстаться, и мы выѣхали часомъ позднѣе одинъ послѣ другого. Я выѣхалъ послѣднимъ. Съ самой Москвы мой провожатый осушалъ на каждой остановкѣ по нѣскольку стакановъ ерофеича и, пріѣхавъ въ Померанье, былъ такъ пьянъ, что не могъ держаться на ногахъ. Мнѣ пришлось остановиться на полтора часа, чтобы дать ему выспаться.

Въ ночь на 10 Фонвизинъ, сильно зябнувшій въ своихъ открытыхъ саняхъ и страдавшій отъ открывавшейся на ногѣ раны, получилъ отъ своего фельдъегеря разрѣшеніе пересѣсть ко мнѣ въ кибитку. Мой провожатый пересѣлъ въ сани, а Фонвизинъ ко мнѣ. Я сказалъ ему, что Граббе взятъ; онъ спросилъ меня, забранъ ли Якушкинъ, я отвѣчалъ, что нѣтъ. На слѣдующей станціи онъ прочелъ въ почтовой книгѣ, что въ Смоленскъ проѣхалъ фельдъегерь, сказалъ, что это, вѣроятно, за Якушкинымъ, и казался сильно обезпокоеннымъ. Онъ сказалъ, что считаетъ долгомъ каждаго честнаго человѣка высказывать свои мнѣнія, что онъ занимался политикой въ теоріи, но никогда не думалъ примѣнять ее на практикѣ. „Ахъ! ска-

[1]) На одной изъ станцій Мухановъ, думая, вѣроятно, что я принадлежу къ обществу, сказалъ мнѣ, что не надо ни въ чемъ признаваться. На другой онъ разсказалъ, что Александръ Бестужевъ сказалъ императору: «что посѣяно— вырастетъ». Фонвизинъ повернулся къ нему спиной, а Мухановъ сказалъ мнѣ, улыбаясь: «Посмотрите, что за шельмецъ Фонвизинъ, отворачивается и дѣлаетъ видъ, что ничего не знаетъ!»

залъ онъ, я бы многое далъ, чтобы быть черезъ недѣлю на этой же станціи, возвращаясь къ женѣ."

Въ дорогѣ на насъ мало обращали вниманія. Ни на одномъ лицѣ не прочелъ я выраженія жалости или удивленія; только на одной станціи три старыя женщины, довольно хорошо одѣтыя въ черныя накидки, проводили меня до саней, шепотомъ призывая на меня благословенія.

Фельдъегеря получаютъ прогонныя деньги на трехъ лошадей, а платятъ только за двухъ, ямщики дѣлаютъ это, чтобы не очень терпѣть отъ нихъ въ дорогѣ. Мой провожатый отдалъ свои валенки Фонвизину, у котораго ихъ не было. Онъ замѣнялъ ихъ, покрывая ноги тулупомъ ямщика, который принужденъ былъ ѣхать безъ теплой одежды. Одинъ изъ ямщиковъ не хотѣлъ отдавать тулупа, несмотря на угрозы провожатаго, который въ деревнѣ не рѣшался прибѣгнуть къ побоямъ. Но всю дорогу онъ не переставалъ бранить его и такъ гналъ лошадей, что одна изъ нихъ пала. Въ такомъ случаѣ правительство платитъ владѣльцу лошади 250 рублей., но я думаю, что большая часть этихъ денегъ остается въ рукахъ тѣхъ, кто долженъ ихъ передать. Фельдъегеря получаютъ только 600 руб. жалованья въ годъ и полный мундиръ. Такъ какъ они постоянно въ разъѣздахъ, то прогонныя деньги за лошадь, которыя они удерживаютъ себѣ, образуютъ къ концу года порядочную сумму. Всѣ изъ нихъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло, были всегда очень вѣжливы.

Мы въѣхали въ Петербургъ въ 8 часовъ вечера [1]).

У заставы намъ дали казака, который проводилъ насъ на квартиру дежурнаго генерала. Войдя въ канцелярію, я увидѣлъ генерала Фонвизина, который указалъ мнѣ на Данзаса, спящаго на стулѣ. Генералъ Потаповъ былъ въ крѣпости, и насъ попросили подождать. Мы послали въ трактиръ за чаемъ, но только что собрались его пить, какъ пришли за Данзасомъ. Я немного вздремнулъ на диванѣ. Проснувшись, я увидалъ князя Урусова, адъютанта генерала Киселева, съ нимъ былъ еще адъютантъ Шишковъ. Черезъ нѣсколько минутъ намъ велѣли ѣхать. Я простился съ Фонвизиномъ и послѣдовалъ за моимъ провожатымъ и княземъ Урусовымъ съ его плѣнникомъ сначала въ канцелярію коменданта, а затѣмъ на главную гауптвахту во дворецъ.

---

[1]) Нечего и говорить, что путешествіе мое было сопряжено со многими неудобствами. Правда, на каждой станціи мнѣ давали крытый возокъ; но входъ въ него бывалъ такой узкій и низкій, что мы не могли лежать оба, и моему провожатому приходилось стоять, что меня весьма стѣсняло. Если же ему хватало мѣста лечь со мной рядомъ, новое неудобство: отъ него сильно пахло водкой, и я долженъ былъ дышать спиртными парами. Чтобы избѣжать этого, я сталъ брать открытыя сани.—У Данзаса была хорошая кибитка князя Толицына; Фонвизинъ ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ. Впродолженіе двухъ ночей, проведенныхъ въ пути, я спалъ не больше двухъ часовъ. Проѣзжая по Гороховой, я видѣлъ свѣтъ у Андріе (гостин. и ресторанъ).

Я думалъ, что мнѣ назначили офицерскую комнату, и былъ непріятно пораженъ, не найдя въ ней другихъ заключенныхъ. Я легъ на жесткомъ диванѣ, на которомъ думалъ провести ночь, и только что собрался закурить трубку, какъ дежурный полковникъ сказалъ мнѣ, что курить запрещено, и что меня переведутъ въ другую комнату. Онъ сказалъ, что у меня возьмутъ всѣ мои вещи и деньги, и посовѣтовалъ перемѣнить бѣлье. Я воспользовался его совѣтомъ и, выйдя въ маленькую комнату, надѣлъ чистое бѣлье. Я вынулъ изъ бумажника 100 рублей и засунулъ ихъ подъ подкладку жилета, думая, что эти деньги могутъ мнѣ пригодиться. Затѣмъ у меня взяли часы, деньги и т. д. Сначала хотѣли сдѣлать подробную опись вещей, находящихся въ моемъ дорожномъ мѣшкѣ, но мнѣ удалось убѣдить ихъ просто связать и запечатать его, иначе это заняло бы еще цѣлый часъ.

Затѣмъ офицеръ провелъ меня черезъ сѣни въ большую комнату, освѣщенную одной свѣчой. Унтеръ-офицеръ подвелъ меня къ стулу и велѣлъ сѣсть на него или ложиться на полъ, если я хочу спать. Онъ запретилъ мнѣ говорить съ кѣмъ бы то ни было. На диванѣ спалъ очень красивый мужчина, имени котораго я не могъ узнать [1]).

Вся меблировка комнаты состояла изъ сквернаго дивана безъ подушекъ, стола и стула. Мнѣ пришлось лечь на полъ, подстеливъ шубу. Я очень усталъ съ дороги и немного поспалъ. На слѣдующее утро мой собратъ по несчастью уже всталъ, когда я проснулся. Онъ казался очень веселымъ; мы сдѣлали нѣсколько жестовъ, обоюдно непонятыхъ.

Наша комната находилась въ нижнемъ этажѣ дворца, противъ адмиралтейства. Въ ней два окна съ двойными рамами. Передъ окнами стояли часовые и не допускали подходить къ нимъ. У дверей стояло двое часовыхъ.

Въ полдень пришли за моимъ товарищемъ по заключенію, и я его больше не видалъ; я узналъ только, что онъ былъ полковникъ, вѣроятно, въ отставкѣ, такъ какъ носилъ штатское платье. Оставшись одинъ, я рѣшилъ заговорить съ часовыми. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что заключенные въ этой комнатѣ первые дни должны сидѣть на стулѣ, не вставая съ мѣста.

Въ два часа мнѣ принесли тарелку довольно хорошихъ щей, жареную говядину, нарѣзанную мелкими кусками, и два куска хлѣба—бѣлаго и чернаго. Ни ножей, ни вилокъ не было.

Каждый разъ, какъ мнѣ надо было идти въ уборную, часовые—одинъ впереди, другой сзади—провожали меня съ саблями на-голо. Человѣкъ двадцать заразъ испражнялись въ отверстія, сдѣланныя въ длинной доскѣ. Это было очень смѣшно и очень грязно.

Наконецъ, въ девять часовъ за мной пріѣхалъ фельдъегерь и от-

---

[1]) Позднѣе приписано: «Поджіо младшій».

везъ меня въ саняхъ къ Императору въ Эрмитажъ. Я вошелъ въ маленькую переднюю, гдѣ мнѣ предложили стулъ. Нѣсколько лакеевъ въ траурной одеждѣ разговаривали, стоя. Одинъ изъ нихъ, одѣтый въ военную форму, по временамъ присаживался на стулъ, бросая на меня презрительные взгляды. Черезъ полчаса меня позвали въ сосѣднюю комнату, гдѣ я нашелъ генерала Левашева, который провелъ меня въ залу, увѣшанную картинами. Онъ сѣлъ за маленькій столъ, покрытый бумагами, предложилъ мнѣ такъ же сѣсть и сказалъ:

„Ваши интимныя связи съ наиболѣе дѣятельными членами тайнаго общества и еще болѣе того—показанія, сдѣланныя противъ васъ, доказываютъ, что вы сами членъ этого общества; поэтому я прошу васъ сказать мнѣ все, что вы знаете по этому дѣлу.“

Я отвѣтилъ, что никогда не принадлежалъ ни къ какому тайному обществу.

„А можете ли вы,“ сказалъ онъ, „выдержать очную ставку съ вашими обвинителями, напримѣръ съ Пущинымъ, Колошинымъ, Семеновымъ, Кашкинымъ?“

Я отвѣчалъ утвердительно и далъ слѣдующее показаніе, которое онъ записалъ:

„Въ 1817 и 1818, не помню точно, князь Федоръ Шаховской предложилъ мнѣ вступить въ общество, названіе котораго мнѣ неизвѣстно.“

„А гдѣ находится теперь эта особа?“ спросилъ меня генералъ [1]).

„Въ своемъ имѣньѣ,“ отвѣчалъ я: мнѣ кажется, онъ былъ адъютантомъ Депрерадовича. Насколько мнѣ помнится, это общество было чисто литературное и отнюдь не противоправительственное.“

„Противозаконное,“ — сказалъ генералъ тономъ, говорившимъ: „все, что противъ правительства,—противъ закона.“

„Члены общества намѣревались переводить на русскій языкъ лучшія французскія произведенія и на засѣданія приносили отрывки литературныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ. Одинъ изъ параграфовъ устава гласилъ, что богатые члены должны были давать десятую часть своихъ доходовъ въ пользу бѣдныхъ членовъ“ (генералъ написалъ просто „бѣдныхъ“), „и платить штрафъ каждый разъ, какъ не приносили сочиненій [2]). Это заставило меня отказаться отъ вступленія въ это общество. Въ 1820 г. я посѣщалъ въ Петербургѣ масонскія ложи, въ которыхъ я занималъ крупное положеніе, но съ

---

[1]) Этотъ вопросъ сильно смутилъ меня: онъ показалъ мнѣ, что Шаховской еще не арестованъ; я думалъ, что изъ-за меня его поплютъ отыскивать. Онъ былъ адъютантомъ генерала Паскевича, а не Депрерадовича. Въ Москвѣ меня рѣшительно увѣряли, что онъ уже взятъ. Позднѣе я узналъ, что князь Шаховской, дѣйствительно, былъ арестованъ раньше меня.

[2]) Далѣе зачеркнуто: «Съ 1817 года я не слыхалъ болѣе объ этомъ обществѣ».

тѣхъ поръ, какъ онѣ были закрыты, я не вступалъ ни въ какія ложи и не знаю даже, существовали ли новыя. Я никогда не принадлежалъ ни къ какому тайному обществу и никогда не слыхалъ о немъ. Я узналъ о событіи 14 декабря по слухамъ только въ день пріѣзда въ Москву графа Комаровскаго."

Я подписалъ это показаніе [1]).

Генералъ велѣлъ мнѣ подождать и отправился къ Императору. Я воспользовался его отсутствіемъ, чтобы оглядѣть залу, гдѣ я находился. Это та, гдѣ стоятъ большіе часы Минина и Пожарскаго; посреди расположены большія мраморныя вазы и витрины съ картинами. Изъ сосѣдней комнаты доносился голосъ Императрицы, разговаривающей съ дѣтьми. Я подошелъ къ стеклянной двери, отдѣляющей залу отъ первой комнаты, гдѣ меня принялъ генералъ, и увидѣлъ Данзаса; я хотѣлъ заговорить съ нимъ, но фельдъегерь велѣлъ мнѣ молчать. Черезъ полчаса вернулся генералъ Левашевъ. Онъ велѣлъ вывести меня изъ залы и говорилъ затѣмъ съ Данзасомъ. Затѣмъ, отпустивъ его, онъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ меня подъ руку, сказалъ: „Его Величество приказали заключить васъ въ крѣпость, тамъ васъ допросятъ, и если вы докажете вашу невинность, васъ освобо-

---

[1]) Дальше находится слѣдующее, написанное на лѣвой сторонѣ тетради,

Примѣчаніе къ портретамъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора Александра, я предложилъ всѣмъ моимъ друзьямъ отдать литографировать наши портреты, чтобы каждый имѣлъ портретъ всѣхъ; намъ казалось это интереснымъ и пріятнымъ имѣть такую карточку, особенно взглянуть на нее черезъ нѣсколько лѣтъ, когда положеніе наше измѣнится. Мое предложеніе было принято, и г. Соболевскій сдѣлалъ карандашомъ очень хорошенькую группу. Я предложилъ отправить ее литографировать въ Парижъ, но къ тому времени, какъ готовъ былъ рисунокъ, Пущинъ собирался ѣхать въ Петербургъ, и мы передали его ему, чтобы тамъ же и литографировать. Группа состояла изъ Пущина, Колошина, Бакунина, Пальчикова, Данзаса, Горсткина, Черкасскаго и меня. Когда портретъ былъ готовъ, его вставили подъ стекло, и такъ какъ онъ очень удался, то его показывали всѣмъ желающимъ и, между прочимъ, генералъ-губернатору. Портреты эти были сдѣланы безъ всякой задней мысли, и ихъ открыто показывали всюду. Пущинъ отвезъ рисунокъ въ Петербургъ. Послѣ событія 14 декабря въ Москвѣ начали говорить, что эта группа изображаетъ членовъ заговора, что надъ ними была изображена звѣзда съ лучами по числу членовъ и кругомъ нея шла надпись: «Собравшіеся друзья».—Когда насъ стали арестовывать, слухи въ Москвѣ усилились. Даже въ Петербургѣ, когда меня уже выпустили, говорили объ этомъ, особенно о надписи. Фактъ тотъ, что судебное слѣдствіе не знало этого рисунка или, по крайней мѣрѣ, не говорило о немъ. И дѣйствительно, что можетъ быть глупѣе этихъ слуховъ! Послѣ моего ареста въ Москвѣ говорили, что я изображенъ на портретѣ со звѣздой во лбу; что я занимался энтомологіей единственно для того, чтобы маскировать мои другія занятія, заключавшіяся въ составленіи бумагъ, необходимыхъ для заговора; что я былъ изображенъ берущимъ клятву съ друзей; что меня привели къ императору, раздѣли, и я поблѣднѣлъ, потому что на моемъ тѣлѣ былъ найденъ условный знакъ!!!

дятъ черезъ два—три дня или немного больше. Если вамъ что-нибудь понадобится—обратитесь ко мнѣ,—вы можете мнѣ написать“ [1]).

Я поклонился ему и, увѣренный въ скоромъ освобожденіи, не попросилъ его о хорошемъ помѣщеніи, я даже не сказалъ ему, что былъ боленъ; къ тому же я думалъ, что меня помѣстятъ очень хорошо; по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ всѣ такъ думали. Надѣвая въ передней шубу, я увидалъ Данзаса; я сказалъ ему, что меня везутъ въ крѣпость, но не успѣлъ выслушать его отвѣта, такъ какъ насъ свели по разнымъ лѣстницамъ.

Выйдя на улицу, мой провожатый посадилъ меня въ сани; когда мы подъѣхали къ крѣпости, ворота съ шумомъ распахнулись, чтобы впустить насъ.

Сначала меня ввели въ хорошенькую комнатку, которую я простодушно счелъ за отведенную мнѣ.

Я провелъ въ ней добрый часъ, весело болтая съ моимъ фельдъегеремъ. Потомъ меня повели наверхъ къ коменданту. Я вошелъ въ его кабинетъ. Онъ любезно улыбнулся и посадилъ меня рядомъ съ собой.

„Я получилъ приказъ отъ Его Величества заключить васъ въ крѣпость,“ сказалъ онъ. Онъ сдалъ меня на руки плацъ-маіора [1]), который приказалъ мнѣ слѣдовать за нимъ. Онъ посадилъ меня рядомъ съ собой въ сани, плацъ-адъютантъ сталъ сзади, и мы поѣхали. Мы въѣхали во дворъ, отдѣленный отъ главной площади стѣною, въ которой продѣлана арка. Въ глубинѣ двора я увидалъ зданіе съ низкой дверью, передъ которой мы и остановились. Темная каменная лѣстница привела насъ въ помѣщеніе, гдѣ находилось нѣсколько солдатъ. Оно освѣщалось фонаремъ, висящимъ на потолкѣ. Налѣво была дверь, ее отперли, и мы вошли въ другое помѣщеніе, большую часть котораго занимала огромная русская печь. Она имѣла такой печальный видъ, что я просилъ плацъ-маіора дать мнѣ другую, меньшую комнату, которую входя я замѣтилъ направо, напротивъ этой комнаты. Онъ согласился и оставилъ меня съ адъютантомъ. Итакъ, мы вошли въ эту маленькую комнату. Адъютантъ спросилъ, были ли на мнѣ деньги или драгоцѣнныя вещи. Я отвѣтилъ, что у меня все отобрали на гауптвахтѣ. Онъ сказалъ, что по правиламъ меня слѣдовало бы раздѣть; но онъ ограничился обыскомъ моихъ кармановъ. Когда онъ дошелъ до жилета, я почувство-

---

[1]) Я не понимаю, почему меня заключили въ крѣпость по одному смутному подозрѣнію, какъ выяснится позднѣе. Тучковъ, какъ я узналъ позднѣе, помѣщенъ былъ въ Генеральномъ штабѣ, въ квартирѣ изъ трехъ комнатъ, вмѣстѣ съ генераломъ Кальмъ, Н. Воейковымъ и Липранди. Они устроились очень удобно и чисто, обѣдъ имъ присылалъ А. Воейковъ; по вечерамъ они играли въ бостонъ. А между тѣмъ Тучковъ сознался, что принадлежалъ къ обществу въ 1817 году.

[1]) Егоръ Михайловичъ Подушкинъ, повидимому, прекрасный человѣкъ.

валъ шелестъ сторублевой бумажки подъ подкладкой и готовъ былъ передать ее ему, но онъ, къ счастью, отдернулъ руку. Затѣмъ онъ взялъ списокъ моихъ людей въ Москвѣ до кормилицы и няни дѣтей,—не знаю зачѣмъ все это. Я рѣшилъ его спросить, есть ли тюрьма лучше моей. „Да, отвѣчалъ онъ, есть лучше, но есть и хуже“.

„Да, замѣтилъ я, казематы.“

„Но вѣдь вы въ казематѣ,“ возразилъ онъ.

Онъ поставилъ на окно лампу и, уходя, сказалъ, что если я захочу писать Его Величеству, или коменданту, или кому бы то ни было, мнѣ стоитъ только спросить чернилъ, бумаги и перьевъ, въ чемъ никому не отказываютъ. Съ этими словами онъ ушелъ. Я слышалъ, какъ мою дверь заперли на ключъ, затѣмъ заложили желѣзный болтъ и шумно заперли и его.

Я разстелилъ на постели шубу и бросился на нее; я не спалъ три ночи, и, наконецъ, мнѣ посчастливилось заснуть. Меня часто будилъ шумъ, который производили солдаты въ первой комнатѣ. Они спятъ полдня и поэтому большую часть ночи проводятъ безъ сна въ болтовнѣ. Я проснулся въ восемь часовъ. Я всталъ и началъ осматривать мое помѣщеніе. Эта была комната въ шесть шаговъ длины и пять ширины. Входная дверь была пробита въ перегородкѣ изъ вертикальныхъ балокъ, выходящей въ первую комнату; лѣвая стѣна такъ же была перегородка. Напротивъ двери находилась внѣшняя каменная стѣна, окно которой выходило на дворъ, а правая стѣна была просто сводомъ, начинавшимся у пола и доходящимъ наверху до лѣвой стѣны, такъ что, когда голова касалась свода, ноги отъ него были еще на полтора шага отступя. Окно было въ углубленіи, стекла были такъ грязны, что черезъ нихъ почти ничего не было видно; за окномъ была желѣзная рѣшетка. Сводъ былъ довольно сырой. Въ казематѣ было очень грязно, но за то свѣтло. Кровать состояла изъ нѣсколькихъ досокъ, искусно соединенныхъ желѣзными полосами. Соломенный тюфякъ и подушка лежали на двухъ узкихъ доскахъ съ большимъ пустымъ промежуткомъ, при чемъ одна доска была значительно толще другой. Простыня была, разумѣется, изъ грубаго холста и очень грязна. Стула не было, а столъ надо было прислонять къ стѣнѣ, чтобы онъ не упалъ. Вмѣсто ночной вазы въ углу комнаты стояла деревянная кадушка, издающая отвратительный запахъ. Прибавьте къ этому бутылку съ водой и лампу, и вы получите представленіе о всей моей мебели и утвари.

Наканунѣ я ѣлъ только одинъ разъ; мнѣ очень хотѣлось ѣсть, и я думалъ о часѣ обѣда, когда солдатъ принесъ мнѣ чай. Признаюсь, я совсѣмъ не надѣялся получить его, и на глазахъ моихъ выступили с л е з ы р а д о с т и. Сначала я думалъ, что это любезность со стороны коменданта, но солдатъ сказалъ, что чай получаютъ всѣ заключенные. Но, повидимому, это не совсѣмъ такъ, потому что дежурный офицеръ спросилъ меня однажды, даютъ ли мнѣ чай. Чай приносятъ уже готовый въ чайникѣ; съ нимъ даютъ три куска сахару и ма-

ленькій бѣлый хлѣбъ; солдатъ приноситъ все это за пазухой мундира, поэтому можно вообразить, какъ это грязно. Мнѣ дали еще чашку. Ее не мѣняли все время моего заключенія; за неимѣніемъ стакана, я пилъ изъ нея и воду.

Окончивъ чай, я началъ протирать кусокъ стекла въ окнѣ, и добился, наконецъ, что сталъ видѣть людей, проходящихъ мимо. Это окно, какъ я уже сказалъ, выходитъ на лабораторный дворъ, отдѣленный отъ площади со стороны монетнаго двора стѣной съ аркой. Эта стѣна прилегаетъ налѣво къ башнѣ, составляющей часть двора. Черезъ арку я видѣлъ часть этого зданія и въ глубину — гауптвахту. Въ 10 часовъ артиллерійскій офицеръ пришелъ справиться о моемъ здоровьѣ. Онъ служитъ здѣсь съ 14 декабря, и вся его служба состоитъ въ томъ, что онъ обходитъ каждое утро и вечеръ камеры и узнаетъ о здоровьѣ заключенныхъ.

Я нашелъ на окнѣ нѣсколько обломковъ стекла и нацарапалъ на верхней доскѣ стола:

Ва..... Зу.....
содержится здѣсь съ 12 января
до.....

Около полудня я увидѣлъ идущимъ по двору плацъ-адъютанта и священника. Я предполагалъ, что они идутъ ко мнѣ, но не могъ понять, зачѣмъ. Чтобы ободриться, я выпилъ чашку холодной воды, и совѣтую дѣлать это всякому въ случаяхъ, когда надо сохранить присутствіе духа: это необыкновенно успокаиваетъ. Черезъ минуту дверь отворилась, плацъ-адъютантъ ввелъ ко мнѣ старика священника и оставилъ насъ однихъ. Онъ спросилъ меня, какъ я очутился здѣсь. Я отвѣчалъ, что я не виновенъ ни въ чемъ. Онъ сказалъ, что меня будетъ допрашивать комитетъ, и его послали убѣдить меня ничего не скрывать, что я ему и обѣщалъ. На этомъ онъ ушелъ. Я былъ очень недоволенъ этимъ посѣщеніемъ, думая, что этотъ глупецъ неспособенъ нести утѣшенія вновь заключеннымъ.

Въ два часа мнѣ принесли обѣдъ: въ мисочкѣ супъ съ нарѣзанными кусочками мяса, два куска хлѣба—чернаго и пеклеваннаго и тарелка плохой черной каши съ прогорклымъ масломъ [1]). Я съѣлъ очень мало.

Какъ только стемнѣло, зажгли лампу, и я увидѣлъ сотни таракановъ, бѣгающихъ по стѣнамъ. Я распустилъ въ маслѣ кусочекъ фитиля и сдѣлалъ нѣчто въ родѣ черной краски. Съ помощью ма-

[1]) Данзасу давали, кромѣ того, ежедневно поджаренную говядину. Блюда приготовлены очень плохо, но, повидимому, правительство имѣетъ намѣреніе хорошо кормить заключенныхъ; я увѣренъ, что содержаніе ихъ стоитъ не дешево, но что большая часть денегъ остается въ карманахъ поставщиковъ.

ленькой щепки я нарисовалъ на окнѣ мой вензель. Другой щепкой мнѣ удалось нацарапать нн сводѣ В. и З. Наконецъ, я началъ скучать, тутъ мнѣ опять принесли чай, какъ и утромъ. Въ 7 часовъ ко мнѣ снова зашелъ артиллерійскій офицеръ. Въ 8 часовъ мнѣ принесли ужинъ: довольно сносныя щи и кусокъ чернаго хлѣба. Немного спустя, явился плацъ-маіоръ и велѣлъ мнѣ одѣться, чтобы идти въ комитетъ. Я надѣлъ шубу, шапку, и мы спустились по той же каменной лѣстницѣ, по которой пришли. Я былъ очень доволенъ, вспоминая слова генерала Левашева, и не сомнѣвался, что не вернусь больше въ заточеніе. По дорогѣ маіоръ закрылъ мнѣ лицо какимъ-то покрываломъ. Мы пришли. Маіоръ взялъ меня за руку и, не снимая съ меня шубы и шапки, провелъ меня черезъ большую комнату въ другую, ярко освѣщенную. Я догадался, что меня отвели за ширмы; тамъ мнѣ велѣли сѣсть. Я слышалъ около себя голоса фельдъегерей, но не могъ разобрать ни слова. Я слышалъ также звонъ чашекъ и рѣшилъ, что тамъ пьютъ чай. Четверть часа спустя, плацъ-маіоръ вернулся за мной: онъ снялъ съ меня шубу и шапку, вывелъ въ ярко освѣщенную комнату, гдѣ слышался лязгъ шпоръ, и оттуда въ сосѣднюю комнату. Здѣсь мнѣ велѣли снять повязку. Снявъ ее, я увидѣлъ передъ собой длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ; на немъ стояло много серебряныхъ канделябръ съ зажженными свѣчами. Засѣдало только три члена: министръ Татищевъ, генералъ Чернышевъ и генералъ Бенкендорфъ. Этотъ послѣдній, котораго я, не замѣтивъ его аксельбантовъ, сперва принялъ за Великаго Князя, началъ мой допросъ.

„Ваши интимныя связи съ Пущинымъ, Колошинымъ, Семеновымъ и Кашкинымъ, а особенно показанія, сдѣланныя противъ васъ, неоспоримо доказываютъ, что вы принадлежите къ тайному обществу, поэтому признайтесь во всемъ откровенно. Если вы сознаетесь, то можете надѣяться на прощеніе, Императоръ милостивъ. Если вы будете отрицать, то погибнете навсегда. Принимали вы участіе въ этомъ обществѣ?“

„Генералъ, я никогда не состоялъ членомъ никакого тайнаго общества и никогда не зналъ о таковомъ. Я былъ масономъ, пока не закрыли ложъ.“

„Помните, это общество, о которомъ я вамъ говорю, не похоже на франкъ-масонство, въ немъ нѣтъ ни знаковъ, ни священныхъ словъ; если вы раздѣляете идеи хоть одного изъ его членовъ, вы уже этимъ самымъ принадлежите къ нему. Вы молоды; я понимаю, что васъ могли завлечь.“

Я повторилъ мой первый отвѣтъ.

„А! вы упорно отрицаете. Хорошо, мы сдѣлаемъ вамъ очную ставку съ вашими друзьями, вашими обвинителями, посмотримъ, что вы заговорите тогда; вы идете навстрѣчу гибели, вамъ не избѣжать ея.“

„Я удивляюсь, что названныя вами лица могли донести, т.-е.

оклеветать меня; я всегда зналъ ихъ за честныхъ людей. Повторяю еще разъ, что я никогда не зналъ ни о какомъ тайномъ обществѣ и не былъ членомъ такового. Я прошу очной ставки съ моими обвинителями. Возможно, что другія лица назвали меня, чтобы увеличить число виновныхъ. Посмѣютъ ли они утверждать, что я членъ ихъ общества?"

„О, мы увидимъ тогда, кто правъ изъ васъ. Вы не должны сомнѣваться въ безпристрастіи комитета. Но повторяю—васъ обвиняютъ ваши близкіе друзья. Наконецъ, вы не можете же отрицать, что эти господа говорили при васъ о своихъ планахъ?"

„Никогда!"

„Слышите, генералъ," — сказалъ онъ, обращаясь къ военному министру,—„онъ утверждаетъ, что не слыхалъ ихъ политическихъ бесѣдъ, а былъ ихъ другомъ!—Отлично, вотъ вамъ письменные вопросы. Хорошенько обсудите, что я вамъ сказалъ. Надежда на прощеніе или вѣрная гибель: выбирайте. Отвѣтьте письменно на эти вопросы. Вамъ дадутъ очную ставку съ вашими друзьями."

Я поклонился, мнѣ снова надѣли повязку, и плацъ-маіоръ отвелъ меня обратно въ казематъ.

Я такъ мало ожидалъ этого, что кровь бросилась мнѣ въ голову, и я едва не лишился чувствъ. Черезъ полчаса плацъ-маіоръ принесъ мнѣ бумагу, съ вопросами комитета; она была составлена слѣдующимъ образомъ:

„Тайный комитетъ, созданный по приказу Его Величества, обращается къ совѣтнику гражданской палаты Зубкову со слѣдующими вопросами.

Ваши интимныя связи съ наиболѣе дѣятельными членами тайнаго общества и, болѣе того, показанія, сдѣланныя противъ васъ, доказываютъ, что вы принадлежали къ этому обществу; а поэтому, не дожидаясь приведенія неопровержимыхъ доказательствъ и очной ставки съ вашими обвинителями, отвѣтьте на нижеслѣдующее:

1) Когда и кѣмъ были вы приняты въ тайное общество?

2) Кого вы приняли сами въ это общество?

3) Какими средствами общество хотѣло достигнуть своей цѣли?

4) Что произошло на большомъ съѣздѣ этого общества въ 1820—1821 г.?

5) Кого изъ членовъ этого общества вы знаете?

6) Знали вы о проектѣ дѣйствовать одновременно въ Петербургѣ, Москвѣ и во 2-й арміи?

7) Знали вы о намѣреніи покушенія на жизнь покойнаго императора?

8) Откуда общество брало средства, необходимыя для его предпріятія?

9) Знали ли вы о проектѣ способа дѣйствій 14 декабря—побудить солдатъ не присягать Императору?

10) Кромѣ отвѣтовъ на эти вопросы, сообщите все, что вамъ извѣстно относительно этого общества."

Плацъ-маіоръ передалъ мнѣ листъ бумаги, перо, чернила и просилъ меня написать скорѣе отвѣтъ. Я отвѣчалъ, что онъ будетъ быстро готовъ [1]). Вотъ онъ:

„На всѣ заданные мнѣ тайнымъ комитетомъ вопросные пункты имѣю честь объяснить слѣдующее. Я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ не былъ и о существованіи такихъ обществъ извѣстенъ не былъ. Въ 1817 году князь Ф. Шаховской, бывшій адъютантъ Депрерадовича, а тогда служившій въ армейскомъ полку, предложилъ мнѣ вступить въ какое-то общество, коего названіе мнѣ неизвѣстно; но оно, вѣроятно, было литературное, по крайней мѣрѣ, въ постановленіи не было ничего законопротивнаго. Члены обязаны были вносить десятую часть доходовъ, платить штрафы всякій разъ, когда не приносили какого-нибудь сочиненія или перевода. Сіи причины и отчасти лѣнь побудили меня отказаться отъ вступленія въ это общество. Главное упражненіе членовъ состояло въ переводѣ хорошихъ историческихъ книгъ и въ сочиненіяхъ въ стихахъ и прозѣ. Вотъ все, что я могу припомнить объ этомъ обществѣ, которое и тогда сдѣлало на меня весьма малое впечатлѣніе. Въ 1820 году я находился въ масонскихъ ложахъ до самаго ихъ закрытія.

„Насчетъ моихъ связей съ Колошинымъ, Пущинымъ, Семеновымъ и Кашкинымъ имѣю честь объяснить слѣдующее. Я познакомился съ Колошинымъ въ 1822 году, а подружился съ нимъ уже послѣ его женитьбы, никогда не имѣлъ съ нимъ политическаго разговора и никогда не слышалъ отъ него о тайномъ обществѣ и чтобы былъ членомъ сего общества. Я узналъ объ этомъ послѣ его ареста. Я обыкновенно съ нимъ говорилъ объ устройствѣ нашихъ дѣлъ, о заведеніи нами справочной конторы и о судебныхъ дѣлахъ. Съ Пущинымъ я познакомился по пріѣздѣ его въ Москву. Хотя отъ него тоже не слыхалъ никогда о тайномъ обществѣ и о томъ, что онъ членъ онаго, но помню, что онъ иногда говорилъ о пользѣ, могущей произойти отъ освобожденія крестьянъ, а болѣе слыхалъ отъ него жалобы на наше судопроизводство. Я всегда его зналъ за человѣка веселаго и привыкъ слышать отъ него однѣ шутки, такъ что мнѣ обыкновенно бывало смѣшно, когда онъ говорилъ о какихъ-нибудь важныхъ предметахъ. Я увѣренъ, что онъ выѣхалъ изъ Москвы безъ всякой дурной цѣли, но что его здѣсь завели. Отъѣздъ его мнѣ совсѣмъ не показался удивительнымъ, потому что онъ всякій годъ въ это же время уѣзжалъ въ Петербургъ для свиданія съ родственниками. Мы всѣ ожидали его возвращенія, по его словамъ, къ 15 января, и собирались ѣхать къ нему навстрѣчу.—Съ Семеновымъ

[1]) Я написалъ все, что мнѣ пришло въ голову. Было много помарокъ, но я постарался, чтобы можно было прочесть зачеркнутое. Въ отвѣтахъ нѣтъ послѣдовательности. Во всякомъ случаѣ, они не были подготовлены.

я знакомъ только нѣсколько мѣсяцевъ, онъ у меня былъ раза четыре, и я у него—ни разу. Кажется, онъ человѣкъ образованный, но, впрочемъ, его мыслей не знаю. Отъ него тоже о тайномъ обществѣ ничего не слыхалъ. Съ Кашкинымъ я знакомъ съ 1820 года. Онъ тогда еще занимался французскою политикой. По пріѣздѣ моемъ изъ-за границы, мы весьма часто говорили о французскомъ правленіи, о депутатахъ и проч. Но мнѣ скоро наскучило заниматься чужими дѣлами, я закрылъ Сея и Сисмонди и совершенно пересталъ заниматься политикою. Съ тѣхъ поръ почти единственное мое занятіе было—Естественная Исторія. Съ Кашкинымъ я часто говорилъ объ улучшеніяхъ въ судопроизводствѣ, объ адвокатахъ, о присяжныхъ и проч., но о тайномъ обществѣ отъ него ничего не слыхалъ; послѣ взятія Колошина онъ мнѣ говорилъ, что никогда ни въ какомъ обществѣ не былъ. Мы обыкновенно съѣзжались всѣ у Колошина по вечерамъ, сперва говорили о своихъ дѣлахъ и курили трубки, но, какъ скоро съѣдутся 4 человѣка, то сейчасъ сядутъ играть въ вистъ; я въ вистъ не играю, а потому очень часто, не дожидая ужина, уѣзжалъ домой. Пущинъ иногда въ это время принималъ у себя своихъ знакомыхъ, которые, сколько я могъ замѣтить, къ Колошину никогда не ходили. Семеновъ почти никогда не бывалъ на этихъ вечерахъ: онъ всегда занимался службой. Кашкинъ познакомился съ Колошинымъ очень недавно. О происшествіи 14 декабря я узналъ въ залѣ Благороднаго собранія по городскимъ слухамъ, въ день выборовъ, послѣ пріѣзда генералъ-адъютанта.

„Имѣю честь повторить, что никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ членомъ не былъ, ни о существованіи такого общества извѣстенъ не былъ. Буде есть противъ меня показанія, то прошу дать мнѣ съ моими обвинителями очныя ставки. Во всемъ вышеписанномъ ссылаюсь на находящагося здѣсь надворнаго совѣтника Данзаса.“

Едва успѣлъ я отвѣтить на вопросные пункты, какъ артиллерійскій офицеръ принесъ мнѣ сургучъ и конвертъ. Я неосторожно пролилъ масло на бумагу: онъ сказалъ, что это ничего не значитъ. Я положилъ въ конвертъ отвѣтъ и вопросный листъ, запечаталъ, надписалъ на немъ: „Отвѣтъ совѣтника гражданской палаты Зубкова,“ и передалъ офицеру.

Я чувствовалъ какую то тяжесть въ головѣ, просилъ офицера прислать мнѣ на слѣдующій день доктора и умолялъ его запретить солдатамъ шумѣть по ночамъ. Онъ прогналъ ихъ всѣхъ, оставивъ одного часового. Было уже около полуночи. На слѣдующее утро снова чай въ 9 часовъ, и вслѣдъ затѣмъ посѣщеніе офицера.

Въ верхнемъ четыреугольникѣ окна находился вертящійся жестяный вентиляторъ въ видѣ звѣзды. Чтобы дать большій пропускъ воздуха, я сломалъ эту звѣзду и развлекался, составляя изъ ея лучей различные рисунки. Я рѣшилъ отмѣчать ими число дней, какое я проведу въ крѣпости. Каждый день я втыкалъ ихъ по одному въ щели перегородки. Всего было 23 луча, и я надѣялся, что мнѣ ихъ

хватитъ. Я не переставалъ думать о дѣйствіи, какое произведетъ мой отвѣтъ, и рѣшилъ послать добавочное показаніе. Я попросилъ бумаги и вечеромъ передалъ офицеру дополненіе, выраженное въ слѣдующихъ словахъ (дальше—текстъ по черновику на русскомъ языкѣ):

„Въ дополненіе къ посланному мною вчерашняго числа отвѣту, имѣю честь объяснить слѣдующее. Члены тайнаго общества могли считать меня за своего, потому что по пріѣздѣ моемъ изъ-за границы я занимался политикою и восхищался французскими постановленіями и краснорѣчіемъ французскихъ депутатовъ; но повторяю, что со времени моей женитьбы я пересталъ заниматься политикою. Мы всѣ служили подъ начальствомъ князя Голицына, занимая всѣ ровныя мѣста, имѣли одну цѣль быть честными и со всевозможной дѣятельностью исполнить нашу должность, и въ этомъ смыслѣ успѣли. Главными нашими разговорами были наши судебныя дѣла. Столь постоянно по вечерамъ играли въ вистъ, что я даже, помню, у себя запретилъ игру въ карты, утверждая, что люди образованные могутъ найти другое занятіе. На всѣхъ ссылаюсь въ томъ, что никогда не желалъ освобожденія крестьянъ: доказательствомъ къ тому можетъ служить то, что я еще недавно искалъ случая купить имѣніе (и даже торговалъ деревню ген. Чичерина). Признаюсь, что я очень жалѣлъ о Пущинѣ, когда узналъ что онъ посаженъ въ крѣпость. Я вѣрилъ глупымъ слухамъ о могущей произойти междоусобной войнѣ послѣ кончины Императора Александра Павловича. Рѣшительно повторяю, что я никогда ни въ какомъ тайномъ обществѣ никогда не былъ, о существованіи тайнаго общества никогда извѣстенъ не былъ и никогда ни съ кѣмъ не сговаривался перемѣнить образъ правленія въ Россіи. Пускай найдется человѣкъ, который покажетъ противное. Я полагаю, что ежели какія перемѣны могутъ быть полезны въ государствѣ, то ихъ должно ожидать отъ верховной власти, но что никто, кромѣ нея, не въ правѣ ихъ дѣлать.

„За моимъ оправданіемъ послѣдуетъ, вѣроятно, мое освобожденіе, но этого для меня не достаточно: я осмѣлюсь всеподданнѣйше просить Государя Императора о томъ, чтобы сдѣлать мое оправданіе гласнымъ, дабы возвратить мнѣ уваженіе моихъ соотечественниковъ, моимъ заключеніемъ, можетъ быть, потерянное. Я чувствую, что, дабы сдѣлаться достойнымъ такой милости, я долженъ совершенно быть оправданъ, а для этого вижу одно соедство—очныя ставки, почему осмѣливаюсь настоятельно просить Тайный комитетъ дать мнѣ очныя ставки съ Пущинымъ и Колошинымъ.“

Я поручилъ офицеру передать этотъ отвѣтъ комитету. Я ходилъ взадъ и впередъ и думалъ о томъ удовольствіи и печали, съ какими я встрѣчусь съ Пущинымъ. Я былъ твердо увѣренъ, что никто не доносилъ на меня, ибо кто изъ этихъ господъ захотѣлъ бы быть низкимъ доносчикомъ и съ какою цѣлью? Я начиналъ страшно скучать; сидя въ тюрьмѣ безъ книгъ, безъ трубки, безъ всякаго занятія, не знаешь, что придумать, чтобы развлечься. Отъ лампы силь-

но воняетъ; къ счастью, даютъ еще одну свѣчу на два дня, лампѣ полагается горѣть всю ночь; если она тухнетъ, часовой долженъ ее зажечь; но онъ обыкновенно спитъ. Я раздѣлилъ фитили на тонкія пряди, и оставилъ горѣть только одну изъ нихъ, такимъ образомъ, лампа перестала пахнуть. Нельзя придумать ничего болѣе мрачнаго, какъ бой большихъ церковныхъ часовъ; онъ длится каждый часъ, по крайней мѣрѣ, пять минутъ! Для отопленія моего каземата во всю его длину тянулась желѣзная труба, примыкавшая къ желѣзной печкѣ въ сосѣдней комнатѣ. Каждый разъ, какъ топили, комната наполнялась дымомъ и становилось невыносимо жарко. Черезъ часъ, благодаря сырому своду, опять дѣлалось холодно. Я спалъ, не раздѣваясь, у меня не было ни простыни, ни одѣяла, а постель была страшно грязна [1]).

На слѣдующій день, 14 числа, ко мнѣ явились плацъ-маіоръ и докторъ, обѣщавшій мнѣ прислать салепъ и микстуру противъ желчи. Плацъ-маіоръ сказалъ, уходя, что онъ надѣется, что къ вечеру я буду освобожденъ. Я не могъ придти въ себя отъ радости, но эта новость принесла мнѣ массу огорченій, потому что каждый разъ, какъ входили въ сосѣднюю комнату или отворяли мою дверь, я думалъ, что идутъ освободить меня, и всякій разъ ошибался. Я не могу описать, что я при этомъ испытывалъ. При каждой смѣнѣ часовыхъ, новые осматривали дверные запоры, и мнѣ казалось, что дверь сейчасъ отворится, и меня выпустятъ.

15 числа я пришелъ почти въ отчаяніе отъ скуки: я думаю, что мое нездоровье много вліяло на мое моральное состояніе. Я дошелъ до того, что бился головой о своды; къ счастью, я не причинилъ себѣ вреда. Мнѣ принесли салепъ и лѣкарство; подпоручикъ далъ мнѣ принять ложку и затѣмъ унесъ съ собой, объявивъ, что склянки запрещено оставлять у заключенныхъ, но что онъ будетъ приносить микстуру каждые два часа. Но я ее такъ больше и не получалъ [2]).

Докторъ прописалъ мнѣ бульонъ вмѣсто обычнаго стола, но я могъ только добиться, чтобы мнѣ дали рыбнаго супа. Онъ былъ довольно хорошо приготовленъ, но вредно отозвался на моемъ здоровьѣ, благодаря большому количеству перца, положеннаго въ него.

Глядя въ окно, я увидѣлъ на дворѣ обергутенфервальтера Дани-

---

[1]) Кромѣ носильнаго платья, у меня еще была медвѣжья шуба Черкасскаго и валенки. Я клалъ на кровать шубу и ложился на нее, а валенки и шапку подкладывалъ подъ голову. У меня было два носовыхъ платка, черезъ четыре дня они такъ загрязнились, что мнѣ пришлось сморкаться пальцами.

[2]) Если бы я заболѣлъ серьезно, меня бы перевели въ больницу. Я видѣлъ Фурнье, который лежалъ въ ней и очень ее хвалилъ. Позднѣе я узналъ, что Фонвизинъ перенесъ двѣ болѣзни въ одиночной камерѣ. Можетъ ли это быть?—Плацъ маіоръ, видя, что камера моя полна дыма, велѣлъ нѣкоторое время оставить дверь открытой. Странное ощущеніе видѣть передъ собой открытую дверь и не смѣть выйти въ нее.

лова, который имѣлъ со мной дѣло въ Москвѣ въ 1823 году и разъ обѣдалъ у меня. Кромѣ жестяныхъ лучей, которые я втыкалъ въ стѣну, я сдѣлалъ еще шарики изъ чернаго хлѣба и тоже отмѣчалъ ими дни. Я прилѣпилъ ихъ 30 штукъ къ стѣнѣ одну надъ другой и рѣшилъ, если черезъ 30 дней комитетъ не дастъ мнѣ никакого отвѣта, написать Императору, умоляя его ускорить веденіе моего дѣла. Я готовъ былъ лишиться чина и сана, только бы получить свободу. Изобрѣтатели висѣлицы и обезглавливанія—благодѣтели человѣчества; придумавшій одиночное заключеніе—подлый негодяй; это наказаніе не тѣлесное, но духовное. Тотъ, кто не сидѣлъ въ одиночномъ заключеніи, не можетъ представить себѣ, что это такое. А вѣдь я еще могъ видѣть людей на дворѣ, вечеромъ мнѣ зажигали огонь... Въ этой же крѣпости большинство оконъ замазано съ наружной стороны мѣломъ, кромѣ верхней части. Въ ней существуютъ также мѣшки; это четырехугольныя дыры, такія узкія и низкія, что въ нихъ нельзя ни стоять, ни лежать; сверху они закрываются плитой, въ которой продѣлано отверстіе для воздуха, и въ нихъ царитъ полный мракъ. Я часто молился Богу, и это было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ. Послѣ молитвы я чувствовалъ себя спокойнѣе и бодрѣе. Я часто думалъ, что, можетъ быть, пошлютъ за княземъ Федоромъ Шаховскимъ, чтобы провѣрить мои слова, что я не хотѣлъ вступать въ его общество; это безпокоило меня, и я разсчитывалъ, что онъ не можетъ пріѣхать раньше двухъ недѣль. Въ полночь дежурный унтеръ-офицеръ осматривалъ запоры и относилъ ключи плацъ-маіору. Если бы случился пожаръ, то я сгорѣлъ бы раньше, чѣмъ успѣли бы принести ключи; поэтому я запретилъ солдатамъ топить по ночамъ. Ключи приносили обратно въ 8 часовъ утра. Солдаты, приносящіе обѣдъ, необыкновенно молчаливы; отъ нихъ нельзя добиться ни слова. Только разъ одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что рядомъ съ большой комнатой налѣво шелъ коридоръ, въ который выходятъ нѣсколько казематовъ, они всѣ полны, и въ одномъ изъ нихъ заключены три брата (Бестужевы?)

Ни ножей, ни вилокъ не полагается, даютъ только деревянную ложку: моя ложка была сломана и очень грязна и я съ большимъ трудомъ вылавливалъ изъ супа кусочки говядины. Я увѣренъ, что правительство выдаетъ крупныя суммы на содержаніе заключенныхъ, но чиновники половину, по крайней мѣрѣ, кладутъ въ свои карманы. Иногда мнѣ такъ хотѣлось ѣсть, что я бралъ у солдатъ сухой хлѣбъ и ѣлъ его съ большимъ аппетитомъ. Бѣлье мое было невыносимо грязно; я отдалъ бы мои сто рублей за трубку и табакъ. Я рѣшилъ написать генералу Левашеву. Я просилъ его приказать выдать мой дорожный мѣшокъ, чтобы я могъ перемѣнить бѣлье,—вещь необходимая для больного; кромѣ того, писалъ я, тамъ остались порошки, которые я еще принималъ въ день ареста противъ моей болѣзни. Черезъ нѣсколько дней плацъ-алъютантъ принесъ обратно мое письмо, на ко-

торомъ стояло нѣсколько словъ, написанныхъ генераломъ карандашемъ: онъ говорилъ, что Его Величество разрѣшилъ мнѣ выдать мой дорожный мѣшокъ. И все-таки я получилъ его только послѣ освобожденія. Я оставался въ тюрьмѣ 9 дней, не имѣя бѣлья; тогда я рѣшилъ просить бѣлье, назначенное для заключенныхъ. Мнѣ принесли сырую рубашку и кальсоны, которые я храню до сихъ поръ. Чернильницу и перо забыли взять отъ меня, и вечеромъ я развлекался, записывая что-то на маленькомъ клочкѣ бумаги, оставшемся отъ моего письма къ генералу Левашеву; но артиллерійскій офицеръ отобралъ все, объявивъ, что это запрещено. У меня осталось два жестяныхъ луча, которыми я поправлялъ свѣчу, но онъ унесъ и ихъ, боясь, вѣроятно, чтобы я не зарѣзался. Это былъ человѣкъ крайне молчаливый; я никогда ничего не могъ узнать отъ него: онъ даже не хотѣлъ просто поболтать, едва произносилъ онъ нѣсколько словъ о хорошей погодѣ и дождѣ. Когда мнѣ приносили чай, я откладывалъ маленькій кусочекъ сахара и съѣдалъ его, чтобы отбить вкусъ обѣда, запивая водой, что казалось мнѣ необыкновенно вкуснымъ. Кровать моя стояла сначала подъ сводомъ, но, боясь сырости, я передвинулъ ее къ внутренней стѣнѣ. Инвалидъ, топившій печи, принесъ мнѣ доску равной толщины съ одной изъ досокъ, на которыхъ лежалъ тюфякъ, такъ что ложе мое стало нѣсколько болѣе сноснымъ.

15 числа плацъ-маіоръ вошелъ въ первую комнату и велѣлъ вычистить казематъ, находящійся противъ моего, гдѣ стояла большая печь, и другой, отдѣленный отъ моего перегородкой, у которой стояла моя кровать. Я догадался, что сюда помѣстятъ новыхъ заключенныхъ. Дѣйствительно, когда онъ вернулся черезъ часъ, я слышалъ большой шумъ. Кто то вошелъ въ казематъ противъ моего, вскорѣ заперли двери, и плацъ-маіоръ ушелъ. Я забылъ сказать, что въ двери каждой камеры находится маленькое четырехугольное отверстіе со стекломъ, чтобы часовой могъ наблюдать за заключеннымъ. Обыкновенно это отверстіе занавѣшено снаружи, чтобы заключенный не могъ видѣть черезъ него. На отверстіи моей двери занавѣски не было. Вновь прибывшій заключенный, проходя черезъ первую комнату, замѣтилъ, вѣроятно, свѣтъ въ моей камерѣ, потому что черезъ нѣсколько минутъ молчанія онъ произнесъ очень громко и отчетливо: „Мы непремѣнно должны бесѣдовать по-французски.“ Я отвѣтилъ утвердительно и спросилъ его имя.

„Я Якубовичъ, драгунскій капитанъ; я въ кандалахъ (и онъ съ страшнымъ шумомъ потрясъ цѣпями), и мнѣ скоро отрубятъ голову.“

Представьте себѣ мой ужасъ. Онъ спросилъ меня, кто я. Я назвалъ себя, но онъ отвѣтилъ, что не разслыхалъ.

— Я согласенъ бесѣдовать, сказалъ я, но будемъ не говорить, а пѣть.

Съ этихъ поръ мы ввели этотъ способъ бесѣды. Онъ былъ немного глухъ, и я долженъ былъ кричать, чтобы онъ понялъ меня.

Поэтому я говорилъ мало, а, чтобы избѣжать его вопросовъ, я сказалъ, что задолго передъ отъѣздомъ былъ боленъ и, слѣдовательно, не слыхалъ и не зналъ ничего, что произошло послѣ 14 декабря. Въ концѣ концовъ онъ разобралъ мое имя, вспомнилъ, что провелъ со мной вечеръ у Нечаева. Онъ совѣтовалъ мнѣ ничего не скрывать, увѣряя, что Комитету все извѣстно. Онъ говорилъ, что на него надѣли кандалы, потому что онъ не во всемъ сознался, что Александръ Бестужевъ донесъ на него, будто онъ замышлялъ убійство покойнаго Императора. До пріѣзда въ Петербургъ онъ, по его словамъ, не принадлежалъ ни къ какому обществу. Здѣсь же онъ гулялъ однажды съ Бестужевымъ, и, бесѣдуя о правительствѣ, Бестужевъ сообщилъ ему, что существуетъ общество, имѣющее цѣлью измѣнить форму правленія, и предложилъ ему вступить въ это общество. Онъ согласился, и тогда же обмолвился Бестужеву, что уже давно замышлялъ убить Императора Александра. Онъ сообщилъ мнѣ, что 13-го [1]) заговорщики сказали ему, что въ ихъ распоряженіи будетъ болѣе 9,000 человѣкъ, и что Трубецкой увѣрилъ ихъ, что поднимется вся 2-я армія, и что его просили взять команду надъ двумя полками, но что 14, явившись въ эти полки и увидя, что офицеры не хотятъ ему повиноваться и требуютъ кровавой расправы, онъ удалился и отправился къ Императору. Мнѣ кажется, весь этотъ разсказъ, вымыселъ, во всякомъ случаѣ, этотъ человѣкъ велъ себя 14, какъ трусъ. Онъ сильно восхвалялъ великаго князя Михаила, говоря, что это по его повелѣнію его перевели изъ ужасной камеры въ этотъ казематъ. Онъ сказалъ мнѣ, что на засѣданіяхъ Комитета за ширмами, которыя и я замѣтилъ, сидитъ стенографъ, записывающій каждое ваше слово, чтобы сравнить потомъ ваше показаніе съ письменными отвѣтами.

Его кандалы состоятъ изъ двухъ желѣзныхъ оковъ, соединенныхъ желѣзной перекладиной. Онъ говорилъ, что оковы натерли ему тѣло до крови; но я этому не вѣрю, я увѣренъ, что ихъ съ него сняли. Солдатъ сказалъ ему, что очень многіе заключенные въ ножныхъ кандалахъ. Онъ увѣрялъ, что его много разспрашивали о какомъ то обществѣ въ Грузіи и клялся, что такого общества нѣтъ [2]). Думать такъ подало слѣдующее обстоятельство. Въ прошломъ году, когда онъ былъ на Кавказскихъ водахъ, туда же пріѣхалъ князь Сергѣй Волконскій и предложилъ ему вступить въ его общество. Не желая быть членомъ общества, куда принимаютъ такихъ глущовъ, онъ сказалъ, чтобы отдѣлаться, что у нихъ въ Грузіи есть свое общество. Онъ увѣряетъ, что Волконскій указалъ на это въ своемъ показаніи.

---

[1]) Наканунѣ возстанія.

[2]) Собратъ по несчастью, помѣщенный позднѣе рядомъ съ нами, сказалъ, что Як. зналъ о существованіи этого общества на Кавказѣ. Невѣроятно, на что способны эти господа!

Мнѣ кажется, онъ надѣялся, что его не казнятъ, потому что не разъ говорилъ, что боится, какъ бы не сослали въ рудники. По его словамъ, онъ желалъ бы, чтобы его разжаловали въ солдаты, тогда онъ найдетъ смерть на войнѣ. Онъ желалъ бы, чтобы Императоръ отправилъ ихъ всѣхъ вмѣстѣ съ солдатами, которые возстали на Кавказѣ, чтобы овладѣть Хивой. Иногда онъ бывалъ довольно веселъ; иногда я слышалъ, какъ онъ часто сморкается—вѣроятно, онъ плакалъ. Я дрожалъ каждый разъ, какъ раздавался шумъ его оковъ. Онъ просилъ меня сказать сенатору Кушникову и Денису Давыдову, что онъ умираетъ, какъ истинный русскій за родину и свободу. Однажды ему принесли французское евангеліе: онъ просилъ какую-нибудь книгу. Онъ мнѣ сказалъ, что находитъ въ немъ большое утѣшеніе. Незадолго до 14 онъ былъ еще атеистомъ или притворялся таковымъ. Послѣ одного чтенія онъ сказалъ мнѣ, что его погубили самолюбіе и тщеславіе, что онъ надѣялся 14 диктовать Сенату законы остріемъ своей сабли. Онъ былъ возстановленъ противъ покойнаго Императора только за то, что его разжаловали изъ гвардіи.

„Представьте себѣ, говорилъ онъ, я узналъ здѣсь, что Императоръ Александръ отдалъ уже приказъ вернуть меня съ прежнимъ чиномъ въ гвардейскіе уланы. Въ 30 лѣтъ я былъ бы гвардейскимъ капитаномъ; отецъ выдѣлилъ мнѣ 400 душъ; любимый и уважаемый всѣми я жилъ бы себѣ счастливо, а теперь... я обязанъ унижаться передъ унтеръ-офицеромъ Горбуновымъ (который разноситъ обѣдъ), я въ кандалахъ!“

Эти жалобы возбудили во мнѣ жалость къ несчастному. Повидимому, его дѣйствительно сгубило самолюбіе; онъ не вступилъ бы въ заговоръ, оставаясь въ гвардіи. Онъ разсказалъ мнѣ, что при немъ былъ сынъ его кормилицы, сильно къ нему привязанный, котораго онъ очень любилъ. Когда 13 вечеромъ онъ вернулся отъ Рылѣева, гдѣ уже все было приготовлено къ слѣдующему дню, ребенокъ со слезами бросился къ его ногамъ и на вопросы, что съ нимъ, разсказалъ, что видѣлъ его во снѣ залитымъ кровью, это его такъ испугало, что онъ проснулся въ ту минуту, какъ Якубовичъ вернулся домой. Онъ сказалъ, что написалъ изъ тюрьмы письмо Императору Николаю, въ которомъ описываетъ злоупотребленія, совершаемыя въ Россіи.

Якубовичъ сказалъ, что его много разспрашивали объ Ермоловѣ, что этотъ генералъ написалъ ему нѣсколько писемъ, въ которыхъ смѣется надъ нѣмцами, что эти письма находятся въ рукахъ Комитета, и что, можетъ быть, поэтому всѣ такъ возстановлены противъ него. Онъ увѣрялъ меня, что его пытали два раза: въ первый разъ ему почти не давали ѣсть два дня, вечеромъ второго дня ему принесли ветчины и просоленнаго мяса, и весь слѣдующій день ему не давали ни капли воды. Такъ какъ онъ много болталъ и хвасталъ, то я не повѣрилъ его словамъ. Кромѣ того, правительство слишкомъ человѣколюбиво и благородно, чтобы прибѣгать къ подобнымъ сред-

ствамъ. Онъ разсказывалъ мнѣ все это, чтобы придать себѣ значеніе въ моихъ глазахъ. Якубовичъ разсказалъ мнѣ все это не сразу: мы переговаривались, когда часовой былъ одинъ, и замолкали, если кто-нибудь входилъ. Бывали дни, когда мы обмѣнивались не больше двухъ-трехъ фразъ.

Вечеромъ 17 привезли еще заключеннаго и помѣстили его рядомъ со мной, но отъ него нельзя было добиться ни слова. Наконецъ, 18 вечеромъ онъ попросилъ меня по-французски спросить, что-то у Якубовича. Я спросилъ сначала, откуда онъ; онъ отвѣтилъ, что его привезли изъ Тульчина- и что онъ адъютантъ. Такъ какъ онъ заикался, я сразу узналъ въ немъ князя Барятинскаго. Мы условились переговариваться съ нимъ такъ же, какъ съ Якубовичемъ. Этотъ послѣдній очень много потерялъ отъ этого пріѣзда; мы могли разговаривать съ Барятинскимъ, почти не возвышая голоса, и очень рѣдко стали обращаться къ Якубовичу. Къ тому же за послѣдніе дни онъ почти совсѣмъ оглохъ и говорилъ, что сильно страдаетъ отъ раны.

Барятинскій сказалъ мнѣ, что онъ другъ Пестеля, былъ членомъ общества, и что они замышляли захватить покойнаго Императора. Онъ сказалъ, что правительство все знаетъ. За время моего заключенія его ни разу не водили въ Комитетъ. Онъ ждетъ для себя строгой кары и очень жалѣетъ своего старика отца. Онъ часто смѣшилъ меня своими остротами. Я говорилъ ему, или вѣрнѣе пѣлъ, что дѣло это протянется еще долго и что меня, вѣроятно, не выпустятъ до конца... „свѣта,“ кончалъ онъ. Я много смѣялся этому. Я сказалъ, что насъ провели черезъ перегонный кубъ, прежде чѣмъ заключить сюда, намекая на всѣ мѣста заключенія, гдѣ мы перебывали до крѣпости.

„Да, отвѣчалъ онъ, съ той только разницей, что водка, проходя черезъ перегонный кубъ, становится все крѣпче, а мы слабѣемъ съ каждымъ днемъ.“

Однажды онъ попросилъ Якубовича разсказать ему о событіяхъ 14 числа. Онъ началъ пѣть, но потомъ просто началъ громко говорить и разсказывалъ: „Одни кричали: Ура! Константинъ!“ Я былъ принужденъ прервать его и просилъ начать снова пѣть и не произносить русскихъ словъ. Онъ много смѣялся надъ моимъ страхомъ. Чтобы избѣжать насколько возможно лишнихъ словъ, мы рѣшили стучать два раза пальцемъ, если не разберемъ сказаннаго. Вмѣсто д а мы чихали, а н ѣ т ъ—кашляли. Я часто стоялъ у окна и видѣлъ входящихъ офицера или плацъ-маіора, къ тому же я былъ крайній къ двери и поэтому давалъ знакъ молчать, напѣвая S i l e n z i o на мотивъ „Д о к т о р а Б а р т о л о.“ Моментально все смолкало. Чтобы не навлечь подозрѣній, мы пѣли иногда русскія пѣсни [1]).

---

[1]) Я разсказалъ о моихъ бесѣдахъ съ этими господами только..., но эта особа имѣла неосторожность передать объ этомъ еще кому то, такъ что это

Когда топили мою комнату, я ничего не видалъ въ окно, потому что наружныя стекла запотѣвали. Я разбилъ нижній уголокъ окна, просовывалъ въ него перо съ навернутымъ на него платкомъ и вытиралъ наружную сторону стекла. Такимъ образомъ въ послѣдніе дни я видѣлъ все, происходящее на дворѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ у меня появились сосѣди, я скучалъ меньше: я былъ не совсѣмъ въ одиночномъ заключеніи. Правда, разговаривали мы рѣдко, но по крайней мѣрѣ я чувствовалъ около себя присутствіе людей равныхъ мнѣ. Перегородка, отдѣлявшая меня отъ Барятинскаго, была очень толста и въ ней ни одной щели, черезъ которую можно было бы переговариваться шепотомъ [1]).

Обыкновенно утромъ мы здоровались другъ съ другомъ. А каждый разъ, когда приходили топить, мы посылали инвалида одинъ къ другому справиться, желаетъ ли онъ, чтобы топили, такъ какъ казематы отапливались общей печью. Мы много смѣялись надъ такимъ вѣжливымъ обхожденіемъ. Камера Якубовича выходила на Неву, но рѣшетка была такъ плотна, что онъ почти ничего не могъ видѣть. Онъ обладалъ необыкновеннымъ талантомъ разспрашивать солдатъ. Онъ очень часто разговаривалъ съ часовымъ; но мы не узнавали ничего интереснаго. Столъ его не отличался отъ нашего. Онъ носилъ форменный суконный сюртукъ и башмаки. Когда его водили въ комитетъ, онъ надѣвалъ всегда мундиръ. Гдѣ-то онъ досталъ себѣ маленькое зеркало. Онъ сказалъ намъ, что у него выросла огромная борода, придающая ему страшный видъ.

Однажды я видѣлъ, какъ плацъ-маіоръ остановился передъ моимъ окномъ, такъ какъ входная дверь находилась подъ сосѣднимъ окномъ. Черезъ нѣсколько секундъ онъ посадилъ въ свои сани офицера съ закрытымъ лицомъ. Мнѣ показалось, что я узналъ Михаила Нарышкина. Я цѣлый часъ простоялъ у окна, дожидаясь его возвращенія. Обратно его привезъ плацъ-адъютантъ, онъ снялъ повязку, и я увидѣлъ совершенно мнѣ неизвѣстнаго армейскаго офицера. Глядя въ маленькое отверстіе въ окнѣ, я часто видѣлъ, какъ солдаты на гауптвахтѣ выстраивались на караулъ; это означало, что проходитъ

стало извѣстнымъ въ Петербургѣ. Къ счастью, на это не обратили большого вниманія и при привозѣ тѣла покойнаго императора объ этомъ уже забыли. Между прочимъ, до меня дошли слухи, что я былъ освобожденъ такъ быстро, такъ какъ игралъ роль шпіона и передавалъ все, что вывѣдывалъ отъ этихъ господъ, которыхъ нарочно помѣстили рядомъ со мной!!!

[1]) Мы пробовали говорить, прижавшись губами къ перегородкѣ, и, такимъ образомъ, намъ удавалось бесѣдовать тихо. Но мы боялись, что насъ услышитъ часовой, и предпочитали бесѣдовать пѣніемъ. Наконецъ, мы разглядѣли, что перегородка не вплотную подходитъ къ каменной стѣнѣ, но эта щель была едва замѣтна. Барятинскій пытался просунуть мнѣ письмо отца и письмо, написанное имъ Левашеву, хотя онъ сложилъ ихъ въ длину, мнѣ не удалось поймать ихъ кончика, изъ чего мы заключили, что перегородка очень широка.

плацъ-маіоръ. И дѣйствительно, я часто видѣлъ, какъ онъ возилъ съ собой заключенныхъ съ закрытыми лицами.

Несмотря на нѣкоторое развлеченіе, доставляемое мнѣ моими сосѣдями, я смертельно скучалъ. Постоянное ожиданіе освобожденія подтачивало мои силы. Отъ грязнаго бѣлья у меня шелъ позудъ, мѣшавшій мнѣ заснуть, если я просыпался ночью; кромѣ того, солдаты сильно шумѣли по ночамъ.

Плацъ-маіоръ не показывался уже нѣсколько дней, и я считалъ его слова о моемъ освобожденіи просто желаніемъ меня утѣшить. Я написалъ ему, прося распорядиться о выдачѣ мнѣ моего бѣлья. Онъ обѣщалъ, что я его скоро получу. Послѣ обѣда я и Барятинскій ходили цѣлый часъ. Я надѣлалъ шариковъ изъ хлѣба и каждый разъ, подходя къ окну, бросалъ по шарику въ чашку. Кончивъ прогулку, я считалъ шарики, и такъ какъ наши казематы имѣли шесть шаговъ въ длину, то мы мыгли высчитать, сколько мы сдѣлали верстъ. Я засыпалъ обыкновенно въ 8½ часовъ, сейчасъ же послѣ ужина. Самое непріятное время было утромъ, въ ожиданіи чая, и вечеромъ, пока не зажгутъ огонь. Я думалъ, что меня выпустятъ вечеромъ, и зная, что Комитетъ собирается въ 7 часовъ, я прислушивался и вздрагивалъ отъ малѣйшаго шума все время отъ чая до той минуты, какъ ложи ся спать. Не могу передать, какъ я страдалъ это время. Я думаю, что мои слабые нервы заставили меня страдать сильнѣе другихъ.

По воскресеньямъ намъ даютъ къ обѣду лишнее блюдо: маленькіе кусочки обжаренной говядины.

20 ко мнѣ пришелъ парикмахеръ побрить меня. Я думалъ, что это хорошій знакъ, но онъ мнѣ сказалъ, что брѣетъ осужденныхъ въ пяти часовъ утра. Барятинскаго тоже обрили. Я не зналъ, брили ли уже Якубовича, и имѣлъ неосторожность спросить его объ этомъ.

„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, приговоренныхъ къ смертной казни не брѣютъ!“

Я понялъ, что мой вопросъ былъ ему очень тяжелъ.

Я дорого бы далъ, чтобы знать, что случилось съ Данзасомъ; я не былъ увѣренъ, что онъ находится въ крѣпости, но я такъ думалъ, потому что я не былъ виновнѣе его. Если бы я зналъ, въ какомъ онъ положеніи, то ждалъ бы того же и для себя, будь оно хуже или лучше моего.

Однажды я дерзнулъ спросить о немъ артиллерійскаго офицера, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ сильно удивленъ моимъ вопросомъ, что я самъ служилъ, долженъ поэтому знать службу, и что его долгъ не только не сообщать мнѣ никакихъ извѣстій, но даже не знать моего имени. Я не зналъ, къ кому лучше обратиться—къ Императору, Великому князю или въ Комитетъ, чтобы ускорить судопроизводство моего дѣла. Во всякомъ случаѣ я рѣшилъ прибѣгнуть

къ этому средству, если черезъ мѣсяцъ мнѣ не объявятъ, признанъ я виновнымъ или невиннымъ [1]).

22 числа я рѣшилъ написать въ Москву; я спросилъ бумаги и написалъ два письма—матери и женѣ. Я хотѣлъ отправить ихъ на слѣдующій день. Я писалъ медленно, чтобы это занятіе длилось какъ можно дольше. За послѣдніе три дня у меня появился хорошій аппетитъ, я находилъ все вкуснымъ, даже кашу съ прогорклымъ масломъ. Такъ какъ надежда на освобожденіе не разъ обманывала меня, то я не испытывалъ больше прежняго тяжелаго чувства, когда кто-нибудь входилъ въ сосѣднюю комнату, или отворялась моя дверь.

Вечеромъ 22 послѣ ужина я снялъ на ночь башмаки и брюки. Я дѣлалъ это уже нѣсколько дней. Такъ какъ со мной часто случалось противное тому, что я думалъ, то, признаюсь, что иногда, желая и ожидая чего-нибудь, я начиналъ убѣждать себя въ противномъ, надѣясь, что оно все-таки случится. Напримѣръ, думая, что я пробуду въ крѣпости тридцать дней, я увѣрялъ себя въ этомъ, надѣясь, что меня освободятъ раньше. Такой самообманъ очень забавенъ. Итакъ, раздѣваясь на ночь, я какъ бы говорилъ себѣ: „сегодня ужъ плацъ-маіоръ не явится освободить меня; теперь уже 8 часовъ, а чтобы вести меня въ комитетъ, онъ приходилъ за мной въ 7, слѣдовательно, я могу раздѣться,“ и въ то же время я надѣялся, что, можетъ быть, именно въ этотъ день меня и освободятъ. 22 числа я заснулъ въ 10 часовъ, твердо увѣренный, что плацъ-маіоръ уже не придетъ. Въ 11 часовъ я былъ разбуженъ шумомъ, который производили солдаты. Я ихъ попросилъ быть потише, но они отвѣтили мнѣ очень грубо и начали шумѣть еще больше обыкновеннаго.

Черезъ полчаса я услышалъ, какъ они быстро вскочили, и раздался голосъ плацъ-маіора. Онъ отворилъ мою дверь и просилъ слѣдовать за нимъ.

„Да, возразилъ я, въ какую нибудь камеру, еще хуже этой, и зачѣмъ это—позвольте васъ спросить?“

„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Вы освобождены, вамъ объявятъ объ этомъ въ Комитетѣ.“

Я быстро одѣлся и, не имѣя возможности проститься съ товарищами, которые спали, послѣдовалъ за нимъ, уже съ открытымъ лицомъ.

Когда я вошелъ въ большой залъ комендантскаго дома, два адъютанта—военнаго министра—г. Сабуровъ и Великаго князя—г. Ушаковъ—поздравили меня съ освобожденіемъ. Первый очень интересо-

---

[1]) На пятый день моего заключенія я умолялъ инвалида, топившаго печь и подметавшаго казематъ, достать мнѣ немного мыла. Я обѣщалъ наградить его, когда буду на свободѣ. Онъ принесъ мнѣ маленькій кусочекъ мыла, и я отмылъ грязь. Съ тѣхъ поръ я не видалъ этого добраго человѣка.

вался моей судьбой. Черезъ нѣсколько минутъ я видѣлъ, что изъ Комитета вышли одинъ за другимъ съ закрытыми лицами Александръ Шестужевъ въ мундирѣ, но безъ эполетъ, Пущинъ и полковникъ корпуса инженеровъ путей сообщенія Батенковъ, эти два при эполетахъ. Комендантъ такъ же поздравилъ меня. Онъ имѣетъ видъ порядочнаго человѣка. Онъ мнѣ сказалъ, что сегодня вечеромъ я еще не могу получить бумаги объ освобожденіи и долженъ провести ночь въ крѣпости. Онъ предложилъ мнѣ комнату у себя и спросилъ, не хочу ли ужинать. Я отвѣчалъ, что, не ожидая сегодня освобожденія, я имѣлъ глупость поужинать въ казематѣ. Черезъ нѣсколько минутъ генералъ Потаповъ пришелъ освѣдомиться о моей сестрѣ. Наконецъ, адъютантъ Императора пригласилъ меня войти въ Комитетъ. Тамъ я увидѣлъ Великаго князя; онъ стоялъ, окруженный другими членами. Его Императорское Высочество сказалъ мнѣ, что Комитетъ, признавъ, что я не только не принадлежалъ ни къ какому обществу, но даже не зналъ о существованіи такового, доложилъ объ этомъ Государю, который приказалъ меня освободить. Онъ предложилъ мнѣ посвятить мою жизнь службѣ Императору. Я отвѣчалъ, что таково было мое намѣреніе. Онъ сказалъ, что на мой аттестатъ должна быть приложена императорская печать, и что поэтому я могу его получить только завтра утромъ,—и онъ приказалъ мнѣ показать его. Я поклонился ему и удалился въ отведенную мнѣ комнату [1]). Мнѣ постелили простыни и подушки на великолѣпномъ диванѣ. Ко мнѣ относились необыкновенно внимательно. Я спалъ всего два часа, сильное потрясеніе мѣшало мнѣ заснуть. На слѣдующее утро любезность за любезностью: чай, кофе, завтракъ; визитъ плацъ-адъютанта, явившагося освѣдомиться, какъ я себя чувствую, и все ли у меня есть. Признаюсь, я такъ привыкъ въ казематѣ считать всѣхъ выше меня и слушать только шумъ солдатъ, что меня смущала вѣжливость слуги.

Наконецъ, въ 11 часовъ я вышелъ въ большой залъ. Тамъ находился графъ Булгари, взятый въ Харьковѣ. Онъ получилъ позволеніе выходить днемъ, но ночевать долженъ былъ въ больницѣ, куда его перевели изъ каземата, какъ больного. Я нашелъ, что у него совершенно видъ полицейскаго шпіона. Меня увѣрили, что аттестатъ я получу только къ вечеру. Я умолялъ начальника канцеляріи Боровкова приказать выдать мнѣ мои вещи, потому что я имѣлъ право выйти изъ крѣпости и горѣлъ желаніемъ вымыться и чисто одѣться. Мнѣ дали служащаго въ коммиссаріатѣ, и мы туда отпра-

[1]) Вотъ въ точности все, что произошло между нами. Его Высочество сказалъ князю Дмитрію, что онъ былъ очень недоволенъ мной, что я взялъ аттестатъ съ дерзкимъ видомъ, говорилъ иронически и, казалось, подсмѣивался надъ этимъ. Это было сказано три мѣсяца спустя. Я очень сожалѣю, что у меня есть враги, которые оклеветали меня въ глазахъ моего повелителя. Клянусь, что тогда, какъ и теперь, я только и думалъ служить Его Величеству.

вились. Тамъ мнѣ выдали подъ расписку всѣ мои вещи и деньги. Я видѣлъ сундукъ, полный драгоцѣнностей и 70,000 ассигнаціями, принадлежащихъ заключеннымъ. Мнѣ сказали, что денегъ собственно еще больше, но ихъ положили въ ломбардъ, чтобы не терять процентовъ. Чиновникъ, разбиравшій мои вещи, угостилъ меня трубкой. Онъ показался мнѣ прелестнымъ.

Отсюда я отправился занять комнату у Андріё. Петербургъ казался мнѣ прекраснымъ. Дѣйствительно, казалось, что я перенесся въ него какимъ то чудомъ. Я пріѣхалъ ночью и въ продолженіе тридцати дней видѣлъ только тюрьмы.

Не буду говорить объ удовольствіи свидѣться съ прежними знакомыми. Я былъ очень тронутъ хлопотами моихъ друзей во время моего заключенія.

Въ субботу вечеромъ я отправился въ крѣпость, гдѣ мнѣ выдали аттестатъ [1]). Воскресенье я отдыхалъ и нашелъ себѣ попутчика въ Москву: нѣкій г. Яковлевъ ѣхалъ на слѣдующій день и согласился взять меня съ собой.

Въ воскресенье вечеромъ я отправился къ г-жѣ Апраксиной, гдѣ провелъ вечеръ съ моей свояченицей Софіей и ея мужемъ, который доказалъ мнѣ свое расположеніе. Онъ сказалъ мнѣ, что привезли князя Черкасскаго; я слышалъ это за обѣдомъ отъ Тютчева. Я помню, какъ въ Москвѣ мы посмѣялись надъ нимъ, разсказавъ о мнимомъ заговорѣ, въ которомъ будто бы участвовали Ермоловъ, Алексѣй Орловъ, князь Меньшиковъ и генералъ Сарачинскій. Я вспомнилъ его трусость и весь его духовный обликъ.

Я былъ сильно возбужденъ этимъ разговоромъ и, вернувшись домой, легъ спать почти съ твердой увѣренностью, что меня снова арестуютъ.

На слѣдующее утро я еще умывался, когда явился полицеймейстеръ съ просьбой, чтобы я явился къ генералъ-губернатору. Я не сомнѣвался, что меня снова арестуютъ. Я быстро одѣлся, и мы отправились къ генералу Кутузову. Онъ меня сейчасъ же принялъ и попросилъ у меня аттестатъ, говоря, что тамъ есть пропускъ, и мнѣ вернутъ его, какъ только онъ будетъ выправленъ. Онъ спросилъ меня, когда и какъ я собирался ѣхать. Я отвѣчалъ, что нашелъ попутчика и собирался уѣзжать на другой день.

„Я думаю, вы не захотите уѣхать безъ аттестата, сказалъ онъ, такъ подождите нѣсколько дней.“

---

[1]) Аттестатъ. По приказу Его Императорскаго Величества, Комитетъ, на коего возложено было открыть противозаконное общество, удостовѣряетъ, что совѣтникъ гражданской палаты въ Москвѣ Зубковъ, какъ показало слѣдствіе, не только не былъ членомъ этого общества, но и не зналъ о его существованіи. С.-Петербургъ, 22 января 1826. № 174. Далѣе подписи военнаго министра Татищева, генералъ-фельдцейхмейстера Михаила, князя Александра Голицына, генералъ-адъютантовъ Голенищева-Кутузова, Бенкендорфа, Левашева и Потапова и начальника канцеляріи Боровкова.

Я вернулся не совсѣмъ довольный. Слѣдомъ за мной пріѣхалъ братъ, который зналъ, что за мной присылали, потому что полицей-мейстеръ, думая, что мы живемъ вмѣстѣ, явился къ нему ночью.

Я былъ увѣренъ, что глупость и легковѣріе князя Черкасскаго доставили мнѣ эту новую непріятность. Я рѣшилъ, не дожидаясь, пока меня снова отправятъ въ крѣпость, ѣхать и разсказать все генералу Левашеву. Я взялъ сани моего брата и поѣхалъ къ генералу. Я велѣлъ доложить о себѣ. Не могу выразить, въ какомъ я былъ безпокойствѣ. Наконецъ, черезъ часъ генералъ вышелъ и подошелъ ко мнѣ. Я просилъ его удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ особой аудіенціи. Онъ сейчасъ же пригласилъ меня въ свою библіотеку; тамъ я заявилъ, что имѣю дать показаніе; тогда онъ провелъ меня въ кабинетъ, сѣлъ и пригласилъ меня сѣсть противъ него. Я разсказалъ ему, какъ у меня взяли мой аттестатъ, и прибавилъ, что, узнавъ о пріѣздѣ князя Черкасскаго, приписываю эту непріятность его показаніямъ. Я разсказалъ ему, что Черкасскій всегда служилъ посмѣшищемъ въ нашемъ обществѣ и что однажды я ради смѣха убѣдилъ его, что существуетъ заговоръ; я позволилъ себѣ даже назвать въ числѣ заговорщиковъ людей, преданность которыхъ правительству не подлежитъ никакому сомнѣнію. Я хотѣлъ продолжать, когда генералъ, все время слушавшій меня неохотно, прервалъ меня, наконецъ:

„Любезнѣйшій, я охотно вѣрю вашимъ словамъ, но князь Черкасскій не упоминалъ объ этомъ, и онъ не при чемъ въ томъ, что у васъ взяли аттестатъ. Дѣло въ томъ, что князь Оболенскій далъ добавочное показаніе, что общество раздѣлялось на нѣсколько классовъ, и что вы принадлежали къ одному изъ классовъ, гдѣ были преимущественно люди семейные и цѣлью котораго было распространеніе образованія. Хотя этотъ классъ и нельзя порицать, какъ другіе, но, состоя въ немъ, вы должны были знать о другихъ отдѣлахъ и, слѣдовательно, обо всемъ обществѣ.“

Я спросилъ, заключатъ ли меня снова въ крѣпость. Онъ сказалъ, что не знаетъ, но просилъ не говорить объ этомъ происшествіи.

Я отправился сейчасъ же къ г-жѣ Апраксиной, озабоченной глупостью, какую я сдѣлалъ, заговоривъ о князѣ Черкасскомъ.

Я не сомнѣвался, что, кромѣ обвиненія князя Оболенскаго, мнѣ придется обѣлять себя и противъ показаній Черкасскаго, который, вѣроятно, будетъ спрошенъ о томъ, что я разсказалъ Левашеву. Къ счастью, г-жа Апраксина сообщила мнѣ, что отъ Ермолова былъ полученъ рапортъ, что онъ и его корпусъ присягали Императору. Я думалъ, что теперь мнѣ легко будетъ доказать, что я подшутилъ надъ Черкасскимъ.

Я вернулся домой къ обѣду. Мы просидѣли съ моимъ beau-frère'омъ отъ 3-хъ часовъ дня до часу ночи, я—оборачиваясь каждый разъ, какъ отворялась дверь или подбѣгая къ окну, заслышавъ, что у подъѣзда остановились сани, такъ какъ я ежесекундно ждалъ,

что появится фельдъегерь и повезетъ меня въ крѣпость. Я такъ былъ увѣренъ въ этомъ, что условился съ beau-frère'омъ, какъ устроить, чтобы имѣть при себѣ книги, табакъ и трубку. Я спалъ очень плохо. Цѣлыхъ три дня провелъ я въ этой смертельной тревогѣ. Наконецъ, явился полицейскій офицеръ съ просьбой сейчасъ же отправиться къ генералъ-губернатору. Я не зналъ, чего мнѣ ждать. Меня сейчасъ же приняли. Генералъ Кутузовъ вернулъ мнѣ аттестатъ, сказавъ, что передумали, прибавлять ничего не будутъ, и разрѣшилъ мнѣ уѣзжать.

Позднѣе я узналъ, что Оболенскій не могъ доказать своего обвиненія, и меня рѣшили больше не задерживать. Я не спокоенъ, хотя и совершенно свободенъ. Кто поручится, что какой-нибудь ложный доносъ, вродѣ доноса Оболенскаго, не вызоветъ новаго ареста? Обжегшись на молокѣ, дуешь и на воду.

Надо было быть въ моемъ положеніи, чтобы понять, что такое 12 дней одиночнаго заключенія; всякому другому мои жалобы могутъ показаться смѣшными. Я желалъ бы сообщить все, что случилось со дня смерти Императора до конца процесса; я подожду этого конца...

Я написалъ эти записки для васъ, дорогія мои дѣти. Ваша мать и бабушка читали ихъ. Прочтите ихъ, пожалѣйте о несчастныхъ, которыхъ погубили ложныя, экзальтированныя идеи. Вашъ отецъ былъ совершенно невиненъ, что бы ни говорили объ этомъ въ свѣтѣ. Онъ пострадалъ только благодаря знакомству съ лицами, замѣшанными въ этомъ дѣлѣ [1]).

---

[1]) Французскій подлинникъ напечатанъ г. Модзалевскимъ въ брошюрѣ: „Записки Василія Петровича Зубкова о заключеніи въ Петропавловской крѣпости по дѣлу 14 декабря 1825 года“ (СПБ., 1906), съ портретами Зубкова и его друзей (см. выше примѣчаніе на стр. 223), его рисунками и планами каземата и залы засѣданій Комитета. Тамъ не собраны всѣ свѣдѣнія о Зубковѣ и упоминаемыхъ имъ лицахъ. Не перепечатываемъ ихъ потому, что онѣ не нужны для нашей непосредственной цѣли—воспроизвести живой и правдивый разсказъ о заключеніи и допросахъ привлеченныхъ къ дѣлу декабристовъ, написанный по свѣжимъ впечатлѣніямъ. Отвѣты Зубкова на вопросные пункты даны въ „Запискахъ“ въ русскомъ подлинникѣ и французскомъ переводѣ, съ очень несущественными дополненіями (къ черн. Сисмонди прибавленъ Делоломъ, справочной конторы—въ Москвѣ, знакомство съ Пущинымъ—въ 1823г., когда онъ пріѣхалъ служить въ Москву и пр.). Мы воспроизводимъ русскій подлинникъ (по приложенному къ „Запискамъ“ черновику).

V

Процессы
Колесникова, Критскихъ и Раевскихъ.

I.

Колесниковъ и его товарищи въ Оренбургѣ.

Существовавшее въ Москвѣ общество Новикова и его друзей основано было отчасти по правиламъ масонства. Братство, равенство, искренность, взаимное вспомоществованіе другъ другу, благотвореніе, распространеніе чтенія полезныхъ книгъ и вообще свободомысліе того времени—составляли цѣль его. Оно имѣло многія отрасли въ Россіи. Одно отдѣленіе его существовало даже въ Иркутскѣ. Командиръ тогдашняго екатеринбургскаго линейнаго баталіона Казачковскій, послѣ бывшій генералъ-лейтенантомъ, былъ основателемъ этого сибирскаго отдѣленія. Мудрено ли, что подобное отдѣленіе образовалось и въ Оренбургѣ. Когда и кѣмъ оно основано, мы не знаемъ; извѣстно только, что бывшій оренбургской таможни директоръ Величко поддерживалъ его до самой своей кончины, случившейся въ послѣдніе годы царствованія Александра. Со смертью его общество не рушилось. Вынужденныя тогда правительствомъ подписки доказываютъ только, и, конечно, не въ первый разъ, что въ подобныхъ случаяхъ никто не считаетъ противосовѣстнымъ обмануть его.

При вступленіи на престолъ Николая, оставался въ Оренбургѣ нѣкто Кудряшевъ, принадлежавшій къ обществу Величка. Онъ былъ чиновникъ, незначительный аудиторъ, но человѣкъ честный и образованный; Кудряшевъ завербовалъ нѣсколько молодыхъ людей, служившихъ въ тамошнемъ гарнизонѣ.

Происшествіе 14 декабря 1825 г., съ его послѣдствіями, естественно, напугало старшихъ и осторожныхъ членовъ этого общества, но огорчило и ожесточило юношей.

При этомъ расположеніи ихъ, привезли въ Оренбургъ Завалишина, изъ юнкеровъ артиллерійскаго училища разжалованнаго въ солдаты. Въ то самое время, когда „комитетъ о тайныхъ злоумышленникахъ“ производилъ слѣдствіе, этотъ молодой человѣкъ, имѣя отъ роду не болѣе 17—18 лѣтъ, сдѣлалъ извѣтъ на родного своего брата, принадлежавшаго къ обществу — и даже на сестру. Настоящее несчастіе нисколько его не образумило: дорогою онъ надѣлалъ еще нѣсколько гадостей. Изъ Москвы онъ послалъ доносъ на командира баталіона внутренней стражи Штемпеля, въ благодарность за то, что онъ принялъ его, какъ благороднаго, несчастнаго юношу, и позволялъ на свой страхъ разъѣзжать по городу. Во Владимиръ онъ

успѣлъ какъ то пріѣхать подъ именемъ комиссіонера Иванова, и, увѣривъ губернатора, что потерялъ подорожную, выпросилъ другую и до самого Оренбурга ѣхалъ съ этимъ видомъ.

Едва явился онъ ~~онъ~~ въ команду, какъ началъ увѣрять молодыхъ юнкеровъ и офицеровъ, что онъ принадлежалъ къ тайному обществу и осужденъ вмѣстѣ съ прочими. Весьма естественно, что провинціальные молодые либералы имъ заинтересовались и начали съ нимъ нескромно бесѣдовать. Замѣтивъ это, Завалишинъ выдумалъ имъ сказку, будто бы, проѣзжая чрезъ Владиміръ, онъ открылъ и тамъ тайное общество, которое его приняло и дало порученіе принимать членовъ. Портупей-прапорщикъ Колесниковъ, одинъ изъ этихъ молодыхъ людей, тотчасъ разсказалъ обо всемъ Кудряшеву, который и посовѣтовалъ быть крайне осторожнымъ въ откровенности съ Завалишинымъ; но, чтобы вывѣдать у него истину, разрѣшилъ Колесникову, съ 2 или 3 товарищами, войти съ нимъ въ тайное сношеніе, примолвивъ: „а тамъ увидимъ!“ Колесниковъ уговорилъ прапорщика Таптыкова, и оба они дали себя принять въ мнимое общество. Потомъ Колесниковъ принялъ еще товарища и друга своего Дружинина, также портупей-прапорщика, а затѣмъ прапорщика Старкова, юнкера Шестакова и служившаго въ ратушѣ коллежскаго регистратора Дынькова. Таптыковъ же съ своей стороны принялъ казачьяго сотника Ветошникова.

Все это происходило въ мартѣ и началѣ апрѣля 1827 г. Завалишинъ составилъ уставъ общества и 18 апрѣля прочиталъ его въ собраніи всей этой молодежи. Они судили, рядили, кое-что исправили и кончили тѣмъ, что дали обманщику подписки въ вѣрномъ сохраненіи правилъ устава и тайны. Не далѣе какъ черезъ три дня послѣ этого происшествія, секретарь военнаго губернатора шепнулъ одному изъ нихъ объ осторожности, примолвивъ: „кажется, вашъ новый п р і я т е л ь подалъ какой то доносъ военному губернатору.“ Объ этомъ тотчасъ дано было знать Кудряшеву. Онъ досталъ даже списокъ поименованныхъ въ доносѣ и успѣлъ предостеречь многихъ, присовѣтовавъ истребить бумаги, если есть могущія навлечь хотя малѣйшее подозрѣніе, и, вѣроятно, самъ поспѣшилъ сдѣлать то же.

Предавъ этихъ несчастныхъ молодыхъ людей, Завалишинъ не посовѣстился собрать ихъ еще 23 числа, и тутъ весьма много ораторствовалъ о будущихъ дѣйствіяхъ, видахъ и надеждахъ, о заготовленіи оружія, о возмутительныхъ бумагахъ и т. п.

Черезъ день, т.-е 25 числа, по распоряженію военнаго губернатора начались аресты. Всѣхъ по списку, составленному Завалишинымъ, взято 33 человѣка, и всѣ разсажены по разнымъ гауптвахтамъ. Обрадованный, вѣроятно, случаемъ выказать бдительность свою и свое усердіе престолу, генералъ Эссенъ, одинъ изъ немногихъ оставшихся представителей Гатчины, не развѣдавъ порядочно, есть ли тутъ что-нибудь основательное, въ тотъ же день поспѣшилъ отправить курьеромъ своего адъютанта Лебедева съ донесеніемъ къ

Государю объ открытіи важнаго государственнаго заговора.

Аудиторъ Кудряшевъ былъ арестованъ на другой день, и какъ ни у него, ни у многихъ другихъ ничего подозрительнаго не нашли, то кромѣ 8 человѣкъ, о коихъ ниже будетъ упомянуто, — тотчасъ всѣхъ выпустили. Кудряшевъ однако жъ черезъ недѣлю скоропостижно умеръ, и смерть его—какъ обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ бываетъ—подала поводъ къ тайнымъ толкамъ объ отравѣ.

26 числа всѣ тѣ, которые спутали себя подписками, данными Завалишину, призваны были къ военному губернатору, для снятія съ нихъ допроса. Въ собственномъ его кабинетѣ составленъ былъ, подъ личнымъ его предсѣдательствомъ, родъ комитета, въ которомъ присутствовали начальникъ штаба оренбургскаго корпуса, генералъ-лейтенантъ Веселицкій, бригадный командиръ 1-й бригады, генералъ-маіоръ Стерлингъ и, для письмоводства, корпусный аудиторъ.

Послѣ первыхъ разспросовъ, не трудно было увидѣть, что это просто молодые опрометчивые люди, большею частію чуть не дѣти, которые дались въ обманъ негодяю, вознамѣрившемуся ихъ погибелью купить себѣ прощенье. Генералъ Стерлингъ сильнѣе всѣхъ это замѣтилъ и потому вслухъ сказалъ генералу Эссену: „вотъ, ваше высокопревосходительство, я вамъ говорилъ, что это все штуки самого Завалишина!“ Военный губернаторъ не отвѣчалъ ни слова, но на лицѣ его показалась багровая краска, что могло значить: Глупость сдѣлана; поправить поздно, пусть погибнутъ.

Вѣроятно, увлекаясь этою послѣднею мыслію, а, можетъ быть, и желая показать, что жертвы его не совсѣмъ невинны, онъ обратился къ нимъ съ язвительною насмѣшкою и спросилъ: „Какое же знамя вы приготовили: красное или зеленое, гдѣ оно у васъ?“ — „Мы не готовили никакого,“ отвѣчали ему. „Какъ, сударь, изъ устава вашего видно, что вы намѣревались поднять знамя!“ — „Знамя бунта, ваше превосходительство, это такъ только говорится,“ объяснилъ ему Колесниковъ—и генералъ сталъ втупикъ.

Удостовѣрившись изъ разспросовъ, что Завалишинъ самъ былъ зачинщикъ всего дѣла, генералъ Эссенъ тутъ же приказалъ взять его подъ стражу; а допрошенныхъ повели изъ кабинета въ корпусное дежурство, чтобы тамъ прочитать имъ снятые съ нихъ допросы и дать имъ подписать ихъ. Это предоставлено было одному корпусному аудитору. Когда дошла очередь до подпоручика Михайлова, всѣ его товарищи приступили къ аудитору и, свидѣтельствуя единогласно, что онъ съ ними ни въ чемъ не участвовалъ, просили уничтожить допросъ и освободить его. Аудиторъ спросилъ: „всѣ ли они на это согласны?“ и получивъ утвердительный отвѣтъ, тутъ же разорвалъ допросъ и вымаралъ его изъ списка. Такимъ образомъ этотъ человѣкъ спасся! Доказательство: какими глазами смотрѣли на важность этого дѣла низшіе чиновники, и что можетъ сдѣлать иногда корпусный аудиторъ.

Итакъ, по этому важному заговору преданы были суду только слѣдующія лица:

Прапорщики: Таптыковъ, 30 лѣтъ [1]), и Старковъ, 25 лѣтъ; портупей-прап.: Колесниковъ, 24 лѣтъ и Дружининъ, 19 лѣтъ, юнкеръ Шестаковъ, 17 лѣтъ, казачій сотникъ Ветошниковъ, 23 лѣтъ, рядовой Завалишинъ, 19 лѣтъ, и коллеж. регистрат. Дыньковъ, 19 лѣтъ; этотъ послѣдній судился гражданскимъ судомъ.

Военный судъ, подъ предсѣдательствомъ дивизіоннаго командира генералъ-лейтенанта Жемчужникова, былъ составленъ изъ слѣдующихъ членовъ:

1) Полковникъ Эссенъ, состоящій по особымъ порученіямъ у военнаго губернатора, своего родного брата.

2) Полковникъ свиты его величества Тимофѣевъ.

3) Полковникъ Покатиловъ, бригадный командиръ оренбургской артиллеріи, и нѣсколько оберъ-офицеровъ.

Дѣлопроизводителемъ былъ дивизіонный аудиторъ Пенской.

Судъ открытъ 4 мая. Члены всѣ примѣтно были озлоблены гнуснымъ поступкомъ Завалишина, который хотѣлъ запутать еще многихъ бывшихъ семеновскихъ солдатъ; но они отвѣтами своими усугубили только его вину. Видя, что ему плохо, Завалишинъ успѣлъ изъ-подъ караула послать на самого Эссена доносъ къ государю, собравъ въ немъ всѣ злоупотребленія, о какихъ отъ частныхъ лицъ въ городѣ могъ только слышать; но этотъ доносъ, въ доказательство уже полной высочайшей довѣренности къ усердновѣрному Эссену, присланъ былъ къ нему, съ повелѣніемъ судить Завалишина. А за этотъ поступокъ Эссенъ его и не пощадилъ. Судъ оконченъ 13 іюня. Замѣчательно, что 15 числа полковникъ Эссенъ умеръ скоропостижно отъ удара [2]).

По приговору военнаго суда, присуждено: Таптыкова, Колесникова, Ветошникова и Завалишина, яко главныхъ злоумышленниковъ бунта, колесовать; Старкова и Дружинина лишить живота; Шестакова—разжаловать вѣчно въ солдаты. Генералъ Эссенъ конфирмовалъ: сослать въ каторжную работу: Таптыкова—на 12 лѣтъ, Колесникова на 24, Дружинина—на 8, Завалишина вѣчно; Ветошникова же и Старкова—вѣчно въ солдаты; а Шестакова на три года въ солдаты безъ лишенія дворянства. Аудиторіатскій департаментъ поло-

---

[1]) Судьба этого человѣка довольно странна. Изъ бѣдныхъ дворянъ Орловской губерніи, онъ взросъ въ домѣ фельдмаршала Каменскаго, послѣ трагической смерти котораго отданъ въ военную службу. За Бородинское дѣло произведенъ въ офицеры. Впослѣдствіи, за пожаръ въ деревнѣ, въ которой стоялъ съ своимъ капральствомъ, разжалованъ въ рядовые. Дѣлалъ нѣсколько трудныхъ походовъ въ Бухару и Хиву, и только что выслужился опять въ офицеры—попалъ въ каторжную работу.

[2]) Кстати припомнить, что въ такъ названномъ Верховномъ уголовномъ судѣ, одного члена, наиболѣе подвизавшагося въ осужденіи обреченныхъ заранѣе на жертву, именно графа Г. В. Орлова, постигла подобная смерть.

жилъ: Таптыкова—на 8 лѣтъ, Колесникова на 12, и Дружинина—на 6 лѣтъ въ каторжную работу; а о Старковѣ, Шестаковѣ, Ветошниковѣ и Завалишинѣ подтвердилъ конфирмацію военнаго губернатора.

Всемилостивѣйшая высочайшая конфирмація, послѣдовавшая въ 12 день августа 1827 года, состояла въ слѣдующемъ: Таптыкову, Колесникову и Дружинину сбавлены сроки вполовину; Старкову, Ветошникову и Завалишину утверждено наказаніе, положенное генераломъ Эссеномъ, а о 17-лѣтнемъ Шестаковѣ присовокуплено: „вѣчно въ солдаты и лишить дворянства."

Экзекуція исполнена 12 сентября. Посланные въ каторжную работу поступили въ Петровскій заводъ въ сентябрѣ 1828 г. Эссенъ переведенъ въ Петербургъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, получилъ андреевскую звѣзду и потомъ графское достоинство.

II.

Братья Критскіе и ихъ товарищи въ Москвѣ.

11 августа 1827 года на главную гауптвахту въ Кремлѣ пришелъ нѣкто Николай Лушниковъ, сынъ симбирскаго помѣщика, пріѣхавшій въ 1826 году для поступленія въ московскій университетъ, но почему-то туда не принятый. Спросивъ часового о караульныхъ офицерахъ (штабсъ-капитанѣ Боцанъ и прапорщикѣ Ковалевскомъ), съ которыми былъ знакомъ, онъ вошелъ къ нимъ и въ откровенной бесѣдѣ началъ говорить объ образѣ правленія въ Россіи, сказалъ, что скоро конституція возьметъ верхъ, бранилъ Николая и упомянулъ, что у него съ друзьями составлено тайное общество для истребленія Императорской фамиліи, что у нихъ хранится кинжалъ, изготовленный въ 1826 году, наконецъ, объявилъ, что 22 августа общество намѣрено распустить нѣсколько тысячъ афишъ для возмущенія народа и издать прокламаціи для возбужденія въ немъ ненависти къ монархическому правленію, при этомъ онъ указалъ на Критскихъ.

Офицеры, вечеромъ того же дня, донесли объ этомъ своему полковнику командиру (командиръ сибирскаго гренадерскаго полка былъ полковникъ Юницынъ), тотъ донесъ далѣе, и на другой день фельдъегерь несся въ Петербургъ съ письмами отъ военнаго генералъ-губернатора князя Голицына и коменданта Веревкина. Не желая остаться неизвѣстнымъ, Юницынъ, вопреки порядку службы, и отъ себя послалъ донесеніе Николаю, но въ донесеніи этомъ показалъ не тотъ день, въ который узналъ о происшествіи, да еще припуталъ ни къ селу ни къ городу какой-то глупый слухъ о дѣлателяхъ фальшивыхъ ассигнацій.

Командиръ 3 гренадерской дивизіи генералъ-адъютантъ Храповицкій, узнавъ объ этомъ, поспѣшилъ и самъ донести Государю, испрашивая прощенія „незаконному дѣйствію“ Юницына и оправдывая его излишнимъ рвеніемъ, такъ что Юницынъ впослѣдствіи отдѣлался только строгимъ выговоромъ.

Всю массу полученныхъ донесеній гр. Сакенъ, по высочайшему повелѣнію, передалъ Дибичу, присовокупивъ, что „московскіе студенты, какъ видно, всѣ заражены возмутительными мыслями.“

Съ 14 на 15 августа, въ 4 часа ночи, по распоряженію московскаго военнаго генералъ-губернатора, были взяты: Лушниковъ (18 лѣтъ); служившій въ 7 департаментѣ Сената, 12 класса, Петръ Критскій (21 года), братья его, студенты московскаго университета: Василій (17 лѣтъ) и Михаилъ (18 лѣтъ).

Для разбора дѣла была составлена слѣдственная комиссія изъ генералъ-адъютанта Храповицкаго, московскаго коменданта Веревкина, начальника 2 округа корпуса жандармовъ генералъ-маіора Волкова, московскаго оберъ-полицеймейстера генералъ-маіора Шульгина и статскаго совѣтника Тургенева. Оберъ-аудиторомъ былъ извѣстный Н. Д. Оранскій.

20 августа комиссія открыла свои засѣданія, и, послѣ перваго допроса, еще были взяты: проживавшій у отца въ Воронежской губерніи студентъ Николай Поповъ (18 лѣтъ) и кремлевской экспедиціи архит. помощникъ Данило Тюринъ (19 лѣтъ); а потомъ канцелярістъ Салтановъ (20 лѣтъ), коллежскіе регистраторы Матвѣевъ (24 лѣтъ) и Томановскій (17 лѣтъ), студенты Роговъ и Пальминъ (послѣдній изъ имѣнія матери, Тамбовской губерніи), канцеляристы Николай Тюринъ (17 лѣтъ) и Шихмаревъ (18 лѣтъ), и 6-го карабинернаго полка юнкеръ Куриловъ [1]).

Комиссія изъ разспросовъ открыла, что малый кругъ „соумышленниковъ“ не принадлежалъ ни къ какому тайному обществу, что они только старались размножать товарищей, сближаясь съ разными лицами, выдавали себя за членовъ тайнаго общества и желали конституціоннаго правленія.

Лушниковъ показывалъ, что съ прибытія въ Москву изъ Симбирской губерніи, огорченный неуспѣшностью поступленія въ универ-

[1]) Они были взяты и посажены: 1) Лушниковъ—въ срѣтенскую часть, съ 15 августа по 24 декабря; 2) Петръ Критскій—въ тверскую, съ 15 августа по 8 сентября, и потомъ въ якиманскую, по 24 декабря; 3) Михаилъ Критскій—въ мясницкую, съ 15 августа по 7 ноября, и въ яузскую, по 19 декабря; 4) Василій Критскій—въ пресненскую, съ 15 августа по 19 декабря; 5) Поповъ—въ тверскую, съ 8 сентября по 21 декабря; 6) Даніилъ Тюринъ—въ арбатскую, съ 19 августа по 21 декабря; 7) Салтановъ—въ мѣщанскую, съ 26 августа по 9 января; 8) Томановскій—въ хамовническую, съ 26 августа по 9 января; 9) Николай Тюринъ—съ 1 сентября по 9 января; 10) Пальминъ—въ пречистенскую съ 11 сентября по 9 января; 11) Роговъ—въ городскую съ 26 августа по 10 января.

ситетъ, онъ скучалъ и искалъ знакомства по сердцу, которое и нашелъ въ Критскихъ. Онъ познакомился съ ними въ январѣ 1827 г., но разговоры не заключали ничего особеннаго. Въ страстную пятницу Лушниковъ пошелъ на Москву рѣку смотрѣть ледъ и тамъ встрѣтился съ Василіемъ Критскимъ. Они разговорились между прочимъ о всеобщемъ употребленіи иностраннаго языка въ Россіи и обычаевъ и сожалѣли, что русскіе чуждаются своего отечественнаго. Подобный разговоръ былъ черезъ нѣсколько дней при Михаилѣ Критскомъ, который очень хвалилъ конституцію Англіи и Испаніи, представлялъ несчастнымъ народъ, находящійся подъ монархическимъ управленіемъ, и называлъ декабристовъ в е л и к и м и, говоря, что они желали блага отечеству. Рѣшительный характеръ Критскихъ привлекъ Лушникова. Послѣ частыхъ свиданій они открыли ему желаніе свое видѣть въ Россіи конституціонное правленіе и говорили, что для этого можно пожертвовать жизнію. Лушниковъ объявилъ себя ихъ единомышленникомъ, но сомнѣвался въ успѣхѣ по малочисленности товарищей. Василій Критскій замѣтилъ на это, что и общество декабристовъ составилось не вдругъ.

Черезъ нѣсколько времени Критскіе познакомили Лушникова съ Данилою Тюринымъ, который думалъ, что прежде всего надо стараться объ умноженіи членовъ, и со временемъ уже—принять рѣшительныя мѣры въ разсужденіи Императора, котораго, въ случаѣ несогласія принять конституцію, принудить къ тому силою.

Потомъ они познакомили Лушникова съ Поповымъ, который прежде, по ихъ словамъ, былъ „рабъ,“ какъ называли Критскіе всѣхъ непринадлежащихъ къ ихъ обществу.

При совѣщаніяхъ въ семъ обществѣ дѣлаемы были предложенія: распространить мысли свои въ университетѣ между студентами. (Такъ показывалъ одинъ Данило Тюринъ, но Василій Критскій не соглашался) и избрать предсѣдателемъ Александра Пушкина (мысль Михаила Критскаго, но Лушниковъ опровергалъ ее, говоря, что Пушкинъ преданъ нынѣ большому свѣту и думаетъ больше о модахъ и остренькихъ стишкахъ, нежели о благѣ отечества).

Но то и другое было оставлено. Разсуждали даже о покушеніи на жизнь Государя (первый показалъ это Данило Тюринъ, Лушниковъ подтвердилъ, а Петръ Критскій говоритъ, что забылъ). Однажды въ разговорахъ: „Нужно убить Государя,“ сказалъ Михаилъ Критскій Данилу Тюрину: — „Это будетъ безполезно-“ возразилъ Тюринъ. — „Смертъ Государя устрашитъ прочихъ особъ царской фамиліи и заставитъ удалиться въ Германію,“ продолжалъ Михаилъ Критскій. „Напротивъ, примутъ страшныя мѣры и за одно неосторожное слово будутъ отсылать въ Сибирь,“ продолжалъ Тюринъ.

„Тѣмъ лучше,“ сказалъ Критскій, „потому что народъ тогда ожесточится.“

При возобновившемся разговорѣ, въ другое время, было положено совершить это по жребію, съ тѣмъ, чтобы избранный убилъ и

себя. Намѣревались отложить это на 10 лѣтъ. Въ 3 разъ Михаилъ Критскій при Василіи Поповѣ и Тюринѣ, обратясь къ Лушникову, сказалъ: „Какъ вы думаете, до корня или съ корнемъ," т.-е. лишить жизни всю императорскую фамилію или оставить наслѣдника?— „Если благополучіе моего отечества и перемѣна правленія требуютъ этой жертвы, то я готовъ на все, но для чего губить царственнаго младенца? Онъ не можетъ быть намъ вреденъ!" говорилъ Лушниковъ. „Вотъ хорошо!" возразилъ Василій Критскій: „не можетъ быть вреденъ? развѣ змѣенышъ, возрастая, не получаетъ материнскаго яда?" — „Къ тому же," присовокупилъ Поповъ, „за наслѣдника вступятся всѣ нѣмцы, какъ за родную кровь свою." — Потомъ Михаилъ Критскій указывалъ, въ календарѣ, на портретъ Государя и возбуждалъ къ ненависти, говоря, что есть уже нѣсколько оружія „для гостинцевъ," а Василій спрашивалъ Лушникова, „хочетъ ли онъ жертвовать собою для блага отечества, или ему пріятно видѣть его угнетеніе и погибель."

Послѣ этого Поповъ уѣхалъ на вакаціи въ Воронежскую губернію. Михаилъ Критскій предложилъ распускать возмутительныя записки въ городѣ. Сначала эта мысль была одобрена, но потомъ сознана опасною и оставлена. Петръ Критскій, занимая квартиру въ кремлевскомъ зданіи, часто при проходѣ чрезъ коридоры разговаривалъ съ часовыми, стараясь развивать въ нихъ нерасположеніе къ начальству; одинъ изъ этихъ часовыхъ Франкъ Кушнерюкъ, рядовой астраханскаго полка, былъ потомъ привлеченъ къ дѣлу и наказанъ крайне жестоко [1]). Лушниковъ думалъ написать прокламаціи къ жителямъ Москвы и положить на памятникъ Минина и Пожарскаго. Михаилъ Критскій одобрялъ это, говоря: „мысль хороша, но предпріятіе отъ этого можетъ уничтожиться." Онъ полагалъ, что могутъ добраться по почерку, и хотѣлъ имѣть печатный станокъ, чтобы ко времени коронаціи (т.-е. дню 22 августа) напечатать и разбросать по Красной площади. Всѣ они надѣялись на генерала Ермолова, какъ человѣка обиженнаго, на Симбирскаго губернатора, предводителя дворянства князя Баратаева и на генерала Ивашева, огореннаго ссылкою сына.

Въ это время общество было открыто.

---

[1]) Когда Петръ Критскій былъ посаженъ въ тверской частный домъ, то на другой день ареста увидѣлъ изъ окошка близъ часового Франка Кушнерюка и позвалъ его. Кушнерюкъ узналъ Критскаго и спросилъ: «Какъ это вы попали, ваше благородіе?» «Да вчера выпилъ лишнее въ Сокольникахъ, меня и взяли. Отнеси, пожалуйста, записочку къ матери, чтобъ поскорѣе меня выручила». Тутъ онъ выбросилъ записку на лоскуткѣ, вырванномъ изъ бумажника. Кушнерюкъ послѣ смѣны поднялъ ее и отнесъ. Когда Критскій разсказалъ объ этомъ комиссіи, то не могъ указать, какого полка солдатъ и какъ его прозваніе, зналъ только, что имя Франкъ. По этому добрались и назначили надъ Кушнерюкомъ военный судъ, который и приговорилъ его: прогнать сквозь строй четыре раза черезъ тысячу и потомъ навсегда на работы въ Бобруйскъ. Это исполнено и донесено «незабвенному».

Таково показаніе Лушникова. Прочіе показывали: Василій Критскій то же самое, Петръ Критскій прибавлялъ, что любовь къ независимости и отвращеніе къ монархическому правленію были возбуждены въ немъ чтеніемъ твореній Пушкина и Рылѣева. Слѣдствіемъ этого было, что погибель декабристовъ родила въ немъ негодованіе и сожалѣніе, возбудивъ желаніе подражать имъ. Михаилъ Критскій не признался ни въ чемъ. Д. Тюринъ не признался въ намѣреніи истребить царскую фамилію.

Показанія ихъ сдѣлали прикосновенными другія лица, которыя показывали и обвинялись:

Служившій въ 7 департаментѣ, изъ дворянъ, Алексѣй Салтановъ, слушалъ вольные разговоры; говорилъ, что войско содержится строго, что во время тогдашней персидской войны описывали уронъ непріятеля, а своего нѣтъ.

Служившій въ опекунскомъ совѣтѣ Алексѣй Матвѣевъ соглашался съ Лушниковымъ, будто въ Россіи нѣтъ положительныхъ законовъ, и дурно жить чиновникамъ, что надо перемѣнить правленіе, читалъ вредные стихи, слышанные отъ Пальмина [1]).

Кремлевской экспедиціи помощникъ архитектора, коллежскій регистраторъ Петръ Томановскій полагалъ, что нужна конституція въ Россіи („едва ли понимая значеніе этого слова," замѣчаетъ комиссія).

Студентъ университета Алексѣй Роговъ часто возвращался съ лекцій съ Критскими и на пути разговаривалъ о правительствѣ, о несправедливости суда надъ декабристами, говорилъ, что не должны быть начальники иностранцы, говорилъ объ юстиніановыхъ законахъ и о конституціи.

Канцелярист Николай Тюринъ—изъ отвѣтовъ видно, что онъ слушалъ дерзкіе разговоры, но „изъ изъясненія его подлинно не видно дальняго ума," замѣчаетъ комиссія. Онъ самъ объявилъ, что хотѣлъ быть соумышленникомъ, но по недальному уму отдалился. Онъ удивлялся, узнавъ, что царь „изъ нѣмцевъ."

---

[1]) Стихотвореніе, приведенное въ особомъ докладѣ Николаю, было:

Когда бы вмѣсто фонаря,
Что свѣтитъ тускло въ непогоду,
Повѣсить деспота...,
То заблисталъ бы лучъ свободы.

Оно было приписано Полежаеву, который только что передъ тѣмъ былъ разжалованъ, за побѣгъ, въ рядовые изъ унтеръ-офицеровъ, съ лишеніемъ дворянства и безъ выслуги (это изъ того же доклада). Николай Павловичъ написалъ: спросить Полежаева—написалъ ли онъ это до отдачи въ солдаты или послѣ. Если до отдачи—оставить, а если послѣ—предать суду. Полежаевъ былъ посаженъ, но оказалось (изъ его допросовъ и другихъ показаній), что стихотвореніе написано прежде отдачи въ солдаты. Его выпустили. Иначе ему грозило наказанье: сквозь строй. Не тогда ли написалъ онъ:

Я погибалъ.
Мой злобный геній
Торжествовалъ и пр.?

Кремлевской экспедиціи канцелярист Алексѣй Шихмаревъ согласился на искорененіе иностранцевъ, но, слыша отъ Лушникова: „желаешь ли ты счастья отечеству и имѣешь ли столько твердости, чтобы для достиженія этого пожертвовать жизнію?“ отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія, ибо какой вѣрноподданный не захочетъ умирать за Государя и отечество.“ Онъ говоритъ, что старался вывѣдать цѣль, чтобы потомъ донести правительству и получить названіе в ѣ р н а г о [1]).

Бывшій студентъ, 12 класса, Петръ Пальминъ, передалъ Матвѣеву вредное стихотвореніе.

Книгопродавецъ, московскій купеческій сынъ Иванъ Кольчугинъ. Лушниковъ, зайдя въ лавку, спрашивалъ о цѣнѣ „Думъ“ Рылѣева и, выхваляя его геній, сожалѣлъ объ участи. Кольчугинъ сказалъ: „то, за что онъ погибъ, увѣковѣчитъ его память; слѣдственная комиссія сдѣлала ихъ дураками; они бы по нашему, по просту, изъ-за уголка.“ Лушниковъ сказалъ иронически: „пойти помолиться за царя, да поставить за него свѣчку.“ Кольчугинъ прибавилъ: „да ужъ и отъ меня поставьте сальную.“ Кольчугинъ противъ этого показанія Лушникова не сознался, говоря, что не помнитъ, и что по молодости это можетъ быть извинительно, „впрочемъ, прося снисхожденія у присутствующихъ.“

Кремлевскій экспедиторъ, титулярный совѣтникъ Алексѣй Гамбурцевъ, архитекторскій помощникъ коллежскій регистраторъ Александръ Тимофѣевъ, канцеляристы: Александръ Косовъ, Александръ Пашковъ и Иванъ Мейенъ. Послѣдній оказался совершенно неприкосновеннымъ къ дѣлу. Онъ, встрѣтившись съ Тюринымъ въ Александровскомъ саду, говорилъ: „Что, тебя еще не взяли?“ — „За что?“ — „За то, что былъ знакомъ съ Критскими: вѣдь ихъ взяли; погоди, и тебя возьмутъ.“ За это Тюринъ и привлекъ его къ дѣлу.

Комиссія, представляя изложенное, заключала, что по недостатку фактовъ суду предавать невозможно, и что дѣло вообще не важно, такъ что, по ея мнѣнію, слѣдовало бы молодымъ людямъ вмѣнить въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ.

„Незабвенный“ написалъ на докладѣ:

„Суду не предавать, а послать по два: въ Швартгольмъ, въ Шлиссельбургъ и въ Соловецкій островъ. Членамъ комиссіи объявить благодарность. 21 ноября 1827.“

Въ самомъ докладѣ, противъ фамилій, онъ обозначилъ собственноручно:

„Лушникова и Петра Критскаго въ Швартгольмъ, Михаила Критскаго и Николая Попова въ Соловецкій островъ, Василія Критскаго и Данила Тюрина въ Шлиссельбургъ въ крѣпость.“ Противъ остальныхъ отмѣтилъ:

---

[1]) Какъ Шервудъ, предатель декабристовъ.

Салтанова „на службу въ Оренбургъ“ [1]), Матвѣева „простить,“ Томановскаго „въ Пермь,“ Рогову „избрать родъ службы и отправить, куда изъявитъ желаніе,“ Николая Тюрина „въ Вятку,“ Александра Нихмарева „простить,“ Пальмина „въ Вологду,“ Кольчугина „простить, но имѣть строгій присмотръ.“ Прочіе прощены, но изъ кремлевской экспедиціи велѣно перевести на службу внѣ Москвы. Мейенъ прощенъ.

Михаила и Василія Критскихъ, по ошибкѣ, отправили въ Соловки. „Незабвенный“ задалъ за это головомойку и велѣлъ перевести Василія Критскаго въ Шлиссельбургъ, а Попова оттуда въ Соловки, какъ прежде назначилъ. Тамъ Василій Критскій и умеръ 21 мая 1831 г. отъ изнурительной лихорадки въ подземномъ, сыромъ казематѣ. Судьба прочихъ печальна. Они даже „облегченій“ не получали, какъ декабристы, которымъ раза три въ торжества сбавлялся срокъ каторги на годъ или на два. Объ этихъ же забыли [2]).

III.

Братья Раевскіе.

Предложеніе правительствующему сенату управляющаго министерствомъ юстиціи, г. тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, князя Алексѣя Алексѣевича Долгорукова, 1827 года, октября 28 числа.

За отсутствіемъ г. начальника штаба Его Императорскаго Величества, товарищъ его, г. генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ, препроводилъ къ бывшему г. министру юстиціи копію съ Высочайше конфирмованнаго, въ 15 день минувшаго сентября, всеподданнѣйшаго доклада начальника главнаго штаба Его Величества (1), по двумъ военно-суднымъ дѣламъ о маіорѣ 32-го егерскаго полка, Раевскомъ (2) и братѣ его, отставномъ корнетѣ Раевскомъ, сужденномъ за разные противозаконные поступки. Изъ сего доклада, между прочимъ, видно, что Высочайше утвержденная для разсмотрѣнія сихъ дѣлъ комиссія, почитая, что корнетъ Григорій Раевскій продолжительнымъ содержаніемъ въ заключеніи достаточно наказанъ уже за

[1]) Салтанова привезли въ Оренбургъ на службу. Военный губернаторъ, извѣстный изъ предыдущей статьи, Эссенъ, понялъ это выраженіе такъ: онъ опредѣлилъ Салтанова на службу рядовымъ, и этотъ былъ болѣе полугода солдатамъ, пока родственникамъ удалось добраться до Бенкендорфа и изложить дѣло. Тогда по высочайшему повелѣнію написано было Эссену, что онъ не такъ понялъ, что Салтанова слѣдуетъ опредѣлить по-прежнему канцеляристомъ. Это и было сдѣлано.

[2]) Николай Павловичъ пожелалъ узнать, гдѣ воспитывались эти молодые люди. Оказалось, что двое или трое въ пансіонѣ Горна. Велѣно было обратить на него вниманіе, и если что окажется неподходящее въ преподованіи, то закрыть.

фальшивый свой поступокъ (3), на который рѣшился онъ не по особеннымъ какимъ-либо причинамъ, но по незрѣлости лѣтъ и развращенному поведенію; притомъ же поступокъ сей учиненъ имъ до состоянія еще всемилостивѣйшаго манифеста 22 августа 1826 года, полагала: освободя упомянутаго корнета Григорія Раевскаго изъ-подъ ареста, доставить въ имѣніе отца, гдѣ и быть ему подъ присмотромъ родственниковъ. Командующій же гвардейскимъ корпусомъ, Его Императорское Высочество Великій князь Михаилъ Павловичъ, разсмотрѣвъ заключеніе означенной Высочайше утвержденной комиссіи и находя оное въ отношеніи къ обвиненію подсудимыхъ и сопричастныхъ къ тому лицъ (4), равно къ оправданію нѣкоторыхъ изъ сихъ послѣднихъ по неприкосновенности ихъ къ поступкамъ маіора Раевскаго (5) достаточными для опредѣленія по нимъ наказанія виновнымъ, присовокупляетъ съ своей стороны: 1) что маіоръ Раевскій (6) хотя по удостовѣренію комиссіи и не принадлежалъ къ составленному послѣ 1821 года злонамѣренному обществу, почему и дальнѣйшее о немъ изслѣдованіе по комитету о государственныхъ преступникахъ прекращено было, но за всѣмъ тѣмъ, собственное его поведеніе, образъ мыслей (7) и поступки, изъясненные въ рапортѣ комиссіи, столь важны, что онъ, по всѣмъ существующимъ постановленіямъ, подлежалъ бы лишенію жизни, и потому, на счетъ его находя приговоръ комиссіи не соотвѣтствующимъ обнаруженнымъ преступленіямъ, полагалъ: онаго маіора Раевскаго, лиша чиновъ, заслуженныхъ имъ: ордена св. Анны 4 класса, золотой шпаги съ надписью „за храбрость,“ медали въ память 1812 года и дворянскаго достоинства, удалить, какъ вреднаго въ обществѣ человѣка, въ Сибирь на поселеніе. И 2) что бывшій гевальдигеромъ 16 пѣхотной дивизіи поручикъ Таушевъ, получа отъ начальства предписаніе о принятіи въ вѣдѣніе свое, послѣ ареста Раевскаго, всѣхъ находившихся въ школѣ таблицъ, книгъ и разныхъ вещей, взялъ только однѣ печатныя таблицы Греча, а книги и письменныя прописи, подъ предлогомъ не нужныхъ, отдалъ служителю капитана Охотникова, который жилъ на одной квартирѣ съ маіоромъ Раевскимъ и находился съ нимъ въ тѣсной связи, каковое дѣйствіе поручика Таушева, очевидно, заключаетъ въ себѣ умыселъ къ сокрытію вреднаго намѣренія Раевскаго (8), за что и подлежалъ бы онъ строгому наказанію; но какъ въ семъ умыслѣ онъ, Таушевъ, не изобличенъ, а остался только въ подозрѣніи, то, согласно заключенію комиссіи, освободить его отъ дальнѣйшаго наказанія. Его Высочество признаетъ однако нужнымъ имѣть за поведеніемъ его строгое наблюденіе. Во всемъ же прочемъ по означеннымъ дѣламъ, Его Высочество согласенъ съ заключеніемъ комиссіи.

На подлинномъ докладѣ, собственною Его Императорскаго Величества рукою, написано тако:

„Быть по мнѣнію Его Императорскаго Высочества командующаго гвардейскимъ корпусомъ (9). Николай.“

С.-Петербургъ, 15 октября 1827.

(См. „Московскія Вѣдомости“ 1827 г., ноября 22 дня (середа), № 94).

Замѣчанія, написанныя въ 1849 году:

(1) Графа Дибича, душевнаго друга генерала Сабанѣева. (2) Надъ маіоромъ Раевскимъ произведено было четыре военносудныхъ дѣла: 1) при 6 пѣхотномъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Сабанѣева; 2) въ Высочайше утвержденномъ комитетѣ противъ государственныхъ преступниковъ; 3) въ Царствѣ Польскомъ, въ крѣпости Замосць, подъ предсѣдательствомъ генерала Дурасова, такъ называемая Высочайше утвержденная комиссія; 4) при 1-мъ гвардейскомъ корпусѣ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Левашова и подъ надзоромъ Великаго князя Михаила Павловича.

(3) 1823 въ исходѣ, или 1824 года, отставной корнетъ Григорій Раевскій просилъ неотступно у своего отца позволенія съѣздить въ Одессу или Тирасполь и узнать, за что братъ его, маіоръ Владиміръ Раевскій, преданъ суду, потому что маіоръ Раевскій судился секретно, и узнать стороною не возможно было; но отецъ его, Федосѣй Раевскій, ему рѣшительно въ томъ отказалъ. Черезъ этотъ отказъ желаніе молодого, семнадцатилѣтняго человѣка только усилилось; онъ отыскалъ между бумагами нѣсколько старыхъ подорожныхъ братьевъ своихъ и, выбравъ лучшую, подскоблилъ годъ и отправился въ Одессу, сказавши отцу, что ѣдетъ въ Курскъ.

Пріѣхавши въ Одессу, по молодости и неопытности, онъ проговорился, а какъ арестъ маіора Раевскаго считался весьма важнымъ, то о намѣреніи Григорія Раевскаго тотчасъ донесли графу Ланжерону, бывшему генералъ-губернаторомъ; Ланжеронъ донесъ Государю. Корнета Раевскаго взяли, увезли въ крѣпость Шлиссельбургскую, гдѣ онъ лишился ума; потомъ перевезли его въ крѣпость Замосць, а оттуда домой, гдѣ онъ, послѣ пятилѣтняго заключенія въ крѣпостяхъ и помѣшательства ума, вскорѣ умеръ.

(4) Соприкосновенныхъ лицъ по 4-мъ суднымъ дѣламъ никого и нигдѣ не было.

(5) Это фантастическія лица, въ воображеніи или на бумагѣ только существовавшія.

(6) Маіоръ Раевскій судился въ комитетѣ о государственныхъ преступникахъ и найденъ рѣшительно непричастнымъ къ заговору, да и не могъ принадлежать къ тому обществу, которое учреждено въ 1823 году, такъ какъ онъ заключенъ былъ въ крѣпость Тирасполькую въ 1822 г. 6 февраля.

(7) Собственное (?) поведеніе и поступки, а въ особенности образъ мыслей (кто ихъ проникъ?) столь важны, что ни одного изъ сихъ поступковъ и думъ комиссіи и всѣ суды не могли огласить. В чемъ же состояла важность его поступковъ и думъ? Для чего бы не сказать, не обнаружить хотя одинъ поступокъ и одну или двѣ мысли? Лишить человѣка жизни, опубликовать виновнымъ, и не объ-

яснить вины! Маіоръ Раевскій лишенъ чиновъ, орденовъ, имѣнія, шесть лѣтъ содержался въ крѣпостномъ заключеніи и сосланъ въ Сибирь, какъ вредный въ обществѣ человѣкъ, за важные поступки и образъ мыслей!

Великій князь Михаилъ Павловичъ опредѣлилъ удалить маіора Раевскаго въ Сибирь, какъ вреднаго человѣка, находя приговоръ Высочайше утвержденной комиссіи и конфирмацію цесаревича Константина Павловича несоотвѣтствующими. Въ чемъ же состояла сія несоотвѣтствующая конфирмація Высочайше утвержденной комиссіи, которая судила маіора Раевскаго въ крѣпости Замосць около года? Въ томъ, „чтобъ освободить маіора Раевскаго изъ заключенія съ вознагражденіемъ или безъ вознагражденія, на службу; а ежели за тѣмъ остаются какія-либо подозрѣнія, которыхъ изъ дѣлъ не видно, то отправить въ свое имѣніе подъ надзоръ начальства.“

(8) 20 лѣтъ прошло съ того времени, какъ маіоръ Раевскій преданъ былъ суду, 20 лѣтъ назадъ говорилъ онъ, что прописей никакихъ не было и черезъ 20 лѣтъ повторялъ то же.

Прописи были вымыселъ Сабанѣева въ припадкѣ бѣшенства; онъ хотѣлъ запутать гевальдигера Таушева, но Раевскій съ клятвой повторялъ всегда, что Таушевъ ни въ чемъ не виноватъ, и самый судъ, подозрѣвая его и не находя виновнымъ, подвелъ подъ манифестъ. Въ чемъ же было намѣреніе Раевскаго и въ чемъ вредъ, когда прописей не было и о бытіи ихъ ничѣмъ не доказано, кромѣ предположеній Сабанѣева и послѣдней комиссіи?

(9) Мнѣніе Михаила Павловича утверждено, а цесаревича Константина Павловича уничтожено.

Изъ дѣла видно;

Что фальшивый поступокъ корнета Раевскаго заключался въ томъ, что онъ подскоблилъ подорожную и пріѣхалъ по ней изъ Курска въ Одессу. Но—развратное поведеніе? Надо полагать въ любви къ своему брату, въ желаніи видѣться съ нимъ, разспросить его, успокоить его и себя.

Зная это, маіоръ Раевскій изъ крѣпости Петропавловской писалъ къ Государю и просилъ его о свободѣ брата, увѣряя Императора въ невинности его. Надо полагать, что присылка корнета Раевскаго въ крѣпость Замосць была слѣдствіемъ этого письма.

Но каково было удивленіе маіора Раевскаго, когда онъ узналъ, что брата его привезли въ крѣпость Замосць, посадили въ номеръ на одномъ коридорѣ, и что онъ съ нимъ ни явно, ни тайно видѣться не могъ, потому что Григорій былъ лишенъ ума! [1]).

---

[1]) Всѣ эти три статьи взяты изъ «Полярной Звѣзды» 1862, кн. VII. стр. 91—111.

Послѣ того, какъ настоящая книга была уже составлена, въ „Былomъ“ (1906, VI, 41—57) появилась статья г. Лемке: „Тайное общество братьевъ Критскихъ“ съ очень существенными дополненіями и поправками къ даннымъ „Полярной Звѣзды“ (сообщеннымъ г. Ефремовымъ). Перепечатываемъ ее дальше съ сокращеніями.

Тайное общество братьевъ Критскихъ. [1])

I.

13 августа 1827 года московскій военный генералъ-губернаторъ, кн. Д. В. Голицынъ, получилъ отъ бригаднаго генерала Фриша рапортъ съ весьма важнымъ сообщеніемъ. На другой день въ Петербургъ летѣлъ, сломя голову, фельдъегерь съ донесеніемъ на имя начальника штаба Его Императорскаго Величества—гр. Дибича.

Кн. Голицынъ сообщалъ, что стоявшіе 11 августа въ караулѣ на главной кремлевской гауптвахтѣ сибирскаго гренадерскаго полка штабсъ-капитанъ Боцанъ и прапорщикъ Ковалевскій объявили своему полковому командиру, что къ нимъ на гауптвахту приходилъ студентъ Лушниковъ. „Сперва онъ разспрашивалъ у нѣкоторыхъ изъ караульныхъ гренадеровъ, каковъ ихъ ротный командиръ, которые отозвались, что они имъ довольны и его любятъ, то послѣ сего означенный студентъ, подойдя къ штабсъ-капитану Боцану, старался познакомиться и, по нѣкоторомъ привѣтствіи, просилъ какъ его, такъ и Ковалевскаго войти съ нимъ въ короткія связи, объявляя секретъ, и просилъ въ ономъ участвовать, сказавъ, что ихъ партія довольно значительна какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ и въ Сибири, и что они предположили сего мѣсяца 22 числа, въ день коронаціи, сдѣлать революцію, а передъ тѣмъ намѣрены по всему городу разбросать возмутительныя записки и такъ же у монумента Пожарскаго

[1]) Все нижеизложенное заимствовано мною изъ двухъ дѣлъ архива бывшаго III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи: №№ 269 I эксп. 1827 г. 203 II эксп. 1828 г. Гораздо короче и не вездѣ вѣрно дѣло братьевъ Критскихъ изложено было въ VII книжкѣ, выпускъ 1-й „Полярной Звѣзды“ Герцена нынѣ здравствующимъ П. А. Ефремовымъ. Кромѣ этого о дѣлѣ нигдѣ ничего не было напечатано. (Примѣч. г. Лемке).

выставить, сколько было невинно повѣшенныхъ и сосланныхъ въ Сибирь."

Когда объ этомъ узналъ московскій военный комендантъ, генералъ Веревкинъ, то онъ приказалъ офицерамъ „притворно согласиться и стараться всячески вывѣдывать и узнавать всѣхъ сообщниковъ и сколько возможно секретнѣе." Труды услужливыхъ офицеровъ увѣнчались успѣхомъ, что видно изъ конца голицынскаго донесенія: „Сего числа объявили, что означенный студентъ живетъ въ Кремлѣ, у дяди своего, экзекутора кремлевской экспедиціи, и что сего дня обѣщали прійти къ нимъ въ хамовническія казармы съ товарищемъ, какимъ-то Критскимъ, и хотѣлъ имъ показать какія-то бумаги и на образецъ приготовленный кинжалъ."

Въ ночь съ 14 на 15 августа Веревкинъ явился съ своими адъютантами и военнымъ карауломъ на квартиру братьевъ Критскихъ, а затѣмъ и Лушникова, арестовалъ всѣхъ и развезъ по съѣзжимъ домамъ.

На другой же день кн. Голицынъ составилъ подъ своимъ предсѣдательствомъ особую слѣдственную комиссію изъ Веревкина, генералъ-адъютанта Храповицкаго, оберъ-полицеймейстера Шульгина, состоявшаго при генералъ-губернаторѣ стат. сов. Тургенева и начальника московскаго (II) округа жандармовъ, генерала Волкова.

Комиссія въ тотъ же день начала свою работу осмотромъ бумагъ, захваченныхъ у арестованныхъ „злоумышленниковъ." Ничего особеннаго, однако, не было найдено, кромѣ одной записки, отобранной у Лушникова изъ кармана. Внизу ея перомъ написана была печать съ девизомъ: „Вольность и смерть тирану..."

16-го былъ сдѣланъ первый допросъ Лушникову. Это былъ молодой человѣкъ, сынъ землемѣра Симбирской губерніи, сначала учившійся въ симбирской гимназіи и въ 1828 году пріѣхавшій въ Москву для поступленія въ университетъ. Туда, однако, онъ сразу не попалъ, благодаря слабому знанію латыни, и остался ожидать слѣдующаго года. По сообщенію Волкова, „при допросѣ онъ не устоялъ противъ убѣжденій членовъ комиссіи и письменно признался въ мечтательности предпріятій дѣйствовать къ учрежденію конституціи" и назвалъ троихъ братьевъ Критскихъ своими сообщниками. Петръ Критскій, служившій канцеляристомъ въ 7 департаментѣ сената, тоже молодой человѣкъ, 21 года, показалъ сразу большую выдержку и никакихъ показаній не далъ. На другой день Лушниковъ обрадовалъ комиссію еще большей откровенностью. По крайней мѣрѣ, Волковъ пишетъ Бенкендорфу: „Онъ не скрываетъ, кажется, ничего и горько оплакиваетъ безумную дерзость, съ каковою позволялъ себѣ выраженіе оскорбительныхъ для правительства и для самой Высочайшей особы Государя Императора мыслей, даже въ стихахъ, имъ сочиненныхъ." Не пожалѣлъ Лушниковъ и другихъ: въ этотъ день онъ выдалъ архитекторскаго помощника кремлевской экспедиціи Даніила

Тюрина (19 лѣтъ) и студента университета Николая Попова (18 лѣтъ), жившаго тогда въ отцовскомъ имѣніи Воронежской губерніи.

Разумѣется, было сдѣлано распоряженіе о немедленномъ ихъ арестованіи.

Спрошенный впервые 19 августа младшій изъ Критскихъ, Василій (17 лѣтъ), студентъ университета, „признавшись въ вольномысліи, изъяснился во всемъ почти согласно съ Лушниковымъ, представляя замыселъ свой въ видѣ мечты легкомысленной молодости.“

Третій Критскій, тоже студентъ, Михаилъ (18 лѣтъ), сначала прибѣгалъ „ко многимъ околичностямъ,“ а потомъ подалъ пространное письменное сознаніе. Арестованный 19-го числа Тюринъ признался въ умыслѣ. „Признаніе его болѣе рѣшительно, нежели прочихъ, коихъ, кажется, превосходитъ онъ основательностью. Онъ сказалъ, что въ составъ плана ихъ входило и покушеніе на жизнь Государя Императора...“

На другой день Тюринъ „раскрылъ точнѣе другихъ существо предпріятія. Будучи, такъ сказать, основателями общества, въ маломъ кругу единомышленниковъ заключавшагося, они надѣялись распространить его умноженіемъ членовъ. При предложеніяхъ къ покушенію на жизнь императора Тюринъ спорилъ, что это не можетъ быть благомъ для отечества; соглашались отложить сіе на десять лѣтъ и избрать по жеребью изъ среды себя съ тѣмъ, чтобы исполнитель злодѣянія сокрылъ сообщниковъ самоубійствомъ...“

Когда, такимъ образомъ, въ рукахъ слѣдственной комиссіи, разумѣется, не стѣснявшейся въ средствахъ для побужденія къ сознанію, были довольно опредѣленныя данныя, старшій Критскій, 25 августа, послѣ сломленнаго упорства, попросилъ позволить ему дать письменно подробныя показанія. Разрѣшеніе было дано, и комиссія нашла въ словахъ Петра Критскаго все главное сходнымъ съ уже извѣстнымъ.

Теперь ей оставалось допросить еще нѣсколькихъ человѣкъ: канцеляриста Алексѣя Салтанова (20 лѣтъ), служившаго съ Петромъ Критскимъ въ сенатѣ и названнаго имъ и братомъ Василіемъ; коллежскаго регистратора московскаго опекунскаго совѣта Алексѣя Матвѣева (24 лѣтъ), названнаго Лушниковымъ и Василіемъ Критскимъ; ими же названнаго архитекторскаго помощника кремлевской экспедиціи, коллежскаго регистратора Петра Таманскаго (17 лѣтъ) и названнаго Василіемъ Критскимъ студента университета Алексѣя Рогова (22 лѣтъ).

Арестъ всѣхъ этихъ молодыхъ людей, въ связи съ сдѣланными уже раньше, не могъ не стать извѣстнымъ даже и въ тогдашней Москвѣ... Начались разговоры. Волковъ, точно исполняя инструкціи своего патрона, Бенкендорфа, внимательно прислушивался къ общественному мнѣнію и, поскольку могъ его уловить, формулировалъ его такъ:

„Одни говорятъ,—доносилъ онъ шефу жандармовъ,—что это остат-

ки послѣдствій 14 декабря и что уповательно должно быть въ связи съ сосланными. Другіе приписываютъ оное къ броженію ихъ и ложному понятію истиннаго образованія. Въ одномъ домѣ говорили: „Какъ-то и гдѣ будутъ этихъ бездѣльниковъ наказывать?“ „Я думаю,—сказалъ нѣкто,—что ихъ повѣсятъ, да и хорошо бы было; это послужило бы примѣромъ нонѣшнимъ ученымъ. Вотъ вамъ просвѣщеніе! Если бъ кончили воспитаніе Критскихъ русскою грамотою да арифметикою и пошли они по той же дорогѣ, по которой шелъ отецъ ихъ, кондитеръ, то этого бы имъ и въ голову не пришло.“ „Нѣтъ,—сказалъ другой,—я бы не сталъ ихъ вѣшать; это слишкомъ коротко; а сколько есть въ Москвѣ перекрестковъ, то на всякомъ давалъ бы имъ по нѣсколько ударовъ розгами или плетьми, чтобъ подолѣе прожили и подолѣе промучились, а между тѣмъ и всякой бы то увидѣлъ.“ „А что,—спросилъ одинъ,—какъ вы думаете, допрашиваютъ ли ихъ, напримѣръ, вотъ такъ (показывая, какъ сѣкутъ)?“ „Я думаю, что не безъ этого,—отвѣчали,—вѣдь въ Петербургѣ ихъ [1]) славно драли, а безъ того правды всей не узнаютъ. Должно полагать, что ихъ завелось гнѣздо, которое надобно вовсе разорить..“

Пока москвичи такъ или иначе комментировали открывшееся въ ихъ средѣ тайное общество, комиссія продолжала свое дѣло. Допросъ Таманскаго, Рогова, Салтанова и Матвѣева не далъ сколько-нибудь интереснаго матеріала. Выяснилось только, что первые двое хотя и не принадлежали къ „злому умыслу, но слыхали непозволительныя сужденія и сами позволяли себѣ вольныя слова,“ а послѣдніе даже и этого не дѣлали.

На очныхъ ставкахъ Михаилъ Критскій отрицалъ показаніе Тюрина о цареубійствѣ, а Василій—подтверждалъ. Схваченный на пути въ Москву изъ имѣнія, Поповъ „скоро остановился въ отвѣтахъ, пришелъ въ слезное раскаяніе, признался въ соучастіи съ Критскими, утвердительно объявилъ, что „общество ихъ заключалось только въ шести лицахъ:“ трое Критскихъ, Лушниковъ, Тюринъ и онъ. Потомъ Поповъ подалъ пространное письменное сознаніе. Еще день— и Михаилъ Критскій призналъ справедливость показаній Тюрина и Лушникова, а Поповъ назвалъ Николая Тюрина, мальчика 16 лѣтъ, сначала казавшагося годнымъ въ члены общества, а потомъ отклоненнаго „по легкомыслію.“ Его приказано было арестовать вмѣстѣ съ чиновникомъ Петромъ Пальминымъ (22 лѣтъ), жившимъ въ имѣніи матери, въ Тамбовской губерніи, и съ канцеляристомъ Алексѣемъ Шахларевымъ (19 лѣтъ), товарищемъ по службѣ Даніила Тюрина. Тогда же, въ половинѣ сентября, Лушниковъ оговорилъ подпрапорщика 6-го карабинернаго полка Порфирія Курилова (18 лѣтъ) въ произношеніи дерзкихъ словъ противъ правительства и государя, но Куриловъ совершенно этого не призналъ.

Пальминъ, названный Матвѣевымъ, какъ передавшій ему „дерзно-

[1]) Подразумѣвались декабристы.

веннѣйшіе стихи," показалъ, что получилъ ихъ отъ поэта Александра Полежаева.

Рѣчь шла объ извѣстномъ стихотвореніи Рылѣева: „Ахъ, гдѣ тѣ острова," написанномъ имъ вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ.

Вниманіе комиссіи было обращено главнымъ образомъ на нѣсколько среднихъ строфъ:

Ты скажи, говори,
Какъ въ Россіи цари
Правятъ.
Ты скажи поскорѣй,
Какъ въ Россіи царей
. . . . . .
Какъ капралы Петра
Провожали съ двора
Тихо;
Какъ жена предъ дворцомъ
Разъѣзжала верхомъ
Лихо;
Какъ . . . . . .
Воцарился по ней
Горе!
Но Господь, русскій Богъ,
Бѣднымъ людямъ помогъ
Вскорѣ...

Шахларевъ ничего интереснаго не показалъ и обнаружилъ свою неприкосновенность къ обществу.

Наконецъ, къ 17 сентября комиссія сочла свою миссію болѣе или менѣе законченной, и кн. Голицынъ послалъ Бенкендорфу записку о ея дѣйствіяхъ по 15-е число. Изъ нея мы видимъ, что удалось узнать отъ допрошенныхъ въ теченіе мѣсячной работы.

II.

Прибывъ изъ Симбирска въ Москву въ 1826 г. и не поступивъ въ университетъ, Лушниковъ сталъ скучать и искать интересныхъ знакомствъ. Такимъ оказалось семейство Критскихъ. Съ первыхъ свиданій въ январѣ 1827 года разговоры ихъ приняли вполнѣ опредѣленный оттѣнокъ протеста противъ давившаго Россію деспотизма. „Направленіе ихъ къ преступному умыслу взяло начало свое изъ объясненій Лушникова съ Василіемъ Критскимъ при свиданіи въ день страстной пятницы, на берегу Москвы-рѣки. Говорили они тогда о всеобщемъ употребленіи въ Россіи иностранныхъ языковъ и обычаевъ и сожалѣли, что россіяне чуждаются своего отечественнаго. Разговоръ сей былъ повторенъ между ними черезъ нѣсколько дней при бытности Михаила Критскаго. Сей послѣдній, выхваляя конституціи

Англіи и Гишпаніи, представлялъ несчастнымъ тотъ народъ, который состоитъ подъ правленіемъ монархическимъ, и называлъ великими преступниковъ 14 декабря, говоря, что они желали блага своему отечеству." Все это привлекло Лушникова. Послѣ многихъ свиданій, ему было открыто „тайное желаніе видѣть Россію подъ конституціоннымъ правленіемъ съ увѣреніями пожертвовать для того самою жизнью." Лушниковъ заявилъ себя Критскимъ ихъ единомышленникомъ, но въ глубинѣ души не вѣрилъ въ успѣхъ, видя малочисленность членовъ. Нѣсколько времени спустя, его познакомили съ Даніиломъ Тюринымъ, находившимъ необходимымъ „стараться о пріобрѣтеніи членовъ, и ежели время усилитъ ихъ, то принять рѣшительныя мѣры въ разсужденіи" государя: если не дастъ конституцію добровольно, то принудить силою. Наконецъ, свели его съ Поповымъ. Въ маѣ 1827 года присоединился и Петръ Критскій.

Въ такомъ составѣ они неоднократно совѣщались о ходѣ и развитіи своего общества и предполагали вербовать членовъ среди студенчества, а предсѣдателемъ, по предложенію Михаила Критскаго, избрать А. С. Пушкина. На послѣднее возражалъ Лушниковъ, говоря, что „Пушкинъ нынѣ предался большому свѣту и думаетъ болѣе о модахъ и остренькихъ стишкахъ, нежели о благѣ отечества." Впрочемъ, обѣ мысли были затѣмъ отвергнуты.

Какъ-то Михаилъ Критскій заговорилъ о цареубійствѣ. Тюринъ находилъ это безполезнымъ.

— Смерть государя устрашитъ прочихъ особъ царствующей фамиліи и заставитъ ихъ удалиться въ Германію,—продолжалъ Михаилъ.

— Напротивъ того, примутъ строгія мѣры, такъ что даже за одно неосторожное слово будутъ ссылать въ Сибирь,—возражалъ Тюринъ.

— Тѣмъ лучше,—не успокаивался его оппонентъ,—потому что народъ тогда ожесточится.

Въ другой разъ происходилъ такой разговоръ:

— Какъ ты думаешь,—спросилъ Лушникова Михаилъ при братѣ Василіи, Поповѣ и Тюринѣ,—до корня или съ корнемъ? То есть лишить жизни всю императорскую фамилію или оставить наслѣдника.

— Если благополучіе моего отечества и перемѣна правленія требуетъ сихъ жертвъ, то я готовъ на все, но для чего губить царя-младенца? Онъ не можетъ быть намъ вреденъ.

— Вотъ хорошо,—возразилъ Василій,—не можетъ быть вреденъ!

. . . . . .

— Къ тому-же, — прибавилъ Поповъ, — за наслѣдника вступятся всякій нѣмецъ, какъ за родную кровь свою.

— Ты долженъ слѣпо слѣдовать нашимъ совѣтамъ,—сказалъ, наконецъ, Тюринъ,—какъ тайнамъ Евангелія.

Потомъ Михаилъ, показывая на царскіе портреты въ календарѣ, сказалъ:

— Смотри на этихъ тирановъ и напитывай душу свою кровавою

местью! — и, вынувъ два ружья, охотничій ножъ и турецкій ятаганъ, прибавилъ: „Вотъ у насъ есть для нихъ и гостинцы!“

Затѣмъ Василій спросилъ Лушникова: „Хочетъ ли онъ жертвовать своею жизнью для спасенія отечества?“ [1]) „Да!“ сказалъ Лушниковъ и—„тревожимый совѣстью, хотѣлъ отстать отъ своего намѣренія, но, ослѣпленный ложными доводами Критскихъ о мнимой любви къ отечеству,“ остался твердъ. Немудрено, что на вопросъ комиссіи, „почему цареубійство было отсрочено на десять лѣтъ,“ Лушниковъ отвѣчалъ: „Потому что всякому хотѣлось пожить и для родныхъ, и дабы видѣть плоды своего предпріятія...“ Очевидно, не всѣ такъ объясняли свое рѣшеніе.

Лѣтомъ, незадолго до ареста, Михаилъ Критскій [2]) подалъ мысль написать прокламаціи и разбросать ихъ по городу. Сначала мысль эта была одобрена, а потомъ найдена опасной и отвергнута. Зато рѣшено было воспользоваться удобствомъ мѣстожительства Критскихъ и Лушникова въ Кремлѣ, ходить по дворцовому коридору и бесѣдовать съ караульными солдатами. Такъ, Лушниковъ помнитъ одного изъ часовыхъ, назвавшаго себя Франкомъ, котораго онъ распропагандировалъ и утѣшалъ надеждою на лучшее будущее [3]).

Затѣмъ какъ-то Лушниковъ вздумалъ написать прокламацію къ московскимъ гражданамъ въ томъ смыслѣ, что пора утвердить конституціонное правленіе. Когда онъ подѣлился этой мыслью съ Критскими, Василій сказалъ ему: „Мысль хороша, но предпріятіе опасно, ибо могутъ дознаться по почерку руки. А хорошо бы было достать или самимъ сдѣлать буквы для печатанія.“ Но это предложеніе семьдесять пять лѣтъ тому назадъ показалось такъ утопично, что Тюринъ призналъ за лучшее и гораздо менѣе опасное выгравировать прокламацію перомъ подъ печать. Рѣшено было такъ и сдѣлать, и именно въ день празднованія годовщины коронаціи (22 августа), и при томъ положить на пьедесталѣ памятника Минину и Пожарскому. Порученіе это должно было быть выполнено по жребію между двумя младшими Критскими и Лушниковымъ. Петръ въ этомъ не участвовалъ, потому что тогда еще не вполнѣ вошелъ въ общество. Друзья надѣялись на поддержку своего предпріятія со стороны обиженнаго

---

[1]) Василій отрицалъ этотъ вопросъ; потому что не сомнѣвался въ рѣшимости Лушникова.

[2]) Онъ это отрицалъ, а Василій приписывалъ такое предложеніе самому Лушникову.

[3]) Оказалось, это былъ рядовой Астраханскаго гренадерскаго полка Франкъ Кушнерюкъ. Военный судъ приговорилъ его прогнать сквозь строй четыре раза черезъ тысячу и потомъ навсегда послать на работы въ Бобруйскую крѣпость. Поэтому не могу не напомнить читателямъ одну очень и крайне характерную для Николая I резолюцію, положенную имъ на рапортѣ генералъ-губернатора Западной Сибири, гр. Строганова, просившаго разрѣшенія повѣсить пойманную, наконецъ, разбойничью шайку: „Слава Богу, смертная казнь еще не введена въ Россіи и не мнѣ ее вводить; прогнать виновныхъ сквозь строй въ 1000 чел. восемь разъ“...

Николаемъ генерала Алексѣя Петровича Ермолова, на симбирскаго губернскаго предводителя дворянства кн. Баратаева и на генерала Ивашева, отца декабриста... Василій показалъ даже, что у нихъ была надежда имѣть Ермолова во главѣ своего общества.

Петръ Критскій показалъ, между прочимъ, что „любовь къ независимости и отвращеніе къ монархическому правленію возбудились въ немъ наиболѣе отъ чтенія твореній Пушкина и Рылѣева. Слѣдствіемъ сего было, что погибель преступниковъ 14 декабря родила въ немъ негодованіе. Сіе открылъ онъ братьямъ своимъ, которые были съ нимъ одинаковыхъ мыслей. Въ замыслахъ, не исключая и самого покушенія на жизнь государя императора, участвовалъ, думая, впрочемъ, что сами по себѣ вшестеромъ они ничего не сдѣлаютъ, а между тѣмъ время откроетъ имъ глаза."

Михаилъ Критскій непризнался ни въ чемъ, кромѣ вольномыслія и участія въ намѣреніи метать жребій для убійства императора черезъ десять лѣтъ.

Данилъ Тюринъ призналъ источникомъ своего вольномыслія Критскихъ и Лушникова. При этомъ онъ сознался, что если бы жребій убить Николая I выпалъ на него, то онъ еще раньше рѣшилъ не осуществить его и отречься отъ общества.

Поповъ тоже считалъ своими учителями Критскихъ. „Мысль моя насчетъ жизни государя въ одно время была ужасна, что показываетъ письмо мое къ Критскимъ; но никогда она не продолжалась и не тяготила мою совѣсть. Раскаяніе всегда оную искореняло." Въ указываемомъ письмѣ Поповъ увѣрялъ, что усиливаетъ горящій въ нихъ всѣхъ пламень ненависти къ государю. Мысль его была изображена такъ: А. Н. М. М. К. На каждую букву сверху, отъ буквы Н. падала стрѣла. Это должно было символизировать мщеніе народа Александру I, Николаю I, Маріи Павловнѣ, Михаилу Павловичу и Константину Павловичу...

Николай Павловичъ, внимательно прочитавъ отчетъ комиссіи, пожелалъ узнать, какое образованіе получили шестеро главныхъ обвиняемыхъ. Очевидно, судя по ихъ отвѣтамъ, предполагалось оказать то или иное воздѣйствіе по министерству народнаго просвѣщенія, которое всегда отдувалось боками школы и цензуры за всякую внутреннюю смуту.

Свѣдѣнія, полученныя отъ арестованныхъ для отвѣта государю, и для насъ небезынтересны.

Петръ Критскій началъ ученье у нѣкоего Сумарокова, потомъ до 10 лѣтъ наставникомъ его былъ казанскій профессоръ Ероховъ, затѣмъ онъ поступилъ въ московскую губернскую гимназію, откуда черезъ полтора года перешелъ въ пансіонъ Горна, а затѣмъ въ московскій университетъ на отдѣленіе нравственно-политическихъ наукъ, которое кончилъ дѣйствительнымъ студентомъ.

Михаилъ изъ рукъ Сумарокова попалъ къ какому-то Калинину, потомъ къ Горну и готовился у Винкельмана поступить въ универси-

тетъ, который при арестѣ уже оканчивалъ. По той же образовательной дорогѣ шелъ Василій.

Лушниковъ кончилъ симбирскую гимназію и, какъ мы уже знаемъ, готовился по латинскому языку, для поступленія въ университетъ, у студента духовной академіи Покровскаго.

Поповъ первой грамотѣ учился у священника, потомъ у родственника, преподавателя латинскаго языка воронежской гимназіи, Вилинскаго, затѣмъ, кончивъ гимназію, поступилъ въ харьковскій университетъ, гдѣ былъ подъ судомъ „за незаконную и тайную продажу переломленной казенной ложки, и по окончаніи дѣла исключенъ съ выдачею документовъ.“ Послѣ этого поступилъ на нравственно-политическое отдѣленіе московскаго университета.

Тюринъ учился сначала дома, а потомъ въ кремлевской архитекторской школѣ.

Такимъ образомъ, всѣ, кромѣ одного, были людьми или кончившими, или заканчивавшими высшее образованіе. Разумѣется, для Николая I этого было достаточно, чтобы приказать министру народнаго просвѣщенія кн. Ливену смотрѣть за гимназіями и университетами въ оба.

Между тѣмъ, слѣдственная комиссія заканчивала свои занятія. Лушниковъ назвалъ еще книгопродавца, купеческаго сына Ивана Колочугина, а по указаніямъ другихъ, кромѣ него, пришлось привлечь еще четырехъ сдужащихъ въ кремлевской экспедиціи: кол. рег. Алексѣя Тимофѣева, канцеляристовъ Александра Носова и Александра Пашкова и тит. сов. Алексѣя Гонбурцева.

Здѣсь мы остановимся только на показаніяхъ двоихъ изъ нихъ, какъ наиболѣе интересныхъ. Остальные будутъ упомянуты ниже, въ приговорѣ.

„Данила Тюринъ показалъ, что при прогулкѣ его одинъ разъ въ кремлевскомъ саду съ Михаиломъ Критскимъ присоединился къ нимъ Гонбурцевъ. Они, желая сдѣлать его единомышленникомъ, начали обнаруживать мысли свои, говорили о притѣсненіи низшаго народа русскаго и чрезвычайно деспотическомъ обращеніи съ солдатами. Когда же дошелъ разговоръ до бывшихъ обществъ, то всячески старались доказать ему, что люди, находившіяся въ тѣхъ обществахъ, истинно добродѣтельные, желавшіе блаженства своей родинѣ; что они неоспоримо заслуживаютъ вѣчную славу и что наказаны чрезвычайно жестоко. Тюринъ, присовокупляя еще мысль о конституціи, сказалъ Критскому:

— Отчего самъ государь не вздумаетъ ограничить свою власть?

— Вотъ прекрасно! — возразилъ Критскій. — Онъ захочетъ быть связаннымъ! Да къ тому же ему лестно, что глупый бородатый народъ почитаетъ его почти Богомъ, а тогда не будетъ въ такомъ уваженіи.

—Положимъ, что такъ,—прервалъ его Тюринъ,—но добродѣтельному человѣку, кажется, лучше всѣхъ почестей: не имѣть ни малѣй-

шаго права дѣлать зло съ полнымъ, однако же, правомъ дѣлать добро.

— Да что говорить,—сказалъ Критскій;—этого не можетъ быть!

Гонбурцевъ больше молчалъ и почти не спорилъ,—по словамъ Тюрина, и наоборотъ—по словамъ Михаила Критскаго, не соглашался съ ними.

Тимофѣева Тюринъ обвинялъ въ томъ, что когда было говорено о притѣсненіяхъ крестьянъ помѣщиками, то онъ соглашался съ этимъ. Однажды онъ сказалъ, что ему не нравится наслѣдственный престолъ. „Хорошо, если государь умнѣйшій человѣкъ, напримѣръ, какъ Петръ Великій, а то, какой нибудь безсмысленный, вертитъ государствомъ, какъ хочетъ.“

III.

Наконецъ, въ началѣ декабря московскій фельдъегерь повезъ въ Петербургъ окончательный докладъ слѣдственной комиссіи. 21 декабря Николай I конфирмировалъ въ измѣненномъ видѣ проектъ приговора. Ознакомимся съ нимъ въ окончательномъ видѣ.

Во главѣ стояли трое Критскихъ, Лушниковъ, Поповъ и Даніилъ Тюринъ. „Сіи шесть человѣкъ, составивъ между собою тайное общество, умышляли на жизнь Его Величества Государя Императора и всей августѣйшей фамиліи, предполагая сіе въ дѣйствіе произвести не иначе, какъ по прошествіи десяти лѣтъ, а между тѣмъ было у нихъ условіе: стараться умножать членовъ, изыскивать средства для преобразованія государства, ввести конституціонное правленіе, возбуждать негодованіе солдатъ противъ правительства, приготовляться къ бунту и, написавъ прокламацію къ московскимъ жителямъ, положить оную на монументѣ Минина и Пожарскаго. Сверхъ того изъ нихъ Лушниковъ, Петръ Критскій и Поповъ произносили къ портретамъ Государя Императора дерзкія и оскорбительныя слова; при томъ Лушниковъ былъ ожесточенъ до такой степени, что дерзнулъ на портретѣ блаженныя памяти Государя Императора выколоть глаза.“ Резолюція Николая: „Лушникова и Петра Критскаго отправить въ Шварtгольмскую крѣпость. Михаила и Василія Критскихъ отправить въ Соловецкій монастырь. Попова и Тюрина отправить въ Шлиссельбургскую крѣпость.“

Салтановъ — „Имѣлъ разговоръ съ Критскими и соглашался съ ними, что въ Россіи войско содержится строго и что непріятельскій уронъ описывается, а о нашемъ умалчивается, разумѣя сіе о персидской войнѣ. Впрочемъ, Салтановъ не сознался, чтобы когда-либо слышалъ отъ Критскихъ возмутительныя противъ правительства слова.“ Резолюція: „Отправить на службу въ Оренбургъ.“

Матвѣевъ — „Соглашался при разговорѣ съ Лушниковымъ въ томъ, что въ Россіи нѣтъ положительныхъ законовъ, что весьма дурно служить чиновникамъ и что должно перемѣнить правленіе; со-

вѣтовалъ Критскимъ быть осторожными, произносилъ вольныя слова противъ нравственности и правительства и читалъ, безъ всякаго, впрочемъ, умысла, дерзкіе стихи. Но когда Критскіе говорили о вольности народа и объ ограниченіи власти государя императора, то Матвѣевъ отъ сего удерживалъ ихъ.“ Резолюція: „Простить.“

Таманскій — „Слышалъ разговоръ Лушникова, что въ Россіи нѣтъ положительныхъ законовъ, что несправедливо наказаны преступники за возмущеніе 14 декабря, притомъ самъ признавалъ необходимымъ ввести конституцію и что лучше было бы тѣхъ преступниковъ разстрѣлять; но это было, по словамъ Таманскаго, только разсужденіе, не имѣющее, впрочемъ, никакого основанія, при уликѣ же его Василіемъ Критскимъ въ произношеніи дерзкихъ словъ, что надобно возвести на тронъ и государя русскаго, Таманскій отозвался, что сказалъ сіе самъ Критскій; а какой на то былъ отвѣтъ его, Таманскаго, не помнитъ.“ Резолюція: „Отослать на службу въ Пермь.“

Роговъ — „Слышалъ, что Критскіе имѣютъ образъ мыслей весьма вольный и несоотвѣтственный кореннымъ законамъ; что Василій Критскій часто судилъ о правительствѣ и начальникахъ, что сіи послѣдніе нехороши и не должны быть иностранцы; разсуждая же Роговъ съ Критскимъ о политическомъ правѣ, говорилъ и о конституціяхъ Юстиніана, что ими управлялась Римская имперія, не зная о злоумышленіи Критскихъ.“ Резолюція: „Велѣть избрать родъ службы и отправить, гдѣ быть подъ строгимъ присмотромъ.“

Николай Тюринъ — „Слышалъ разговоры злоумышленниковъ, будто бы не было отъ роду у насъ закона, чтобы вѣшали, а Государь выдумалъ; что варварское наше правительство за бездѣлицу радо человѣка до смерти убить; что хотѣли они нѣмцевъ и французовъ, не любя ихъ, изгнать, а справясь о родѣ государя, изъ какой онъ земли, ужасно досадовали, что иностранцы русскими правятъ и что умныхъ всѣхъ сослали въ Сибирь; когда же Критскіе предлагали Тюрину, чтобы былъ онъ сообщникомъ ихъ, то онъ тогда о семъ промолчалъ.“ Резолюція: „Отправить на службу въ Вятку.“

Шахларевъ — „Не зная, что Лушниковъ былъ членомъ тайнаго общества и слыша отъ него слѣдующій вопросъ: „Желаешь ли ты счастія своему отечеству и имѣешь ли столько твердости, чтобы для достиженія сего, въ случаѣ нужды, пожертвовать даже своею жизнью?“ отвѣчалъ: „Безъ сомнѣнія, ибо какой изъ вѣрныхъ подданныхъ не захочетъ умереть за Государя и отечество.“ Послѣ чего Шахларевъ старался вывѣдать отъ Лушникова тайну его сердца съ тѣмъ, чтобы, донеся начальству, получить названіе Вѣрнаго [1]), для чего даже рѣшился произнесть дерзкія на счетъ Государя выраженія; однако, изъ невразумительныхъ словъ Лушникова ничего не могъ понять. Притомъ Шахларевъ говорилъ Лушникову, что Его Величеству

[1]) Очевидно, Шахларову не давали покоя лавры выдавшаго декабристовъ Шервуда, награжденнаго Николаемъ I прозваніемъ „Вѣрный“.

царствовать два года, основываясь въ томъ на имѣвшейся у него книгѣ въ 1801 году, сочиненной на 200 лѣтъ, въ коей сказано (безъ означенія державы), что, вступившій въ нынѣшнемъ году государь долженъ царствовать три года.“ Резолюція: „Простить.“

Пальминъ — „Имѣлъ у себя вышеупомянутые дерзкіе стихи, полученные имъ отъ бывшаго студента Полежаева, который выдавалъ оные за сочиненіе Рылѣева; при томъ Пальминъ, по просьбѣ артилерійскаго офицера Бредихина, вписалъ сіи стихи въ тетрадь его, не размышляя о худыхъ послѣдствіяхъ. Полежаевъ объявилъ, что зналъ о содержаніи тѣхъ стиховъ, но это не онъ сочинилъ, и передавалъ ли онъ ихъ Пальмину, не помнитъ.“ Резолюція: „Отправить на службу въ Вологду.“

Кольчугинъ — „Оговоренъ Лушниковымъ въ томъ, что когда онъ, спрашивая у Кольчугина о цѣнѣ книги подъ заглавіемъ: „Думы“ Рылѣева, и выхваляя геній его, сожалѣлъ объ участи Рылѣева, то Кольчугинъ сказалъ сіи слова: „То, за что онъ погибъ, увѣковѣчитъ его память; слѣдственная комиссія выставила ихъ дураками; они бы по нашему, по-просту, изъ-за уголка.“ Когда же Лушниковъ сказалъ Кольчугину иронически: „Пойти помолиться за царя и поставить за него свѣчку,“ то и Кольчугинъ промолвилъ: „Да ужъ и отъ меня поставьте сальную.“ Кольчугинъ противъ сего оговора ни въ чемъ не сознался. Потомъ на очной ставкѣ съ Лушниковымъ объяснялъ, что не помнитъ, былъ ли разговоръ о Рылѣевѣ; если же вышеозначенные вопросы были порывистые, то основаны не на другомъ чемъ, какъ на однихъ только раговорахъ. Всѣ тѣ вопросы вырвались по молодости лѣтъ и справедливы, а слова: „По нашему бы, по-просту, изъ-за уголка“ такъ же могли вырваться, но безъ цѣли и безъ мыслей, и какъ оныя слова, такъ и вопросы могутъ быть извинительны; прося снисхожденія у присутствующихъ.“ Резолюція: „Простить, держа подъ строгимъ присмотромъ.“

Гонбурцевъ, Тимофѣевъ, Носовъ и Пашковъ— „Оговорены Даніиломъ Тюринымъ въ произношеніи при разговорѣ съ нимъ дерзкихъ выраженій и въ слышаніи отъ него, Тюрина, таковыхъ на счетъ Государя Императора, правительства, притѣсненія солдатъ въ военномъ поселеніи и крестьянъ; но всѣ сіи оговоренныя лица ни въ какомъ злоумышленіи и въ знаніи объ ономъ не сознались, показывая изъ нихъ нѣкоторые, что, слыша неприличные разговоры Тюрина, всегда опровергали оные, или, почитая то шуткою и легкомысленностью, вовсе отъ него удалялись.“ Резолюція: „Всѣхъ простить, но изъ кремлевской экспедиціи уволить и употребить на службу внѣ Москвы.“

Канцеляристъ Иванъ Мейенъ — „Оговоренъ также Даніиломъ Тюринымъ въ произношеніи дерзкихъ выраженій на счетъ правительства, но въ семъ Мейенъ сдѣлалъ отрицаніе, а сознался въ томъ только, что когда были взяты по сему дѣлу Критскіе, то, повстрѣчавшись, онъ, Мейенъ, съ Тюринымъ въ саду, безъ всякаго намѣре-

нія, шутя, говорилъ ему: „Что, тебя еще не взяли за то, что ты былъ знакомъ съ Критскими?“ Резолюція: „Простить“ [1]).

IV.

21 ноября 1827 года Николай I положилъ всѣ вышеприведенныя резолюціи.

19 декабря Михаила и Василія Критскихъ отправили въ Соловецкій монастырь, 21-го—Попова и Даніила Тюрина въ Шлиссельбургъ, а 24-го—Лушникова и Петра Критскаго въ Шварттольмскую крѣпость. Остальные изъ неполучившихъ прощеніе ждали отправленія. Наконецъ, 9 января увезли Салтанова, Таманскаго, Николая Тюрина и Пальмина. Вскорѣ выѣхали и Гонбурцевъ, Тимофѣевъ, Носовъ и Пашковъ.

За исключеніемъ четырехъ послѣднихъ, никому не было разрѣшено повидаться и попрощаться съ родителями и родственниками.

Пальминъ прожилъ въ Вологдѣ меньше мѣсяца и, послѣ ужасныхъ страданій, бывшихъ послѣдствіемъ простуды въ дорогѣ, 8 февраля 1828 г. умеръ.

Лушниковъ и Петръ Критскій, проживъ очень недолго въ Шварттольмской крѣпости, въ маѣ 1828 г. были переведены въ Кексгольмскую. Черезъ годъ, по соображеніямъ чисто военнаго характера, они были перевезены въ Нейшлотскую крѣпость, гдѣ для нихъ были приготовлены два спеціальныхъ каземата.

Родителей и потомъ никто не счелъ долгомъ увѣдомить о судьбѣ сыновей, а послѣднимъ не дали права написать самимъ.

Долго крѣпился старикъ Лушниковъ, но, наконецъ, рискуя, по николаевскимъ временамъ, службой, въ февралѣ 1831 года обратился къ Бенкендорфу съ вопросомъ, гдѣ его сынъ и за что наказанъ?—Бенкендорфъ приказалъ отвѣтить, что молодой Лушниковъ „живъ и здоровъ,“ писать ему можно черезъ III отдѣленіе, но ни адреса, ни вины сына отцу такъ и не сообщили. Въ апрѣлѣ 1834 г. Николай I приказалъ облегчить участь Лушникова и отправить его въ Ревельскую арестантскую роту. Переписка отца съ нимъ кое-какъ наладилась. Въ серединѣ 1836 года оренбургскій генералъ-губернаторъ, по просьбѣ служившаго у него отца Лушникова, ходатайствовалъ о переводѣ сына въ одинъ изъ линейныхъ баталіоновъ своего отдѣльнаго корпуса, но получилъ отказъ. Вмѣсто Оренбурга Лушникова перевели матросомъ въ 10-й флотскій экипажъ; въ апрѣлѣ 1837г. онъ былъ произведенъ въ унтеръ-офицеры, и только въ октябрѣ 1839-го переведенъ въ 3-й линейный оренбургскій баталіонъ. Въ мартѣ 1841 года ему дали чинъ коллежскаго регистратора съ оставленіемъ, од-

[1]) Подпрапорщикъ Кириловъ признанъ былъ слѣдственной комиссіей не принадлежащимъ къ обществу и не знавшимъ о преступныхъ его намѣреніяхъ. Почему онъ не включенъ въ докладъ—неизвѣстно.

нако, на службѣ въ Оренбургѣ. Онъ былъ опредѣленъ въ канцелярію генералъ-губернатора и въ мартѣ 1847 года получилъ отставку по болѣзни... Но двадцать лѣтъ наказанія не вполнѣ удовлетворили правительство. За Лушниковымъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ и воспрещенъ выѣздъ изъ предѣловъ губерніи. Только по манифесту 26 августа 1856 года онъ былъ освобожденъ отъ надзора и получилъ право повсемѣстнаго жительства.

Не успѣлъ Василій Критскій пріѣхать въ Соловецкій монастырь, какъ сообразили, что надо исправить ошибку государя и не помѣщать братьевъ въ одномъ мѣстѣ. Василія сейчасъ же увезли въ Шлиссельбургскую крѣпость, на мѣсто Попова, посланнаго на смѣну его въ Соловки. Мать Критскихъ, по второму мужу Григорьева, неотступно просила московскаго жандарма, генерала Волкова, сказать ей, гдѣ ея сыновья. Волковъ запросилъ Бенкендорфа. Послѣдній поручилъ отвѣтъ своему помощнику, Мордвинову, а этотъ не справившись хорошенько, сообщилъ, что двое младшихъ въ Соловкахъ, а Петръ въ Нейшлотѣ... Переписка была разрѣшена, какъ и Лушникову, черезъ III отдѣленіе. 21 мая 1831 года Василій Критскій умеръ въ шлиссельбургскомъ казематѣ „отъ изнурительной лихорадки,“ а въ октябрѣ несчастная мать, ничего не подозрѣвая, подала прошеніе о прощеніи своихъ сыновей. Николай написалъ: „Оставить безъ послѣдствій...“ Черезъ два года она снова проситъ, Николай I снова отказываетъ. Смерть Василія все еще скрывалась. Даже Бенкендорфъ узналъ о ней лишь черезъ четыре года и только въ январѣ 1836-го освѣдомилъ объ этомъ мать...

Петръ Критскій въ апрѣлѣ 1834 года былъ переведенъ въ Свеаборгскую арестантскую роту съ приказаніемъ перевести его потомъ въ полевой полкъ, если того „по поведенію заслуживать будетъ.“ Въ это время Михаилъ былъ переведенъ рядовымъ въ Мингрелію, въ 5-й черноморскій баталіонъ, а затѣмъ и Петръ—въ 5-й финляндскій линейный баталіонъ. Переводъ Михаила изъ Соловокъ произошелъ благодаря совершенно случайной ревизіи этой „святой обители“ жандармскимъ подполковникомъ Озерецковскимъ, вызванной безпорядками въ ея „благочестивыхъ“ стѣнахъ. Критскаго настоятель монастыря аттестовалъ „живущимъ во все время смирно.“

Михаилъ вскорѣ былъ убитъ въ сраженіи съ лезгинцами, о чемъ мать узнала только черезъ годъ. Петръ въ сентябрѣ 1839 года произведенъ въ унтеръ-офицеры. Въ серединѣ 1841 года Григорьева въ третій разъ проситъ о прощеніи уже послѣдняго своего сына, но Николай I рѣшаетъ иначе: „Перевесть въ 6-й корпусъ.“ И только въ слѣдующемъ году, по четвертой просьбѣ восьмидесятилѣтней старухи, Петра уволили въ отставку и возвратили ему чинъ коллежскаго регистратора. Въ столицы, однако, онъ въѣзжать не могъ. Въ іюлѣ 1855 года, въ виду коронаціи, Критскій просилъ разрѣшить ему жить въ Москвѣ, такъ какъ иначе безъ помощи спеціалистовъ рисковалъ остаться слѣпымъ. Разрѣшеніе было дано.

Въ 1832 году мать братьевъ Тюриныхъ обратилась къ Бенкендорфу съ просьбой исходатайствовать имъ прощеніе. На запросъ вятскаго губернатора о Николаѣ получился отвѣтъ, что опредѣленный сначала въ губернское правленіе, а затѣмъ... квартальнымъ надзирателемъ въ самой Вяткѣ, онъ вполнѣ заслуживаетъ милости. Въ октябрѣ государь положилъ резолюцію: „Согласенъ“ и, сообразно просьбѣ самого Николая Тюрина, его перевели въ московскій военно-рабочій баталіонъ. О Даніилѣ, какъ видимъ, у правительства не было и рѣчи. Онъ обреченъ былъ на долгое крѣпостное заключеніе. Въ декабрѣ 1838 г. ужъ шлиссельбургскій комендантъ, ген.-лейт. Заборинскій I, самъ просилъ Бенкендорфа о прощеніи „приносящаго раскаяніе въ сдѣланномъ имъ въ молодыхъ лѣтахъ поступкѣ“ Даніила. Бенкендорфъ спросилъ Заборинскаго, не желаетъ ли Тюринъ поступить рядовымъ въ отдѣльный кавказскій корпусъ? Тюринъ не выразилъ на это согласія, благодаря слабому здоровью. Но на это не обратили вниманія, и въ началѣ 1839 г. онъ былъ переведенъ туда рядовымъ.

Прошло еще два года. Онъ оказалъ подвиги храбрости въ сраженіяхъ, гдѣ погибъ одинъ изъ Критскихъ, а прощенія все не было. Сестра его, Вѣра, просила государя о милости, но тщетно.

Только послѣ второго прошенія Тюриной на имя Бенкендорфа, въ декабрѣ 1840 г. ей было сообщено, что Даніилъ живъ, но не сказано, гдѣ онъ. Въ 1843 г. онъ былъ уволенъ въ отставку и отправленъ на житье въ Коломну подъ надзоръ, гдѣ впервые и увидѣлся съ пріѣхавшей туда сестрой. Въ 1855 году Тюринъ переѣхалъ въ Одессу, поступивъ въ попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ юж. края Россіи. 26 августа 1856 г. коронаціоннымъ манифестомъ объ амнистіи онъ былъ освобожденъ отъ надзора.

Поповъ до 1835 г. прожилъ въ душномъ, смрадномъ, сыромъ и холодномъ казематѣ Соловецкаго монастыря. Произошло это, какъ я уже говорилъ, по представленію Озерецковскаго. Въ вѣдомости объ узникахъ, поданной Озерецковскому настоятелемъ тюремнаго монастыря, Поповъ аттестуется, какъ „иногда оказывающій грубости, во нравѣ вздорный.“ Поповъ былъ переведенъ рядовымъ въ Мингрелію. Что съ нимъ было послѣ, изъ дѣла не видно.

Таманскій, какъ самый молодой послѣ Николая Тюрина, оказался особенно счастливымъ: пермскій губернаторъ прислалъ прекрасную аттестацію его за три года, и въ январѣ 1832 г. онъ былъ прощенъ совершенно.

Въ одинъ день съ нимъ получилъ прощеніе и Салтановъ. Въ мартѣ 1830 г. мать его, вдова, просила государя о прощеніи единственнаго своего кормильца. Запрошенный по этому поводу оренбургскій генералъ-губернаторъ, гр. Сухтеленъ, отвѣчалъ, что еще предшественникъ его опредѣлилъ Салтанова въ оренбургскій уѣздный судъ, а затѣмъ за усердную службу перевелъ въ свою канцелярію. Прошеніе матери полагалъ бы удовлетворить. Но Салтановъ самъ не

вполнѣ воспользовался прощеніемъ: онъ добровольно остался на служ бѣ при гр. Сухтеленѣ, съѣздивъ ненадолго къ матери въ Москву.

Что сталось съ Роговымъ, и куда онъ былъ отправленъ въ 182[illegible] году—изъ дѣла не видно.

Гонбурцевъ, Тимофѣевъ и Носовъ, пріѣхавъ въ Рязанскую губер нію, не могли найти себѣ службы, потому что ихъ формуляры был испорчены записью Высочайшей кары. Тогда они обратились съ просьбой къ Волкову, чтобъ тотъ помогъ имъ опредѣлиться хоть куда нибудь. Волковъ написалъ Бенкендорфу—и мѣстному начальству было внушено, что всѣ трое не лишены права на продолженіе государственной службы.

Относительно Пашкова ничего неизвѣстно.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Книгоиздательство В. М. САБЛИНА.

МОСКВА,

Петровка, д. Обидиной (ходъ съ Крапивенскаго пер.).

Телефонъ 131-34.

I отдѣлъ.

Политическая библіотека.

В. Вильсонъ. Государство. Прошлое и настоящее конституціонныхъ учрежденій. М. 1906 г. Цѣна 3 р. 75 к.

Предисловіе Максима Ковалевскаго. Переводъ подъ редакціей А. С. Ященко, съ приложеніемъ текста конституціонныхъ актовъ.

Ольстонъ. Краткій очеркъ современныхъ конституцій, съ приложеніемъ очерка конституціи Англіи. М. 1905 г. Ц. 15 к.

Георгъ Мейеръ. Избирательное право, въ 2-хъ част. Историческая и общая части. Съ предисловіемъ Георга Іеллинека. М. 1905 г. Цѣна 3 руб.

Собраніе конституцій. 19 конституціонныхъ актовъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 25 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ I. Конституціи Франціи, Германіи, Пруссіи, Швейцаріи. Декларація правъ. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ II. Конституціи Австро-Венгерской имперіи, Австріи, Венгріи и Соединенныхъ Штатовъ. М. 1905 г. Цѣна 30 коп.

Собраніе конституцій. Выпускъ III. Конституціи Швеціи, Норвегіи. Актъ Уніи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ IV. Конституціи Болгаріи, Греціи, Румыніи и Сербіи. М. 1905 г. Цѣна 30 к.

Собраніе конституцій. Выпускъ V. Конституціи Австраліи, Японіи и Бельгіи. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Г. Брандесъ. Великій человѣкъ. (Начало и цѣль цивилизаціи). Лекція, читанная въ Высшей Русской школѣ въ Парижѣ. Переводъ Н. Эфроса. М. 1905 г. Цѣна 40 к.

Тардъ. Отрывки изъ исторіи будущаго. Переводъ Н. Н. Полянскаго. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Г. Іеллинекъ. Право меньшинства. Докладъ, читанный въ юридическомъ Обществѣ въ Вѣнѣ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 20 к.

А. А. Титовъ. Изъ воспоминаній о студенческомъ движеніи. Москва въ 1901 г. М. 1906 г. Цѣна 30 к.

Декабристы и тайныя общества въ Россіи въ началѣ XIX вѣка. Слѣдствіе. Судъ. Приговоръ. Амнистія. Оффиціальные документы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

М. Ковалевскій. Ученіе о личныхъ правахъ. М. 1906 г. Изданіе 2-е. Цѣна 40 к.

Н. Полянскій. Свобода стачекъ. Исторія завоеванія коалиціонной свободы во Франціи. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Мильо. Тактика соціализма въ рѣшеніяхъ международныхъ конгрессовъ. М. 1906 г. Цѣна 75 к.

Рѣчь Робеспьера о свободѣ печати, произнесенная въ якобинскомъ клубѣ 11 мая 1807 г. и повторенная въ Національномъ Собраніи 2 августа того же года. М. 1906 г. Цѣна 10 к.

А. И. Герценъ. Къ развитію революціонныхъ идей въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 50 к.

Бебель. Женщина и соціализмъ. Полный переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 193-хъ. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Процессъ 50-ти. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Симагинъ. Отвѣтственность министровъ. М. 1906 г. Цѣна 10 коп.

Хроника соціалистическаго движенія. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Тунъ. Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи. М. 1906 г. Цѣна 35 к.

Ольшевскій. Бюрократія. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Науманъ. Демократія и императорская власть. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

К. Диль. Соціализмъ, коммунизмъ и анархизмъ. Полный переводъ съ нѣм. изд. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

Рѣчи и біографіи участниковъ процесса 193-хъ и 50-ти. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Дамашке. Земельная реформа. М. 1907 г. Цѣна 75 к.

П. Луи. Рабочій и государство. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Орландо. Принципы конституціоннаго права. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

И. И. Поповъ. Дума народныхъ надеждъ. М. 1907 г. Ц. 85 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Викторъ Обнинскій. Лѣтопись русской революціи. Выпускъ 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Петрашевцы. Процессы Николаевской эпохи. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Декабристы. Процессы Николаевской эпохи. М.1907. Ц. 1 р. 25 к.

М. Штирнеръ. Единственный и его достояніе. М. 1907 г. Цѣна 75 коп.

А. А. Лопухинъ (бывш. директоръ департамента полиціи). Изъ итоговъ служебнаго опыта. М. 1907 г. Цѣна 50 к.

II отдѣлъ.

Научная библіотека.

Д-ръ Котикъ. Эманація психо-физической энергіи. М. 1907 г. Цѣна 60 к.

А. Риги. Современная теорія физическихъ явленій (радіоактивность, іоны, электроны). М. 1906 г. Цѣна 80 к.

Э. Жаваль. Среди слѣпыхъ. Практическіе совѣты для лицъ, потерявшихъ зрѣніе. Переводъ Г. Г. Оршанскаго. М. 1905 г. Цѣна 60 к

В. Оствальдъ. Школа химіи. Первая часть, переводъ Евг. Раковскаго. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

В. Оствальдъ. Школа химіи. Вторая часть. М. 1905 г. Ц. 1 р.

Сельско-хозяйственный анализъ. Составили: пр. Сельско-хозяйственнаго Института Демьяновъ, ассистенты Виноградовъ и Егоровъ. М. 1907 г. Цѣна 2 руб.

III отдѣлъ.

Библіотека художественной литературы.

Князь С. Д. Урусовъ. Записки губернатора. М. 1907 г. 1 р. 50 к.

Н. А. Морозовъ. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. 2-ое изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 1-ый. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

А. Н. Радищевъ. Полное собраніе сочиненій, т. 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 2 р. 50 к.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи (Итоги художественной литературы въ XIX вѣкѣ). 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Д. Овсянико-Куликовскій. Исторія русской интеллигенціи. Часть вторая. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Проф. Люблинскій. Итоги современнаго искусства и литературы. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ I, съ портретомъ автора и критической статьей Г. Брандеса. М. 1906 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Сказка, драма. — Смерть, новелла. — Мгновенія жизни, драма.—Литература, комедія.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изд. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Завѣщаніе, драма.—Поручикъ Густель, новелла.—Анатоль, діалоги. — Роковой вопросъ. Рождественскій подарокъ. Эпизодъ. Сувениръ. Прощальный ужинъ. Агонія. Утро Анатоля передъ свадьбой. Жена философа. Послѣднее свиданіе. Бенефисъ. Цвѣты. Мертвые молчатъ.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. III. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Трилогія: Парацельсъ. Подруга. Зеленый попугай.—Покрывало Беатриче.—Одинокой тропой.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Берта Гарланъ. Храбрый Касьянъ. Канунъ Новаго года. Общая добыча.

Артуръ Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. V. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Забава, драма.—Интермеццо, драма.—Разсказы.

Артуръ Шницлеръ. Забава, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1899 г. Цѣна 50 к.

Артуръ Шницлеръ. Общая добыча (Пощечина), драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, переводъ Н. Е. Эфроса. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. I. Драмы, съ портретомъ и предисловіемъ автора. 2-е изданіе. М. 1907 г. Ц. 1 р.

Содержаніе: Принцесса Маленъ. Вторженіе смерти. Аглавена и Селизета. Слѣпые. Аріана и Синяя Борода. Intérieur.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Драмы: Пеллеасъ и Мелизанда. Смерть Тентажиля. Алладина и Паломидъ. Семь принцессъ. Сестра Беатриса. Монна Ванна. Жуазель.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Сокровище смиренныхъ. Мудрость и Судьба.

Морисъ Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сокровенный храмъ. Правосудіе. Эволюція тайны. Царство матеріи. Прошлое. Счастье. Будущее. Жизнь пчелъ.

Морисъ Метерлинкъ. Слѣпые, драма. Переводъ В. М. Саблина. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. М. 1905 г. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Вторженіе, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 75 к.

Морисъ Метерлинкъ. Внутри, драма. Переводъ В. М. Саблина. М. 1905 г. Рисунки и заставки В. Я. Суреньянцъ. Цѣна 50 к.

Морисъ Метерлинкъ. Двѣнадцать пѣсенъ. Переводъ Г. Чулкова. Обложка, рисунки, заставки работы Дудлэ. Нумерованные экземпляры 5 р., ненумерованные—3 р.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Съ предисловіемъ автора и его портретомъ. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Поэмы (Аметисты. Въ долинѣ слезъ. Въ часъ чуда. Городъ смерти. Introibo. Рапсодія 1. Epipsychidion. Рапсодія 2. Свѣтлыя ночи. Рапсодія 3. У моря). Cupio Dissolvi.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, томъ II. Съ предисловіемъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сыны земли (Малярія. Сумерки. Ultima Thule).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. III. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Homo Sapiens.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. IV. Съ критической статьей автора „О драмѣ и сценѣ". М. 1905 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Драмы (Пляска любви и смерти. Золотое руно. Счастье. Мать. Гости. Снѣгъ).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. V. Съ портретомъ автора. М. 1905 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Содержаніе: Критика (Къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше. Ола Ганссонъ. Путями души. Вступленіе. Афоризмы и Прелюдіи. Эдвардъ Мунхъ. Густавъ Вигеландъ. Шопенъ. Пламенный. Памяти Юлія Словацкаго. Съ Куявскихъ полей).

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VI. М. 1906 г. Цѣна 2 р.

Содержаніе: Дѣти сатаны. De profundis.

Ст. Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Заупокойная месса. Стихотворенія въ прозѣ. Вѣчная сказка.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. Повѣсти и разсказы. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Рабы любви. Сынъ солнца. Закхей. По ту сторону океана. Отъявленный плутъ. Отецъ и сынъ. Царина Савская. Дама изъ Тиволи. Тайное горе. Кольцо. На улицѣ. Енъ Тру. Почтовая лошадь. Рождественская пирушка. Сочельникъ въ горной хижинѣ. Шкиперъ Рейерсенъ. На отмели близъ Нью-Фаундленда. Парижскіе этюды.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. М. 1905 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Редакторъ Линге, романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. Повѣсти и разсказы. 2-ое изд. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голосъ жизни. Маленькія приключенія: (1. Страхъ смерти. 2. Уличная революція. 3. Въ преріи. 4. Привидѣніе. 5. Гастроль). Завоеватель. Викторія.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ IV. Повѣсти и разсказы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Голодъ. У царскихъ вратъ,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ V. Повѣсти и разсказы. М. 1906 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Панъ,—романъ. Вечерняя заря,—драма въ 4-хъ д.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, томъ VI. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: Въ сказочной странѣ—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій, т. VII. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе. Новь—романъ.

Кнутъ Гамсунъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ VIII. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Фантазеръ. Въ странѣ полумѣсяца.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ I. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки и разсказы.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ II. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна въ переплетѣ 2 р., безъ переплета—1 р. 50 к.

Содержаніе: Портретъ Доріана Грея, романъ.

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, томъ III. М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: Сказки. Стихотворенія въ прозѣ. Саломея. De profundis (тюрьма).

Оскаръ Уайльдъ. Полное собраніе сочиненій, т. IV. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Содержаніе: О соціализмѣ. Герцогиня Падуанская. Вѣеръ леди Уайндермеръ.

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія, переводъ съ польскаго В. Тучапской. 2-е изданіе. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Содержаніе: **Отрывки.** Гимнъ Аполлону. Тріумфъ. Двойная смерть. Заколдованная княжна. Карьера попугая. Гробы. Дождь. Недоразумѣніе. Гордость. Изъ афоризмовъ. Ледяная вершина. Монархъ. Кукла. Изъ воспоминаній художника. Къ небу. **Стихотворенія въ прозѣ.** Воспоминаніе. Судъ. Тѣнь. Любовь. Роза.

На Везувіѣ. Черный мотылекъ. Надъ потокомъ. Счастье. Журавли. Ель. Къ женщинѣ. Тяжелое будущее. Къ смерти. За стеклянной стѣной. Одна изъ сказокъ. **Бездна.**

Казимиръ Тетмайеръ. Сочиненія. Переводъ А. Торскаго. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Революція—драма.

О. Мирбо. Собраніе сочиненій, т. 2-ой. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Садъ пытокъ—романъ.

Анатоль Франсъ. Полное собраніе сочиненій. Томъ 2-й. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Таисъ, Кліо.

Германъ Зудерманъ. Да здравствуетъ жизнь! — Драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ, съ разрѣшенія автора, В. М. Саблина. 2-е изд. М. 1902 г. Цѣна 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Эльга, переводъ В. М. Саблина. Ц. 75 к.

Гергартъ Гауптманъ. Красный пѣтухъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 60 к.

Максъ Гальбе. Потокъ, драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ, литографированное изданіе для театровъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Генрикъ Ибсенъ. Женщина съ моря, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Переводъ В. М. Саблина. М. 1901 г. Цѣна 40 к.

Э. Лабишъ и Делакуръ. Копилка, комедія - шутка въ 5-ти дѣйствіяхъ, переводъ В. М. Саблина. М. 1902 г. Цѣна 40 к.

Роде. Гауптманъ и Ницше. Критическій очеркъ. М. 1903 г. Ц. 40 к.

Поль Эрвье. Пессимизмъ и современный театръ. Критическій очеркъ. М. 1902 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Фактъ и возможность. Этюдъ о М. Горькомъ, съ портретомъ М. Горькаго. М. 1904 г. Цѣна 30 к.

Треплевъ. Молодое сознаніе, этюдъ о Вл. Г. Короленко, съ портретомъ В. Г. Короленко. М. 1904 г. Цѣна 40 к.

Треплевъ. Три этюда. М. 1904 г. Цѣна 50 к.

Содержаніе: Радость земли. Механизмъ. Бѣгство отъ земли.

Георгій Чулковъ. Кремнистый путь, стихотворенія и поэмы. М. 1904 г. Цѣна 1 р.

С. Выспянскій. Варшавянка,— драма. Переводъ В. А. Высоцкаго. М. 1906 г. Цѣна 40 к.

Э. Кей. Вѣкъ ребенка. Первый полный переводъ Е. К.—М. 1906 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Э. Кей. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 р.

Э. Кей. Любовь и бракъ. М. 1907 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Танъ. Мужики въ Государственной Думѣ. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. На трактѣ,—повѣсть. М. 1907 г. Цѣна 10 к.

Танъ. Красное и черное. Очерки. М. 1907 г. Цѣна 1 руб.

Содержаніе: Опять на родинѣ. Христосъ на землѣ, фантазія. Сонъ тайнаго совѣтника. На тракту, очерки изъ жизни петербургскихъ рабочихъ. Дни свободы, повѣсть изъ московскихъ событій. По губерніи безпокойной. Крестьянскій союзъ. Первый крестьянскій съѣздъ въ Москвѣ. Совѣщаніе въ Гельсингфорсѣ. Мужики въ Думѣ. Долго ли? Легенда о счастливомъ островѣ.

Берентъ. Гнилушки,—романъ. М. 1907 г. Цѣна 2 р.

Печатаются и скоро поступятъ въ продажу:

Ригеръ-Налковская. Женщины.
Пшибышевскій. Полное собраніе сочиненій, т. VIII.
Лагерлефъ. Собраніе сочиненій.
Н. А. Морозовъ. Воспоминанія.
А. Шницлеръ. Полное собраніе сочиненій, т. VI.
М. Метерлинкъ. Полное собраніе сочиненій, т. V.
Сизеранъ. Англійская живопись.
С. Лагерлефъ. Разсказы и легенды.

IV ОТДѢЛЪ.

Дѣтскія книги.

Бр. Гримъ. Сказки и легенды въ переводѣ А. Федорова-Давыдова. 2-ое изданіе Уч. К. М. Н. П. **одобрено** въ средн. и низш. уч. зав. Т.т. 1-ый и 2-ой. Цѣна за два тома 3 руб., въ коленкор. пер. 4 руб.

Японскія сказки. Переводъ В. Ф. Коршъ. М. 1906 г. Ц. 40 к.

Печатаются и скоро поступятъ въ продажу:

Г. Хр. Андерсенъ. Сказки. 3 тома.
Э. Сетонъ-Томпсонъ. Бинго и другіе разсказы.
Э. Сетонъ-Томпсонъ. Животные герои.
Э. Сетонъ-Томпсонъ. По слѣдамъ оленя.
Лонгъ. Маленькій медвѣдь.
Перри-Робинзонъ. Автобіографія медвѣдя.
Р. Киплингъ. Вотъ такъ сказки!
Р. Киплингъ. Джунгли, 2 тома.
Г. Кеннеди. Сказки Новаго свѣта.
Макманусъ. Ирландскія сказки.
Волховской. Дюжина сказокъ.
О. Уайльдъ. Сказки.
С. Лагерлефъ. Легенды о Христѣ.
Н. Готорнъ. Книга чудесъ.
Гау. Маленькій искатель приключеній.